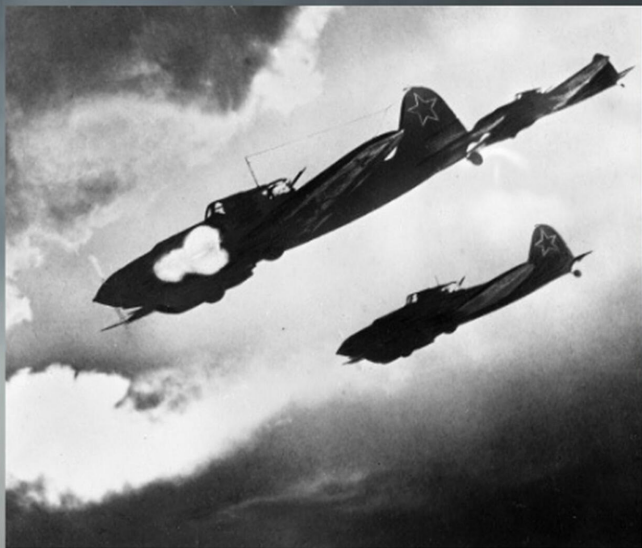

Денис Махалов

Штрафбат для Ангела-Хранителя

Часть первая

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Денис Махалов

Штрафбат для Ангела-Хранителя. Часть первая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68877357
SelfPub; 2023*

Аннотация

Поздняя осень 1943-го. Андрей – боевой лётчик, пилот штурмовика Ил-2, Агния – его личный Ангел-Хранитель, которого в наказание «за халатное отношение к своим обязанностям» временно отправили на землю. Срок – месяц, боевая задача – восемь раз отвести неминуемую смерть от своего подопечного. В активе Ангела только один весомый плюс: способность оставаться живым даже при самых тяжёлых и смертельных для обычного человека ранениях. Отрицательных моментов гораздо больше: ничего того, что требуется на войне, девушка толком не знает, и не умеет. Отбывая свой срок на земле, она лишается самого главного инструмента Ангела-хранителя: возможности заглядывать в будущее, и корректировать линию жизни своего подопечного. В экстренном порядке приходится осваивать иные умения...

Содержание

Глава 2. Ангел во плоти.	25
Глава 4. Аэродром.	69
Глава 5. Пойдёшь ко мне ведомым?	87
Глава 7. Безлошадный.	111
Глава 8. Схватка на дороге.	128
Глава 9. На гауптвахте.	145
Глава 10. Одних только дырок за сотню...	164
Глава 11. Втроём в одной хате.	176
Глава 13. Здоров ты петли крутить, чертяка!	190
Глава 14. Огненная мясорубка.	212
Глава 15. Стрелок, твою мать...	233
Глава 16. Болото.	254
Глава 17. Баня.	262
Глава 18. В лазарете.	274
Глава 19. Медицина этого не допускает.	285
Глава 20. Снова в строю.	297
Глава 21. Ворошиловский стрелок.	305
Глава 22. Тяжело в учении – легко в бою.	320
Глава 23. Летающая крепость.	334
Глава 24. Американский бронезилет.	347
Глава 25. НЗ по-американски.	353
Глава 26. Шахматы.	365
Глава 27. Два литра крови.	374

Глава 28. Ангел открывает счёт.	382
Глава 30. Добить переправу!	409
Глава 31. Снайпер.	420
Глава 32. Исцеление.	429
Глава 34	465
Глава 35. Бой над аэродромом.	497
Глава 36. Не бойся, я с тобой!	502

Денис Махалов

Штрафбат для Ангела-Хранителя (Часть первая)

Глава 1. Встреча на дороге.

....Наступление 1-го Украинского фронта началось 1 ноября с букринского плацдарма. Бои сразу же приняли ожесточённый характер. Враг оказывал упорное сопротивление и неоднократно переходил в контратаки. Несмотря на незначительный территориальный успех, наступление южнее Киева сыграло свою роль. Противник был не только скован, но и вынужден ввести в бой резервы. Три танковые и моторизованную дивизии немецко-фашистское командование не смогло перебросить на север, где решался исход сражения за Киев.

Большую помощь наступавшим войскам оказывала 2-я воздушная армия. 3 ноября с 10 часов 20 минут, как только улучшилась погода, авиация фронта начала активные боевые действия. В первый день операции она произвела 1150 самолёто-вылетов.

Ставка потребовала не позднее 5 ноября перерезать железную дорогу Киев-Коростень и не позднее 5-6 ноября овладеть Киевом.

Командующий фронтом с целью усиления удара в тече-

нии 4-5 ноября ввел в сражение 3-ю гвардейскую танковую армию, 1-й гвардейский кавалерийский корпус, вторые эшелоны и резервы общевойсковых армий.

Ввод в сражение новых сил позволил полностью прорвать тактическую зону обороны противника. В ночь на 5 ноября войска фронта устремились на юг.

Почувствовав угрозу окружения, немецко-фашистское командование начало отвод своих соединений в юго-западном направлении. Одновременно оно срочно перебрасывало войска из района букринского плацдарма в район Киева. Только теперь фашистское командование окончательно пришло к выводу, что главный удар советские войска наносят на Киевском направлении.

Советские войска неожиданными ночными действиями и стремительным выходом танков на коммуникации западнее и юго-западнее Киева сломили оборону захватчиков и, сея в их рядах панику, устремились к центру города. В 0 часов 30 минут 6 ноября над столицей Украины Киевом взвилось Красное знамя.

История Второй Мировой войны 1939-1945, том седьмой, стр.258

По раздолбанной, осенней прифронтовой дороге неспешно ехала полуторка¹. В её кузове, удобно устроившись на

¹ полуторка – ГАЗ-АА, небольшой советский грузовик, грузоподъёмностью 1,5

каких-то брезентовых чехлах, полулежал лейтенант Андрей Чудилин. Был он молод, высок, и широк в плечах. Шинель его была растёгнута на две верхние пуговицы. Время от времени машина подпрыгивала на ухабах, и тогда на его груди тихонько побрякивали две награды: орден Красной Звезды, и медаль «За оборону Ленинграда». На правой стороне груди, чуть выше ордена Красной Звезды, виднелись нашивки за два ранения: красная – за лёгкое, и золотистая – за тяжёлое. Ехал он уже целых полчаса и разные думы одолевали его голову, глаза рассеянно рассматривали проплывающий мимо пейзаж, а тем временем на него нахлынули воспоминания...

Вспомнилось лето 41-го, воскресенье, 22 июня, как стояли всем цехом на заводском дворе родного Кировского завода под репродуктором, как потом хмуро расходились, негромко переговариваясь, вспомнил себя в очереди в военкомате и ответ военкома: «чего пришёл, иди работай – у тебя бронь».

Как потом, уже во второй приход в военкомат, махал перед носом у военкома дипломом об окончании Ленинградского Осовиахимовского аэроклуба (который с началом войны стал рем. базой 13-й воздушной армии) и своим заявлением с просьбой отправить его в лётную школу. Потом были несколько месяцев обучения в лётной школе, затем лётное училище, выпуск, запасной полк, отправка на Ленин-

Вспомнил свой первый боевой вылет, своего первого сбитого фрица (Юнкерс-88) – это было в его восьмом боевом вылете. Потом были ещё трое сбитых фашистов – опять Юнкерс, только уже 87-й², «лаптёжник», и два мессера. С теми двумя пришлось рубиться насмерть – бой длился минут 20, немцы попались упорные и настырные. Но зубы крепче оказались у пилота РККА младшего (тогда ещё) лейтенанта Чудилина. Зная о значительном преимуществе мессершмитта

² Юнкерс-87 (Ju-87) – немецкий одномоторный пикирующий бомбардировщик с неубирающимися шасси в характерного вида обтекателях, за что и получил прозвище «лаптёжник». Юнкерс-88 – немецкий двухмоторный бомбардировщик. «Мессер» – немецкий истребитель Bf.109.

в скорости и вертикальном маневре, он не принял бой на навязываемых ему условиях, где он на своём «Ишаке»³ заметно проигрывал, но зато он смог затянуть немцев в бой на виражах, что в конечном итоге, и привело его к победе. Расстреляв в бою с ними почти весь боекомплект, и выработав почти всё топливо, он в результате 15-минутной изнурительной карусели, в которую смог затащить немцев, он всё-таки завалил обоих. Возвращался на остатках топлива, последние километры до своего аэродрома тянул «на соплях», садился уже с сухими баками – движок, дососав последние капли бензина, заглох на пробеге.

Самого же его сбили в тринадцатом вылете, который длился всего полминуты – сбили на взлёте, ещё не успел набрать ни скорости, ни высоты. А куда денешься? Свалились сверху, одна очередь, и всё, привет, пошёл считать сосны на окраине лётного поля. Даже шасси убрать не успел (а попробуй успеи – вручную 45 оборотов лебёдкой!). Обрубило движок, зацепился неубранными шасси за кроны деревьев, с треском проломив ветки, камнем плюхнулся в снег, и как назло, кверху пузом. Потом долго, минут десять лежал в отключке. Помощь в виде нескольких солдат с носилками добралась до него только через полчаса: снег глубокий, да и не до него всем было во время боя – немцы штурмовали аэродром. А до их прихода, очнувшись, и срывая ногти с обожжённых пальцев, он с остервенением выкарабкивался из-

³ «Ишак» – советский истребитель И-16 начального периода войны.

под медленно разгоравшегося опрокинувшегося «ишачка», и, не чувствуя боли, ломая спиной придавивший его фанерный борт.

Носилки, сан. часть, госпиталь, диагноз – перелом позвоночника. Компрессионный. Что это такое, он не знал, но было понятно – всё хреново. Там же в госпитале, получил письмо от соседки, в котором она написала, что его Марина погибла во время эвакуации из Ленинграда – ещё осенью, до того, как Ладогу сковало льдом, на баржу, на которой везли из блокадного города эвакуированных, в том числе и её с Мариной, налетела немецкая авиация. Утопить не утопили, но половину людей, находившихся на барже, перестреляли из пулемётов. В их числе погибла и Марина.

Потом, ещё когда он был в госпитале, он встретил там своего соседа, дядю Ваню, который и поведал ему, что его родители умерли от голода ещё в январе.

Вспомнилось, как после этого он ругался с лечащим врачом, доказывая ему, что он должен снова летать, как, пытаюсь доказать, что он полностью здоров, делал стойку на руках, отжимался и даже в отчаянии пытался танцевать вприсядку. Разрешили. Но только на вспомогательной авиации.

Потом долго возил в тылу всякую всячину на старом, уштанном Р-5⁴, пока (вследствии неоднократных рапортов), не был направлен на Ленинградский фронт, где ему дали такой же, но ещё более старый Р-5, и он стал совершать челноч-

⁴ Р-5 – тихоходный советский биплан 30-х годов, устаревший к началу войны.

ные рейсы над дорогой жизни, перевозя в осаждённый город продукты питания. А обратно вывозя по несколько человек – двоих сажали в заднюю кабину, и ещё четверых укладывали в фанерные ящики на крыле, в так называемые кассеты Бакшаева⁵.

И всё это время он искал того самого немца... конечно,

⁵ Кассеты Бакшаева – лёгкие обтекаемые капсулы из деревянного каркаса, обтянутого авиapolотном, формой напоминающие кабачок или толстый огурец. Иногда их называли «люльками». Устанавливались на крыле самолёта, и использовались для транспортировки различных грузов, в том числе и людей в лежачем положении.

это было крайне маловероятно, что он его встретит, и ещё менее вероятно было, что он как-то сможет ему отомстить. Но почему-то он тешил себя этой надеждой, которую подогревала горечь утраты любимой девушки и погибших родителей.

Встреча эта произошла в декабре 42-го, во время его очередного рейса в осаждённый Ленинград. Пара мессеров появилась, как всегда, внезапно. Увидев их, он поддал газу, и пошёл вниз, прижимаясь к поверхности льда, и они тоже поддали, стремясь нагнать его как можно быстрее – это было видно по дымным хвостам форсированного выхлопа, потянувшимися за истребителями. Выждав, пока они выйдут на дистанцию открытия огня, он заложил резкий вираж вправо со снижением, и нырнул под них. Вся бипланная коробка жалобно заскрипела, но это возымело действие – ведущий немец, стрельнув чисто «на всякий случай», естественно, промазал, и они на скорости проскочили дальше.

Сделав пологий вираж и сбросив скорость, пара опять зашла на него. Опять вираж, опять скрип крыльев и жалобный стон проволочных растяжек. Стрельнули, но в этот раз зацепили – на крыле затрепыхался порванный в лоскуты перкаль⁶. «Учатся, суки» – мелькнула мысль, и деться, главное, некуда! Как кошка с мышкой играют! Опять заходят по широкой дуге, примеряясь, как бы клюнуть половчее. Заложив

⁶ Перкаль – высококачественное тонкое полотно, применявшееся для обтяжки поверхностей самолётов в первой половине 20-го века. Пропитывался лаком.

третий крутой вираж, развернулся к ним носом и пошёл под косым углом к их курсу, дав правую ногу почти до предела, скольжением сбивая им прицел. Когда ведущий мессер, немного повихлявшись, вдруг замер («выцеливает гад, сейчас откроет огонь!»), лейтенант Чудилин отпустил правую педаль, резко перебросил ручку к правому борту, повернул прямо на немца, который уже окутался вспышками выстрелов, и всадил в него длинную очередь из единственного курсового ПВ-1⁷.

ПВ-1 – смешная пукалка в сравнении с тем, что было в распоряжении у немца, но ему, видать, хватило. Правда, Чудилин этого уже не видел – немец в него тоже попал. Вдарило так, что показалось – самолёт развалился на части. Спасла высота, вернее, её отсутствие – маневрируя на малой высоте, старенький биплан, ведомый лейтенантом, буквально чиркал законцовками нижнего крыла по льду озера. Потеряв половину верхнего крыла, и разбрасывая обломки, его старичок Р-5 с треском неуклюже хлопнулся на лёд Ладожского озера. Проехался, разваливаясь на части и вспахивая снег, ещё метров 50, и замер, дымя разбитым мотором. Грохот, треск ломающегося крыла, металлический звон лопающихся проволочных растяжек, резкий запах бензина, и... тишина.

Ударившись о приборную доску лицом, но оставшись в

⁷ ПВ-1 – авиационный вариант пулемёта Максима, но с воздушным охлаждением. Калибр – 7,62мм, 750выстр/мин. Ставился на самолёты с 1927 по 1940 год. Позже его сменил ШКАС такого же калибра. Но гораздо более скорострельный (1800 выстр/мин)

сознании, Чудилин с трудом выбрался из того, что ещё совсем недавно было самолётом. С лица капала кровь, ноги подкашивались, тошнило. Поразила тишина. Лишь потом понял – что-то с ушами. Хромая, отошёл от останков самолёта, огляделся. Метрах в пятистах лежал, чадя дымным столбом, и уткнувшись капотом в снег, севший на вынужденную мессершмитт.

Его мессер, тот самый. Почему-то это он решил сразу – другой ему просто не мог попасться. Только ЭТОТ.

Превозмогая боль в ноге, и не обращая внимания на нарастающий звон в ушах, пошёл к мессеру.

Снега было немного, сантиметров десять, и идти было бы нетрудно, если бы не нарастающая боль в ноге и дикая ломота в спине. Когда до немецкого самолёта оставалось метров 100, он вспомнил о пилоте – а вдруг он ещё жив, и поджидает меня? Хотя вряд ли, был бы жив – уже бы выскочил. Но на всякий случай расстегнул кобуру и вынул пистолет. Когда до самолёта оставалось метров 20, на мессере откинулся вбок фонарь и на крыло вылез пилот с окровавленным лицом («при аварийной посадке разбил морду о прицел, потом долго сидел в отключке» – мелькнула мысль). Лейтенант поднял пистолет и выстрелил. Промазал. Немец обернулся, схватил «Вальтер», и упал, подскользнувшись на крыле. Это спасло его от второго и третьего выстрела Чудилина. Что-то у немца не заладилось с его пистолетом – он несколько раз судорожно понажимал курок, и в остервенении отбросив пистолет в сторону, рванул в сторону от Чудилина. Лейтенант, отчаянно хромя, побежал за ним, стреляя на ходу. После восьмого выстрела затвор застыл в крайнем заднем положении – он выдернул пустой магазин⁸ и вставил второй, последний. Немец удалялся большими прыжками. «Так, спокойно. Сейчас или никогда». Лейтенант выпрямился, широко расставил ноги, взял пистолет обеими руками, и задержав дыхание, стал методично выпускать пулю за пулей

⁸ вообще-то, в обиходе, применительно к пистолетам, более привычно звучит слово «обойма», но с точки зрения оружейника, правильнее писать не «обойма», а «магазин». А посему этот термин и будет применяться далее по тексту.

в спину немцу. После восьмого выстрела фашист взмахнул руками и упал в снег.

Как дошёл до него, Чудилин не помнил, но в памяти осталось, что раненый немец, лежавший ничком на снегу, вдруг бросился на него с ножом, и как пришлось глушить его по голове рукояткой пистолета, уворачиваясь от ножа, сверкавшего прямо перед носом. Запомнилось, как схватив его за волосы, он в остервенении бил немца мордой об лёд, пока он не затих. Как потом вернулся обратно к мессеру, как нашёл у него на борту лючок аптечки, как перевязывал себе рану на ноге, как добрался потом до фашистского НЗ и, разорвав обёртку, ел копчёную немецкую колбасу, не ощущая на морозе её вкуса...

Помощь пришла через пару часов, которые он провёл у останков своего Р-5. Просто сидел, и спокойно ждал. Он был спокоен – он сделал своё дело. Он нашёл своего немца, и убил его, отомстив ему за тех, кто ему был дорог.

Потом был опять госпиталь, долгое восстановление, переучивание на штурмовика, запасной полк. Почему так получилось, что его взяли в штурмовую авиацию, он и сам не знал, похоже документы о его первой травме, по которой его и списали из истребителей, разрешив летать только на вспомогательной авиации, где-то похерились. А он никому и не напоминал. Правда, иногда мучили боли в спине. Ну, так то ж иногда! Ничего страшного. Самое главное – что опять буду летать. И на чём! На Иле! На мощном и грозном штурмо-

вике Ил-2⁹!

Вот с этими мыслями он и ехал в свой полк, в котором ему предстояло служить, ехал, сидя в грязном кузове полуторки, подложив себе под зад брезентовый чехол.

Как оно там сложится? Эх, дали бы сразу самолёт поновее, да бортстрелка хорошего! И ещё бы техника «золотые руки»! Да-а-а... размечтался, мечтатель... А вдруг старая травма даст о себе знать? Я ведь о ней никому не говорил – да и как? Ведь сразу на землю спишут!

Невесёлые такие думы его внезапно прервались, когда полуторка резко затормозила, и он услышал приглушённый работающим двигателем разговор водителя с кем-то на дороге. Разобрал лишь, что тот, с кем заговорил водитель, имел явно женский голос. Прислушался и разобрал:

– Садись, дочка, в кабину.

– Не... господин хороший, мне в кузов надо...

– Тоже мне, нашла господина! Господа все в семнадцатом

⁹ Ил-2 – основной самолёт советской штурмовой авиации. Имел бронекорпус из брони толщиной 4-12мм от носа до кабины стрелка. Экипаж 2 человека – пилот и бортовой стрелок (сокращённо – бортстрелок, или просто стрелок). Для защиты задней полусферы бортстрелок имел в распоряжении крупнокалиберный (12,7мм) пулемёт. Полётный вес Ил-2 – чуть более 6 тонн, из них около 1 тонны приходилось на броню. Боевая нагрузка – до 600кг. Бомбы, реактивные снаряды (сокращённо РС), пушки и пулемёты позволяли успешно поражать наземную технику противника: танки, орудия, укрепления, а также живую силу противника. Огромную опасность Ил-2 представляли для механизированных колонн. Пулемётно-пушечное вооружение позволяло постоять за себя при атаках истребителей противника, и представляло большую угрозу для бомбардировщиков и транспортных самолётов.

кончились! Ну, да ладно, полезай в кузов, коли так. Там молодой лейтенант едет, тебе с ним всё веселей будет, чем со старым дедом.

Над краем борта показались две маленькие девичьи ладошки, ухватились за борт, девица подтянулась, перевесилась через него в кузов и... застряла в таком положении, пыхтя и дрожа от напряжения. Толкнулась мысль: «неужели ей до сих пор не приходилось залазить в кузов грузовика? Кто ж так залазит?! Надо же ногой на колесо опереться, а не так...».

Тем не менее, лейтенант быстро нашёлся:

– Девушка, вам помочь?

– Буду вам премного благодарна, – жалобно просипела она, наполовину перевесившись в кузов и продолжая так висеть, не в силах закинуть ногу на борт.

– Это можно, – бодро сказав это, он, приподнял её за ремень на спине, одним сильным движением затянул её в кузов. Она неуклюже плюхнулась на грязный пол кузова, тихо ойкнула, и схватилась за левую коленку. В ту же секунду машина дёрнулась, трогаясь с места, девушка по инерции опрокинулась назад, раскинув руки, полы её шинели разлетелись в стороны, и лейтенант увидел, что упав в кузов, она в кровь разодрала левую коленку. Ему стало стыдно за свою неуклюжую помощь: «сейчас будет скандалить...» мелькнула мысль.

Но девушка скандалить не стала, а просто села в противоположном углу кузова, поджав ноги и закрыв разбитую

коленку шинелью. Поморщилась от боли, закусила нижнюю губку – было видно, что ей очень больно. Девушка была небольшого роста, весьма скромного телосложения. Приятный овал лица, большие и выразительные карие глаза, красиво изогнутые брови, ровный аккуратный носик, пухлые губы. Волосы, видимо длинные, были аккуратно забраны под шапку.

Чувство стыда и неловкости за собственную неуклюжесть не отпускала лейтенанта, и он смущённо отвернулся в сторону. Но смотря на проплывающий пейзаж, он всё чаще стал скашивать глаза на свою попутчицу. И чем больше он на неё смотрел, тем больше она его удивляла.

«Почему она с голыми коленками? Ведь ноябрь на дворе? Неужели не холодно? И почему вообще без вещей?». У девушки, действительно, с собой в руках ничего не было – ни вещмешка, ни сумки, вообще ничего. «Кто она? Медсестра? Связистка?» Никаких знаков различия на её шинели не было. Когда она распахнулась, из-под неё выглянула форменная юбка. На ногах были кирзовые сапоги. «Странная деваха» подумал Чудилин. Ещё больше странности добавилось, когда, ещё раз скосив на неё глаза, лейтенант в очередной раз на неё посмотрел. Она сидела напротив его, держась за борт, и широко распахнутыми глазами рассматривала окружающие её предметы так, как будто она их видела в первый раз.

Он, коренной житель Ленинграда, такой взгляд видел у

деревенских, впервые приехавших в большой город, и по-детски удивлявшихся обилию людей на улицах города, сутолоке трамваев на перекрёстках, гудкам машин, множеству магазинов и прочим вещам, которые совершенно привычны горожанину. Точно также и житель города, оказавшись в деревне, рассматривает коров, коз, кур, и – всё интересно и необычно.

Но здесь было другое – девушка смотрела широко раскрытыми глазами буквально на всё, что её окружало: грязный кузов, брезентовые чехлы, раскисшую дорогу, кустарник и чахлые берёзки по обочинам дороги. Складывалось ощущение, что она внезапно проснувшись, оказалась в совершенно непонятном для неё месте, и не совсем понимает, где она находится.

Машину тряхнуло на очередном ухабе, девушка инстинктивно схватилась второй рукой за борт; пола шинели соскользнула с её ноги, и Чудилин увидел, что левая коленка, за которую она держалась, совершенно чистая и неповреждённая. «А где же кровь?!» мелькнула мысль «ведь была же кровь!». Девушка, словно услышав его мысль, стрельнула глазами в его сторону, поймала его вопросительный взгляд, быстро натянула край юбки на обе коленки, и снова запахла шинель.

«Что за фокусы? Мне что, почудилось? Я же минуту назад своими глазами видел, как она разодрала коленку в кровь об доски кузова? Куда же всё делось?»

Его мысли прервало появление над лесом двух точек, которые довольно быстро росли и приближались. «Истребители, пара, идут с востока. Свои?»

Через пару секунд оба истребителя повернули в сторону машины и заметно клюнули вниз носами.

«Фрицы!» – понял лейтенант. Такое поведение истребителей означало только одно – что это пара немецких охотников, которые, увидев машину, тут же решили её уничтожить. Наши истребители над своей территорией так бы себя не вели – зачем им одинокий грузовик, тем более свой?

Лейтенант вскочил, и со всех сил заколотил по крыше кабины, крича водителю:

– Воздух! Стой!! Стой!!!

Но вместо того, чтобы затормозить и остановиться, водитель, наоборот, втопил педаль газа и полуторка, завывая перегруженным мотором, стала набирать скорость.

– Стой, идиот!! Остановись, сука!!! – в бессилии орал Чудилин, бешено колотя по крыше кабины.

Он, будучи лётчиком, прекрасно знал, какой лёгкой и простой добычей для истребителя является машина на дороге. Чтобы не вытворять водитель, как бы он не бросал машину из стороны в сторону – лётчик не промахнётся. Для него все эти вихляния машины – всего лишь судорожное мельтешение приговорённой жертвы в сетке прицела. Достаточно сделать лёгкое движение ручкой верх-вниз, дать чуть-чуть левую или правую педаль – и машина снова точно по центру

прицела. Истребитель машину всегда переиграет. Атака производится в пологом пикировании. Огонь открывается с дистанции 500...600 метров и ведётся до дистанции 150...200 метров. Затем вывод из пикирования. И всё. Как в тире. Результат – 100%, спасения нет. Вариант только один – вовремя увидев самолёт, затормозить, выскочить из машины и постараться отбежать подальше – авось не зацепит. И молиться о том, чтобы лётчику было лень делать повторный заход для того, чтобы добить тех, кто успел разбежаться по обочинам.

На что надеялся водитель? Что успеет до недалёкого перелеска? Не успеет – лейтенант это знал на 100%; он в отчаянии обернулся назад – истребителям до машины оставалось метров 800...900. «сейчас откроют огонь – надо прыгать...». Но как? Скорость уже под 50, да и девчонка эта ещё в придачу....

Ловко вывернувшись на середину прыгающего кузова, он рванулся к ней с намерением ухватить её за ремень и перевалиться с ней через борт. И тут в этот момент машину жестоко тряхнуло на очередном ухабе. Лейтенанта с силой бросило назад, к кабине, опрокинув навзничь. Девчонку тоже бросило вперёд, на него – он почувствовал, как она ткнулась лицом в его колени. Всё, что произошло далее, он видел, как в замедленном кино – нос ведущего мессера окутался огненными вспышками и дымные трассы понеслись прямо в лицо. Через полсекунды, когда огненные трассы преодолели уже полпути до машины, машина попала в очередную

колдобину, её опять сильно трянуло, кузов жёстко ударил в спину, он больно ударился головой о кабину, а девушку по инерции бросило ему прямо на грудь. Ему даже показалось, что она специально оттолкнулась ногами от груди чехлов, чтобы упасть точно на него.

В следующий момент дробь снарядов и пуль хлестанула по машине, выбивая фонтаны острых щепок из досок кузова. Девушку ударило в спину (у лейтенанта было такое ощущение, что как будто его ударили доской через скатку шинели), что-то очень больно кольнуло его в грудь. Тело девушки резко дернулось, напряглось, из уголка рта выбилась струйка крови. Совсем близко от своего лица он на мгновение увидел её огромные карие глаза, в которых плескалась нестерпимая боль. Опять сумасшедший прыжок машины, и мощный удар в спину выбросил их обоих за борт, выкинув из кузова заодно и добрую половину простреленных брезентовых чехлов. Со звенящим рёвом пронеслась над ними пара мессеров¹⁰.

¹⁰ «Мессер», «Мессершмитт» – немецкий истребитель Vf.109 немецкого конструктора Вилли Мессершмитта.

Сделав изящный вираж, они повторно зашли на продолжавшую мчаться к опушке леса машину. Треск очередей, далёкий грохот врезавшейся в придорожную берёзу машины... Пилоты мессершмиттов, сделав победную горку, оценили свою работу и пара истребителей скрылась за кромкой леса.

Глава 2. Ангел во плоти.

Сознания он не терял, просто очень не хотелось совершать каких-либо движений – всё тело превратилось в один большой синяк. Любое, самое мелкое, движение отдавалось нестерпимой болью. Он лежал в каше из перемолотых грязи и снега. Издалека, приглушённые лесом и расстоянием, на фоне звука удалявшихся на запад мессершмиттов, глухо раздались несколько очередей авиационных пушек. В ответ редко, и с опозданием несколько раз протявкала зенитка...

Снег под лейтенантом таял, тело мокло и начало замерзать. В пяти метрах от него на боку лежало тело девушки, и на её спине по шинели, вокруг пулевого отверстия, расплзалось кровавое пятно.

«Амба, не жилец» – коротко подумал лейтенант. С трудом перевернувшись на живот, он попытался встать на четвереньки. И с удивлением обнаружил, что то же самое пытается делать и его попутчица, и у неё это получается даже лучше, чем у него. Она встала на четвереньки, судорожно закашлялась, роняя сгустки крови изо рта, выпрямилась, села попой на пятки, и тяжело дыша, стала рукавом вытирать кровь с лица. «Пробито лёгкое, это у неё шок» – шевельнулась у него мысль – «всё равно умрёт, ранение-то смертельное».

Девушка, видимо, умирать совсем не собиралась: кашляя,

и роняя на снег густые красные капли, она на четвереньках медленно подползла к нему, стала толкать его в плечо:

– Ляг, ляг на спину, я тебя осмотру.

Опрокинув его на спину, она стала расстегивать на нём шинель и гимнастёрку. Лейтенант скосил глаза вниз, и увидел на свой груди расплзающееся по гимнастёрке красное пятно. Окровавленными пальцами она расстегнула последние пуговицы, и он увидел у себя на груди небольшую ранку, из которой наворачивались крупные капли крови.

– Сейчас, сейчас, потерпи, миленький, я сейчас, – зачистила она. Зажав сложенными ладошками его рану, она сильно прижала их к его груди.

– Бля-а-а... – только и смог он прохрипеть.

– Знаю, больно, потерпи, сейчас остановлю кровь, – широко раскрыв глаза, он видел, как у неё и спереди на шинели, вокруг пулевого отверстия, набухает красное пятно.

«Пневмоторакс» – зачем-то всплыл в голове слышанный им в госпитале медицинский термин, не совсем ему понятный.

«Сквозное. Значит, пуля пробив её, сидит во мне. Тогда и мне конец» – вяло шевельнулась простая и логичная мысль.

– Не бойся, пуля во мне – сказала она, как будто услышав ход его мысли, – она тебя только кончиком ткнула. Вот, всё, видишь – хоть и больно, но кровь уже почти не идёт, – она отняла ладошки от его раны, и он с удивлением увидел, что действительно, кровь остановилась и ранка на самом деле со-

всем смешная, с широким входом и глубиной в сантиметр. Однажды в детстве, он, играя, случайно наступил на доску с торчащим большим гвоздём. Слава Богу, кончик гвоздя выглядывал из доски совсем чуть-чуть, на сантиметр-полтора, и ранка получилась хоть и очень болезненная, но неопасная – широкая и неглубокая. Прямо, как сейчас.

Увлёкшись созерцанием своего ранения, он не заметил, что она, отвернувшись от него, распахнув свою шинель и расстегнув у себя спереди гимнастёрку, задрала вверх тёмную армейскую майку, стала что-то делать. Видимо у неё это не очень получалось – она болезненно стонала, сопела и явно нервничала. Она обернулась, и поймав его полный удивления взгляд, поморщившись, объяснила:

– Не мешай, отвернись, я сейчас, вот только пулю вытащу.

– Пулю?!

– Да, пулю, вот она тут торчит.

Многое он повидал на фронте, но чтобы человек, смертельно раненый, с пробитым лёгким, был способен оказать помощь другому раненому, да ещё и пулю сам себе из груди вытаскивал – это был уже перебор. В такое не верилось в принципе. Он с трудом приподнялся, сел, переместился поближе к ней, и решительно недоумевая, тронул её за плечо:

– Дай-ка посмотрю.

– Не смотри, я стесняюсь! – она сделала попытку отодвинуться от него.

– Дура, я же помочь хочу!

– Не смотри, я сказала! – крикнула она ему сердито, – сама справлюсь!

Лейтенант, конечно, слышал про врачей-кудесников, ставивших на ноги смертельно раненых бойцов, но эта девочка на такого чудо-доктора явно не была похожа. Повернувшись к нему спиной, она что-то там тянула, ковыряла и при этом плакала от боли. Он взял её за плечи и мягко, но решительно повернул лицом к себе:

– Дай посмотрю.

Увидев то, что она скрывала от него, он невольно сглотнул: её окровавленная майка была поднята под самую шею, а из девичьей груди, на пару сантиметров ниже соска торчал окровавленный носик немецкой пули калибра 7,92мм. Вся грудь и живот были залиты кровью.

– Не вытаскивается, подлая! – с плачем сказала она, – пальцы скользят! Попробуй ты, они у тебя сильнее будут – крепче ухватишь!

Как во сне, он молча ухватил небольшой высовывающийся из раны кончик пули и потянул – пуля, скользкая, как кусочек мыла, тут же выскользнула из пальцев. Из ранки, по окружности пули, набухали и скатывались вниз, на мягкий девичий живот, крупные капли крови. Он ещё раз попробовал, и ещё. Тот же результат – пуля, скользкая от крови, каждый раз выскользнула из пальцев. Она, сжав зубы, зажмурив от боли глаза и стиснув кулачки, тихонько и жалобно скулила.

Не чувствуя холода от растаявшего под ним снега, весь вспотев, он остановился, вытер пот со лба и прохрипел:

– Скользит, сволочь!

– Зубами тяни! – с надрывом простонала она. Лейтенант нерешительно посмотрел на неё. Широко распахнув глаза, в которых плескалась боль, она с негодованием крикнула:

– Ну же! Тяни! Олух царя небесного!

Он молча наклонился, коснулся лицом её тела, упёрся кончиком носа в её грудь, зажал пулю зубами, и крепко стиснув челюсти, потянул...

Девичья плоть вытянулась, как резиновая, как будто не желая отпускать кусочек металла. Девушка запрокинула голову и пронзительно закричала от боли. От неожиданности он разжал зубы и отпустил пулю. Девушка вдруг с внезапной яростью ударила его по голове и крикнула:

– Тяни до конца, дурак!

Сглотнув, он облизнул солёные от её крови губы, левой рукой крепко обхватил её за талию, правой решительно взял за правую грудь, обхватив место с торчащей пулей. Надавил сверху указательным пальцем, вывернув вверх нижнюю часть груди, откуда торчал носик пули. Выдохнул, притянул к себе, молча наклонился, снова схватил кончик пули зубами, сжал зубы, крепко зажмурился, затаив дыхание, и сильно рванул головой назад, отталкиваясь от её тела руками и опрокидываясь на спину.

Она пронзительно и с надрывом вскрикнула. Открыв гла-

за, и выплюнув в снег окровавленную пулю, тяжело дыша, он сел и посмотрел на девушку. Она лежала, опрокинувшись на спину в снег, и тяжело дышала. То, что увидел лейтенант потом, никак не укладывалось ни в какие рамки: сначала из раны на её груди перестала идти кровь, а потом и сама рана, прямо на глазах, стала сужаться, затягиваться, и наконец, совсем исчезла – на её месте опять было невредимое тело! Только небольшой светлый рубец напоминал о полученной ране. Девушка с трудом села, смотря как будто сквозь него, несколько раз моргнула, с трудом сфокусировала взгляд на лейтенанте. Закрыла глаза, глубоко и судорожно вздохнула, посмотрела на него исподлобья, загребла рукой сбоку чистый снег, стала оттирать кровь со своей груди и живота.

Сказала сердито:

– Отвернись, не смотри. Я стесняюсь.

– Ни хрена ж себе..... – только и смог пробормотать в ответ Чудилин. Он во все глаза пялился на её голую девичью грудь, не веря своим глазам, – ведь ты же была ранена, тебя пуля пробила насквозь?!

– Я сказала, не смотри! И, пожалуйста, сзади ототри тоже, я там сама не могу, – жалобно попросила она, и задрала на спине окровавленные гимнастёрку с майкой. Спина была тоже вся в крови, но пулевого отверстия не было и там!!! О полученном ранении напоминал только небольшой светлый шрамик.

Андрей помотал головой, не веря своим глазам. Пуля –

вот она, валяется в метре от него, кровь – тоже на месте, ею всё забрызгано вокруг, пропитана вся её одежда и спереди и сзади. У него самого всё лицо и руки испачканы в её крови! Глаза только что видели сквозное ранение у неё на теле! А сейчас рана, причём, смертельная, куда-то бесследно исчезла! Более того, он сам лично видел, что она была. Только что. А потом пропала. Прямо у него на глазах!

Вспомнилась сказка про Кощея Бессмертного....

– Ты что бессмертная, что ли? – выпалил он, потому что только эта фраза и пришла на ум.

– Можешь считать, что да, – она опустила вниз майку, заправила её под край юбки, – в каком-то смысле, – добавила она, застёгивая пуговики своей гимнастёрки.

– В каком же это смысле? Как так? Почему? – удивлению лейтенанта не было предела.

– Потому что я – твой Ангел-хранитель, – всё ещё морщась от боли, устало ответила она ему.

– Ангел-хранитель? Мой?! Шутишь? – Чудилину всё происходящее казалось каким-то розыгрышем, – сказки! Разве такое бывает?

– Бывает и не такое, – она посмотрела на него в упор, – то, что ты видел – одно из доказательств того, что я Ангел, и я здесь – меня ты тоже видишь. Ты меня трогал руками, слышал мой голос... Что тебе ещё надо, чтобы ты поверил в то, что я реально существую?

Чудилин с крайней степенью недоверия посмотрел на неё

– он был убеждённым атеистом, и все подобные разговоры про Бога, ангелов и чертей неизменно отметал в сторону, считая их пережитком старины и наследием царского режима. От попыток переубедить его он всегда отшучивался остроумной (как ему казалось) фразой: «Я лётчик, летаю выше облаков, и не видел там ни вашего Боженьку, сидящего на облаке, ни ваших ангелочков с крыльями. Ничего там такого нет!»

А тут вдруг – бац! Натё вам! Сидит перед ним это художочное «чудо» с детским личиком в простреленной насквозь окровавленной шинели, и вместо того, чтобы, получив смертельное ранение, лежать замертво, и смотреть стекленеющими глазами в хмурое небо, оно, это «чудо», живее всех живых! Мало того, «чудо» изрекает немислимые вещи, и...

«Лопни мои глаза! Я сам видел, как сквозное ранение затянулось прямо на глазах» – стучалась в голове очевидная мысль.

«Хрень какая-то, галлюцинация. Видать, здорово меня об землю-то приложило!» – не в силах поверить в невероятное, и собираясь с мыслями, подумал лейтенант. Размышляя так, и морщась от боли в спине, с трудом поднялся.

Девушка внимательно смотрела на него, наблюдая за его реакцией на сказанное ею. Лейтенант Чудилин резкими движениями стал стряхивать со своей шинели снег напополам с грязью, и чтобы успокоиться, начал рассуждать вслух:

– Хм... Ангел... Ранить тебя, значит можно, и боль ты

чувствуешь, а убить тебя нельзя? Так, что ли?

– Именно так, – кивнув, согласилась она, продолжая внимательно смотреть на него.

– Хм... – снова с сомнением хмыкнул Чудилин, с трудом разгибаясь, – мне бабушка в детстве про ангелов чего-то там рассказывала, я ещё не верил ей, смеялся. – он испытующе посмотрел на девушку, – эт что же это, неужто бабушка правду говорила?

– Выходит, что так.

– Может, и так, – он застегнул ремень, – да вот только она рассказывала мне про тех, что на небе живут, и с крыльшками, – он наградил её скептическим взглядом, – а вот про таких, как ты, которые по земле шастают, она мне ничего не говорила. Ты что, здесь вроде как проездом, так что ли? И где твои крылья?!

– Балбес ты, Андрей! Я здесь не проездом! Меня сюда ПОСЛАЛИ. – Ангел в девичьем обличии укоризненно покачал головой.

И тут же обиженно-порывисто добавила:

– И крылья у меня есть! Просто ты их не видишь. Не всякому дано.

Брови лейтенанта поползли вверх:

– Послали? Кто?! И зачем?! И откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Затем и послали – тебя от смерти спасать, – стала терпеливо объяснять девушка, – и почему твой Ангел-хранитель

не должен знать твоего имени? Конечно, знаю! Я всё знаю.

– Хм... знает она... всё... послали её... А там-то, на небе, тебе не сиделось, что ли? – саркастически усмехнулся он.

– Не сиделось, – Ангел в девичьем облики отвернулся и обиженно надул губки.

– Почему?

– Да потому! – по всему было видно, что девушка явно теряет терпение, – плохо за тобой следила, вот и отправили сюда, – и, видя ошалелый взгляд лейтенанта, с надрывом добавила: – в наказание, чтоб сама прочувствовала, каково это! Что, неужто не понятно?

– Э-э... не совсем, – растерянно пробормотал Чудилин, в голове у него был полный кавардак.

Девушка встала, поправила волосы, нашла свою шапку, надела её на голову и продолжила свою крайне занимательную лекцию:

– У каждого человека есть свой Ангел-хранитель. Он должен хранить его на протяжении всей жизни. У кого-то получается, у кого-то не очень, – она на пару секунд замолчала и исподлобья испытующе посмотрела на лейтенанта. Он слушал её, а в голове его суетливым, запутанным клубком бежали и метались мысли.

– У меня, например, иногда вообще всё очень плохо получалось, – с виноватыми нотками в голосе продолжила она, – вот и получила наказание, – она горестно вздохнула, и пригорюнившись, сосредоточенно замолчала, опустив глаза и раз-

глядывая что-то у себя под ногами.

Во рту стало сухо... «Она говорит, что *ВСЁ* знает. Всё?» Медленно, но верно, мысли в голове стали упорядочиваться, и, наконец, выстроились в довольно логичную цепочку. Но требовалось кое-что уточнить...

– Это когда ж у тебя плохо получалось-то? – сглотнув, хрипло спросил Чудилин.

– Ты ещё спрашиваешь? – она сокрушённо покачала головой, – а тот самый компрессионный перелом позвоночника, когда тебя весной сорок второго года сбили, ну, когда ты из-под опрокинувшегося при падении самолёта выкарабкался, что, не в счёт? А контузии твои, ранения?

Играя желваками, Чудилин напряжённо молчал. Покусав свою пухлую нижнюю губку, Ангел продолжил безжалостно обвинять самого себя:

– А сколько по моему недогляду досталось тебе в детстве? – и загибая пальчики на левой руке, она принялась складывать свои промахи: – в пять лет – сотрясение мозга, в семь лет – ты сломал руку, в одиннадцать попал в больницу с воспалением лёгких, в двенадцать чуть было не разбил себе голову, с размаху ударившись виском об бетонную тумбу, в тринадцать – упал с дерева, и три месяца после этого провалялся в больнице, – пальцы на левой руке у неё кончились, и на перешла на правую: – в четырнадцать – упал с велосипеда, да так, что после этого у тебя три недели голова болела, и это не считая вывихнутой руки... – у неё из глаз по щекам

бежали тоненькие мокрые дорожки.

– А когда эта самая война началась, так тут я вообще перестала справляться... – она всхлипнула, – знаешь, сколько ты по госпиталям валялся?

Потемнев лицом, Чудилин упорно молчал, громко сопя и играя желваками.

– А я знаю... С точностью до дня! – со слезами выкрикнула она, – 384 дня! Больше года! А провоевал ты чуть больше месяца весной сорок второго, и четыре месяца в конце того же года, – она виновато замолчала, – а всё я, дура дурацкая... – она трагически взмахнула руками, – тоже мне, Ангел-хранитель называется! И ничего-то у меня толком не получается... – горестно подытожила она, и тяжело вздохнув, повесила голову.

Горькая правда о причине всех несчастий, случившихся с ним последнее время (да что там говорить, всю жизнь!), внезапно раскрылась перед лейтенантом Андреем Чудилиным. Он всё понял. Все эти маленькие и большие беды в его жизни имели, оказывается, исключительно простое объяснение.

Причина была одна: нерадивый Ангел-хранитель, неумеха, «двоечник».

И эта причина с мокрыми от слёз глазами и с поникшими плечами стояла сейчас перед ним и виновато шмыргала покрасневшим сопливым носом. Явно не по росту шинель висела мешком на маленьком, худеньком теле. Ростом девушка явно не вышла – метра полтора, не выше. И весу...

дай Бог, чтоб кило сорок набралось, да и то, вряд ли...

Чудилин же стоял и молчал, не зная, как реагировать на внезапно обрушившуюся на него правду.

Девушка в очередной раз шмыгнула носом, зябко передёрнула плечами, и удручённо продолжила свой рассказ:

– Мне даден срок – один месяц. Его я должна провести рядом с тобой, вынося все тяготы, и охраняя при этом твою жизнь. И находясь при этом в человеческом теле, – она подняла на него заплаканные глаза, – правда, мне оставлена возможность заживлять раны в своём теле, даже смертельные. Ты это только что видел, – она судорожно вздохнула, – ну, и немного облегчать страдания тебе, вроде того, что я могу остановить кровь из твоей раны.

Ошарашенный такими подробностями из жизни ангелов, он какое-то время переваривал полученную информацию. А потом задал уточняющий вопрос:

– А если тебе снарядам твою дурную башку оторвёт, неужели новая вырастет? – сжимая кулаки, зловеще спросил Чудилин.

У неё задрожали, запрыгали губы, но она молча проглотила оскорбление, и вымученно улыбнулась:

– Нет, не вырастет. Просто моя миссия закончится раньше срока.

– И что потом? – не унимался лейтенант.

Девушку такое обилие вопросов стало явно утомлять:

– Ну чего ты ко мне пристал: что? Почему? – она отвер-

нулась от него и посмотрела вдаль, – не знаю я! Мне не говорили! Сказали: срок – месяц. И всё.

Чудилин стоял, сжимая и разжимая кулаки, и еле сдерживался, чтобы не разбушеваться. Девушка, как будто почувствовав нарастающий «девятый вал», опасливо отступила на пару шагов. Наконец, его прорвало, и на этот раз он разошёлся не на шутку:

– Да ты...! Ты...! – он тыкал в её сторону пальцем и никак не мог подобрать нужных слов, на языке вертелись только непечатности, – Знаешь что?!... Я...! Бля...! Шла бы ты!!! Откуда пришла! Или прилетела! Вали нафиг! Жил без тебя до сих пор, не тужил! Т-твою маковку!! Свалилась на голову, здрасте-пожалуста! Спасительница, бля! Сопливая! Ангел-хранитель, бля... Одно название! Там, двоечница, ни хера не справлялась, так теперь сюда припёрлась! Здесь война, дура!! Здесь ты бессильна! Понимаешь?! Вали, я сказал!

Чудилин даже толкнул её в плечо, да так, что она, оступившись, чуть было не упала назад.

– Не нужна ты мне такая! – кричал он на неё в сердцах. – Проживу и без тебя!!! Давай, маши крыльями своими, или в жопе пропеллер запускай! Улетай к себе на облако, или где ты там ещё обитаешь! Обойдусь без тебя!!!

И Чудилин, в сердцах рубанув рукой воздух, и подхватив с земли свой вещмешок, прихрамывая, быстро пошёл по дороге.

Маленький Ангел-хранитель горестно взмахнул руками, и

пугаясь в длинных полах шинели, спотыкаясь, побежал следом.

– Подожди-и-и! – всхлипывая, отчаянно завопила она.

Лейтенант, не обращая внимания на её крики, мерно и размашисто шагал к лесу.

– Да подожди же! – задыхаясь, взмолилась она.

Она, наконец, обогнала его на пару шагов, встала, как вкопанная, и оборотясь к нему лицом, ткнула обоими кулачками ему в грудь:

– Стой, дурак! Послушай, что я тебе скажу!

Он нехотя остановился и упёрся в неё жёстким взглядом:

– Ну?!

Она, задыхаясь от быстрого бега, и едва-едва переводя дух, выпалила:

– Не проживёшь... Не обойдёшься... Без меня... ты... вступил в полосу... смерти. Карма, судьба, понимаешь? Ты должен был погибнуть. Сегодня, семнадцать минут назад, в этом треклятом грузовике. Ты видел ту пулю, держал её в руках! Я тебя спасла. Но это только начало. Ты – приговорён. Таковы законы судьбы. Если суждено погибнуть, то ты погибнешь. Если всё же увернулся в этот раз от смерти, выжил, – это ничего не меняет, будет следующая попытка. Если опять сможешь обмануть судьбу и снова выживешь, будет третья, четвёртая, пятая, и так, пока не зевнёшь, и не поймашь свою пулю или осколок. Восемь заходов сделает на тебя твоя смерть! Восемь! Она будет атаковать тебя раз за разом,

пока не укокошит – карма должна быть исполнена!

– А потом? – осипло спросил Чудилин.

– Что потом?

– После восьмой попытки что будет?

– После восьмой Костлявая отступает. Но только никто не доживает до этого. Никто! Она своё дело хорошо знает... вероятность исполнения каждой попытки 99%. С каждой последующей попыткой твои шансы выжить уменьшаются в 100 раз! Первая попытка – 1%, вторая – 0,01%, третья – 0,0001% и так далее. Осознаёшь масштаб проблемы?! У тебя же по математике в школе пятёрка была!

Чудилин мрачно хмыкнул, дёрнув уголком рта:

– Ну... в конце концов... до Победы всё равно дожить не получится, а за Родину погибнуть я всегда готов.

– Да послушай меня, Андрей! За Родину погибнуть много ума не надо, за Родину пожить надо! Понимаешь?

Лейтенант стоял и зло сопел, не в силах произнести ни слова, наконец, через силу выдавил из себя:

– Эта, как её... полоса смерти, или как там... судьба погибнуть... восемь раз... это отчего, откуда? За что? В чём моя вина?

Она отрицательно замотала головой, в глазах её стояли слёзы:

– Это не твоя, это моя вина. Не доглядела. Мои ошибки, неумение. Накопилось, раз за разом. А потом... вот так. В точку сошлось, и всё. Вот меня сюда и отправили. Как гла-

диатора на арену, читал же ведь про таких? Последний шанс, понимаешь? И для меня – исправить свои ошибки, и для тебя – выжить. Без меня тебе конец. Гарантированный. Не сегодня, так завтра. Не завтра, так послезавтра. Восемь раз смерть будет тебя на зуб пробовать. Восемь раз я должна тебя уберечь. Один раз уже смогла, осталось семь. На всё про всё мне дан срок – месяц. Так что придётся тебе потерпеть. Это не так уж и долго. А потом всё кончится, эта чёрная полоса тебя минует – ты останешься жить, и не погибнешь, и до Победы точно доживёшь.

Лейтенант стоял, чернее тучи, но молчал. Только зубы стиснул ещё крепче и засопел ещё громче, всё ещё не в силах принять тяжёлое решение.

Она стояла перед ним, опустив глаза вниз, и по грязным щекам её бежали слёзы, оставляя на них светлые дорожки. Её трясло от холода, сжатые молитвенно пальцы тряслись, зубы выбивали мелкую дробь. Она стояла и ждала, что он ей ответит...

Она подняла на него зарёванные глаза и взмолилась:

– Если себя не жалеешь, то хоть меня пожалей! Если ты мне откажешь, то я... я... мне придётся... я... – она уже почти не могла говорить, рыдания душили её. Дрожь, пронизывающая всё её тело, сбивала её с дыхания.

Чудилин исподлобья смотрел на неё, молчал, и ждал.

Она, наконец, совладала с собой, и на одном выдохе выпалила:

– Если ты меня сейчас прогонишь, то ты погибнешь, без вариантов, в ближайшие трое суток. А я... А меня, за то, что я тебя не уберегла, в наказание переведут на позорную и ужасную работу: я снова буду ангелом-хранителем, но уже не у человека. Вместо тебя мне дадут выродка.

– Выродки? Это кто такие? – всё ещё хмурясь, разлепил, наконец, губы Чудилин.

– Так у нас называют убийц, насильников, уголовников, душегубов и прочее отребье. И эти... как их... фашисты, с которыми ты сражаешься, тоже там...

Лейтенант почувствовал, как у него под шапкой зашевелились волосы...

Она дёрнула уголком рта и промолвила обречённо:

– А ты думаешь, этим... этим самым выродкам и фашистам ангел-хранитель не положен? Тоже положен! И я буду одним из них!!! – выкрикнула она с надрывом ему в лицо. – Это грязное, мерзкое и унижительное занятие – спасать от смерти этих подлых и отвратительных выползней, вообще недостойных жить на белом свете!! А вот мне придётся!!!

Слёзы опять брызнули у неё из глаз, и она с надрывом завопила:

– Да! Да!! Да!!! Я буду!!! Какого-нибудь гада-фашиста, мучителя людей, от смерти спасать!!! Чтобы ты! Его!! Не убил!!!

Она в исступлении бросилась на лейтенанта и отчаянно замолотила кулачками по его груди. Он сграбастал её обе-

ими руками и прижал, судорожно трепыхающуюся, к себе, даже через две шинели чувствуя, как часто-часто колотится её сердце.

Она, немного успокоившись, освободилась от его объятий, оттолкнулась рукой, несколько раз судорожно всхлипнула, и размазав слезы по щекам, с дрожью в голосе, на одном дыхании выпалила:

– А я хочу спасти от смерти тебя! И я сделаю это!!

И переведя дух, добавила тихо-покорно:

– Если ты мне позволишь...

Лейтенант глубоко и судорожно вздохнул, и сделал долгий-предолгий выдох. Сдвинув на затылок шапку, вытер пот со лба, и уже по-доброму спросил:

– Ну, и что мне с тобой делать?

Она, мгновенно ощутив перемену в его настроении, улыбнулась сквозь слёзы:

– Понять. И простить. Прости меня великодушно.

Потом ухватилась обеими руками за его рукав, заглянула в глаза и с чувством попросила:

– Не гони меня, возьми с собой... Я тебе пригожусь.

Вконец озадаченный такими поворотами судьбы, Чудилин, не найдясь, что ещё такого можно спросить у своей странной собеседницы, буквально свалившейся ему на голову четверть часа назад, мягко вытащил свой рукав из её цепких пальчиков, повернул её к себе боком, и стал заботливо отряхивать сзади её шинель от налипшей грязи и мокрого

снега. Девушка стояла покорно, и счастливая улыбка озарила её заплаканное лицо. Было видно, что она очень замёрзла – всё её маленькое, худенькое тело сотрясалось от дрожи. Маленькие пальчики покраснели и были холодные, как ледышки.

– А простудиться и заболеть ты можешь? – примирительно спросил лейтенант.

– Могу, но от этого не умру, – ответила она, снова улыбувшись ему и стуча зубами от холода.

– Ну, хоть это хорошо, – он вопросительно посмотрел на неё сверху вниз: – и что дальше?

– Ну как что? Пошли. – меся мокрый снег сапогами, она неуклюже двинулась по дороге в сторону леса.

Чудилин догнал её, схватил за руку:

– Да постой ты, шалапутная! Куда пошли-то?

– Ну а куда ты ехал? – она остановилась и обернулась к нему.

– Так это... – лейтенант явно растерялся, – в полк ехал... К новому месту службы, – поправился он.

– Ну, так пошли скорее. Тут же вроде недалеко осталось... – она вырвала свою руку, и опять двинулась пешком по дороге.

– Подожди, подожди! – он опять догнал её, – а ты-то куда?

Она резко остановилась, подняла лицо и серьёзно посмотрела ему в глаза:

– Ты что, не понял? Я – с тобой. Мы же обо всём с тобой

уже договорились!

По всему было видно, что она решила ковать железо, пока горячо.

– Да как со мной-то? Договорились мы... о чём?! Ну ладно, не гоню я тебя, шут с тобой, всё, простил, но как я тебя в расположение части приведу? – растерялся вконец Чудилин, – ты кто такая? Что я в штабе полка скажу? Здравия желаю, лейтенант Чудилин, прибыл для прохождения дальнейшей службы, а это вот, знакомьтесь, мой ангел-хранитель? Пусть месяцок побудет рядом со мной? На смех поднимут. И извини, в карман тебя не спрятать! За пазуху, как лягушку, не положить!

– В карман и за пазуху не надо – я буду с тобой служить в этом... твоём, как его... в полку. Ты же лётчик? Лётчик, летаешь! И я с тобой буду летать! – добавила он тоном, не терпящим возражений.

– Летать? Кем? Стрелком, что ли?! Сдурела девка?! – этот дурацкий разговор опять начал доводить Чудилина уже почти до кипения.

– Никакая я тебе не девка, – резко отпарировал ему маленький Ангел, и сердито топнул ногой, – да хоть и стрелком! Да! Стрелком! Дашь мне ружьё, и буду там стрелять, куда скажешь! Или ты думаешь, ты будешь летать, а я с земли на тебя, в небо, буду смотреть? А как я тебя буду там от смерти спасать? А?! Семь раз ещё осталось, забыл?!

Свалившийся ему на голову Ангел, повинный во всех его

злоключениях, и, как оказалось, имеющий к тому же и весьма зловредный характер, опять так рассердил Чудилина, что лейтенант аж задохнулся от негодования и снова перестал стесняться в выражениях:

– Это ты с ружьём меня там спасать собралась?! Вот дура-то, а?! Так ты же ни черта не умеешь! И не знаешь!

– Сам ты дурак! – она обиженно дёрнула плечиком, – ничего, как-нибудь научишь!

Глава 3. Какие ещё документы?

Меся ногами мёрзлую грязь, они скорым шагом шли по обочине дороги.

– У тебя хоть какие-то документы есть? – остывая, спросил лейтенант.

– Какие ещё документы? Я же Ангел.... – виновато улыбнулась девушка.

Чудилин тяжело вздохнул, и в отчаянии сплюнул: всё было совсем плохо.

Он полез в карман гимнастёрки и вытащил всё, что там было: лётную книжку, офицерское удостоверение, справку из госпиталя¹¹, показал.

– Нет, такого у меня нету, – сокрушённо покачала она головой.

¹¹ здесь могут быть некоторые расхождения с реальным положением – к сожалению, автор не обладает достаточными знаниями в этой области, и может ошибаться.

– Нет, ну нормально! – он картинно взмахнул руками, – А мне-то что делать? Явлюсь я, значит, под очи своего нового начальства: «Здравия желаю! Лейтенант Чудилин! Прибыл по новому месту службы! Вот мои документы! А это кто с тобой? А это мой ангел-хранитель! Правда он ни фига не умеет, и документов у него нету, но я его беру к себе в экипаж стрелком!» Так, что ли? И что дальше? Думаешь, мне поверят? Хрен тебе! – лейтенант сложил кукиш и остервенело сунул его под нос ангелу, – Не поверят! Сразу особый отдел эти фактиком заинтересуется, да ещё и в шпионы запишут! – распалаясь Чудилин всё больше и больше.

– Ну, придумай что-нибудь, – девушка удручённо повесила голову, – скажи им там, что я их потеряла, что ли...

– Документы? Ага, потеряла, легко сказать.... – он шёл широким, размашистым шагом и сердито сопел. Девушка едва попевала за ним.

– Хотя... ладно, можно было бы конечно сказать, что они у тебя были, но когда нас обстреляли мессеры, они выпали у тебя из кармана... хотя нет, – он остервенело почесал в затылке, – ведь потребуют сообщить, где, когда и на кого обучалась, пошлют запрос.... Нет, не получится!

Пройдя метров двести по полю, они подошли к лесу и увидели там полуторку, на которой они ехали – она стояла на обочине дороги, с пробитыми, спущенными шинами, уткнувшись капотом в толстую придорожную берёзу. Боковые стёкла были выбиты, уцелела только часть лобового. Вся

кабина изнутри была забрызгана кровью. В кабине, уткнувшись лицом в руль, сгорбившись, сидел пожилой водитель. Он был мёртв.

«Видать, раненый, гнал до последнего, и думая, что мы всё ещё в кузове, пытался спасти нас и спастись сам. А мессе-ры сделали второй заход, и... почитай, у самого леса и догна-ли, метров пятнадцать всего-то и оставалось. Не успел...» – подумал лейтенант.

– Да, так и было, его ранили, но он всё равно пытался нас спасти, думая, что мы всё ещё в кузове, – вздохнула девушка.

Чудилин с изумлением воззрился на девушку.

– Ты... ты... ты... что, и мысли мои... читаешь?

– Конечно, а ты как думал? Я же ангел! – искренне уди-вилась она.

– Хорошенькие дела! – опешил вконец Чудилин, – она ещё и мысли мои читает!!! А если я что-то плохое подумаю?!

– А ты думай только хорошее.

Лейтенант ничего не ответил. Только насупился и замол-чал. Молча обошёл полуторку спереди – одного взгляда на её капот было достаточно, чтобы понять, что эта машина своим ходом уже точно никуда не поедет: обе крышки капота были сорваны несколькими прямыми попаданиями 20-мм снарядов, а на месте мотора было месиво изуродованного металла с торчащими обрывками проводов зажигания.

Постояли, Чудилин вздохнул, тронул её за плечо:

– Пошли.

– А он? Надо похоронить? – она показала глазами на убитого водителя.

Чудилин отрицательно замотал головой:

– Не имеем права, не положено. Он ехал в полк с грузом, и сам наверняка из этого полка. Надо идти. Придём в распоряжение – доложим всё, как полагается. В каждом авиаполку есть место, где хоронят погибших. Приедут, заберут, отбуксируют машину. Здесь уже недалеко осталось... – он прислушался. Вдалеке отчётливо слышался гул авиационных моторов, – ну что, двинули?

Прошли молча по лесной дороге ещё метров сто. Лейтенант тронул девушку за плечо:

– Слушай, а ты не сказала, как тебя зовут!

– Зачем тебе? – ангел поднял на него свои карие глазищи.

– Ну, как зачем? Как нам с тобой общаться-то? Я же должен тебя как-то называть? – хмыкнул Чудилин.

– Зови просто: Ангел.

– Ты чего, вообще? – он покрутил пальцем у виска, – что это за имя такое? Людей так не называют! У тебя что, вообще нет имени?

– Моё ангельское имя ты вряд ли сможешь выговорить, – она поймала его удивлённый взгляд, – нет, я серьёзно – не выговоришь.

– Э-э-э, м-да... проблемка... – лейтенант сдвинул на лоб шапку и в задумчивости почесал затылок.

Они помолчали.

– Слушай, а вот вспомнил: бабушка мне в детстве говорила, что если умирает человек с невинной душой, то на небе он становится ангелом. Так?

– Ну, в общем, примерно так, – утвердительно кивнула она.

– А раз так, – он победно посмотрел на неё, – значит, ты была человеком, и у тебя было имя! Ведь было? Ну, и какое?

Она горько вздохнула, шмыгнула носом и помедлив, сказала:

– Была человеком, и имела имя, – она сделала долгую паузу, – но это очень грустная история...

– Ну, и... – подбодрил её Чудилин.

– Что?

– Ну, так рассказывай! Ты, я так понимаю, про меня всё знаешь, вон, сколько я по госпиталям околачивался, сколько раз был ранен, а я про тебя – ничего. Даже имени. А нам с тобой, как ты говоришь, целый месяц вместе жить. Как же можно без имени-то?

Она молча шла рядом.

– Что, тайна какая-то страшная? Нельзя говорить? – наседали на неё Чудилин.

– Да почему нельзя... можно, – ей явно не хотелось вспоминать былое, – просто не хочется.

Она снова помолчала. Лейтенант терпеливо ждал.

Она сдалась:

– Ладно, так и быть, если это для тебя так важно, то слу-

шай: я родилась в Тверской губернии в 1899 году, там же, в небольшом селе и жила с матерью и своей старшей сестрой. Когда началась война, мне было 15 лет. В 1918-м году, в конце февраля, я пошла в соседнюю деревню, сильно простудилась, заболела и умерла. В 19 лет. Звали меня Агния. По бабушке – Николаевна, фамилия – Ильинская¹². Вот и всё. Перед отправкой сюда я должна была выбрать тело. Я сказала, что хочу своё прежнее тело. И вот я здесь. Достаточно?

– Вполне, – ошарашенно выдавил из себя лейтенант. Он о чём-то напряжённо думал. Было видно, что он на что-то решился. Облизнул губы, почесал ухо:

– Сделаем так: приходим в расположение, идём на КП, говорю только я. Ты – молчишь. Ясно? Расскажу всё, как есть – как ехали, как мессеры атаковали, как меня ранило. Скажу, что ранило осколком, на излёте. Кровь на твоей шинели особо и не видно – мы перемазаны в грязи, как два поросё. А кто увидит и спросит – скажем, что испачкалась в моей крови. А если кто заметит дырки на шинели, скажешь, что шинелька не новая, такую выдали. Документы твои выпали из кармана при падении из машины. Искали, но не нашли. Про тебя скажу, что контузило тебя сильно – говоришь с трудом. Ну, шок и всё такое. Впервые под обстрелом оказалась. А ты молчи. Или мычи что-нибудь невнятное. Глядишь, и проскочим.

¹² сюда вставлен кусочек реальной жизни действительно жившей в селе Берёзка (Тверская обл.) девушки Агнии Николаевны Ильинской. Похоронена в селе Берёзка на горе у храма.

– А потом? – девушка с надеждой смотрела на него.

– А потом скажу, что окончила ты школу воздушных стрелков, что ехала ты в тот же полк, что и я. Ну, вроде того, что мы, пока ехали, ты мне это всё успела рассказать, а потом нашу машину эти мессеры атаковали, тебя контузило, и по башке приложило, и тебе память слегка отшибло, и говорить теперь нормально ты тоже не можешь – заикаешься, запинаешься, а всё больше мычишь. Ну, и помычи им там, для верности. Вот, а я, значит, согласен взять тебя к себе стрелком. Стрелков в штурмовых полках, как правило, не хватает, поэтому, думаю, ни у кого возражений не будет. Тебя, я так понимаю, с этой контузией в медчасть определяют на неделю-другую. А там глядишь, и этот твой месяц пролетит... Хотя, если честно, херня какая-то получается! Не поверят. Пошлют запрос и всё вскрыется. Дня два-три, и всё, привет... Особисты свой хлеб не зря едят.

– Особисты это те, кто какими-то особыми делам занимаются, правильно?

– Ага, на этот раз ты правильно угадала, в точку. Вот такими брехунами, как мы с тобой, они и занимаются. – озабоченно вздохнул Чулилин.

Прошли молча ещё метров сорок.

– Слушай, а покажи ещё разок твои эти самые документы, а? – жалобно попросил ангел.

– Зачем тебе? – но он всё же расстегнул шинель и полез в карман гимнастёрки.

– Хочу посмотреть, как они выглядят.

Чудилин удивлённо поднял брови.

– Ну на хрена тебе это?

– Херня... На хрена... На каком же мерзопакостном языке ты разговариваешь! – она укоризненно покачала головой, – ну покажи, тебе что, трудно?

– Да на! Смотри, – он вынул с нагрудного кармана личную лётную книжку. Подумал: «хм... язык мерзопакостный Дура!»

Она взяла лётную книжку¹³, поднесла к лицу, нахмурилась, и, как бы между прочим, сказав:

– Я всё слышу! – остановилась посреди дороги, прочитала, шевеля губам, несколько строк.

– Слушай, а если бы у меня был такой документ, то он также выглядел бы?

– Ну, примерно так, только там было бы написано не «лётчик», а «стрелок», ну и опять же, я учился в Оренбургском училище, а там стрелков не готовят.

– А где готовят?

– Я ж тебе только что говорил, что в школе воздушных стрелков!

– Ну а где эта школа? Как называется?

Он наморщил лоб, вспоминая.

¹³ Лётная книжка – персональный отчётный документ лётного состава, в котором, помимо прочего, указывается суммарный налёт на разных типах самолётов, а также показатели боевой работы, в том числе боевые вылеты и сбитые самолёты противника.

– Ну, к примеру, есть Троицкая военно-авиационная школа механиков. Сокращённо – ШМАС, то есть школа младших авиационных специалистов. Там их и готовят, этих младших авиационных специалистов : техников там, мотористов, оружейников. Ну, и стрелков тоже.

Она отдала лейтенанту его лётную книжку, залезла рукой в нагрудный карман своей гимнастёрки, и вынула оттуда точно такую же лётную книжку.

– На, посмотри, всё ли правильно там написано?

Чудилин открыл первую страницу и быстро пробежал по ней глазами, после чего у него натурально полезли эти самые глаза на лоб: в руках у него была точно такая же, как и его собственная, лётная книжка, в которой русским по белому было написано, что: «Чудилина Агния Николаевна, 1923 года рождения, успешно закончила курсы воздушных стрелков...» и далее по тексту.

– Это что?! – держа в руке лётную книжку, он в упор и не мигая смотрел на девушку.

– Как что? – её карие, широко распахнутые глаза кротко смотрели на него, – тот самый Документ. Что, плохо получилось? – она озабоченно заглянула сбоку на написанное, – надо было как-то иначе сделать?

– Откуда это у тебя? – грозно посмотрел на неё лейтенант Чудилин.

– Я это сейчас сотворила. Ну, сделала... – она виновато захлопала глазами.

– Не валяй дурака, – он рассердился не на шутку, – и если ты думаешь, что меня можно водить за нос?!

Весь съёжившись, маленький ангел испуганно смотрел на него.

– Зачем ты мне врала?! – гремел Чудилин, – что у тебя нет документов? При том, что всё это время они лежали у тебя в кармане?!

– Да не врала я! – чуть не заревела Агния – я...я... ну просто я могу ЭТО делать! – крикнула она с надрывом и посмотрела на него. И поймав его непонимающий взгляд, быстро добавила: – мне просто нужно было посмотреть. Хоть разочек. Как это выглядит, понимаешь? Потому и попросила! А потом сотворила!

– Как... с... с... сотворила? – у него упал голос, и он почувствовал, как сильно у него пересохло в горле. После того, как он своими глазами видел, как сквозное пулевое ранение затягивается за считанные секунды, и узнал, что его мысли можно слышать, он был готов поверить уже и в гораздо большее.

– Ты можешь, э-э... сотворить, э-э... что угодно?

Агния, быстро-быстро моргая своими заплаканными глазами, виновато смотрела на него. Ему стало стыдно за свою вспышку гнева. Он шумно выдохнул воздух:

– Ладно, прости... Это наверное потому, что ты ангел?

– Да, наверное, потому, что я ангел – она отвернулась, шмыгнула носом и обиженно скосила глаза на него, – могу,

но не всё, что угодно.

– Хм... – он на секунду задумался, остывая, – ну а, к примеру, э-э-э... спички можешь сотворить? – предложил он первое, пришедшее на ум, но спохватился, и тут же поставил ей неперемное условие: – но только так, чтобы я видел!

Она скосила на него глаза, ещё раз шмыгнула простуженным носом, выставила перед ним свою ладошку. Чудилин, вперился взглядом в её ладонь, и натурально вздрогнул от неожиданности, когда на её маленькой ладошке прямо на его глазах медленно появился спичечный коробок. Он как будто протаял из воздуха.

– На! Держи свои спички! – она сунула коробок ему в руку, обиженно развернулась и быстро пошла дальше по дороге.

– Ахххренеть!!! – удивлению его не было предела, – это как же? Как ты это можешь? – он бросился её догонять.

Она даже не обернулась, сердито бросила через плечо:

– Не знаю. Могу, и всё.

Лейтенант, едва поспевая за ней, с удивлением крутил в руках спичечный коробок, на ходу читая надписи на бледно-розовой этикетке:

– Хм... спичечная фабрика №40.... Пэ Дэ Щербакова... в цареве.... Чего-чего? – он нахмурился, силясь прочитать незнакомое слово, – санчурске... В царевосанчурске, значит. Хм... Вятская губерния....

Перевернул коробок, прочитал на обороте:

– Ха... безопасная №1 без серы и фосфора.....

Выдвинул коробок, он оказался заполнен немного странными спичками – розового цвета с серыми головками. Вынул одну, чиркнул: спичка, как и положено, загорелась.

– Это откуда такие спички? – он бросился её догонять.

– А тебе какие надо? – раздражённо обернулся ангел.

– Не знаю.... Просто спички обычно не так выглядят. Ну, там... обычно другое написано. Там... наркомлес, главспичпром, фабрика Демьян Бедный...

– Уж не знаю, как они у вас тут выглядят, и Демьяна вашего, который бедный, я тоже не знаю – она сердито скосила глаза, – а у нас в лавке именно такие продавались.

– Это в какой лавке, в раю, что ли? Или где ты там э... ну, ангелы, в смысле.... – ляпнул сдуру Чудилин.

– Ты что, совсем сдурел? – ангел уставился на него немигающим взглядом, – Я. Была. Человеком, -раздельно, чтобы дошло, произнесла она, – давно, понял? И у нас в лавке продавались именно такие спички. Я помню, как они выглядели, и я их сотворила точно такими же, какими я их запомнила. Теперь понял?

– А... так это дореволюционные, что-ли?! То есть ты сотворила именно те спички, которые были тогда! А не те, что сейчас делают! – он стукнул себя по лбу, – а я-то думаю, чего-то странные они немного! Вон оно что! – осенило лейтенанта.

– Ну, наконец-то, сообразил.... – облегчённо вздохнула

Агния.

– А что ещё можешь? – не унимался Чудилин, – шинель, к примеру, можешь себе сухую и без дырки сотворить?

– Андрей, ты чего, дурак? Я же сказала – не всё, что угодно!

– Ладно, прости! Ну я же правда не знал! Ну, хватит уже дуться, – он шагал рядом с ней, подстраиваясь под её шаг.

– Ты должна меня понять: сначала мне на голову сваливается ангел, который от смертельных ранений не умирает, при этом он принимает в себя пулю, предназначавшуюся мне, то есть попросту спасает меня от смерти, потом он мне рубит правду-матку про всю мою жизнь непутёвую, при этом попутно не забыв добавить, что это именно он и является причиной всех моих несчастий, потом выясняется, что он читает мои мысли, потом оказывается, что он ещё и творить может! Всякую хр... – он запнулся, поймав её взгляд, – да хотя бы даже спички! Да тут у кого угодно мозги набекрень съедут! – лейтенанту явно хотелось заглядить перед ней свою вину за грубое обращение, – да у меня голова от всех этих новостей вот такая! – он показал руками.

– Что, так распухла, что даже шапка не налезает? – язвительно и с явной обидой спросил ангел.

– Ну, прости уже... много я тебе сгоряча наговорил. Ну так и ты меня пойми – не каждый день ты лицом к лицу встречаешься с причиной всех своих проблем! Это же с ума сойти! Не знаешь – смеяться или плакать.

Ангел шагал рядом и обиженно молчал, отказываясь далее поддерживать разговор.

Чудилин не оставлял попыток помириться с этой странной девушкой:

– Мне просто интересно. Расскажи! Что ты можешь, а что нет? Ну, так, для информации, что б знать... на будущее. Расскажешь?

Она нарастила шаг, обогнала его, и теперь молча шла впереди, обиженно насупившись.

Вдруг резко остановилась, развернулась:

– Ладно. Скажу. Могу, но очень немного. Лёгкие и простые вещи – бумажку, коробок спичек, пуговицу, иголку. Ничего сложного и тяжёлого. Почему – не знаю. Мне так сказали. Всё. Пошли. Ну, пошли же уже! – она потянула его за рукав.

– Кстати! Вот тебе пуговица! – она сунула ему в руку новенькую пуговицу, – у тебя на шинели оторвалась, когда мы с машины упали, – потом пришьёшь.

– Ха, надо же, глазастая какая! И нашла же! – лейтенант сунул пуговицу в карман.

Ангел насмешливо-укоризненно посмотрел на него.

– А-а-а! – вмиг осенило Андрея, – так ты это... что, тоже? Сотворила? Вот прямо сейчас?!

Смеясь в кулачок, она отвернулась от его восторженно-восхищённого взгляда.

– Ёкарный бабай! – Чудилин вдруг резко остановился как

вкопанный, осенённый внезапной мыслью.

– Чего-чего, ты сказал? – улыбаясь, девушка смотрела на него. Но лейтенанту вдруг стало совсем не до шуток.

– Я же забыл! Идиот! С этими спичками сраными! У тебя же должна быть ещё и красноармейская книжка¹⁴!

– Красно... какая? – не поняла она, – красноармейская?

– Да, да! Она самая! Ты же сержант! И это... Дай-ка я взгляну на то, что ты там уже успела сотворить! – он протянул к ней руку, – а то всё хиханьки, да хаханьки.

– На, смотри, – она вынула из кармана и отдала ему свою сотворённую ею лётную книжку.

Лейтенант открыл её, стал пролистывать. И похолодел.

– Т-твою мать! – выругался он, – ёкалэмэнэ, чуть не погорели! Вот сейчас бы цирк был! С конями!

– Да что случилось-то?

– Пока ещё ничего, – нахмурясь, он кусал губы, – а вот если мы это кому-нибудь показали бы...

– Там что-то не так написано? – взволновалась девушка.

– Не так... Мягко сказано! – лейтенант только что зубами не скрежетал. Поймав её вопросительный взгляд, он сунул ей под нос её лётную книжку, – вот здесь! У тебя написано. Налёт, сбитые. Видишь?

– Ну, и что?

– Как что? Всё, как у меня!!! Понимаешь?! Ты полностью

¹⁴ Красноармейская книжка – основной документ рядового и сержантского состава.

скопировала все записи из моей лётной книжки!!! Моей!!!
Понимаешь?!

Ангел невинными глазами смотрел на него снизу вверх, ничего не понимая.

– У тебя не может быть 225 часов налёта, понимаешь? Как и не может быть пять сбитых! Ты только что выучилась на бортстрелка! Ты ещё на фронте не была, пороху не нюхала! Какие сбитые?!

– Андрей, ну так я же спросила тебя, как должен выглядеть этот документ, ты и сказал, что почти тоже самое, за исключением названия учебного заведения.... Ну и фамилия, имя, отчество, – она сокрушённо смотрела на него, – а про остальное я и не подумала.... На тебя понадеялась.

– Не подумала она....понадеялась... так, где эти спички? – он полез в карман, – да где они? Бля... Вот сейчас замели бы... прямая дорога в штрафбат. Или сразу к стенке! За подделку документов! По законам военного времени.

– Да подожди ты! Не жги! – она вырвала у него спички, – толком сначала объясни, что, где и как надо исправить. Потом и сожжёшь.

Остывая, он посмотрел на девчонку. А ведь она правильно говорит.

– Хорошо. Только давай с дороги отойдём, – посопев, согласился он.

Следующие пять минут он терпеливо объяснял ей, листая страницы, и тыкая пальцем в нужные графы, про то, что, где,

и как должно быть написано.

– И ещё. Печать. У тебя вот здесь должна быть другая печать. Понимаешь? Не Оренбургского училища, а Троицкой школы.

– А как она выглядит?

Тут Чудилин понял, что всё пропало: одно дело объяснить про записи в нужных графах, совсем другое – печать. Он помрачнел. Стиснув челюсти, долго стоял, и озабоченно-растерянно сопел.

– Ты не помнишь?

– Откуда? Я же там не учился! Да и как тебе объяснить, про то, как она должна выглядеть?

– Ну, ты хотя бы хоть раз страничку с этой печатью видел?

– Может и видел. Да какая разница? Если и видел, то мельком, разве запомнишь?!

– Да всё ты запомнил! – она подошла к нему вплотную, положила свои ладошки к нему на грудь, – постарайся вспомнить, где и когда ты её мог видеть, и представь эту ситуацию, а я сделаю всё остальное, ну, слышишь? – она смотрела снизу вверх ему в глаза.

– А что ты сделаешь?

– Я вытащу изображение из твоей памяти.

Чудилин с сомнением смотрел на неё.

– Верь мне, всё будет хорошо, продолжала его уговаривать девушка, – закрой глаза, так тебе будет легче вспомнить.

Андрей послушно закрыл глаза, и стал перебирать в па-

мяти случаи, где он мог бы видеть эту печать. Вот! Вспомнил! Когда добирался сюда из запасного полка, в поезде, с ним рядом ехали попутчики – молодые парни лет 18...19, новоиспечённые бортстрелки, из той самой Троицкой военно-авиационной школы механиков! На одной станции с ним сходили. Ещё сегодня, рано утром! И патруль у них у всех ещё документы проверял. Вот тогда он и мазнул по их лётным книжкам мимолётным взглядом! На пару секунд всего.... Неужели этого достаточно? Ведь не запомнил же ничего!

Погрузившись в недавние совсем воспоминания, он не заметил, что в голове сначала как бы слегка подуло лёгким ветерком, а потом как будто маленький котёнок мягкой лапкой погладил. Прямо по черепушке, изнутри.

– Вот и всё!

Услышав это, он очнулся. Агния стояла, улыбаясь, и протягивая ему ещё одну лётную книжку.

– Проверяй, смотри печать.

Чудилин негнушимася на морозе пальцами взял книжечку, раскрыл.

– Елки-моталки! Как же ты это смогла?!

Печать ни на йоту не отличалась от того, что он сегодня видел утром. Да, да! Именно такая, точь-в-точь! Как же она это смогла?! Он восхищённо смотрел на неё:

– Ничего не понимаю! Но как?!

Она задорно рассмеялась, явно довольная своей работой:

– Как, как! Попой об косяк! Вот как!

Пролистал все страницы, внимательно вчитываясь в написанное. Всё, как надо, придраться вообще не к чему. Всё, как полагается, строчка в строчку, на всех страницах. Включая печать.

– Вот это да! – восхищению его не было предела, – это что ж, получается, ты можешь всё, что угодно, из моей памяти вытащить? Из самого дальнего уголка?

– Да, могу. Из самого дальнего уголка. Вот только копать-ся долго придётся! – она весело рассмеялась, – потому я тебя и попросила вытащить данные в оперативку, чтобы мне было легче искать.

– Куда-куда? В оперативку? Это что такое?

– Оперативная память, – деловито пояснил маленький ангел, – ну, это у нас там.... – она замялась, – так называется, – и видя, что лейтенант её не совсем понимает, пояснила:

– Память человека имеет огромный объём, там миллиарды и триллионы образов. В том числе и зрительных. И можно потратить уйму времени, пытаясь найти нужное. А оперативная память это.... – она поймала ошарашенный взгляд лейтенанта, – ладно, вот тебе пример: ты пришёл в магазин, чтобы купить для любимой девушки шоколадку, – она стрельнула в его сторону глазами, – а там на витрине уйма всяких сладостей: и шоколадки, и батончики, и халва, и пастила всякая, пирожные, конфет всяких разных.... Глаза разбегаются. Верно?

– Где ты такой магазин-то видела?

– В Вышнем Волочке такой магазин был... До революции.

А что, таких больше нету?

– Ну, есть, конечно, и сейчас.... «Елисейевский» на Невском, к примеру.

– Ну, пусть будет твой «Елисейевский», не важно. Суть не в этом. Так вот, видя перед глазами такое разнообразие, ты понимаешь, что сейчас совсем запутаешься, и выбирать будешь долго-предолго. И тогда ты просишь продавщицу показать тебе несколько шоколадок, что она и делает, выкладывая их перед тобой на прилавок. Сужая таким образом зону твоего поиска и облегчая тебе задачу. Понял теперь, зачем я попросила вспомнить ту ситуацию, где ты мог видеть эту печать?

Чудилин шумно выдохнул.

– Ну, вроде дошло, – подытожила Агния, – теперь давай разберёмся с красноармейской книжкой. Давай, вспоминай, как она выглядит, во всех подробностях.

– Ах... да, – он как будто очнулся, – здесь-то посложнее будет, даже образца нету... Вот ведь дурень! – он хлопнул себя по лбу, – ведь у того убитого водителя она должна была быть с собой! Надо ж было посмотреть! – он в нерешительности остановился, посмотрел на девушку, – что, может вернуться? Вроде недалеко отошли-то...

– Да не надо, Андрей! – она весело смотрела на него, в глазах её бегали озорные искорки, – ты эту книжку много

раз видел?

– Конечно!

– Ну, вот и вспоминай!

– Выложить шоколадки на прилавок? – улыбнулся он ей в ответ.

– Соображаешь.

Он закрыл глаза. Конечно, красноармейскую книжку он видел великое множество раз, поэтому с лёгкостью представил её себе своим мысленным зрением. Опять где-то в голове как будто прошёлся котёнок, нежно щекоча мягкими лапками... Почувствовав лёгкий толчок, открыл глаза, ожидая увидеть в руках у своего ангела так необходимую им красноармейскую книжку. Даже к чуду привыкаешь быстро...

Но в руках у ангела ничего не было.

– А где...э... – лейтенант удивлённо поднял брови.

– Где, где, в Караганде! – ангел насмешливо смотрел на него.

– Так я не понял... – начал было Андрей.

– Эх ты, непонятливый! Всё я у тебя вот здесь, – она несильно ткнула пальчиком в его лоб, – проштудировала. Да вот только ошибиться снова боюсь: вдруг опять что-нибудь не так будет написано?

– И? – лейтенант облизнул пересохшие губы.

– Давай, поясняй мне – где, что, и как должно быть написано. По каждой страничке. Понял?

Красноармейскую книжку иметь
всегда при себе. Не имеющих
книжек — задерживать

I. Общие сведения

1. Номер военно-учетной специальности
_____ ? _____

2. Грамотность и общее образование (если
окончил техникум, рабфак или ВУЗ, то
указать его название) — 9 классов

3; Национальность Русская

4. Год рождения 1924

5. Год призыва (указать также — нормаль-
ный или досрочный призыв) —
17 августа 1942 г.

6. Каким военкоматом призван Зубовская
А.С.С.Р. Кавказский ДВР

7. Специальность до призыва _____
Учитель

1. Фамилия Целомцев

2. Имя и отчество Алексей Целомцевич

3. Звание и должность Ст. сержант
Старшина 6 БВЛ

4. Наименование части и учреждения
10-го ун. полка 66-го В.С. им. Мавлова

5. Наименование подразделения (батальон,
рота) Эквивалент 6-го батальона

6. № личного знака 17150 82

Личная подпись владельца книжки
Целомцев

Место для
фотокарточки
владельца
книжки

Командир роты
Мещеряков
2. 10. 1942 г.

(Место
печати части)

– А-а, ну да! Точно! – последующие несколько минут Андрей самым подробнейшим образом объяснял ангелу подробности в части заполнения основного документа рядового и сержантского состава – где, что, и как должно быть написано. Дошли до последней странички.

– Так, ладно, я всё поняла, – она будничным движением залезла себе в карман гимнастёрки и вытащила небольшую книжечку, – на, смотри, проверяй. И не забудь сжечь тот первый неудавшийся образец моей лётной книжки!

– Ага, – Чудилин внимательно проверил записи в красноармейской книжке, затем взял первую, неправильную лётную книжку и с видимым облегчением спалил её, развеяв

пепел по ветру.

Через минуту они продолжили свой путь...

Пройдя ещё метров триста, они увидели, как из-за поворота показался шлагбаум и два автоматчика рядом с ним.

– Ну, всё, похоже, пришли... – сказал лейтенант.

Глава 4. Аэродром.

Посмотрев их документы, старшой отдал их, и махнул рукой: мол, проходите.

– Далеко до аэродрома? – спросил лейтенант.

– Да не, недалече, километра полтора, – ответил конопатый автоматчик.

Некоторое время шли молча.

– Слушай, – вдруг вскинулся Чудилин, – а почему у тебя в документах написана моя фамилия? А говорила, что Ильинская. Как так, зачем?

Она остановилась и посмотрела на него снизу вверх:

– Это для того, чтобы ты мог сказать, что я – твоя жена.

– Жена?!

– А почему нет?

– Ну, я не знаю... – лейтенант в смущении почесал затылок, – не тянешь ты как-то на жену.

– В каком смысле не тяну? Мне уже девятнадцать...

– Ну, – он оглядел её с ног до головы – как бы это сказать... Ты больше на девчонку похожа, а не на жену.

Она в упор посмотрела на него:

– Не нравлюсь?

Он смутился, отвел глаза:

– Нет, ну почему же... нравишься.... Просто.... Просто....

– Маленькая, худенькая, да?

– Ну, есть немножко... – неловкий ответ заставил его отвести глаза в сторону, – слушай, а давай ты будешь лучше моей сестрой? А? – нашёлся он.

Она поджала губы, посмотрела на него исподлобья. Укоризненно так. Да так, что ему стало нестерпимо стыдно. От своих слов он был готов буквально провалиться сквозь землю.

– Нет, – твёрдо сказала она – скажи, что я твоя жена.

Чудилину вдруг сразу полегчало.

– Ладно, хорошо: жена – так жена, – сказал он. А про себя подумал: «А ведь и в правду лучше – хоть приставать к ней никто не будет».

– А будет приставать – ты же сумеешь меня защитить? – весело глядя на лейтенанта, спросила Агния.

– Тьфу ты-ну ты! – лейтенант картинно взмахнул руками, – это мне что ж, и подумать уже ничего нельзя? Ты что, все мои мысли будешь читать?

– Я их не читаю – я их слышу, – улыбнулась она.

Дорога петляла между деревьями, листва на которых давным-давно облетела. Держались лишь некоторые, особо стойкие, дубовые листочки. Под ногами чавкала грязь, которую за день размесили проезжавшие по дороге машины, но на обочинах многочисленные лужи были покрыты тонким осенним ледком. Вся земля была припорошена первым снегом... Гул моторов нарастал – было ясно, что до аэродрома остались считанные сотни метров.

На удивление, никаких проблем при явлении под очи нового начальства не нарисовалось. Может, потому, что Чудилин на все вопросы отвечал уверенно и спокойно, а может потому, что у командира полка и начальника штаба и других забот было выше крыши. Агния же вела себя так, что даже заподозрить что-то было просто невозможно. Где надо – молчала, когда надо – кратко отвечала. Ни одного лишнего слова. Как потом она сама призналась, она в тот момент просто следовала за ходом мысли Андрея, и в своих ответах руководствуясь его подсознательными подсказками. Чудилин кратко рассказал про то, как машину, которая их подвозила, обстреляла пара мессершмиттов. Весть о том, что погиб водитель машины здорово огорчила всех в штабе. Ком.полка вздохнул, махнул рукой:

– Михалыча жалко.... Самый старый водила в полку был. Я его с самого начала помню. Ладно, сейчас машину отправим. А ты, Николай Василич, – он обратился к начальнику штаба, – давай, распоряжайся. Мёртвых к мёртвым.... – он вздохнул, – а живых к живым надо определять.

– Лётный состав у нас в основном живёт в соседней деревне. Это 2 км от аэродрома. В избе по 5...6 человек. Тесновато, но потеснятся и вам место найдут, – начальник штаба, капитан Зеленко, взял их под свою опеку и стал прояснять вопросы быта, – тех. состав – здесь, на аэродроме. Здесь прямо у поля – деревня. Правда, уцелела только половина домов.

В них и размещается тех. состав. Удобно – ближе к самолётам, правда, условия похуже: дома, в основном, в плохом состоянии – время от времени нас бомбят немцы, поэтому домам постоянно достаётся. Где стёкол нет, где дверей. Часть лётчиков всё же здесь квартируется – удобно, далеко ходить не надо. Быт, правда, похуже. Если трудностей не боитесь – можете и здесь, около лётного поля, расквартироваться. Есть пара домов в более-менее приличном состоянии. Если надо, нач.хоз вам покажет, какие. Получите вещевое довольствие, обустроитесь. Ужин – в восемь. Завтрак в 6.00, потом – на КП. Всё.

В дальнюю деревню решили не идти, тем более, что было всё-таки далековато – лётный состав вечером туда и утром оттуда возили на машинах. Ради них двоих, понятное дело, никто специально машину среди бела дня гнать бы не стал, а замёрзли и вымокли они изрядно, очень хотелось согреться прямо здесь и сейчас. Да и не особо хотелось тащить свою спутницу туда, где ей будут задавать вопросы, на которые она не сможет ответить. По крайней мере, на первых порах, пока не осмотрится на месте. Да и как селить её в коллектив из 5-6 молодых, здоровых парней? Опять же, проблемы... Известное дело, девушки обычно кучковались в отдельном доме, но она к ним сама не пойдёт – сказала, как отрезала: «должна постоянно быть рядом с тобой». Да и опять же, лишние вопросы... в бабском коллективе их ещё и больше!

Короче, выбрали один из предложенных нач.хозом¹⁵ домов – правда, половина дома была разрушена, но оставшейся кухни и маленькой комнаты хватало для их потребностей. То, что входная дверь болталась на одной петле и стёкла в кухонном окошке были разбиты, Чудилина не особо испугало. Он всю жизнь работал руками, и эта проблема довольно быстро была почти полностью решена: найдя ремонтные мастерские, которые располагались совсем недалеко, он разжился инструментом, гвоздями, и дело пошло...

Агния же, оказавшись в более-менее привычной ей обстановке, сразу же затопила печку, и сравнительно быстро привела кухню и комнату в жилое состояние. Печка поначалу безбожно дымила, но труба, в конце концов прогрелась, и дым наконец-то пошёл куда надо. Агния ловко выгребла кучу золы из поддувала – огонь в печке загудел, забился оранжевым зверем, в избе стало понемногу теплеть.

Устроились, по мнению Чудилина, очень даже неплохо: в числе вещевого довольствия выданного им, оказались даже две простыни. Стиранные-перестиранные. В куче дырок, но лейтенанту, привыкшему за годы войны спать на сене, или в лучшем случае на голом тюфяке, и это показалось верхом комфорта. Ловко выменяв у оружейников оставшуюся у него с запасного полка пачку «Казбека» на старый помятый чайник и горсть парафиновых свечей, он поднял их бытовые

¹⁵ Увы, автор не может знать всё до тонкостей, возможны ошибки. Некоторые подробности вообще очень трудно узнать, приходится додумывать самому.

условия на приемлемый уровень. Мятая, ржавая, но совсем без дырок шайка и ржавое ведро дополнили список домашней утвари.

Для начала лейтенант приладил на место входную дверь, затем заколотил разбитую половинку окна фанерой, после этого довольно быстро починил и пару развалившихся деревянных кроватей. В общем, часа через полтора хозяйственные хлопоты благополучно закончились. Лейтенант посмотрел на часы – шестнадцать двадцать пять... До ужина оставалось ещё три с половиной часа. Но осталось одно очень важное дело... Дело в том, что в том виде, который они имели после барахтанья в дорожной грязи, ну никак нельзя было идти в столовую. Прибыть под очи начальства и доложиться – да, можно. Тут никуда не денешься. Сбегать за инструментом к ремонтникам, по пути выменять у оружейников папиросы на чайник – тоже вполне допустимо. Рабочие моменты, так сказать... А вот показаться в таком виде будущим сослуживцам – стыд и позор (встречают-то по одежке...), тем более было время привести себя в порядок. Дело стало за малым – помыться, и постираться. Как только была затоплена печка, предусмотрительный Чудилин поставил греться на печку ведро с водой, и к тому моменту, когда была закончена починка кроватей, вода в ведре согрелась.

– А это нам помыться, да? – спросила Агния.

– Да надо бы... – он смущённо почесал кончик носа, и искоса поглядывая на девушку.

– Кто первый? – весело спросила она.

– Э-э... девочки вперёд, – быстро нашёлся Чудилин.

– Хорошо, – спокойно ответила Агния, пошла за печку, громыхнув, поставила шайку на пол. Всё, что было дальше, Чудилин, понятное дело, лицезреть не смог, так как перед тем, как раздеться, она его строго предупредила:

– Не подглядывай!

Сидя на кровати, и разглядывая засиженные мухами шторы на окне, лейтенант живо представлял себе то, что происходило за печкой, в двух метрах от него, и от таких мысленных видений у него сначала шустро зашевелилось в штанах, а потом и вовсе вся его мужская сущность встала колом. Плескание за печкой продолжалось, и чтобы прекратить это титанические мучения, лейтенант решил выйти из избы. Но только он подошёл к двери и приоткрыл её, из-за печки донеслось строгое:

– Ты куда? Не уходи.

– Это ещё почему? – удивился Чудилин.

– Ты должен быть всегда рядом со мной!

– Да почему?

– Почему, да почему! Да потому!! Иначе я не смогу тебя защитить.

– Так что ж, а если я в уборную пойду, так ты будешь под дверью стоять? Так что ли? – искренне возмутился он.

– Буду стоять, – последовал категоричный ответ, – Я – ангел-хранитель. И я должна быть рядом с тобой круглосуточ-

но!

– А если пойдёшь ты, то что, мне, значит, тоже под дверью торчать прикажешь?!

– Андрей! Я, как ангел-хранитель, должна находиться рядом с тобой постоянно. Понял ты, наконец, или нет?! – по её голосу из-за печки было слышно, что на этот раз своего ангела-хранителя он рассердил всерьёз.

– Понял, – упавшим голосом обречённо вздохнул Чудилин, и снова сел на кровать.

Ах, если бы он знал, какое испытание предстоит ему сегодня ночью!!!

– Полотенца куда дел? – послышалось из-за печки.

– Тута, – холодея всем сердцем, сдавленно и хрипло произнес Андрей, нащупав справа от себя пару вафельных полотенец, выданных им пару часов назад пожилым старшиной-сверхсрочником при получении ими вещевого довольствия.

– Давай сюда. И отвернись.

Держа полотенце на вытянутой руке, тщательно отвернувшись, и стараясь не высовывать из-за печки нижнюю часть тела с оттопыренными штанами, он обогнул печку и подал ей полотенце.

– Спасибо.

– Всегда пожалуйста, – сипло прохрипел он: в горле всё пересохло.

Хлопнув дверью, выскочил на крыльцо, невзирая на её

возмущённые возгласы, и подставил лицо холодному воздуху. Дышалось легко и свободно. «Надышаться можно только ветром» – подумалось внезапно. Через пару минут скрипнула дверь, из-за неё высунулась весело, с хитринкой в глазах, улыбающаяся Агния:

– Иди, страдалец, теперь твоя очередь!

Наскоро помывшись (и не забыв взять при этом полотенце, чтобы не просить его принести), Чудилин, крикая от удовольствия, растёрся полотенцем и вышел из-за печки. Агния, поджидая его, сидела, забравшись на кровать с ногами, в одних трусах и майке, обхватив колени руками и прижавшись спиной к тёплому боку печки. Сидела, и в глазах её был вопрос: «Что дальше?»

Чудилин смутился, отвёл глаза – он понял, что она не имеет ни малейшего понятия о том, что и как нужно делать дальше. В смысле, она была совсем не в курсе, как будет проходить их совместная служба. Ждала, одним словом, его распоряжений. Или не ждала?

– Послушай, Андрей! – развеяла она его сомнения, – ты уж меня извини, но я действительно не знаю, как тут у вас и что. Тебе придётся всё мне объяснять, по ходу дела.

Встретив его вопросительный взгляд, она, горестно вздохнув, пояснила:

– Ты, конечно, удивлён: как так – ангел-хранитель и ничего не соображает. В смысле, чем и как живёт его подопечный. Извини, – она пожала плечами, – я этого действительно

не знаю. Ну, если точнее, знаю, но только в общих чертах. Понимаешь?

Чудилин отрицательно помотал головой. Она вздохнула и продолжила:

– Ладно, слушай: главная задача ангела-хранителя заключается в том, чтобы именно хранить своего подопечного, а не вникать в тонкости его бытия. Это как бы... Как бы... Некое сито. Насыпал муку, потряс – мука просеялась, а мусор остался. Так вот, все эти подробности твоего бытия – мусор. Информационный мусор. У нас это там... – она неопределённо помахала ладошкой, – автоматически фильтруется. Для того, чтобы... чтобы ангел не загромождал своё сознание лишней информацией, которая мешает ему выполнять его основную работу. Теперь понял?

Раздражение опять овладело всем его существом, и он не удержался:

– Да понял я, понял. Вот только в толк не возьму: тебе-то что мешало? Работу свою выполнять?

Ангел в трусах и майке обиженно насупился, и уткнувшись носом в колени, молча сидел, виновато скосив глаза в сторону. Дрова в печке трещали, заново налитая в ведро вода снова согрелась. Грязная одежда лежала на лавке...

На улице смеркалось...

Чудилин посмотрел на девушку, потом на часы. До ужина предстояло решить ещё одну проблему. Вещевое довольствие на складе они получили не полностью – старши-

на-сверхсрочник смущённо косил глазами в сторону, говорил что-то про ключ, который случайно унесли, но «вот-вот принесут, да вы подождите здесь полчасака». Полчасака ждать не хотелось – одежда на них была мокрая, пропитавшаяся грязью, девушку буквально трясло от холода, и они вернулись в выделенную им избу, где уже горела растопленная Агнией печка.

Наконец, он принял решение:

– Так! Сейчас семнадцать десять. Нач.штаба сказал, что ужинают здесь в восемь. Должны успеть, – и стараясь на неё не смотреть, деловито собрал их вещи и понёс за печку.

– Неужто стираться задумал? – послышался вопрос со стороны кровати.

– Задумал. Без этого никак. – он оценивающе посмотрел на пышущий жаром бок печки, – думаю, что успеем высушить.

– Давай-ка лучше я постираю! – она спрыгнула с кровати и босиком побежала к нему.

– Куда босиком!? Мне ещё тут ангела с соплями не хватало! – накинулся на неё лейтенант.

Она остановилась на полпути, опешив от такого обращения.

– Сапоги надень! – он взял за голенища её сапоги и бросил в её сторону. И бурча себе под нос, стал наливать в шайку тёплую воду для стирки, – Навязалась мне тут на голову, дурёха!

– Я всё слышу! И я не дурёха! – сердито сопя, она натянула сапоги на босые ноги, – так пойдёт?

Чудилин улыбнулся: перед ним стояла худенькая девчонка-подросток в чёрных мужских трусах и в тёмной армейской майке. Спереди майка топорщилась от двух маленьких, развёрнутых вверх девичих грудей с торчащими сосками. Красивые, с правильными пропорциями, но явно худоватые ноги утопали в кирзовых сапогах. По всей открытой поверхности ног бежали мелкие пупырышки гусиной кожи. Она, обхватив себя руками, зябко поёжилась. Острые плечики выступали, выделялись ключицы, большие глаза вопросительно смотрели на него.

«а фигурка ничего, правильная» – по-мужски про себя оценил её Чудилин, – «вот подкормить бы её маленько....» а вслух сказал:

– Слушай, полезай-ка ты вообще на печку! Чего ты тут бродишь, коленками отсвечиваешь? А там отогреешься. А я пока быстренько здесь всё простирну, да на печку сушиться повешу. Идёт?

– Нет! Не идёт! Я не согласна! – она вздорно вздёрнула носик, – стирать – это женское дело. Дай я!

– На войне нет женских дел! – отрезал лейтенант, – И каждый боец Красной Армии.....

– Слушай ты, боец! Красной армии! У тебя что, других дел нету? Мужских дел? У нас вон, на крыльце две доски проломлены, пойди, да почини! – она сердито махнула ру-

кой в сторону входной двери, – или хочешь себе ногу сломать? Или, хуже того, голову разбить? Что, ангел-хранитель тебе обязан ещё и доски на крыльце прибавать? – она в ответ разошлась не на шутку, – иди, займись! А это... Дай сюда!

Она неожиданно сильно и решительно оттеснила его от шайки с тёплой водой, бросила туда кусок мыла. Обернувшись на топтавшегося в нерешительности сзади неё Чудилина и сильно толкнула его попой:

– Иди давай! С женскими делами я и без тебя справлюсь.

– Хорош толкаться-то! – возмутился лейтенант, – и куда я в трусах на улицу пойду? Холодрыга!

– Навязался на мою голову! Ну, не ходи на улицу! У тебя и в доме есть чего делать! Вон, – она ткнула пальцем в сторону стола, – одна нога у стола сейчас отвалится. Я, что ли, должна её на место поставить? Вот и сделай!

Чудилин отошёл, похмыкал, бурча себе под нос:

– Навязался... Это ещё неизвестно, кто к кому навязался! – и взяв в руки молоток, пошёл чинить стол.

– Я всё слышу! – послышалось из-за спины.

Но лейтенант бег мыслей удержать уже не мог: «борт-стрелок, бя... Командира не слушает, каково, а? Засранка... мать твою...».

Ответка прилетела мгновенно:

– Засранка, значит?! Я тебе! – она резко лягнула ногой, метя треснуть его каблуком своего сапога. Вместо этого, тяжёлый кирзач, не удержавшись на её босой маленькой ноге,

слетел с неё и упал на пол рядом с Чудилиным.

– Да ты охренела! Бунт на корабле?! – уже не по-детски вскипел лейтенант.

– А не надо такие слова про меня думать! – обиженно надулся ангел, – дура-а-ак! Отдай мой сапог!

Она стояла у шайки с грязной замоченной формой, и сердито смотрела на него через плечо. Лейтенант поднял с пола сапог и шумно и зло сопя, набычившись и широко расставив ноги, стал перебирать в голове всевозможные способы наказания строптивой девчонки. Вариант надрать ей жопу ремнём показался ему самым подходящим...

Точно! Именно, что надрать! Достала уже!

Рука сама собой уже потянулась к ремню, висевшему на спинке кровати. Он на мгновение поймал её взгляд. В нём читался ужас и отчаянный вопрос: «Неужели ты на ЭТО способен?!».

Из Чудилина как будто вышел весь воздух – он сдулся, поник плечами, брови, сведённые к переносице, встали на своё обычное место. Стало нестерпимо стыдно. Блуждая потерянным взглядом, он посмотрел на её маленькую босую ногу. Агния её зябко поджимала, не желая ступить ею на холодный пол. В её глазах тоже отражалось раскаяние. Она тихо произнесла:

– Андрей, я больше не буду, отдай сапог, ну по-о-ожалуйста! – протянула она.

– Ну ладно, но больше так не делай! – Андрей подошёл к

ней и надел ей сапог на ногу.

Но червячок самолюбия никак не хотел отпускать... «Истеричка» – подумалось в голове.

– А ты больше не говори такие слова про меня! И не думай тоже – я ведь всё слышу, понимаешь? – она откинула мокрыми руками прядь волос со своего лба. – И не истеричка я! Мне просто обидно!

– Ладно, мир, – нехотя согласился Чудилин, и пошёл приделывать к столу отвалившуюся ножку.

Некоторое время тишина разбавлялась только стуком молотка да жмаканьем мокрой формы в шайке.

Через четверть часа она поставила перед ним шайку с постиранной формой:

– Поможешь отжать? А то у меня сил не хватит. Давай, я с этого конца, а ты с того...

Чудилин отобрал у неё всё, что она постирала, и быстро отжал всё это сам, мотивировав свой поступок просто:

– Если я закручу с одного конца – ты же второй не удержишь. Я ж тебя вчетверо сильнее. Один справлюсь.

Она пожала плечиками, молча отвернулась. Когда он отжимал постиранное, она бросила украдкой пару взглядов на его мощную мускулистую спину, где от каждого его движения играли узлами комья мышц. В свои 23 года Андрей Чудилин был развит прекрасно: высок, строен, подтянут, красив. Пока он развешивал сушиться на печке постиранную и отжатую форму, она исподтишка рассматривала его со спи-

ны...

Через два с половиной часа, когда чистая, отстиранная и почти досуха отжатая Андреем форма подсушилась на печке, он оделся во всё чистое («Эх, погладить бы! Да где же сейчас этот утюг найти?!»), застегнул ремень, заправил складки гимнастёрки за ремень, и надел сапоги.

– Двадцать-ноль-ноль, – он посмотрел на часы – почти. Можно сказать, успели. Пошли в столовую.

– Зачем? – захлопала она ресницами. Агния тоже уже успела переодеться в выстиранную и высушенную форму.

– Здравсьте, я ваша тётя! – Чудилин раскинул в стороны руки, – Как зачем? На ужин! Или ангелам и на земле кушать не полагается?

– Ну почему же... – она смутилась. – Полагается, наверное... Я не знаю... Да я что-то не хочу....

– Не хочет она... – он весело хмыкнул, и за плечики легонько подтолкнул её к выходу, – Положено! Пошли!

– Так, стоп! – он резко остановился, и критически осмотрел её с обеих сторон, поворачивая её как куклу, за плечи.

– Чёрт! – он поспешно полез в свой вещмешок, секунд десять тщательно в нём рылся, и тут три его пальца вдруг высунулись в прореху в дне мешка, – едрит твою налево! – выругался он, – осколком пробило!

– И что? – девушка наклонилась к его вещмешку.

– Да вывалились иголка с ниткой... и зубная щётка вроде тоже, – расстроено сообщил он.

– Это чтобы дырочки от пули на моей э-э... гимнастёрке зашить, да? – поймала она его мысль.

– Для этого самого.... Тьфу ты! – он в сердцах плюнул, и засунув руки в карманы галифе, прошёлся по горнице, – ну, не порядок же! Как людям-то на глаза показаться?!

Сзади послышался шелест снимаемой одежды...

Он обернулся и обомлел: девушка тихонько сидела на лавке, держа свою гимнастёрку на коленях и быстрыми, отточенными движениями ловко зашивала дырочку от пули.

– Это ты... ты... как успела? Откуда иголка с ниткой.... Взялась? – опешил лейтенант.

Она перегрызла нитку зубами, перевернула гимнастёрку другой стороной, и бросила на него быстрый взгляд:

– Ты забыл, кто я?

Чудилин с шумом втянул воздух:

– Мда-а... сотворила, значит? Что, опять? Теперь уже и иголку с ниткой?

– Ага, – она быстро кивнула, – давай и твою. Снимай уже, я заканчиваю.

Лейтенант стянул с себя гимнастёрку, и держа её в руках, с неподдельным восхищением смотрел, как её маленькие и ловкие пальчики буквально порхали, доштопывая уже вторую дырочку в её гимнастёрке...

Она оделась, протянула руку:

– Давай!

– Слушай, я вот что подумал... – начал было лейтенант

свою очередную мысль.

– Да поняла я, – она кивнула головой, – эту дырочку я зашью немного иначе. Чтобы вопросов было поменьше.

– А... м-да... – привыкнуть к тому, что кто-то схватывает твою мысль быстрее, чем ты её успеваешь озвучить, было очень непросто, – я ещё вот о чём хотел сказа...

Она, перекусывая нитку, опять кивнула:

– Ага. Буду помалкивать, иначе могу наговорить лишнего, – она сунула ему в руки его гимнастёрку, – а если мне всё-таки надо будет ответить, то я должна сначала прислушаться к твоим мыслям – там я найду подсказку. Так?

– Ну, в общем, ты всё правильно понимаешь, – он действительно сильно беспокоился о том, чтобы его спутница не послужила причиной какого-нибудь неожиданного конфуза при встрече с будущими сослуживцами. Он вздохнул, ещё раз бросил взгляд на часы, – Ладно, пошли. Авось пронесёт.

Глава 5. Пойдёшь ко мне ведомым?

В столовой для лётного состава былолюдно и весело – за этот день был всего один вылет шестёркой, и похоже, удачный: все вернулись целые и невредимые. Совершившие в этот день боевой вылет весело опрокидывали свои заслуженные 100 грамм, остальные их дружно подначивали и шутили. Чудилин, войдя, представился:

– Лейтенант Чудилин, будем воевать вместе, это мой стрелок, сержант Чудилина.

Со всех сторон нёсся весёлый гогот, подтрунивания:

– Жена, что ли?

– Жена, – коротко ответил Чудилин.

– Давай к нам, лейтенант, со своим стрелком! И жену свою сюда тащи! – зареготали дружно несколько молодых парней.

Поговорив немного с лётчиками, лейтенант сел за свободный стол, и посадил Агнию рядом. Подошла официантка, и поставив перед ними тарелки с ужином, стрельнула глазами на нового офицера, затем скользнула взглядом по девушке, сидящей рядом с ним.

– Компот сейчас принесу, – бросила она через плечо, удаляясь в сторону окошка раздачи.

– Это что, ресторан? – наклонившись к лейтенанту, шёпотом спросила Агния.

– Ну, какой же это ресторан? – оглянувшись («не услышал

бы кто...»), пояснил лейтенант. – Просто столовая. Я ж тебе говорил. Для лётного состава, – добавил он.

– А это – лётчики? – она показала глазами на окружающих их людей.

– Лётчики. И стрелки тоже¹⁶

Она внимательно оглядывала окружавшую её непривычную действительность. Всё было внове, всё удивляло. Всё требовало хоть минимального, но разъяснения.

– А вон те, – наклонившись к нему и негромко, на ушко, – за дальним столом – что, водку пьют? Да?

– Водку, – кивнул лейтенант, – им полагается.

Чудилина здорово напрягал этот диалог: в любой момент их могли услышать и задать неудобный вопрос: «ты кого сюда привёл, лейтенант?».

Желая прервать поток неуместных сейчас вопросов, Чудилин придвинул к ней поближе тарелку:

– Ты, вот что, налегай-ка давай на котлеты.

Официантка принесла обещанный компот. Ушла, ещё раз стрельнув глазами.

– А за что водка полагается? – не унимался любопытный ангел.

– Ну как за что? За боевой вылет. Кто сегодня не летал – тем не полагается. Традиция, – пояснил он.

– Поня-я-ятно... – задумчиво прошептала она. – А что, и

¹⁶ экипаж штурмовика Ил-2 состоял из двух человек: лётчик и бортовой стрелок, сокращённо – бортстрелок, или просто стрелок.

стрелки пьют?

– Конечно.

– Можно я не буду? Потом. Ну, когда мы тоже полетим...

– Можно. Слушай, давай уже ешь, хватит болтать!

Агния попробовала принесённый ужин. Немного подумала, потом встрепенулась, и опять потихоньку, на ушко:

– А что, пить не обязательно?

– Нет, не обязательно, – говорить с набитым ртом было трудно, – можешь не пить.

– А ты не будешь?

– Так, всё! Об этом – потом. А сейчас....

Договорить он не успел – к ним подсела пара опоздавших летунов (лётчик и стрелок – это было видно по их погонам). А лётчик, видать, был целый комэск – погоны-то у него были капитанские. На гимнастёрке капитана отсвечивал красным лаком орден «Красной Звезды», и ещё редкий пока орден «Отечественной Войны». Андрей Чудилин видел его впервые.

Капитан – молодой, лет 25...26, здоровый, плечистый, с уверенностью в движениях, сел за их столик, и просто, по-свойски протянул крепкую ладонь:

– Капитан Миронов, командир второй эскадрильи. Ты – Чудилин?

– Так точно!

– А это твой стрелок? – он кивнул в сторону смутившейся девушки.

– Он самый, сержант Чудилина, – и добавил: – жена.

После этого лейтенант скосил глаза на Агнию и подумал специально для неё, надеясь, что она услышит его мысль: «молчи, ради Бога, молчи!». Но она и сама, видать, поняла, что с лишними вопросами надо обождать, и сидела теперь молча, как будто набрала в рот воды.

Капитан коротким кивком головы влево показал на своего стрелка:

– Старший сержант Никишин. Николай. Очень рекомендую: лучший стрелок эскадрильи и внучатый племянник барона Мюнхгаузена.

Стрелок комэска, тоже плечистый, но поменьше ростом, чуть постарше капитана, с живыми глазами, и с модными косыми бачками на висках, от неожиданности аж поперхнулся. Капитан похлопал его по спине могучей ладонью:

– Кушай, кушай, Колян! – засмеялся капитан, – не обращай внимания, – и повернувшись к Чудилину, продолжил:

– Мне про тебя в штабе сказали, что ты к нам из истребителей попал. После ранения, стало быть?

– Так и есть, – нехотя подтвердил Чудилин, – переучился, потом запасной полк.

– Да это ерунда! Главное, что не желторотый. У тебя же и сбитые вроде есть? – слегка прищурился комэск.

– Ну, есть, – и поймав вопросительный взгляд, Чудилин скромно добавил, – пять. Просто повезло.

– Ну да, «повезло»! За «повезло» такие награды на грудь

не вешают! – капитан кивнув, показал глазами своему товарищу на награды лейтенанта, – понял, Николай, каких нам людей порой судьба присылает? – он обратился к своему стрелку.

– Угу... – кивнул тот с набитым ртом.

– Тогда слушай сюда! – он немного наклонился к своему собеседнику, – у меня как раз забрали ведомого. Вон, вчера молодые пришли – он показал глазами на соседний столик, – одного из них ведомым к старшему лейтенанту Кутееву поставили. А старший лейтенант Кутеев до этого сам был ведомым. У меня. И вот теперь мы с Колькой, – он ещё раз хлопнул по спине своего стрелка, – вроде как сироты. Сапожник без сапог. Короче: пойдёшь ко мне ведомым?

Андрей так и просиял от счастья: быть ведомым у командира эскадрильи – это высшая степень доверия к новичку. Но и большая ответственность: облажаешься – потом вовек не отмоешься.

– Конечно, пойду!

– Ну и отлично! Значит, договорились!

– А самолёты свободные в полку есть? – чтобы закрепить успех, решил на всякий случай уточнить лейтенант.

– Ситуация каждый день меняется: сегодня есть, завтра нет. Потери материальной части почти каждый день. Что-то ремонтируют, что-то списывают. Мы вон, с Колькой, – он указал глазами на своего стрелка, – за неделю уже две машины сменили. Короче, завтра утром разберёшься. Да завтра и

погоды лётной не будет: в метеослужбе об этом однозначно сказали. Так что время у тебя есть...

Некоторое время ели молча, насыщаясь котлетами с жареной картошкой.

– На Ленинградском фронте воевал? – как бы между прочим поинтересовался стрелок комэска, кивнув на медаль «За оборону Ленинграда», висевшую на груди Чудилина.

Тот молча кивнул.

– Сам-то из Ленинграда, так, что ли? Или нет? – прищурился старший сержант.

– Ага, из него самого, – лаконично ответил лейтенант.

– Ого! – воскликнул старший сержант, – земляки, значит! Я ж тоже – Ленинградский! А ты где жил-то, землячок?

– Так на Новоовсянниковской улице, недалеко от Кировского завода. На нём же и работал. Электромехаником, – спокойно и с достоинством ответил лейтенант.

– Новоовсянниковская... Новоовсянниковская... О! Это же... это же... – старший сержант приставил палец ко лбу и картинно наморщил лоб: – рядом с Огородным переулком, верно? Там ещё рынок на углу! Отчего же?! Очень нам это место хорошо знакомо! Эта улица твоя на улицу Стачек¹⁷ выходит, точно! – радостно вскричал Коля Никишин, – считай, соседи! Я-то с Лиговки! Совсем рядом!

¹⁷ улица Стачек в Ленинграде впоследствии стала называться проспектом Стачек. Улица Новоовсянниковская и Огородный переулок – есть в Санкт-Петербурге и сейчас. Рынка на углу Огородного и Стачек давно уже нет, но были перед войной.

– Ну да, – кивнул, соглашаясь, лейтенант Чудилин, – недалеко.

– Слушай, а это... товарищ лейтенант, – сержант Никишин вытер губы тыльной стороной ладони, – а это что, тебе на груди ещё для одного ордена пуля пыталась дырочку просверлить?

– Осколок, маленький, – спокойно ответил на подколку лейтенант, – сегодня на машине сюда ехали, пара мессеров нас обстреляла.

– А так это что ж, вы на той самой машине ехали? – Коля аж перестал жевать, – так ведь там Михалыча убило, ну, шофер пожилой такой был...

– Мы же и сообщили об этом, когда добрались.

– А-а-а... вон оно как было-то! – протянул Николай, – жалко Михалыча... А вы как же? Всё-таки пометило? – он кивнул на заштопанную дырочку на груди Чудилина.

– Да-а-а... так, ерунда! Гимнастёрку порвало да царапнуло слегка, йодом в медчасти помазали, и всё, а дырочку Агния заштопала уже, – Чудилин тепло посмотрел на тихо сидящую рядом девушку, – да и постирала тоже. Нас же из машины выбросило. В грязи побарахтаться пришлось...

– Агния. Агния... – пару раз произнёс Николай её имя, как бы пробуя его на вкус, – ничего, хорошо звучит. Слушайте, – он перескочил на другую тему, – а вы чего, на складе-то вещевое довольствие ещё не получили?

– Да там какая-то история приключилась, – замялся лей-

тенант Чудилин, – старшина говорит: это мол, могу выдать, это не могу... ключа какого-то он якобы не может найти.... Попозже, говорит, зайдите.

– А-а! Цукерберг! – Коля наклонился поближе, и произнёс тихо и конфиденциально: – жидовская морда. Опять что-то мутят. Снабженцы, – пояснил он, – сегодня уже не ходи, там замок висит. Иди завтра утром, и требуй, всё, что положено. А будут артачиться...

– Так, Колян, завязывай, – оборвал его комэск, – на тебя уже оборачиваются...

Коля уткнулся носом в тарелку. Хватило его ненадолго: – Э-э... товарищ сержант, – это уже к Агнии, – а вас, что, тоже – осколком?

И показал глазами на заштопанную дырочку в её гимнастёрке. Девушка немного помедлила, как будто к чему-то прислушиваясь, и ответила:

– Не-е... это мне в госпитале выдали при выписке. Это чья-то чужая гимнастёрка. Там и сзади есть, вот, – она в пол оборота повернулась к сидящим напротив них комэску и его стрелку. Коля заглянул сбоку, чтобы лучше рассмотреть, и аж присвистнул:

– Ого! Сквозное! Вот парню-то не свезло! С покойничка-то одёжка! А ты то сама каким боком в госпитале оказалась? Ты ж вроде сюда прямо из училища приехала, на фронте ещё не бывала. Как успела-то?

Она ответила, опять немного помедлив:

– Да очень просто – за неделю до выпуска живот заболел. Доктор в сан.части посмотрел, посмотрел, и говорит: аппендицит, надо резать. Вот в госпиталь и отправили. Шесть дней там провалялась.

– К выпуску-то успела, получается?

– Успела... да только другую гимнастёрку уже выдавать не стали. Сказали: до части доедешь, там тебе всё одно новую выдадут.

– Дадут, дадут, – Николай жадно и со вкусом выдул свой компот, – всё дадут. А потом догонят и ещё добавят!

Агния в лёгкой панике непонимающе посмотрела сначала на Андрея Чудилина, затем на капитана. Ей ещё многое предстояло понять....

Глава 6. Ангелы не спят.

В тот вечер лейтенант и его стрелок перезнакомились в столовой со всеми, кто там был, особенно с лётным составом второй эскадрильи. Народ был в основном, молодой, лет 20...23, некоторые чуть постарше. Молодые, здоровые, весёлые, они очень понравились Агнии. Как она позже призналась Андрею, она очень волновалась вновь оказаться среди людей. Но всё прошло, как нельзя лучше – сам факт наличия девушки-стрелка не особо удивил присутствующих – в первой эскадрилье таких было аж целых две. Да плюс обилие женского пола среди тех.персонала: техники, вооруженцы, мотористы, водители, парашютотокладчицы. В БАО¹⁸ бы-

¹⁸ БАО – батальон аэродромного обслуживания

ло несколько зенитчиц, персонал столовой, опять же...

Опасаясь наговорить лишнего, Агния всё больше помалкивала, смущённо улыбаясь, но как губка, впитывала информацию, вихрем проникавшую в её сознание по всем каналам: зрение, слух, обоняние, осязание. Был ещё один канал. мысли окружающих её людей. Её буквально захватил вихрь непонятных для неё слов, понятий и устремлений этих, без сомнения, замечательных людей. Её личные ощущения и переживания, связанные с войной, которые ей тоже пришлось пережить при той её жизни (тогда, много лет назад), кардинально отличались от того, что её окружало в данный момент. Она помнила те голодные годы Империалистической войны, которую она застала, помнила то ощущение тотальной тоски и обречённости, которая сквозила во всех разговорах, читалась на всех лицах, особенно на лицах тех, кто ехал в теплушках на фронт. На убой, как тогда говорили. Хотя везде, во всех газетах писали иначе: «За веру, царя и отечество».

Здесь же, в столовой лётного состава, окружённая со всех сторон несколькими десятками жизнерадостных молодых парней, она видела и чувствовала совсем другую атмосферу. Ловя обрывки мыслей, и вслушиваясь в разговоры окружающих, она ощущала непоколебимую веру в победу, уверенность в своих силах. А небольшие и редкие признаки страха, которые нет-нет, да и проскальзывали у некоторых в обрывках их мыслей, тщательно скрывались от своих сослуживцев.

И теперь, после ужина, она молча шагала по темноте рядом с Андреем и раскладывала по полочкам в голове всё то, что она узнала во время посещения столовой. Вера у этих людей определённо была, но не в том привычном ей варианте веры в Бога, а вера в Победу. Поразмышляв над этим, она пришла к выводу, что это тоже неплохо, а в данной ситуации может быть, даже и лучше. Понятие Отечества у них было тоже в приоритете, правда, использовалось другое, но очень близкое слово – Родина. И они действительно готовы были отдать за неё свои жизни. И... странно... ни одного слова, ни одной мысли про Царя... И даже портрета на стене нет.... Почему?

– Завтра подъём в пять тридцать! – вернул её к действительности голос её подопечного. Они уже пришли в своё жилище, и Андрей, присев на корточки у печки, подбросил в неё ещё несколько поленьев.

– Надо уже ложиться спать, да?

– Да надо бы... – смущённо сказал лейтенант Чудилин.

– Ну, ладно, я сейчас постелю, а ты иди, мойся там, зубы чисти и прочее... – весело сказала Агния, – и кстати! Вот тебе новая зубная щётка, – она протянула к нему свою маленькую ладошку, и на ней прямо из воздуха появилась зубная щётка, точно такая же, какая выпала у него сегодня утром из порванного осколком вещмешка, – не теряй больше, потеряшка!

Не найдя слов, Чудилин, благодаря, только кивнул в ответ – ну как привыкнуть к тому, что можно вот просто так взять и сотворить заново утерянную вещь, да ещё и покопавшись перед этим у него в мозгах, чтобы вытащить оттуда образ того, как эта вещь выглядела? Да ещё и эти её слова... Скажет что-нибудь эдакое, а ты потом расшифровывай!

Слегка озадаченный этим «и прочее», Чудилин, прихватив зубную щётку и коробочку с зубным порошком, шарханул за дверь.

«Что она имела в виду? Что я ещё должен сделать? Может что-то ещё надо помыслить?» Ломал он себе голову. «Ё-мое!!» пронзила его внезапная догадка. «Неужели ЭТО?! Нет, не может быть – она же Ангел! С ней делать ЭТО никак нельзя! Или всё же можно?! Женой назвалась... Нет, нет, нет! Ни в коем случае!» рассуждая так, он не заметил, что увлечшись, чистит зубы уже по четвёртому кругу. «Ёлки-палки, а если сама предложит, что тогда?» – терзал он себя.

В голову полезли воспоминания... После десятого класса он «ходил» с Мариной, красивой и смешливой соседкой, и по совместительству бывшей одноклассницей, которая почему-то выбрала его. Кино, мороженное, поцелуи, прогулки по ночному Невскому проспекту... Но ничего более. Вскоре выяснилось, что подобные прогулки она совершает и в обществе других парней. Последовало бурное объяснение, в ходе которого Андрей узнал, что у девушек, оказывается, бывают «искания», и что «...если он думает, что он самый-самый, то

он слегка ошибается». И что любовь «надо завоёвывать». На следующий день он, как назло, столкнулся нос к носу со своим бывшим одноклассником Фёдей Столешниковым, который вел под ручку его (его!) Марину. Фёдька был шире в плечах, обладал здоровенными кулаками, славился как первый драчун в их классе. Что, однако, не остановило Андрея. Он встал на пути Фёдьки, и когда парочка поравнялась с ним, и упёрлась в него, каменными губами спокойно произнёс:

– Стол! Я ж тебе говорил, что Маринка моя. Вали отсюда.

Фёдька небрежно перебросил прилипшую к языку папироску справа налево и, быстро косанув взглядом куда-то вбок, выдохнул Андрею прямо в лицо:

– Тебе, что, зубы жмут, или глаз лишний? Я ж тебя...

Договорить Фёдьке Андрей не дал – врезав с ходу ему в переносицу, и оглушив его первым же ударом, и тут же левой врезал под дых, заставив согнуться. Третьим ударом снизу Андрей ловко поддел его под челюсть, а затем, не давая опомниться, под истошный визг Марины, несколько секунд отчаянно молотил его руками и ногами, пока тот не свалился на землю. Сбоку слышались крики, шум и матюги. Бросив туда заполошный взгляд, Андрей сразу вычленил из толпы двух бугаёв – Фёдькиных дружбанов (вот куда Фёдька косил глазом!). Два широкоплечих здоровяка расталкивая зевак, уже почти вырвались на свободное пространство, где зажимая руками разбитое в кровь лицо, корчился на земле их атаман. Андрей отскочил в сторону, сунул правую руку с раз-

битыми костяшками в карман, и удерживая её там, ощерясь, угрожающе прошипел:

– Ножа, падлы, захотели?!

«Падлы» как-то сразу сбляднули, и не желая вписываться за своего подрастерявшего авторитет пахана, ограничились посылом в сторону Андрея обещаний «ещё, сука, встретимся!», и пожеланий «теперь, гнида, ходи и оглядывайся!». Одновременно с этим пытаюсь поставить на ноги своего атамана. А Андрей, воспользовавшись заминкой и общей суетой, быстро и благоразумно растворился в темноте.

Потом, петляя по тёмным переулкам, долго приходил в себя, засасывая кровь на разбитых костяшках, и пытаюсь унять поганую дрожь в ногах – ведь никакого ножа у него в кармане не было...

После этого случая Федька обходил его десятой стороной, а Марина заявила Андрею, что «если он будет продолжать в таком же духе, то очень скоро сядет в тюрьму», и что Федьку она совсем не любит, но теперь сильно его жалеет, ведь ему «было так больно». Но на предложение Андрея сходить в кино, отказом, впрочем, не ответила, и всё-таки пошла...

Правда, подобные неприятности с прочими претендентами потом были ещё пару раз, но к тому моменту Андрею Чудилину стало понятно – это всё же не то, чего он хочет. Конфетно-букетный период прошёл, тайные кавалеры остались, и разбираться с каждым из них уже не было никакого желания... Но история их отношений так и не подошла к

логической развязке, так как началась Война. А дальше его закрутило, завертело, и стало не до любви.

Правда, потом было несколько мимолётных, по-фронтовому ни к чему не обязывающих связей: в каждом авиационном полку всегда было некоторое количество женского пола – поварихи, буфетчицы, связистки, техники, оружейницы. Связи возникали, обрывались – люди гибли, получали ранения, их переводили в другие части...

А тут... Тут что-то совсем другое... Агния... Живой, реальный ангел! С ума сойти! За те несколько часов, что они провели вместе, он успел привязаться к этой вздорной, своенравной, но такой ранимой и наивной девчужке. И от неё зависела его жизнь. Целиком и полностью. В самом прямом смысле этого слова. В это он поверил сразу, после того, как она в деталях описала ему всю его жизнь, с точностью чуть ли не до минуты. Поверишь тут!

А сама-то, сама-то! Махонькая, силёнок у неё, как у цыплёнка! Как такая защитит? Да её саму защищать надо! То же мне, Ангел-хранитель называется! Ещё и загадки всякие задаёт: «иди, мол, чисти зубы и мой всё остальное! А что остальное-то?!»

Он очнулся от скрипа.

Открылась входная дверь, из неё вышла Агния с зубной щёткой в руках, и глядя на него, спокойно произнесла, чётко отделяя фразы:

– Я не предложу. И ты. Даже. Не пытайся. Я Ангел – и

делать ЭТО в принципе не имею права. Иди, ложись, я тебе постелила.

На ватных ногах и с горящими ушами он ломанулся в дверь. Чуть не опрокинув по дороге скамейку в тёмном коридоре, добрался до своей кровати перед печкой, он, быстро раздевшись, бухнулся на кровать.

«Даже через две двери мысли слышит! Охренеть! Нигде не спрячешься! А сам-то, сам-то! Хорош гусь, нечего сказать! Со своим ангелом-хранителем жениться собрался! Дурак! Идиот! Идиот!!»

Так, ругая себя последними словами, лежал он на своей кровати, от стыда за свои мысли, отвернувшись к стене.

Он слышал, как через пару минут она вошла в дом, приотворив за собой дверь, потом повозилась немного у него за спиной, задула свечу и затихла. Он лежал, стараясь ни о чём таком постыдном не думать. Что бы хоть как-то занять голову, стал вспоминать тактические приёмы работы штурмовиков, вопросы навигации и пилотирования. Увлёкшись, не заметил, как прошло несколько минут.

В окошко заглядывала луна, своим призрачным светом освещая горницу. У него за спиной тихонько скрипнуло. Повернувшись, он в темноте обнаружил Агнию, сидевшую на колченогой табуретке в метре от его кровати. Она сидела спиной к нему. В майке и трусах, зябко обхватив себя руками за плечи.

– Ты чего тут сидишь?! – вскинулся он, приподнимаясь

на локте, – чего не спишь-то?

– Ангелы-хранители не спят. – пожалала она плечиками в темноте.

– А что они делают?!

– Не спят, и всё. Им нельзя – они оберегают.

– Даже ночью?

– Конечно.

Он опешил от такого её ответа, но потом быстро нашёлся:

– Слушай, так это там, на небе вы не спите. Ничего против не имею. Но здесь ты человек, и без сна тебе точно не обойтись. Физиология, понимаешь? Тем более, ты теперь – мой стрелок. И ты должна высыпаться, а иначе ты будешь сонная тетеря, а не стрелок. Как ты меня будешь в полёте защищать? Так что, иди давай, спи...

Его доводы, видимо, её убедили. Она встала и пошла за печку, где была её кровать. Но потоптавшись там секунд десять, она вернулась и снова села на табурет. Теперь уже лицом к нему.

Он повернулся к ней:

– Что ещё за фокусы?

– Нет. За печку не пойду – я должна быть рядом с тобой.

Он растерялся окончательно:

– Со мной на одной кровати?

– Ну-у, совсем необязательно... на кровати. – она дёрнула плечиком. – Могу и рядышком, здесь на табуретке.

Чудилин весь покрылся липким потом, в горле пересохло:

– А как же... как же... – дальше он не договорил, но, конечно же, подумал.

– А ты, Андрей, будешь держать себя в руках, выработать характер, – предупредила она его.

И замолчала, выжидающе глядя на него. Язык как будто присох к нёбу, он облизнул внезапно пересохшие губы, не в силах вымолвить ни слова.

– Ладно, – она обиженно дёрнула плечиком, – ничего, посижу на табуретке.

Он решительно выдохнул, и откинул одеяло. Подвинулся, насколько мог, к стенке, и коротко сказал охрипшим голосом:

– Ладно, фиг с тобой, ложись....

Она молча просеменила босыми ногами по полу и быстро юркнула к нему под одеяло. Повернулась лицом к нему, поджала коленки к животу. Он почувствовал, как она прикоснулась к его телу холодными пальцами ног.

– Можно я погреюсь?

– Конечно, – он помолчал, затем добавил, – грейся, а то холодная, как лягушка.

– А ты бы ещё дольше держал бы меня на табуретке.

Он не нашёлся, что сказать ей в ответ. Стало стыдно и неловко.

– Мне всё равно холодно, так я не согреюсь, – она настырно просунула свои холодные маленькие ступни между его бёдер, чуть повыше его коленок. Он лежал, боясь пошелух-

нуться, и опасаясь подумать что-нибудь похабное, зная, что она всё равно это услышит. Она сложила руки на груди, сунулась к нему всем телом и ткнулась носом ему в грудь. Тут он уже полностью потерял над собой контроль. Вернее сказать, потерял контроль над одной из частей своего тела. Самый главный мужской орган, почти мгновенно налился силой, и по-предательски упёрся ей в ноги. Он попытался отодвинуться подальше, но она тут же, поёрзав, переместилась в его сторону:

– Не уползай, холодно. Дай погреться!

Он упёрся спиной в стенку – отодвигаться дальше было уже некуда. Пытаясь отвлечься, стал вспоминать варианты боевой загрузки Ил-2. (так: четыре «сотки» в бомбоотсеки, или туда же 192 ПТАБа, или в каждый бомбоотсек по четыре АО-25.... 4 ЭРЭСа... 132-х... или 8 штук РС-82...¹⁹)

Но орган жил своей жизнью, как разумный организм, пульсировал, и совершенно не собирался расслабляться. От слова вообще. Андрей от стыда был готов провалиться сквозь землю.

– Я.... – начал было он, – я.... это... это... тово...

Она прижала свой палец к его губам и произнесла:

– Молчи. Пожалуйста! Я всё понимаю. Все твои чувства для меня – как на ладони. Лежи спокойно, и послушай меня.

¹⁹ сотка – ФАБ-100, бомба весом 100кг, АО-25 – небольшая бомба весом 25кг, ПТАБ-2,5 – маленькая противотанковая кумулятивная бомба, РС-132, РС-82 – реактивные снаряды калибром 132 и 82мм.

Я тебя знаю уже 23 года, с момента твоего рождения – всё это время, круглосуточно я была рядом с тобой. И пипку твою распрекрасную видела каждый день, и по нескольку раз, если тебя это интересует. И в таком виде, как сейчас – тоже.

В голове вихрем стремительно пронесли несколько жизненных эпизодов, о которых он даже под угрозой расстрела не пожелал бы никому рассказывать, касающихся этого самого... Чудилин почувствовал, как нестерпимым жаром, буквально адским огнём полыхают его уши. Было ощущение, что они превратились в два факела. В горле пересохло так, что казалось, там раскалённый, сухой песок...

– Так что этим ты меня не удивишь, – тихонько продолжала она. – Но я тебе хотела сказать совершенно о другом. Слушай внимательно, – она подняла к нему своё лицо, и посмотрела ему в глаза.

Выглянувшая было из облаков луна снова скрылась, горницу окутала крошечная темнота, и видеть он ничего не мог по определению, но! Он вдруг с замиранием сердца увидел, что её лицо сейчас само является источником света: оно едва заметно светилось в темноте – так светятся циферблаты на часах или шкалы на приборах в кабине самолёта. Но в отличии от того мертвенного, зеленоватого света, её лицо светилось мягким, тёплым и живым светом. Глаза блестели, как два самоцвета. От этого фантастического зрелища сердце у него в груди беспокойно заворочалось. Она, выдержав паузу, продолжила:

– Умирая, человек может стать ангелом-хранителем только в том случае, если он в своей жизни не познал греха. Ну, ещё иногда и те, кто погиб мученической смертью, сражаясь за свой народ и своё отечество. Ну и то, это только те, у кого других грехов немного. Эти становятся, как правило, очень сильными А-хранителями. Их ещё иногда называют Ангелы-воители. Но таких очень мало. Именно поэтому ангелами становятся в основном те, кто по молодости лет так и не успел нагрешить в своей жизни. Дети в том числе. И девственницы тоже, – она помолчала, – мне было 19, когда я умерла. Фактически ребёнок, понимаешь? И я была девственна, я даже ни с кем не целовалась, не успела... – добавила она.

– И если сейчас, уже будучи ангелом, даже временно пребывая в человеческом облики, я совершу ошибку, и потеряю свою девичью честь, этим я перечеркну всё, – она пристально посмотрела ему в глаза, – Понимаешь? Всё! И я больше не смогу быть ангелом-хранителем. Ни твоим, ни чьим больше. Никогда.

Он сглотнул, и сдавленно спросил:

– Ты станешь человеком?

Она горько усмехнулась:

– Ох, если бы... Это было бы прекрасно. Но этого не будет – я стану падшим ангелом. А это... – она помолчала, – а это... – она горько вздохнула, – хуже этого для ангела быть не может.

Они долго молчали. Андрей, потрясённый до глубины души, не мог вымолвить ни слова.

Она мягко улыбнулась, положила ладошку ему на лоб:
– Закрой глаза. Я сейчас тебя успокою, тебе станет очень хорошо и легко. Закрой глаза...

Андрей послушно смежил веки... и вдруг, о чудо! По телу стала разливаться, захватывая его, какая-то благодать. Она накатывала волнами, она шумела галькой под потоками воды... волосы трепал лёгкий, тёплый ветерок, в нос били запахи воды, мокрых камней и сухих водорослей. Он увидел рядом с собой маленького мальчика в шортиках и рубашке с коротким рукавом. Мальчик сидел на корточках с лопаткой в руках и увлечённо строил из мокрого песка крепость на берегу реки. Время от времени мальчик бросал тревожные взгляды на середину реки и ещё быстрее работал лопаткой, почему-то стремясь как можно быстрее достроить свою крепость из песка. Андрей посмотрел туда, куда бросал свои быстрые взгляды мальчишка, и увидел, что посередине реки, хлопотливо выбрасывая чёрный дым из трубы, маленький буксир натужно тащит здоровенную баржу, гружёную щебнем. А на противоположном берегу угадывается Зимний Дворец. Андрей обернулся через плечо – за его спиной вырастала из песка покатая стена Петропавловки с острыми бастионами и маленькими башенками. За серой шершавой стеной из гранита высился золочёный пик Петропавловского собора. В нескольких метрах от мальчика, примостившись

на брёвнышке, сидит, уткнувшись в газету, какой-то молодой мужчина...

Андрей, вглядываясь в его, такие знакомые черты, вдруг узнаёт его! «Это же мой отец! А что он здесь делает?»

Догадка внезапно озаряет сознание. Андрей поворачивается к мальчику, и узнаёт в нём себя: «так это же я!» И тут же, как из кусочков мозаики, сложилось понимание: «это я и мой папа, мне 6 лет, Это Ленинград, Дворцовая набережная, пляж у Петропавловской крепости, где мы часто гуляли с папой. Сейчас придёт волна, и я буду смотреть, выдержит ли моя крепость накат стихии, или нет? Это очень интересно!». Мальчишка с замиранием сердца наблюдает, как огромная волна, поднятая тупым носом баржи, добралась, наконец-то, до берега и обрушивает свою мощь на прибрежный песок. Она играючи захлёстывает песочную крепость, и шипя, мчится вверх, накрывая добрую часть пляжа. Мальчишка в диком восторге вскрикивает, и с опаской отбегаёт подальше, не отрывая восторженных глаз от могучей волны. Волна добегает до брёвнышка с папой, захлёстывает ему ботинки. Он, пропустив подкатившую к нему мокрую беду, чертыхаясь, поднимает ноги, но это не помогает – волне на излёте хватает энергии, чтобы захлестнуть брёвнышко, на котором он сидит, и изрядно намочить ему брюки... Вот это волна! Размахивая лопаткой и весело крича, мальчишка носится кругами по мокрому песку. Вот это волна! Не только его крепость перехлестнула, но и папе (папе!) штаны намо-

чила! Счастье!! Восторг!!!

Андрей крепко спал, счастливо улыбаясь во сне... Агния ещё долго не могла уснуть, таращилась в темноту, потом тихонько встала, на цыпочках подошла к печке, взяла в руки старую, тяжёлую кочергу, и взвесив её на руке, вернулась к кровати. Осторожно, стараясь не шуметь, приставила её сбоку, ручкой поближе к себе. Тихонько, чтобы не разбудить Андрея, забралась под одеяло. И только после этого уснула беспокойным сном.

Глава 7. Безлошадный.

Андрей Чудилин озадаченно вертел в руках кочергу:

– Это что?

Агния, сидя на кровати, стягивала волосы назад, в задорный хвостик, и косила на Андрея глазом:

– Ну, кочерга...

– Зачем? – недоумевал он.

– На всякий случай. Мало ли что...

– Это с кем ты тут кочергой вздумала воевать? – хохотнул лейтенант.

– С кем, с кем... С кем надо, с тем и воевала бы! Да с кем угодно! – обиженно надулся маленький Ангел.

Лейтенант недоумённо хмыкнул.

– И не хмыкай мне тут! – она сердито смотрела на него, – моё дело – защищать тебя. Всеми доступными способами.

– Что, и кочергой тоже? – Андрей Чудилин едва сдерживал улыбку.

– Надо будет, и кочерга сгодится! Вот подкрался бы кто-нибудь ночью... Пока ты тут храпака задавал! А я бы – хрясь! И отоварила бы его по репе! Мало бы не показалось! – сказал, как отрезал, маленький Ангел, – и вообще, мне нужно настоящее оружие! Лётчикам на войне оружие полагается? Там, ружьё, какое ни то? Или ещё что-нибудь?

– Ружьё ей... ты ещё саблю попроси. И коня...

И видя её негодующий взгляд, внёс ясность:

– Да полагается, полагается! Пистолет. Токарев, ТТ.

– А мне дадут? – оставив обиду, с надеждой спросила Агния.

– Дадут, дадут. Всё дадут. – поспешил её успокоить Андрей, – всё, собирайся давай, пора уже в столовую на завтрак идти!

С утра моросил противный, осенний дождь. Вчерашний снег растаял почти весь. Под ногами смачно чавкала грязь. Идя из столовой после завтрака на КП, Чудилин особых иллюзий насчёт того, что всё сразу образуется в первый же день, не питал. Так оно и вышло: нач.штаба отправил его к инженеру полка, а тот, на ходу выслушав Чудилинское: «... готов получить техника и самолёт!», продолжая размашисто идти, только отмахнулся:

– Самолёты свободные есть, аж две штуки, но у одного двигатель менять надо, а у второго фюзеляж и левая консоль как решето, и обшивка с половины стабилизатора сорвана. Надо делать, а людей лишних нету – вчера утром пара мессеров на аэродром выскочила, прошлись над полем разок, штурманули, а там как раз техники самолёт в укрытие закатывали. Ну, и всех, что там были, одной очередью и прострочили. Четыре человека – сразу, да пятеро раненых, двое из них тяжело. Так что извини – с техником придётся подождать! Побудешь пока в резерве...

Не солоно хлебавши, Чудилин вернулся на КП.

Нач.штаба, капитан Зеленко, обернулся:

– Ну, с инженером что, разобрались?

– Разобрались, – с досадой выдохнул лейтенант, – самолёт есть, но надо ремонтировать, а техников, говорит, свободных вообще нет ни одного. Сказал, что мессеры вчера утром в гости наведались. Ну и прошлись по стоянке... народу побавили. Как раз техники, говорит, и были.

– Да, было дело, – кивнул капитан, – охотники. Они к нам частенько навдываются, Да это, наверное, те же самые, что тебе по дороге встретились, ведь ты вчера около 13.00 к нам в расположение прибыл?

– Что-то около того.

– Ага, а они минут за сорок до этого здесь отметились. Они самые.... Так, вот что лейтенант! – нач.штаба поправил ремень, – ты не кипишуй, и лошадей не гони. Придёт и твоё время, – капитан подошёл и ободряюще хлопнул лейтенанта по плечу, – займись пока бытовыми делами, осмотришь, – он покосился на дырочку в Чудилинской шинели, – вещевое довольствие, наконец, получи!

Чудилин окончательно расстроился, виду, правда, не показывал, а в голове крутилась одна единственная, дрянная мысль: «всё, безлошадный...». Да-а... всё вышло так, как он изначально и предполагал.... Держа себя в руках, и никак не показывая того, что у него творилось в душе, лейтенант козырнул:

– Могу быть свободным? – и, получив подтверждение, он вышел из землянки, в которой расположился КП. На выходе его ждала Агния, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

– Ну?

– Баранки гну! – раздражённо ответил Андрей, – пошли, потом расскажу.

– А что с техником? Не дадут?

– Ага! Дали уже! – лейтенант еле сдерживался, – говорят, нет техника. Вчера те самолёты, что обстреляли нашу машину, дальше полетели. И напрямик на этот аэродром выскочили. И здесь порезвились – четверых убили, пятерых ранили. А это как раз и были техники. Так что теперь даже некоторые из тех, кто летает, тоже без техников остались. Мы тем более в пролёте. Не до нас им теперь. В резерве пока, говорят, побудешь. Да что я тебе рассказываю? Сама же слышала, как мне это инженер полка говорил! Приехал воевать, здрасьте-пожалуйста! Тьфу! – он горестно сплюнул.

– И, что дальше? – она сочувственно смотрела ему в глаза.

– Ждём. Сидим в резерве... Получаем довольствие, обустройстваем быт, он помолчал, и полминуты спустя добавил: – ладно, умереть всегда успеем, – и, увидев её расширенные глаза, невесело улыбнулся, – шучу.

– Дур-р-ак!! – она в сердцах стукнула его кулачком в грудь, – что ты такое говоришь? Не шути так.

– Ладно, прости, больше не буду, – ему стало стыдно за своё грубое обращение: она то в чём виновата?

Дождь зарядил по полной, и стало ясно, что погода на сегодня окончательно испортилась. Агния молча шла рядом, пытаясь примериться к его широкому шагу. Она прекрасно чувствовала смятение его мыслей, но понимала, что сейчас любые попытки успокоить его ни к чему хорошему не приведут.

Сначала они зашли на склад вещевого довольствия и сполна получили всё то, что им не выдали вчера: еле-еле унесли в четырёх руках. Кроме этого оба получили личное оружие – у каждого теперь был пистолет ТТ в кобуре и запасной магазин с восемью патронами. Дойдя до своего жилья, они разложили всё это богатство на обеих кроватях, и настроение у Чудилина заметно приподнялось.

Агния тонко уловила изменение его эмоционального состояния и, улучив момент, попросила:

– Слушай, Андрюш! А пойдём, ты мне самолёты покажешь, а? А то мы всё по каким-то складам да столовым ходим!

Идея Андрею понравилась:

– А почему бы и нет? Времени у нас навалом. Айда! – он махнул рукой и вышел из избы. Девушка торопливым шагом последовала за ним, через каждые пять-шесть шагов поправляя кобуру на правом боку. Кобура мешала, непривычно давила на бок. Агния, догнав лейтенанта, несильно затеребила его за рукав:

– Андрей, а Андрей...

– Ну? – он, нахмурившись, обернулся.

– А это... из пистолета-то я стрелять не умею... Научишь?

– Научу, научу. Потом. – отмахнулся он от неё, как от назойливой мухи – все его мысли в данный момент занимали самолёты, и ни о чём ином думать в данный момент он уже не мог.

Лётное поле располагалось в трёх сотнях метров от полуразрушенной деревни, и их разделял небольшой перелесок. Здесь же, немного особнячком от сохранившейся части деревни, в большом бревенчатом доме, находилась столовая для лётного состава и некоторые хозяйственные службы. Склад вещевого довольствия обретался в большом крепком сарае, тоже стоявшем неподалёку.

Шагая по дороге, которая вела к лётному полю, Чудилин читал наставления своему стрелку:

– Только ты вот что: не особо там ушами хлопай, и пальцем не тычь!

– Это как, ушами хлопать? – изумился ангел.

– В смысле, никак не проявляй своего удивления. А то у окружающих возникнут неудобные вопросы. Ведь все они уверены, что ты – борт.стрелок, который обучался несколько месяцев, и ты хорошо шурупишь во всех вопросах, так? И никакого удивления у тебя возникать не должно в принципе. Верно?

– Верно, – она, соглашаясь, кивнула, – а шурупить – это как?

Вид аэродрома Агнию поразил, она ошарашенно пялилась на острые, задранные вверх бронированные носы штурмовиков, на широкие распластанные крылья. Самолёты были покрыты камуфляжем, некоторые уже поверх камуфляжа были покрашены белой извёсткой. Бочки, штабеля ящиков, что-то ещё, крупное и объёмистое, накрытое брезентом; машины, передвижные печки для прогрева двигателей, обилие техников, мотористов, вооруженцев, которые, как муравьи, копошились вокруг техники, – всё это было для неё внове, всё поражало воображение.

Она шла, открыв рот, рядом с лейтенантом, и чуть ли не ежесекундно теребила его за рукав, задавая вполголоса очередной вопрос. Недалеко от них раздался хлопок, – в паре десятков метров от них крутнулся винт одного из Илов²⁰, гулко ухнуло, отдавшись в печёнках, и полсекунды спустя мощный, низкий гул заполнил всё вокруг.

Девушка от неожиданности вздрогнула, схватилась за рукав Андрея.

– Движок прогревают! – наклонился он к ней, и прокричал ей в ухо: – видать, что-то проверяют там!

– А что, полетят? – она тянулась снизу к его уху, пы-

²⁰ Ил-2 – основной самолёт штурмовой авиации, имел бронированный корпус (бронирован был только нос и средняя часть фюзеляжа) и мощное вооружение. Экипаж: два человека – лётчик и бортстрелок. Полётный вес более шести тонн. Чтобы таскать всё это хозяйство, самолёт был оснащён рядным двигателем водяного охлаждения мощностью 1720 лошадиных сил.

таясь перекричать 12-цилиндровый, сорокалитровый двигатель, работающий на самых малых оборотах.

– Никуда они не полетят! Погода нелётная! Просто проверяют! – говорить действительно было трудно, и он поспешно потащил её, зажимающую уши, подальше от этого места.

Пройдя вдоль стоянок, прикрытых маскировочными сетями, под которыми стояло около трёх десятков Илов, они, наконец, вышли к другому краю лётного поля, где на козлах стоял один из штурмовиков. Фюзеляж его был выставлен в «ноль», а его центроплан²¹ облепило несколько вооруженцев, один сидел в кабине. За дальностью расстояния (а до них было около ста метров), было не разглядеть, чем именно они там занимаются. Рядом с самолётом стояли несколько ящиков, один из них был открыт, и в его нутре просматривалась лента с остроносими 23-мм снарядами для пушек ВЯ-23²².

– А это что они такое там делают? – опять затеребил его за рукав ангел.

– Пристреливать оружие будут сейчас, – замедлив шаг, пожал плечами Андрей.

– А это как? И почему они этот самолёт на это... на эти деревяшки взгромоздили?

²¹ центроплан – та часть крыла, которая непосредственно примыкает к фюзеляжу, а точнее, та его часть, что ограничивается стойками шасси.

²² ВЯ-23 – авиационная пушка «Волков-Ярцев, калибр 23мм», устанавливались на Ил-2

– Всё просто. Вот смотри! – Чудилин показал ей пальцем на видневшийся в четырёх сотнях метров от них большой деревянный щит, на который смотрел нос штурмовика, – во-о-он там, видишь? Это мишень. Вот туда сейчас и будут стрелять.

Вооруженцы, копавшиеся на центроплане Ила, тем временем гуртом слезли на землю по лесенке, приставленной к задней кромке крыла, и торопливо отошли подальше за хвост. Один из них остался в кабине.

– А зачем будут стрелять? – не унимался любопытный ангел.

– Ну как зачем? Это обязательно надо делать после того как....

Договорить он не успел: самолёт содрогнулся от короткой очереди, из стволов выметнуло огромные и ослепительные в утренних сумерках языки пламени, через долю секунды их обоих накрыл оглушительный грохот залпа, отдавшийся эхом от дальней кромки леса. От неожиданности немного вздрогнул даже Андрей. Девушка же буквально осела на землю, безвольно повиснув у него на руке. Ноги её подкосились, левой рукой она мёртвой хваткой вцепилась в рукав его шинели, да так, что маленькие костяшки её пальцев побелели.

– Господи!!! Так...так...так громко!! – она с перепугу тарщила на него почти круглые глаза.

– Да ладно, не дрейфь! Нормально! – снисходительно рассмеялся лейтенант, поднимая её на ноги, – это с непривыч-

ки. Потом привыкнешь.

– Мне кажется, я к этому не смогу привыкнуть... – она замотала головой.

– Придётся.

Вооруженцы снова полезли по лесенке на центроплан самолёта. Чудилин же, как будто о чём-то вспомнив, потянул её к самолёту:

– А ну-ка, пойдём!

– Зачем ещё?! – она, испугавшись не на шутку, упёрлась ногами, – а вдруг он опять стрельбанёт?

– Не стрельбанёт, вон, видишь, – он показал рукой на вооруженцев, – опять полезли на крыло, – пока регулируют, никакой стрельбы не будет, пошли!

Она, крепко держа его за рукав, настырно упиралась ногами в землю. Он обернулся:

– Так, слушай! Ты мой стрелок? – он строго посмотрел на девушку.

– Да! – и упрямый взгляд из-под девичих бровей.

– А раз ты стрелок, то ты не должна бояться стрельбы! – он подождал секунду, и, стряхнув её руку, пошёл один. Она сорвалась с места, и побежала, догоняя его...

Пока шёл до Ила, стоявшего на козлах, сообразил, что, скорее всего, его дело – табак. Вряд ли у оружейников найдутся гильзы крупнее, чем те, что только что вывалились при стрельбе из окон выброса гильз в нижней части консолей штурмовика.

А вспомнил он минуту назад вот о чём: что неплохо бы им для дома сделать коптилку. А для этого требовалась гильза средних размеров, идеально 37мм, от пушки НС-37²³. Или чуть побольше...

А ещё пару минут назад, проходя мимо самолётов на стоянках, он не видел там ни одного самолёта с пушками НС-37, все с ВЯ-23. Отличить-то просто: торчит этакая оглобля из каждого крыла чуть ли не на два метра – увидишь, мимо не пройдёшь! Но, с другой стороны, может, всё-таки есть? Ведь, в конце концов, он ещё не знаком с расположением всех самолётных стоянок, может, где в отдалении и стоит звено самолётов с такими пушками? Просто он их ещё пока не увидел...

Короткий разговор с оружейниками развеял все надежды: на вооружении полка все Ил-2 были только с пушками ВЯ-23.

– Лейтенант, бери эти, – хлебосольным жестом оружейник повёл рукой в сторону выпавших на землю нескольких гильз, – для коптилки, и правда, маловаты, зато какую зажигалку козырную можно сочинить! Эх!

– Да не курю я! – махнул Чудилин в расстройстве рукой, – ладно, спасибо, мужики...

– Слышь, лейтенант! – окликнул его другой оружейник, –

²³ НС-37 – авиационная крупнокалиберная пушка «Нудельман-Суранов, калибр 37мм», с 43-го года устанавливалась на отдельных партиях Ил-2, проходивших войсковые испытания.

а ты к зенитчикам сходи, у них этого добра – как грязи! Вон они на окраине аэродрома стоят! – он показал пальцем на задранный в небо ствол 37-мм зенитки.

– И то верно, – хлопнул себя по лбу Чудилин, – спасибо! А ну-ка, пошли! – увлѣк он за собой свою спутницу.

Пока топали по раскисшей земле до зенитной батареи, Чудилин успел объяснить Агнии, что такое гильза и как из неё делается коптилка.

– Ну не вечно же нам при свечке сидеть? – пошутил он, – а светильник сделаем, сразу светлее станет. Удобство!

Агния рассмеялась в ответ:

– Удобства у нас на дворе! А это так, что-то вроде масляной лампадки, что у образов ставят.

Лейтенант не нашѣлся, что ответить, и продолжал идти, молча меся грязь.

Гильз на батарее тоже не оказалось – вчера эта зенитка огонь открыть не успела, а то, что настреляли пару дней назад, народ уже успел растащить.

– Не ты же один коптилку себе хочешь сделать? – усмехаясь, спросил степенный зенитчик, – Да ты не журысь, лейтенант! Вон там, за опушкой, на том конце поля, стоит ещё одна батарея – я видел, они вчера стреляли – мессеры как раз на них выскочили. Жалко промазали, – он не спеша раскурил свёрнутую загодя сигарку, – Километр отсюда, не больше. Только по полю не ходи – там дальше болотина – не пройдёшь. Вон там, – он показал рукой, – по лесу дорожка идѣт,

хоть и вкруговую, зато посуху. Чуть подольше получится, но зато как раз к батарее и выйдете.

Пошли по указанному зенитчиком направлению, и действительно, вышли на дорожку, которая по осеннему лесу шла в обход аэродрома. Агния шла рядом. Донимала его множеством вопросов, он думал о своём, невпопад ей отвечал. Она остановилась:

– Ну что ты всё время о другом думаешь?! Я же тебя об одном спрашиваю. А ты всё о другом думаешь, – и встретив его удивлённый взгляд, быстро пояснила: – о том, как бы умереть побыстрее!

– Это как? – насторожился Чудилин.

– А так! – она стала его передразнивать: – «где я техника найду?! Когда у меня самолёт будет?! Когда я полечу фашистов громить?!»

– А о чём ещё я должен думать? Я боевой лётчик! – вспыхнул в негодовании лейтенант, – я что, сюда прибыл на земле сидеть? Пока остальные летают? Ну, день, два... А потом будут уже в глаза смеяться! Безлошадный...²⁴

– Безлошадный? Зачем тебе лошадь? И кстати, кто такие эти мессеры, фоккеры, юнкерсы и хейнкели²⁵? Вчера в столовой о них очень многие.... Э-э... думали.

– А ты, получается, всем окружающим вчера в бошки

²⁴ «безлошадный» – лётчик, у которого временно нет самолёта.

²⁵ сленговые названия немецких самолётов, распространённые у советских лётчиков.

залазила, так значит?! – опешил от неожиданности лейтенант. – И тебе не стыдно? Чужие мысли подслушивать?

Она смущённо потупилась:

– Стыдно. Очень, – она вскинулась: – а что я могу поделаться? И не влазила я к ним в головы. Эти мысли у них вот так, – она покрутила пальцем вокруг своей макушки, – выются. Никуда лезть не надо, они и так хорошо видны.

Встретив его недоверчивый взгляд, пояснила:

– Это только если надо вытащить из памяти что-то глубоко закопанное в ней, вот тогда надо в голову лезть, понимаешь?

Чудилин вздохнул, махнул рукой: мол, ладно, пошли дальше.

– А всё-таки, кто такие эти самые мессеры, фоккеры и прочие?

Он тяжело вздохнул, и, пока они шли по лесной тропинке, стал ей терпеливо растолковывать технические аспекты, касающиеся авиации противника, её деление на истребители, бомбардировщики, транспортные самолёты, и разведчики. Всё то, что является аксиомой для любого советского пилота, но совершенно непонятное для ангела-хранителя, спустившегося с небес для того, чтобы взять под личную защиту одного из этих пилотов.

– А безлошадный это кто?

– А это я! – горестно взмахнув руками, сокрушённо ответил ей лейтенант, и наткнувшись на её непонимающий

взгляд, стал терпеливо пояснять: – безлошадным называют лётчика, у которого нет самолёта. Поняла?

– Ага! – ангел понятно кивнул, – это я поняла, а скажи ещё вот что...

Так, оживлённо болтая, они подошли к небольшому сухому дереву, упавшему на дорожку, и перегородившему её. Лейтенант Чудилин подошёл с ствола. Взялся за него со словами:

– Подожди, сейчас, 10 секунд, и пойдём дальше – оно сухое!

И уже вознамерился дёрнуть, как вдруг Агния бросилась на него, и с криком:

– Стой!!! Не трогай!!! – сильно боднула головой его в бок, и опрокинула его на землю.

– Ты чего? Сдурела?! – опешил он.

– Нет, нет... Нельзя! Там смерть. Твоя смерть... – она быстро заговорила, глядя на него расширенными глазами.

– Да какая смерть, – хохотнул он, – это ж дерево!

– Нет, нет, стой!! Где-то там. Посмотри, я не знаю. Взорвётся. Должно было... Я видела, – она глубоко вздохнула, на пару секунд прикрыла глаза.

– Там, она показала рукой. Посмотри осторожно.

Чудилин, поняв, что здесь что-то не так, осторожно шагнул в ту сторону, что она показала. И стал внимательнейшим образом оглядываться. И точно! Через полминуты он обнаружил тонюсенькую стальную проволочку, идущую от

ствола поваленного дерева. Заметить её было бы практически невозможно, если бы не бисеринки дождевых капель, которые, как маленькие жемчужинки, оседлали тонкую струну. Проследив глазами за провололочкой, он увидел, что она заканчивается где-то у ствола соседнего дерева. В сопровождении девушки он сделал туда несколько шагов и увидел... Ну, конечно! Вот она: среди корней и веток угадывалась ребристая тушка гранаты.

– Это что? – услышал он сзади голос девушки.

– Это – то самое, – сиплым голосом сказал он, – граната.

Как ты про неё узнала?

Он протянул руку к гранате.

– Не трогай!!! – округлив глаза, завопила Агния.

– Не бойся, я умею. – он предельно осторожно, удерживая скобу, тщательно разогнул усики. После чего медленно расслабил пальцы, удерживающие скобу. Затем аккуратно вывинтил взрыватель. Агния расширенными глазами наблюдала за его манипуляциями.

– Хитрые гады. К дереву приладили. Кто бы это мог быть?

Агния продолжала молча и напряжённо наблюдать за его манипуляциями.

– Вот и всё – сказал он, – теперь не взорвётся.

– Выкинь!!!

– Зачем? Себе возьмём. Пригодится.

– Тогда дай мне!

– Не сейчас. Вот объясню, куда, как и зачем – тогда и дам.

Ты вот лучше объясни мне, как же ты о гранате узнала, а?

– Я увидела взрыв. Бабах! И ты умер, – её пальчики нервно дрожали.

– Как увидела? Его же не было?

– Заранее увидела... Ну, как бы тебе объяснить... – она замаялась, нервно облизнула высохшие губы, – я могу предвидеть твою смерть. Я как бы вижу с опережением.

– И задолго ты видишь?

– Незадолго. За несколько секунд. Не больше.

– И ты должна успеть?

– Да.

Они помолчали.

– Как вчера в машине? – Чудилин пытливо всматривался в её глаза.

– Да, – она отвела взгляд.

– А если бы не успела, и я дёрнул?

– Тогда пришлось бы, как вчера – лечь на тебя и закрывать, – она подняла на него глаза, – но я же успела и так, без этого.

Она помолчала, что-то припоминая.

– А вчера не успела, – она вздохнула, и отвернулась в сторону.

Дорога наконец-то выпетляла из кустов, впереди показалось поле, а недалеко от опушки леса расположилась зенитная батарея....

Глава 8. Схватка на дороге.

Поболтав со словоохотливыми зенитчицами минут 10, и прихватив три 37-мм гильзы, они двинулись обратно. Чудилин мог бы ещё долго трепаться с этими весёлыми девчатами, но уже с третьей минуты разговора он начал ловить на себе осуждающие взгляды Агнии, потом она стала потихоньку теревить его за рукав, а затем и вовсе толкнула локтем под ребро и когда он обернулся, сердито посмотрела ему в лицо:

– Ну, пойдём уже!

– Ладно, лейтенант, идите уже, а то ваша пассия нас побьёт ещё, чего доброго! Вы девушка, не сердитесь на нас, сидим здесь целый день, караулим, и поговорить-то не с кем! – потешались девицы-хохотушки.

И уже серьёзно, на прощание:

– Вы там поосторожнее ходите: третьего дня наводчик из соседнего расчёта пропал. А вчера нашли, мёртвого. Зарезали его.

– Кто?

– Не знаем... говорят, вроде как местные. Бандиты, бывшие полицаи, что ли. Немцев прогнали, а эти остались.

– Ладно, пошли, – Чудилин обернулся к зенитчицам: – спасибо, девчата. И за гильзы и за предупреждение.

Когда отошли метров 50, Агния дёрнула его за рукав:

– Чего ты так долго?

– Да не долго. Просто поговорил.

– Долго! – она насупилась, и несколько минут они шли молча.

– Слушай! – вдруг встрепенулась она, – а кто такие бывшие полицаи?

– Предатели своего народа. Немцы когда на нас напали, все пошли с ними воевать. Но не все, конечно. Нашлись и такие, что к немцам в услужение подались. А у фашистов ведь как: хочешь нам служить – убивай своих. Вот они и убивали.

Помолчали. Лейтенант посмотрел по сторонам.

– Слушай, а мы, похоже, немного сбились. Вроде как другой дорогой сюда шли. Ну, да. Точно! Не было вот этой ямы.

– Может, вернёмся?

– Да ладно! Всё равно в ту сторону идём. Так и так выйдем к аэродрому. Ну, чуть дольше получится...

Прошли ещё километра полтора, и по прикидкам лейтенанта, они уже должны были выйти к аэродрому, но дорога продолжала неспешно петлять сквозь лес.

– Вроде в ту сторону идём? – сам с собой рассуждал Чудилин, – в ту: вон и моторы слышно, как гоняют...

Недалеко, максимум в километре от них был слышен гул прогреваемых техниками моторов.

– Мы точно туда, куда надо, идём? – Агния тревожно смотрела на него снизу вверх.

– Точно. Скоро придём. Просто немного кругалья дадим, вот и всё. Но по любому выйдем.

Помолчали полминуты, и тут ангел выдал:

– Слушай, а борт.стрелок он же из пулемёта стреляет, да?

– А с чего ещё-то? – усмехнулся лейтенант.

– А где он стоит? Я что-то там на самолёте его не видела!

– Здрасьте-мордасти! Приехали! Да сзади же из-под фонаря торчит! Не видела она! – всплеснул руками Чудилин, – вот ей Богу, ляпнешь что-нибудь подобное на людях, мне во-век не отмыться!

– Торчит? – обиделся ангел, – да что там торчит-то?! Палка какая-то железная! А пулемёт он не такой! Колёсики где? И ствол у него вот такой, – она показала руками, – толстенький, туда ещё воду заливают. Я сама видела!!! – в запале прокричала она.

– Да где ты такое видела?

– Там!!! У себя.... Давно.... На той войне... – она осеклась.

Андрея пронзила внезапная догадка.

– Тьфу-ты! – расхохотался он, держась за живот, – да это же «Максим»! Ну, понятно, других-то пулемётов ты тогда, в Империалистическую войну, вряд ли бы увидела.

– Ох, не могу, – он хохотал, вытирая слёзы, – колёсики! Воду заливать! А-ха-ха! Ну, насмешила, давно так не смеялся!

– Я рада, что подняла тебе настроение, – сухо сказал ангел, – но ты можешь нормально объяснить?

– Ладно, объясняю нормально, – просмеявшись, Андрей

немного успокоился, – то, что ты видела тогда, называется пулемёт «Максим». Они и сейчас есть, в наземных войсках, у пехоты. У нас же, в авиации, машинки посерьёзнее. Та длинная палка, которую ты заметила на самолёте, и есть пулемёт. Твой пулемёт. Он крупнокалиберный, очень мощный. Называется УБТ. Расшифровывается так: универсальный, Березина, турельный. Поняла?

– Теперь да.

Из-за ближайшего поворота выкатилась бричка. До неё было метров сорок-сорок пять. От неожиданности лейтенант даже слегка вздрогнул – так внезапно это произошло. Они бы, конечно, слышали её и раньше, но все звуки заглушал недалёкий рёв работающего авиационного мотора. На бричке ехали несколько человек.

Агния как-то сразу подобралась, насторожилась, и через секунду выдала:

– Они тебя сейчас будут убивать.

В голове вихрем пронеслись предупреждения зенитчиц об осторожности.

– Прямо здесь?

– Да, слушай, – скороговоркой тихо и быстро застрекотала она, – Они хотят тебя убить. Все трое. Сначала тебя, потом и меня. Иди спокойно, пистолет не трогай. Схватишься за него – они застрелят тебя прямо сейчас. Поравняемся с ними – и я тебя смогу прикрыть. Тогда и стреляй. А сейчас спокойно иди...

Обдумывать слова Ангела-Хранителя времени уже не оставалось. В истинность сказанного Агнией Чудилин поверил сразу и безоговорочно. Мгновенно вспотели ладони, адреналин ударил в голову, сердце в груди набрало бешеный темп. «Спокойно, спокойно» сам себе говорил Чудилин, стараясь не показать своего волнения, и мерно шагая навстречу приближающейся бричке. Теперь уже можно было разобрать, что на ней ехало четверо: три явно местных мужика и какая-то женщина. «Баба не в счёт» – мелькнула мысль.

Лошадью правил хмурый сутулый пожилой дядька со злыми, колючими глазами, за ним, развалясь на сене, полулежал широкоплечий здоровяк, недобро шурясь на идущих им навстречу людей в военной форме. На левом борту брички сидел, свесив ноги, улыбающийся молодой парнишка, в необъятных размеров кепке. Когда до брички оставалось метров десять, Чудилин разглядел, наконец-то, их четвёртую попутчицу. На сене сидела, неловко подогнув под себя ноги, и зажата с обеих сторон парнем и здоровяком, девушка в военной форме. Голова её была непокрыта, волосы растрёпаны, губы разбиты. Из уголка рта стекала свежая струйка крови. Лейтенант встретился с ней глазами – в них билось немое «помогите!».

Бричка почти поравнялась с ними.

Парень в кепке перекинулся быстрым взглядом с широкоплечим, тот, на мгновение прикрыв глаза, деловито и корот-

ко кивнул, и парень, не переставая улыбаться, сунул руку в сено справа от себя и быстро вынул её оттуда.

Но уже с винтовкой.

Время замедлилось: Чудилин заворуженно смотрел, как поднимается вверх ствол винтовки, как медленно спадают с неё высохшие стебельки сена. Его собственная рука как-то вяло и слишком медленно (так ему казалось), расстёгивает кобуру, вытаскивает пистолет. А в трёх метрах от него дуло уже уставилось на него своим чёрным зрачком. И он чувствовал, что не успевает – парень в кепке выстрелит первым, прямо ему в лоб. Он даже на мгновение представил себе эту картину, как пуля входит ему точно над носом, и вырывая из затылка куски черепа, разбрызгивает на близлежащие кусты его окровавленные мозги. «Всё...» мелькнула запоздалая мысль.

Каким-то гибким, неуловимо змеиным движением, как распрямившаяся пружина, Агния метнулась к едущей мимо них бричке, и схватилась рукой за самый срез дула винтовки, оттолкнув его на несколько сантиметров. Тут же оглушительно бахнул выстрел. Тугой жгут пламени отбросил назад её маленькую ладошку, пуля прошла её навывлет, даже не заметив преграды. Через микросекунду пуля вошла в её шею, и ничуть не замедлившись, пробила и её, и взывнув у самого уха Чудилина, улетела дальше, сшибая ветки с деревьев.

То, что случилось дальше, Андрей потом неоднократно прокручивал в памяти, и каждый раз ему виделась падающая

Агния, парень в кепке со злой улыбкой, судорожно передёргивающий затвор своей трёхлинейки, и расширенные глаза широкоплечего, который, нащупав под сеном обрез, запоздало поднимал его своими здоровенными лапами на линию огня.

Чудилин не был выдающимся стрелком, но он был лётчиком, а значит, имел быструю реакцию и верный глаз. На самом деле, всё произошло достаточно быстро: всего одной секунды ему хватило, чтобы выдернуть ТТ из кобуры и дослать патрон; первую пулю он всадил в левое плечо молодого парня (с другой стороны от него сидела девушка, и Чудилин автоматически скорректировал линию стрельбы немного правее). Мгновенно перебросил огонь на широкоплечего: два выстрела – оба в правую руку. Пожилого горбатого злыдня завалил в последнюю очередь – тот, понадеявшись на двоих молодых подельников, слишком поздно полез в карман за лежавшим там наганом, запутался в полах, зацепившись мушкой за край кармана, и не успев выстрелить, тоже получил две пули в правую руку.

Лошадь, тянувшая бричку, тревожно вздрагивая, всхрапывая, и прядая ушами, остановилась.

Метнувшись к бричке, и держа бандитов на мушке, Чудилин левой рукой схватил обрез и бросил его себе под ноги. Туда же последовала трёхлинейка, наган он взял в левую руку. Сердце бешено колотилось, вброшенный в кровь адреналин казалось, наделил тело сверхсилой и сверхскоростью.

Он наклонился к Агнии. Она лежала на земле, подогнув ноги, и прижав обе руки к горлу. Сквозь её пальцы толчками пробивались струйки крови, стекали по её запястьям и капали на землю. Одна из ладоней была разворочена пулей и обожжена. В глазах плескалась боль. Она что-то прохрипела. Андрей наклонился к ней.

– Большой, добей большого, у него....

Чудилин краем глаза заметил, как широкоплечий, натужно хрипя от боли и грузно ворочаясь, вытаскивает оставшейся здоровой рукой у себя из кармана пиджака немецкий вальтер. Ни капельки не жалея скотину, лейтенант дважды выстрелил, и с двух метров одним из выстрелов разнёс ему локоть этой руки. Куда попала вторая пуля, он в горячке боя так и не понял. Не теряя драгоценные секунды, он засунул револьвер за голенище сапога, а левой рукой схватил выпавший из руки бандита небольшой немецкий «Вальтер».

Весь бой длился не более 5...6 сек. Девушка на бричке так и продолжала сидеть, с широко раскрытыми глазами, ошарашенно глядя на окружающее её действие. С обеих сторон она была забрызгана кровью раненых бандитов, которые, мыча, хрипя и подывая от боли, судорожно дёргались, лежа на сене. Бросив «Вальтер» на землю, лейтенант Чудилин поднял трёхлинейку, затем быстро сунул ГТ в кобуру, и не теряя ни секунды, перехватив винтовку поудобнее за цевьё, от души впечатал приклад в лоб молодого бандита. Плечистого постигла та же участь, только по затылку – он лежал в телеге

ничком, лицом вниз. Пожилой дядька, увидев такие расклады, попытался увернуться от приклада, поэтому получил им дважды – сначала по горбу, потом уже и по голове.

Лейтенант малость отдышался, и от души вмазал каждому по башке ещё по разику – для верности. Надёжно вырубив всю троицу, Андрей, бросив винтовку, наклонился опять к Агнии. Осторожно подхватил её снизу под плечи, бережно приподнял, заглянул в глаза. Она была в сознании, что-то пыталась ему сказать.

– Всё, всё, спокойно, – приговаривал лейтенант, – всё хорошо, мы их сделали. Больше не рыпнуться. Отбегались, сволочи. Ты лежи спокойно. Ведь ты не умрёшь? Ведь так?

Он почувствовал, как его стало трясти.

– Ты не умрёшь?

– Нет. – ей было трудно говорить. Струйки крови обильно текли изо рта, кровь пузырилась из пробитой гортани.

Она с трудом произнесла:

– Третья...

– Что?

– Это... была ... твоя третья смерть. Я успела, – она закрыла глаза, – опусти меня, очень больно.

– Сейчас, сейчас! – засуетился лейтенант, бережно опуская её на землю, – сейчас пройдёт. Ты лежи, моя хорошая.

Агния лежала на спине, тяжело и хрипло дыша. Было видно, что внутри неё что-то происходит – дыхание участилось, пальцы рук, подрагивая, сжимались и разжимались. Прямо

на глазах вытекшая из её ран кровь стала сворачиваться, разбитая и обожжённая выстрелом левая ладонь стала быстро приходить в первоначальное состояние, рана на шее сначала перестала кровоточить, а через полминуты и вовсе затянулась. Агния продолжала лежать, недвижимая и побледневшая. Дыхание оставалось поверхностным, она вся мелко подрагивала.

Андрей стоял рядом на ватных ногах, и заворуженно смотрел на неё, не забывая время от времени косить глазом на бричку, с лежащими на ней бандитами. Девушка, которую они спасли, сползла с брочки, её была крупная дрожь. От пережитого ужаса её глаза были широко раскрыты, губы прыгали. Ноги у неё подкосились, она села у колеса, опёршись об него спиной и по-бабьи зарыдала. Чудилин, пытаясь унять дрожь во всём теле, на ватных ногах обошёл телегу, и держа ТТ наизготовку, обшарил одежду находящихся в отключке бандитов на предмет оставшегося оружия. Извлёк пару ножей, бросил их к лежащим на земле винтовке, «Вальтеру» и обрезу. Сменил магазин в своём ТТ. Присел к Агнии, погладил по голове. Она открыла глаза.

– Больно? – спросил он, с непомерной тревогой заглядывая ей в глаза.

– Очень. – мертвенно-белые губы её тряслись, по щекам бежали струйки слёз.

– Ты полежи, полежи. Или тебе лучше присесть? – засуетился лейтенант.

– Да, лучше... присесть...

Он осторожно приподнял её, посадил рядом со второй девушкой, прислонив спиной к тележному колесу.

Безумными глазами спасённая девушка смотрела то на лейтенанта, то на Агнию.

– Это как-же? К-как же? К-как же? – она была близка к истерике, – к-как же т-так? Разве так б-бывает? Её же ранили в... в... в... шею и руку?? Её же у... у... у...били!! – она переводила взгляд с Андрея на невредимые шею и руку Агнии.

– Успокойся, её не убили, – строго посмотрел на неё Чудилин, – она просто такой феномен. Медицинский. Раны у неё заживают очень быстро. Понятно?

– Н-нет... – она смотрела безумным взглядом на сидевшую рядом с ней смертельно бледную Агнию.

– Потом объясню. Но никому об этом не говори! Ясно??

– Я-я-я-сно.

– Ты кто, и откуда здесь взялась? – приступил к выяснению её личности лейтенант.

– Я...я...я... – её опять стали душить рыдания, – я с аэродрома... т-техник я... то есть из... из... хоз.взвода, – добавила она.

– В лесу-то что делала?

– Ря...ря... ря-би-ну со-о-о би-рала. А тут о... о... они... – она часто всхлипывала, тело её судорожно дёргалось, – схватили... хотела вы-ы.. вы-рваться... из... из-били.

Она опять заревела.

– Снасилили? – строго спросил лейтенант.

– Не у... у... у-спели... старый ска... ска-зал: п-потом... – её буквально душили рыдания, от пережитого шока она запиналась на каждом слове, говорить ей было очень трудно, – повезли с... с... с... собой.... А тут вы-ы-ы.... Их всех.... Спа...спа...а-сибо....

– Так, понятно. С тобой понятно. А вот что с этими гадами делать – непонятно, – Чудилин глубоко вздохнул и судорожно выдохнул, – их бы надо как-то до особиста довести. А мы с дороги сбились. Как отсюда до аэродрома-то добраться? А то заплутали, чёрт возьми... И телега эта ещё...

Он беспомощно обернулся по сторонам, и обратился к спасённой:

– Ты с лошадьми-то обращаться умеешь? А то я городской...

Его сомнения разрешились очень быстро – из-за поворота дороги сначала послышалось натужное завывание двигателя, затем через некоторое время оттуда же показалась бешено несущаяся полуторка. Не доезжая до них пятнадцати метров, полуторка остановилась, из кабины легко выскочил уже знакомый ему особист²⁶ (Чудилин видел его сегодня рано утром на КП), с пистолетом в руке. Из кузова спрыгнул автоматчик с ППШ. Ещё один автоматчик остался в кузове, положив ствол ППШ²⁷ на кабину и наведя его на телегу. Во-

²⁶ особист – начальник особого отдела, офицер НКВД.

²⁷ ППШ – советский пистолет-пулемёт Шпагина (автомат).

датель остался в кабине.

– Стоять, не двигаться! Руки вверх! Оружие на землю!

Андрей послушно положил пистолет на землю и поднял руки над головой. Особист подошёл ближе:

– Что здесь произошло, лейтенант? Чудилин, кажется? Так?

– Так точно, Чудилин. Напали бандиты. Вон их оружие. Вон ту девушку они избили и захватили в плен, везли в телеге. Отбили. Вроде всё.

Особист наклонился к девушке с разбитым лицом, при-
смотрелся:

– Ерофеева, твою мать! Какого чёрта ты здесь делала? Почему покинула расположение части?

– Я... я... я... – всхлипывала она. Больше ничего сказать она не могла.

– Понятно, с этими что? – он подошёл к телеге, – что, все готовы?

– Нет, вроде все живы были, только ранил. Чтоб не рыпались, прикладом добавил, всем по очереди.

– Хорошо же ты им по бошкам отоварил... – хмыкнул особист, и добавил: – от души. Да и стрелял метко. Лось-то этот тифозный, похоже, уже всё... – он схватил за плечо лежавшего ничком на телеге широкоплечего здоровяка, и перевернул его на бок. Точно посередине лба у того зияло круглое отверстие от пули.

Капитан НКВД ещё раз хмыкнул, дёрнул уголком рта:

– Холодный, как судак.

Андрей меж тем помог подняться Агнии и спасённой де-вушке. Ноги у обоих тряслись, еле-еле держа их в вертикаль-ном положении.

– Кузьмин, ко мне! – подозвал особист автоматчика. – И ты, Федотов, сюда, – махнул он рукой оставшемуся в кузове, – этих вяжите и в машину, лошадь пока привязать к дере-ву. Ты их обыскал? – это уже к Чудилину.

– Да, вот ножи.

Особист обернулся к своим:

– Оружие собрать, телегу осмотреть: может там ещё чего осталось. Да, и это... перевяжите обоих, а то кровью изой-дут, можем не довести. А они мне ещё понадобятся, живыми.

Раздав указания своим подчинённым, он опять обра-тил внимание на раненых бандитов. Осмотрел их ранения, хмыкнул:

– Ловко ты их, лейтенант, молодец. Эти двое точно тёп-лые, должны выжить. Я так думаю, они нам много чего ин-тересного расскажут, ведь так?! – он наклонился к пришед-шему в себя молодому парню.

Тот, пытаясь отклониться от режущего до печёнок взгля-да особиста, засучил ногами, пытаясь отползти по земле, и всхлипнув, натужно замычал:

– Волки позззорррные... Не хочу!²⁸

²⁸ в тексте могут иногда встречаться крылатые фразы из кинофильмов и анек-дотов. Просьба не считать это какой-либо формой плагиата, т.к. данные выра-

Ствол нагана неумолимо упёрся ему в лоб, пригвоздив его затылком к мёрзлой земле:

– Девку значит, подловили, хотели изнасиловать? Не успели, да? Сучары! А третьего дня зенитчика в лесу подрезали? Ваша работа? Отвечай, сука!

Начальник особого отдела резко и с силой ткнул ему в рот ствол своего нагана, выбив стволом два передних зуба. Бандит утробно завизжал, дрыгая ногами и дико вращая глазами.

– Ну!!! – особист воткнул ему ствол ещё глубже, жестоко раздирая горло, по самый барабан, – колись сука!!! Будешь говорить?!

На губах бандита выступила кровь и тонкими дорожками заструилась по шее.

Ствол револьвера покинул кривящийся от боли рот бандита и ткнулся ему в ноздрю:

– Ну!!! Будешь говорить?!

Парень истерично и визгливо зарыдал, пуская ртом кровавые слюни, и мелко-мелко кивая:

– Ду-ба-ду... ду... да... дда-а-а... бу... б... уду!

– Говори!

Он судорожно и быстро кивал, скуля от боли. Но сказать ничего не мог, а просто тарасился круглыми от ужаса гла-

жения уже давно ушли «в народ» и стали общеупотребимыми, цитируются направо и налево кем ни попадя, то есть фактически перешли в статус «народного творчества».

зами на ощерившегося капитана НКВД. Прошло несколько секунд, бандит продолжает выдувать изо рта кровавые пузыри и тоненько скулить.

Ствол нагана покинул ноздрю, и капитан дважды выстрелил в землю у самого уха бандита. Бандит заполошно завизжал от ужаса, суча ногами по земле.

– Ваша работа? Говори! – проорал особист ему в другое ухо.

– Да...да... да! Это мы... – глаза бандита стали совершенно круглые и бессмысленными, рот судорожно кривился в гримасе.

– Что ещё делали? Говори!

Но молодой бандит, выкатив зенки, продолжал бессмысленно тарашиться на особиста, издавая невнятно-визгливое:

– Ы-и...ы-и-и... ы-и-и...

Тот жёстко встряхнул его, и приблизив своё лицо вплотную, задушевно-угрожающе произнёс:

– Тебя, падла, вежливо спрашивают, так ты падла, вежливо отвечай!

Но тот только мычал, дёргал головой и пускал изо рта кровавые слюни.

– Гранату мы полчаса назад в лесу сняли, стальной струной к дереву была привязана, поперёк тропинки было повалено, – добавил Чудилин, – в километре отсюда.

– Их работа, – ощерился особист, – ну ничего, мы ещё с тобой поговорим, сучонок! – и обернувшись:

– Федотов! Грузи и этого! И перевяжи ему руку, чтоб не подох раньше времени.

Через три минуты, обращаясь к Чудилину и девушкам:

– И вы тоже в кузов!

Сел в кабину, бросил водителю:

– Трогай!

С трудом разместившись в кузове полуторки, они, трясясь и хватаясь за борта, ехали на аэродром. В кузове, помимо них, лежали двое раненых окровавленных бандита под прицелом одного из автоматчиков. Тело убитого Андреем широкоплечего бандита так и оставили в бричке, в которую сел второй автоматчик, и правя лошадыю, потихоньку поехал на ней вслед за машиной.

Глава 9. На гауптвахте.

Через пару минут они были в расположении части. Сразу завернули к мед. части, где особист распорядился выгрузить захваченных бандитов и бросив через плечо Чудилину:

– Никуда не уходите, ждите здесь! – пошёл за врачом.

Раненых предателей солдаты сгружали с машины, особо не церемонясь, и постоянно держа на прицеле, во избежание всяких фокусов. Через некоторое время подъехала и бричка. Убитого здоровяка солдаты просто спихнули с брички на землю, как мешок с дерьмом. Чудилин спрыгнул из кузова. Помог спуститься девушке-технику, а Агнию же взял на руки и выгрузил со всеми предосторожностями. Поставил на ноги:

– Стоять можешь?

– Ага.

Они отошли на несколько шагов. Он обратился к девушке-технику:

– Слушай, Ерофеева, тебя как звать?

– Ш-шурка, – она смущённо посмотрела на лейтенанта, – т-то есть, Алекс-с-с-андра, – поспешно поправилась она, откинув прядь волос со лба. Она была среднего для девушки роста, на вид выглядела покрепче Агнии, имела небольшой, правильной формы нос, немного канапушек вокруг него, большие, испуганные глаза, всклокоченные светло-каштаново-

вые волосы.

– Значится так, Александра, слушай сюда. Про то, что видела, ничего не говори, – Чудилин строго посмотрел ей в глаза, – я имею в виду про Агнию. Поняла? А кровь на её одежде появилась так же, как и на твоей: когда я ранил бандитов, на вас обеих просто набрызгало. Лады?

– Л-лады, – ответила она, всё ещё запинаясь, и согласно кивнула.

Агния подошла к ней, взяла за руку:

– Шур, ведь ты же нормально до этого говорила, ведь не запинаясь?

Александра молча кивнула.

– Понятно, это у тебя от нервного потрясения. – Агния покусала губы и сосредоточенно посмотрела на девушку: – сейчас поправим.

Она положила свою ладошку ей на лоб, что-то прошептала, провела по лбу, и как будто что-то стряхнула с ладони в сторону. Выдохнула, улыбнулась:

– Всё, теперь будешь говорить, как и прежде, нормально, не запинаясь.

Шурка несмело улыбнулась, оглянулась на лейтенанта, снова перевела удивлённый взгляд на Агнию:

– Что, так просто? Ой, а и правда! Говорю, как раньше!

– Ну, вот и славно. – вступил снова в диалог Чудилин, – а теперь скажи-ка мне: ты из хоз.взвода, или же всё-таки авиа-техник?

– Я техник. Была, – она вздохнула, и помолчав пару секунд, продолжила: – а потом, а потом... в хоз. взвод послали... то есть определили...

– И за что же тебя туда определили? – сощурившись, и наклонив голову набок, Чудилин пытливо смотрел ей в лицо.

– Было за что, – она шмыгнула носом и отвернулась.

– Ты давай не юли, – лейтенант продолжал сверлить её взглядом серых глаз, – а говори всё, как есть. Ведь всё равно узнаю.

Она горько вздохнула, посмотрела в сторону:

– Это всё мыши. Проклятые...

– Что? Кто? Мыши?

– Ну да...

Особист, выйдя из мед. части, прервал их беседу на самом интересном месте:

– Так, пошли!

Протопав за ним полсотни шагов, они пришли к небольшому дому, в котором и вершил свои архиважные дела капитан НКВД Шелестов, он же начальник особого отдела полка.

– Так, красавицы, вы покуда сидите здесь, а ты, лейтенант, – он призывно махнул рукой, – со мной.

Коротко допросив их поодиночке об обстоятельствах случившегося, он, выйдя под конец уже с Александрой, объявил всем троице:

– Сейчас пойду разбираться с бандитами, думаю, что их там уже успели подлечить и привести в чувство, а вы все трое

пока отправляетесь на гауптвахту. Так, ремни снять, оружие сдать! Федотов, проводи!

– За что на гауптвахту-то, товарищ капитан? – возмутился Чудилин, – мы же этих бандитов задержали!

– За бандитов отдельная благодарность. Эти гниды тут уже целый месяц тут гадят, никак подловить их не могли. А вы сумели. Молодцы! – капитан сухо улыбнулся, принимая их ремни, и оружие, – а гауптвахта вам, – в его голосе появились железные нотки, – за то, что покинули расположение части без разрешения.

Гауптвахта располагалась в сохранившемся маленьком, покосившемся сарайчике. Отопнув навесной замок, сопровождавший их сержант Федотов сделал широкий жест рукой:

– Располагайтесь. Все удобства под рукой: нары в том углу, ведро в этом.

Чудилин хмыкнул:

– Хорошенькие дела. Ваш капитан нарушает устав.

– Это как же нарушает?

– Офицера сажает в одну камеру с сержантским составом. Да ещё и с женским полом. Уставом не положено.

– А шляться где попало положено? Ещё хорошо отделались. Да и вам ли, товарищ лейтенант жаловаться? Один, да с двумя девками! – сержант ухмыльнулся, – не понимаете своего счастья! Пользуйтесь моментом!

Дверь захлопнулась, клацнул закрываемый замок.

– Да, и ещё! Жрать вам принесут! – донеслось через дверь.

Усадив поудобнее Агнию, Андрей уселся сам, и сказал, глядя на Александру:

– Ну что, давай рассказывай, что там за история у тебя с мышами приключилось?

– А вам разве интересно? – Александра тешила себя надеждой, что лейтенант уже не вспомнит об этом.

– Конечно, интересно! Это – во-первых, а во-вторых, мне нужен техник. Но техник, – он поднял перед её носом указательный палец и максимально строго посмотрел ей в глаза, – которому я могу доверять, а не врунишка какой-то. Так что давай выкладывай. Или ты хочешь, чтобы мне эту историю другие рассказали?

Александра, насупившись, молчала.

Чудилин терпеливо подождал полминуты, затем, как будто приняв какое-то решение, хлопнул себя ладонями по коленям:

– Ладно, не хочешь – не рассказывай. Тогда буду искать себе другого техника.

Александра засопела ещё громче. Она сердито-недоверчиво посмотрела исподлобья на лейтенанта:

– А вы правда возьмёте меня к себе техником?

– Возьму. Отчего ж не взять? Ведь ты техник? Или нет?

– Я техник, – она глубоко вздохнула, помолчала, скосила глаз на Агнию, потом на лейтенанта, нервно почесала нос и начала свой рассказ:

– Это всё из-за мышей...

– Ну, это мы уже поняли, дальше давай, – подбодрил её лейтенант.

– Дальше, – она опять замолчала, и наконец, с видимым трудом, продолжила: – они залезли в самолёт, и он... сломался....

Она опять замолчала.

Чудилин улыбнулся:

– Краткость – сестра таланта. Это что, и всё? Давай, не стесняйся, здесь все свои, рассказывай всё подробно. В деталях. Как они сломали самолёт?

– Ну, они не сломали. То есть, может быть и сломали бы, – она поспешно поправилась, – но не успели, – она вопросительно посмотрела снизу вверх на лейтенанта. Пришлось снова ободряюще улыбнуться: «мол, давай дальше!»

– Не успели.... – повторила она.

И осмелев, продолжила уже увереннее:

– Надо было утром прогреть мотор, я его запустила, а тут мыши полезли из всех щелей...

– Они в самолёт залезли, что ли?

– Ну да! Ночью уже холодно было, в конце сентября-то, вот они по стойкам шасси и забирались в самолёт, и грелись там в бронекорпусе – там тепло от мотора. А как только я мотор запустила, они и побежали в разные стороны! А я их с детства страсть, как боюсь!

Александра, видя, что её рассказ вызывает неподдельный интерес, разошлась, стала размахивать руками, и вытаращи-

ла глаза:

– Я как заору, из кабины выскочила, а как выскакивала, ручку газа коленкой, наверное, задела. Ну, мотор обороты прибавил, и как поехал, самолёт-то! Я за ним, а он только скорость набирает, не угнаться! Я бегу, ору, а он, проклятый, по кочкам скачет, и всё вправо да вправо забирает, ну, то есть, по кругу поехал! Техники, кто рядом был, видать поняли, в чём дело, и тоже вдогонку! Так и бегали за ним по полю, пока один из них не умудрился в кабину к нему вскочить, и заглушить двигатель.²⁹ А потом выяснилось, что ещё и хвостовая стойка подломилась, когда дутик³⁰ в ямку какую-то попал.

Чудилин от души хохотал, утирая слёзы, и хлопая себя по коленкам. Даже Агния, сидя в уголке на нарах, улыбалась.

– Да-а-а, вот вам товарищ лейтенант смешно, а мне знаете, как обидно! Надо мной весь полк теперь потешается, а теперь и вы туда же!

Она, заново пережив свой позор, чуть не плакала с досады:

– Меня потом так песочили! Готова была сквозь землю провалиться! А всё это – через мою боязнь мышей, будь они неладны! Потом меня в хоз. взвод и отправили. Воду таскать и дрова рубить. И на телеге ездить!

²⁹ Абсолютно реальная ситуация, случившаяся на одном из аэродромов в годы войны.

³⁰ Дутик – маленькое хвостовое колесо у самолёта.

Она шумно шмыгнула носом, и вскрикнула с надсадой:

– Обидно! Я больше месяца техником при самолёте была – младшему лейтенанту Крылову 18 боевых вылетов обеспечила! А потом эти мыши... Сраные... Всё испортили... – она удручённо замолчала, уткнувшись носом в тёмный угол с паутиной.

Андрей положил ей руку на плечо и мягко развернул лицом к себе. Она, насупившись, сидела, уткнувшись взглядом в землю. По её чумазой щеке медленно катилась слеза, оставляя светлую дорожку. Андрей подцепил пальцем её подбородок и с лёгким усилием поднял её лицо вверх.

– Ну, и чего ты нос-то повесила? – Андрей доброжелательно смотрел ей в глаза.

– Так вы ж теперь ни за что меня к себе техником не возьмёте! – поджала она губы.

– С чего это? Конечно, возьму! – пожал он плечами.

Она, утирая нос, с надеждой посмотрела на лейтенанта:

– А вы не обманываете? Правда, возьмёте?

– А чего не взять-то? Я так думаю, что техник ты исправный, самолёт знаешь. А мыши... так нет сейчас мышей-то! Попрытались в норы на зиму! Так что не вешай нос. Зачисляю тебя в свой экипаж. Ты – мой техник. Агния – стрелок. Понятно?

– Здорово! – Александру распирало от радости, – а вот... вот... – она замялась, – я всё хотела спросить вас... – она посмотрела на Агнию, потом нерешительно на лейтенанта.

– Чудно как-то... – она закусила губу, и опять нерешительно посмотрела на Агнию.

– Хорошо, – спокойно сказала Агния, – я тебе всё расскажу. Но ты, боюсь, мне не поверишь.

– А врать и обманывать ты не будешь? – Александра недоверчиво косила на неё глазами.

– Я – не обману, – спокойно ответила ей Агния, – я вообще не могу обманывать.

– Почему? – искренне удивилась её собеседница, – все обманывают, и все врут!

– Я – не вру, и не обманываю, потому, что я – не совсем человек.

У Шурки сам собой открылся рот от удивления.

– Я – ангел, – спокойно, с мягким нажимом промолвила Агния, и сделала многозначительную паузу.

Шурка продолжала сидеть с открытым ртом.

– Я – ангел, в данный момент пребывающий в человеческом облике. Ранения, смертельные для людей мне не страшны – у данного мне человеческого тела активирована функция гипер-регенерации тканей. Поэтому так быстро на мне заживают раны. Ты сама это видела, – Агния наклонила вбок голову, и оттянула вниз воротничок гимнастёрки, тёмный от засохшей крови, обнажая свою шею с зажившим шрамом от сквозного ранения.

– Гип... ги... генерация чего? – переспросила Шурка.

– Заживает на мне всё, как на собаке, и даже namного

быстрее, – секунду подумав, простыми словами пояснила Агния.

– И ты при этом не можешь умереть? – округлила глаза Шура.

– В некотором смысле – да. И не перебивай, пожалуйста. У каждого человека есть свой ангел-хранитель, он даётся ему при рождении. У тебя тоже есть свой ангел-хранитель. Каждый из них, как может, выполняет свой долг. Кто-то лучше, кто-то хуже. У некоторых, как например, у меня, иногда совсем плохо получается, – она украдкой бросила взгляд на Андрея, – и тогда ангелу определяют наказание – отправляют на землю. Я – ангел-хранитель вот у него, она кивнула на Андрея.

– И тебя что ж, выходит, наказали, и сюда отправили? – Александра, казалось, ловила каждое её слово.

– Выходит, наказали. И отправили.

– И теперь ты здесь?

– Да.

– Навсегда?

– На месяц. Такой срок определён мне для наказания.

– А потом? – Александра слушала, приоткрыв рот, боясь пропустить хоть одно слово.

– Потом – обратно. И буду беречь его дальше, в обычном режиме.

– А как это – в обычном режиме?

– Ангел-хранитель, – терпеливо поясняла Агния, – имеет

возможность корректировать линию жизни своего подопечного, уводя его от всевозможных опасностей, так как он о них знает заранее. Ну, или уводит от человека большую беду, заменяя её на малую.

– Это как же? – Шурка широко раскрыла глаза.

– Да очень просто: к примеру, должен на человека сегодня с крыши высокого дома кирпич упасть, а ангел-хранитель заранее знает про это, и сделает так, чтобы, к примеру, у человека этого живот прихватило, – Агния улыбнулась, – и он полчаса на горшке просидит. А кирпич тем временем с крыши просто так упадёт, и человек жив останется. А если бы ангел-хранитель его линию жизни в тот момент не скорректировал, то лежал бы этот человек на мостовой с пробитой головой. Вот так.

– Хм.... – недоверчиво прищурилась Александра, – а как же ангел может так сделать, чтобы у человека живот прихватило, а?

– Опытный ангел-хранитель ещё и не то может сделать, – с глубокой убеждённостью произнесла Агния.

– А ты, значит, стало быть, не очень опытный ангел, коли тебя сюда сослали?

– Значит, не очень... – удручённо подытожила Агния, и надолго замолчала.

Шурка тоже долго молчала, переваривая услышанное. Потом вскинулась:

– Так получается, что здесь тебе трудно приходится, да?

– Да уж несладко...

– А что, простыми какими-нибудь способами тебе его охранять не получается? – она неопределённо поводила в воздухе обоими ладошками, – ну, как ты только что говорила? Сделать так, чтобы у товарища лейтенанта, – она скосила глаз на Андрея, – живот вовремя прихватило, что ли? Так нельзя?

При этих её словах Андрей заворочался, недовольно засопел, всем своим видом показывая, что разговор зашёл в ненужное уже русло.

– Пока я здесь, я этого не могу – таких возможностей у меня здесь нет. Да и вижу я его смерть только за несколько секунд, не дальше. Вот и приходится.... – Агния зябко поёжилась, тяжело вздохнула – Ну, ты видела.

Шурка закусил разбитую нижнюю губу, и упёрлась подбородком в сложенные ладони, брови её изогнулись и поднялись домиком:

– Бедненькая! И мучиться тебе приходится, и умереть-то ты не можешь, но тебе всё равно очень-очень больно? Так же, как человеку?

– Да, очень больно. Но ничего не поделаешь, – Агния пожала плечами, – надо искупать свою вину.

– Во дела! – горестно выдохнула Александра, – это что же получается? Прямо штрафбат какой-то! Только для ангела!

– Что такое штрафбат? – недоумённо спросила Агния.

– Ну, это.... – Шурка неуверенно посмотрела на лейте-

нанта.

Андрей, за всё время разговора не проронивший ни слова, кашлянул, помолчал, и коротко объяснил, обращаясь к Агнии:

– Штрафбат это – штрафной батальон. Подразделение, куда на определённый срок отправляют провинившихся солдат и офицеров, и где они и искупают свою вину.

– В чём провинившихся, и как искупают? – удивлённо спросила Агния.

– В чём, в чём! Да в чём угодно: подрался, к примеру, украл чего-нибудь, струсил, предал своих товарищей, нарушил приказ! А искупают кровью – штрафников бросают в самое пекло, где голову сложить проще простого. И гибнут они сотнями.

– А в чём же искупление? Если они погибают? – непонимающе захлопала ресницами Агния.

– В том и искупление – своей кровью они смывают с себя свою судимость. И родные его... уже не родственники предателя, а... – Андрей замялся, не зная, как сказать, но быстро нашёлся и продолжил: – а сын, к примеру, может всем говорить, что мой папка, мол, на фронте геройски погиб. Ну, и не все же погибают! Если ранило – то тоже считается, что смыл кровью. Таких обратно отпускают. И они дальше воюют. Вот так.

Некоторое время Агния сидела, как громом поражённая, потом тихо произнесла:

– Надо же! А я и не знала... Оказывается, везде всё очень похоже устроено!

Все надолго замолчали, погружённые каждый в свои думы. Стало слышно, как капают капельки воды, стекая со среза крыши.

Под воздействием разговора на Андрея Чудилина нахлынул вал воспоминаний. Июнь 41-го, военкомат, лётная школа, лётное училище, присяга, первый вылет, первый сбитый фриц...

В реальность его вырвало громко произнесённое слово:

– Присяга!

Андрей вскинулся, поднял голову, посмотрел на Агнию – это был её голос. Она повторила:

– Андрей, присяга!

– Что «присяга»? – не понял он.

– Ты принимал присягу, так? – она сверлила его своими глазами.

– Принимал, само собой.

– И Шурка принимала?

Андрей пожал плечами:

– Ну разумеется, она же – военнотружущая.

Агния перевела взгляд на Александру. Та закивала:

– В ШМАСе³¹ принимала.

Агния закусила губу, некоторое время оценивающе смотрела на Андрея, потом на Шурку. У Андрея зачесалось-за-

³¹ ШМАС – школа младших авиационных специалистов.

щекоталось в голове – верный признак того, что Агния в данный момент что-то пыталась там раскопать в завалах его памяти. Через пару секунд она нашла то, что искала – текст присяги.

– Так, давайте... – Агния встала и повернулась к ним лицом.

– Что давайте? – не понял Андрей.

– Присягу буду принимать!

– Да тебе-то зачем? Ты же...

– Что «я же»? – вскинулась Агния, – не Боец? Не ваш Товарищ?

Андрей от её напора слегка стушевался:

– Так не... ну не то что-то... Присягу принимают в торжественной обстановке, оркестр там, строй, знамя...

– Ты можешь это мне обеспечить?! Оркестр там... и всё прочее?

– Агнюш, ну осади ты назад! – Андрей начинал вскипать, – ну какой оркестр, ты же сама знаешь, кто ты и на каких основаниях здесь, ты же... ты же...

– В данный момент я – боец Красной Армии, я – ваш товарищ. Я – борт.стрелок. Член твоего... – она запнулась, и продолжила: – ...нашего экипажа. И я должна принять присягу!

– Послушай, – схватился за последнюю соломинку Андрей, – присягу принимают с оружием в руках. А мы – сидим на губе, и пистолеты у нас отобрали... А надо с оружием в

руках.

– Обойдусь и так! Моё тело – моё оружие! – она вскочила, оттянула воротничок гимнастёрки, показала свежий шрамик на шее, ткнула ему в нос свою ладошку с таким же свежим, синеватым шрамом посередине, – Забыл? Вставай, говорю!!

И было в её голосе что-то такое, что-то идущее из самой глубины души, с надрывом, «до косточки», что Андрей молча встал, да так и остался стоять, упёршись головой в низкий потолок. Шурка тоже вскочила, одёрнула гимнастёрку, и тоже, проникшись торжеством и важностью момента, застыла по стойке смирно.

Агния глубоко вдохнула, и, глядя прямо в глаза Андрею, начала:

– Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь...

Пока Агния читала текст присяги, Андрей смотрел ей в глаза. Знакомые слова, произносимые этой маленькой девушкой, его собственным Ангелом-хранителем, ложились на память, отпечатывались на подкорке. Только сейчас Андрей со всей полнотой осознал, насколько важно ЭТО было для неё. В данный момент для неё ЭТО было жизненно необходимо, это было подтверждением её нового статуса. Её голос напряжённо дрожал, пока она, чеканя каждое слово, дочитала текст присяги.

– ... я клянусь защищать её мужественно, умело, с досто-

инством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами. Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

Агния выдохнула, обвела их обоих шалыми глазами, облегчённо улыбнулась. Вытерла тыльной стороной ладони бисеринки пота, выступившие у неё на лбу.

– Всё, товарищи... Я с вами.

Снаружи послышался шум шагов. Клацнул открываемый замок, и в дверной проём просунулась голова уже знакомого сержанта:

– Лейтенант Чудилин и сержант э... Чудилина – на выход!

Шурка дёрнулась с надеждой:

– А я?

– Ты остаёшься.

Шурка с потеряннным видом бухнулась обратно на лавку.

– Значит так, – капитан Шелестов сидел за столом, – принимая во внимание то обстоятельство, что это ваше первое нарушение, и то, что вы помогли задержать опасных бандитов, я вас обоих отпускаю, – он долгим взглядом зафиксировал сказанное, и веско добавил: – Пока. Идите, служите. Всё, свободны. Оружие и ремни можете забрать.

– А как же мой техник, Ерофеева? – удивился Чудилин.

– Разве она ваш техник? – поднял брови домиком особист, – вы ничего не путаете, товарищ лейтенант? Она в данный момент приписана к хоз.взводу. На лошади обед возит из столовой на поле.

– Ничего не путаю, товарищ капитан, – Чудилин твёрдо встретил взгляд капитана, – она – мой техник. Я беру её к себе в экипаж.

– Хм... это новость! – констатировал особист, – и что? Это сильно меняет дело?

– Меняет. Я и мой стрелок вчера прибыли в часть, и оставлены в резерве, ввиду нехватки техников. Пара самолётов при этом свободная есть. Хочу получить самолёт, и хочу воевать, бить врага! Мне нужен мой техник – освободите его, пожалуйста!

Особист задумчиво побарабанил пальцами по столу, над чем-то размышляя.

– А вы знаете, товарищ лейтенант, за что её послали в хоз.взвод?

– Да, она мне рассказала. Про мышей. И считаю это нелепым недоразумением, которое может случиться с каждым. Дайте ей ещё один шанс. Я уверен, что она меня не подведёт. Если хотите, могу взять её на поруки.

– Хм... на поруки... Ладно! – капитан хлопнул ладонью по столешнице, – иди к старшему инженеру полка, и если он твою инициативу одобрит, то я её выпущу.

– Разрешите идти?

– Идите.

На удивление, просьба лейтенанта Чудилина никакого особого недовольства не вызвала, инженер махнул рукой:

– Да бери ты её, ради Бога! Доложись старшему технику эскадрильи, скажи – я приказал. Вон там, на краю поля стоят два самолёта – он сам решит, какой тебе дать. А дальше уже все вопросы с ним и решайте.

Вернувшись, лейтенант доложил капитану Шелестову о результатах разговора со старшим инженером полка. Капитан отдал распоряжение сержанту:

– Ерофееву ко мне!

Через несколько минут Шурка, конвоируемая сержантом охраны, продефилировала мимо Чудилина и Агнии. Андрей успел ей ободряюще подмигнуть, мол, всё в ажуре! После недолгой душеспасительной беседы капитан её выпустил.

Вся сияющая, она подошла к ним, лихо отдала честь и выпалила:

– Товарищ командир, разрешите приступить к выполнению служебных обязанностей!

– Пошли! – панибратски хлопнул её по спине лейтенант.

Агния осуждающе-ревниво взглянула на него.

Глава 10. Одних только дырок за сотню...

Выделенный им самолёт с цифрой «7» на борту, был изрядно потрёпан, имел кучу старых, заделанных пробоин, и бессчётное количество свежих, ещё не заделанных. Плюс к этому, изрядная часть обшивки на левой половине стабилизатора просто отсутствовала. По всей видимости, этот Ил-2 был сильно повреждён в одном из вылетов, но характер боевых повреждений не позволял его списать, а объём ремонтных работ был велик, и его пока оттащили на край лётного поля, под прикрытие деревьев, и оставили там до поры до времени. А сейчас, видать, это время пришло...

– Ну, вот, а ты боялся, что безлошадным останешься! – звонко засмеялась Агния, обходя вместе с Андреем вокруг самолёта, имевшего весьма затрапезный вид, – вот только он, мне кажется, немного поломанный...

– Да уж... немного! Да тут работы невпроворот.

– Ничего тут страшного нет. За день управитесь. Если все втроем за дело возьмётесь, и баклуши бить не будете, – авторитетно заявил старший техник эскадрильи Филимон Кондратьевич, а в просторечии «Кондратич».

– Ага... – позволила себе не согласиться с ним Шурка, и жалобно добавила: – Одних только дырок за сотню....

– Дырка, Шурка, у тебя в жопе! А здесь – отверстия. Пулевые и осколочные, – назидательно оборвал её хамоватый Кондратич, но поймав хмурый, неодобрительный взгляд лейтенанта, слегка поубавил тон: – инструментом я вас обеспечу. Ты, лейтенант, кем до войны работал?

– Слесарь – электромонтажник, – спокойно ответил Чудилин. И добавил: – на Кировском заводе.

– Это в Ленинграде, что ли? Где танки делают?

– Да, там.

– Ну, стало быть, справишься! – он махнул рукой, – Шурка, пойдём со мной, я тебе инструмент нужный дам.

Только-только успели обсудить со старшим техником эскадрильи план и очерёдность работ, как техники, работавшие на соседних самолётах, неровной цепочкой, галдя, потянулись мимо них в сторону столовой.

– Обед? – вопросительно-утвердительно произнесла Шурка, взглянув на командира.

– И то верно! Кишка кишке бьёт по башке. Пошли.

Подходя к столовой, они разошлись: Александра в столовую для тех.состава, Андрей и Агния – для лётного.

За их столом уже сидел Коля Никишин, стрелок комэска, и основательно налегал на борщ. Комэска с ним почему-то не было. На вопрос Чудилина насчёт отсутствия комэска, Коля только замахал левой рукой: мол, садитесь, все разговоры потом... Через пару секунд он всё-таки оторвался от тарелки, чтобы выдать:

– Садитесь жрать, пожалуйста, – говорить с набитым ртом ему было не очень удобно. Он перехватил осуждающий взгляд Агнии, и сглотив, извиняюще добавил: – прошу прощона, барышня, за солдатский юмор, – и повернувшись уже к лейтенанту: – Славка... э-э... то есть капитан Миронов задержался, грит, буду позже. Ага. Иди, говорит, рубай без меня.

Расправившись с первым, Коля принялся за второе... Официантка Наталья, тем временем принесла тарелки для Андрея и Агнии.

– Ну что, Шурку себе взяли в техники?

Андрей молча кивнул, пробуя борщ.

– А! Так с ней же тут интересная история приключилась.... – начал, было, Коля.

– С мышами-то? Знаем...

– А-а-а... – разочарованно протянул сержант, – а то бы я вам про эту комедию рассказал... В лицах...

– Да она сама нам рассказала, – окончательно обломал его Андрей.

– Ну да, ну да... – Колька задумался, отхлебнув компот, – нет, если так подумать, то девка-то она неплохая.... И техник тоже. Вон, у Крылова, – он показал глазами на одного из лётчиков, – целый месяц техником была, и ничего – никаких претензий. Пока эта хохма с мышами у неё не приключилась. Уж очень тогда на неё все ополчились! Затуркали девку! У неё потом долго глаза на мокром месте были. Уж очень пе-

реживала. Слушай, а знаешь что?

Коля шкодливо обернулся, бросил быстрый взгляд в сторону столика, который накрывали для начальства.

– Так, Филипыча пока нет, значит можно!

С этими словами он решительно встал и вразвалочку пошёл на раздачу и попросил ещё добавки. Улыбчивая повараха, стреляя глазами на старшего сержанта, который вполголоса осыпал её галантностями, от души подложила ему ещё картошки и пару котлет. Улыбаясь от уха до уха, он вернулся, и упал на своё место.

– Ты что, не наелся? – наклонилась к нему Агния.

– Это секрет, – сказав это, бортстрелок сунул руку к себе в карман галифе и недолго пошарив там, вынул оттуда свёрнутый вчетверо лист серой, обёрточной бумаги. Ловко свернул из него кулёк, и смахнул в него содержимое тарелки, дополнив парой кусков хлеба. Объёмистый свёрток нырнул в бездонный карман его галифе, – сейчас я тебе всё поясню....

Договорить он не успел, так как хлопнула входная дверь, впуская новых посетителей, в числе которых был командир полка и ещё один, какой-то пожилой мужик в очках.

– Так, опа! Филипыч! Ну я пошёл! Жду вас на улице... – Коля шустро вскочил и бочком-бочком, тщательно отворачивая лицо от вошедших, продефилировал к выходу из столовой.

– Он что, еду ворует? – тихо спросила Агния у Андрея, провожая Николая осуждающим взглядом.

– Да нет, непохоже. Скорее, здесь другое. Лётный состав кормят по самой высокой норме, и мы имеем право на добавку. А тех.состав кормят кое-как, и многие лётчики своих технарей подкармливают. Это негласно, но допускается.

– А чего же он тогда испугался, и быстренько убежал? – не унимался дотошный ангел.

– Вот сейчас и узнаем. Доела? Ну так доедай уже, и пошли!

– Андрюш, да не могу я уже, не лезет – помогай! – взмолилась Агния, не в силах совладать с порцией, рассчитанной на здорового мужика.

Через пару минут они встали из-за стола и вышли на улицу. Сержант Никишин подждал их под ближайшей берёзой.

– Принимай в бомбоотсек! – промасленный свёрток перекачевал из его кармана в карман лейтенанта. – Шурке своей отдайте, небось оголодала.

– А чего ты так поспешно свинтил-то?

– Так Филипыч же! – и видя полное непонимание на лице лейтенанта, он пояснил: – полковой врач. Если увидит, что кто-то еду таскает из столовой, то тут такой шухер до небес подымает! Мол, вы вот техников своих кормите, а сами недоедаете! Ну, и так далее. И, кстати, – Коля назидательно поднял указательный палец, – меня он уже на этом ловил. Два раза. А ты ещё спрашиваешь, с чего это я свинтил?! Ну его, чёрта очкастого! Нах-нах!

Он замахал руками, как будто отгоняя назойливую пчелу,

обернулся и, издалека увидев подходившего комэска, побежал к нему:

– О! командир! А мы тут уже, без тебя... – подбежал, перекинулся с ним парой слов – за дальностью расстояния было плохо слышно, и потом, уже громче: – Ладно, пойдём – я ещё компотика бахну!

Шурка уже сидела на ящике рядом с их самолётом и, развернув полученный свёрток, обрадовалась донельзя:

– Ой! Спасибо, товарищ командир!

– Да это не я, это Коля Никишин тебе передал...

– Ага, ага! И ему спасибо! – закивала она головой, тут же набив рот, и с полным ртом продолжала делиться впечатлениями:

– Какая вкуснятина! Котлеты! М-м-м! Сто лет не ела! Не то, что у нас: на первое – вода с капустой, на второе – капуста без воды, на третье – вода без капусты!

Глядя, как Шурка трескает принесённую ей еду, Агния подошла к лейтенанту вплотную, и ковыряя ему пуговку на шинели, тихо произнесла:

– Я не знала.... Я ей тоже буду из столовой еду носить. Она такая голодная...

– Ладно, не переживай, уж как-нибудь прокормим, чай не бегемот! Да и тебе бы побольше кушать, а то клюешь, как цыплёнок! Откуда силы возьмутся? – он дружески потрепал её по голове, взъерошив волосы. Она в ответ улыбнулась.

Андрей, увидев, что Шурка уже расправилась с принесённым ими доп.пайком, хлопнул ладонями по коленям, пружинисто встал:

– Так, вот что, Александра! Ты – техник самолёта, ты и командуй. А я у тебя на подхвате буду. Согласна?

– Ага! – кивнула Александра: ей явно нравилось то уважение, которое она слышала в словах командира.

– А я? – напомнила о себе Агния, – про меня не забыли? Я тоже буду помогать! Я не белоручка какая!

Александра хмыкнула, молча наклонилась к большому деревянному ящику, недолго пошуровала в нём, и выудила оттуда железную банку с кисточкой, поставила у борта самолёта.

– Ты, Агния, будешь вот этими дыр.... М-м-м... отверстиями заниматься. Это – эмалит, держи! – она сунула банку в руки Агнии.

Затем вытащила здоровенные ржавые ножницы и свёрток серовой тряпки, опять сунула всё это ей в руки:

– Это перкаль, держи! – она подвела её к борту самолёта, на котором снизу доверху, наискосок шла прострочка из пулевых отверстий, – смотри! Берешь напильник, и вот так вот сдираешь эти занозы!

Она пошоркала ржавым напильником без ручки по краям пулевого отверстия в фанерном борту, сунула напильник в карман, макнула кисть в банку с эмалитом и обильно смазала им края отверстия.

– Вот так мазюкаешь, а потом вырезаешь вот так... – она ловко отрезала кусок перкаля, – и вот так пришлёпываешь его на дыр... – она сделала паузу, и закончила: – на отверстие. Тьфу ты! Да не могу я так говорить! – в сердцах крикнула она, – дырка она и есть дырка! Я так привыкла говорить, и иначе не буду, вот!!

– Да дырка, дырка! Не переживай, – смеялся Андрей, наблюдая за её манипуляциями, – говори, как угодно!

– И то ладно, – с облегчением выдохнула Шурка, – а то – «отверстие»! – она передразнила Кондратича, – тьфу ты, пердун старый! – обозвав за глаза Кондратича, она немного отошла и успокоившись, продолжила:

– Так! И дальше сверху уже снова мажешь эмалитом. А потом, когда всё приклеишь, и оно подсохнет, надо будет по этим заплаткам краской пройтись. Поняла?

– Угу, поняла, – Агния старательно запоминала последовательность действий.

– На! – Шурка сунула Агнии в руки напильник, кисточку, ножницы, и банку с эмалитом, – занимайся!

И пока Агния заделывала отверстия в деревянных консолях и в хвостовой части фюзеляжа, Шурка и Андрей, весь остаток дня вдвоём возились с обшивкой стабилизатора³². Заканчивали в темноте, под натянутым тентом, при свете

³² Ил-2 выпуска 1943 года имел бронированную переднюю часть фюзеляжа, деревянную хвостовую часть фюзеляжа (от кабины стрелка и далее в хвост), и деревянный же киль. Стабилизатор и центроплан (корневая часть крыла между стоек шасси) были из дюрала. Консоли крыла были деревянными.

двух тусклых переносок, подключённых к аккумулятору. В конце концов, уже поздно вечером, тонкие листы дюраля были подогнаны по месту, приклёпаны к набору стабилизатора, и даже покрашены. Снизу – голубой краской, сверху – зелёной.

Лейтенант бухнулся на ящик, вытер пот со лба:

– Фу-у... вроде всё... – посмотрел на Шурку: – или что-то ещё?

– По самолёту всё, но вы, товарищ командир, своему стрелку ничего по пулемёту не рассказали, – напомнила Александра, – а просили напомнить. Вот, напоминаю!

– А, ну да, – Андрей почесал переносицу, – проблема....

– А что, там трудно? – спросила его подошедшая Агния. Она была вся с ног до головы перемазана эмалитом и краской, и выглядела крайне уставшей. Хорошо, хоть Шурка настаивала на том, чтобы она переделалась в рабочую одежду. В засаленной телогрейке и промасленных ватных штанах она смотрелась очень колоритно.

– Да как сказать... – в его голове шёл напряжённый мысленный процесс, – тут за 15 минут не объяснить, тут процесс обучения не один час займёт. Даже самые общие понятия.

Он ненадолго задумался, опёршись рукой в борт самолёта. Потом решительно хлопнул по борту рукой и подытожил:

– Короче: сейчас ничему обучать не буду – всё равно времени не хватит. Завтра, если и полетим, то нас по любому поставят в середину строя – особо стрелять не придётся. Да и

проку от тебя там будет немного. Пулемёт лучше и не трогай.

– Нет уж! – не желала соглашаться девушка, – давай, показывай! Хотя бы в общих чертах!

– Хм... в общих чертах, говоришь? Ну, ладно. Но только, если в общих чертах!

Последующие десять минут он потратил на то, чтобы показать ей самые важные моменты в работе с пулемётом (как целится, где гашетка, как перезаряжать, и т.д.),

И тут нарисовалась проблема: выяснилось, что скудных силёнок девушки не хватает, чтобы оттянуть на себя ручку перезарядки пулемёта. И напрасно лейтенант раз за разом показывал ей, как это делается. Все её попытки заканчивались ничем: сжать мощную пружину хрупкой девушке никак не удавалось. Она чуть не плакала с досады. Видя такую беду, Шурка попыталась показать её личным примером, как это делается. И у неё это получалось неплохо – её сил хватало, чтобы оттянуть ручку перезарядки до крайнего заднего положения. Но она была и покрепче Агнии. Агния сидела с виноватым видом.

– Ну, ничего страшного, – пыталась успокоить её Шурка, – перед вылетом я тебе передёрну, и лети. Авось и не будет осечек.

– Ага, а если будет?! – Агния чуть не плакала.

– Да не будет! Я тебе каждый патрончик в ленте осмотрю, тряпочкой протру. Сама прослежу, чтобы оружейники тебе пулемёт хорошо почистили и смазали. Не бойсь, – не отка-

жет.

– А если откажет? – не унималась Агния.

– А если откажет, – Александра посерьёзнула, – тогда...

Короче: надо будет – передёрнешь!

Агния молча шмыгнула носом. Поняв, что на этом моменте надо бы и закругляться, лейтенант сделал попытку завершить свой краткий курс обучения:

– Ну, ладно, вкратце я тебе всё более-менее рассказал. Но мой тебе совет, – он сделал многозначительную паузу, – не трогай его лучше, это пулемёт, ну его на фиг! Целее будем.

– А что же мне в полёте делать?

– Что, что? Держись крепче, по сторонам смотри. Немцев увидишь – сразу мне сообщай. Вот и всё пожалуй. На первый раз.

– А если они всё-таки появятся, немцы эти?

– Просто мне сообщи об этом и всё.

– И всё? А что, стрелять по ним из пулемёта не надо?

– Пока не надо, – он помолчал, и добавил: – а то и до беды недалеко.

Поймав её удивлённый взгляд, пояснил:

– Хвост мне ещё отстрелишь! Куда я без хвоста-то полечу, а? – попробовал он перевести всё в шутку.

Агния шутку не приняла:

– А я буду стрелять! Понял? И хвост тебе я не отстрелю!

Не дурнее паровоза!

– О как! – поднял он брови.

Ангел надулся и отвернулся от него. На сём разговор про оборонительное вооружение закончился.

Глава 11. Втроём в одной хате.

Отмыв бензином руки от эмали, краски, масла и грязи, устало побрели на ужин.

– Товарищ командир, а товарищ командир!

– Чего тебе, Шур?

– Товарищ командир, а вас в тот домик на отшибе поселили, в котором полкрыши нет?

– В тот самый.

– А вы там вдвоём, что ли, расположились?

– Ну, вдвоём, а что, к нам хочешь подселиться?

Шурка смутилась:

– Да как сказать.... Не знаю... я вас, наверное, стесню. Да и Агния, наверное, против будет.

– Ничего и не буду, – вклинилась она в разговор, – давай к нам, втроём веселее будет!

Шурка с надеждой посмотрела на лейтенанта:

– Можно, что ли?

– Ну, а чего нельзя-то? Перетаскивай своё барахло к нам, место найдётся.

– А и вправду, перееду! – она решительно махнула рукой, – а то мне там, в общежитии, все девчонки уже надоели со своими насмешками. Надоело, хватит! Вот сейчас после ужина соберу свои манатки и заявлю, что к лётчикам жить ухажу! Вот так! Вот посмотрим, что они тогда запоют!

Она решительно зашагала в сторону столовой для тех.со-става.

В столовую они припозднились: половина столов уже пустовала, а комэск второй эскадрильи капитан Миронов и его стрелок Коля Никишин уже заканчивали ужин.

На ужин были блинчики. Агния вела себя беспокойно, всё время оглядывалась. Потом наклонилась к Андрею и зашептала:

– Слушай, я не могу, у меня не получится... Не умею я этого делать.

– Ты о чём?

– Ну, я же обещала, что тоже буду Шурку подкармливать, а вот не могу, и всё! стыдно...

– Ерунда, не забивай себе голову. Это могу делать и я.

– Вы чего там тихушничаете? – участливо наклонился к ним через стол Николай.

– Да вот, техник наш... – начал было Андрей.

– А, понятно! – кивнул Коля, – понравилось. Понятное дело – девка оголодала. Надо поддержать, огнём и маневром. Могу сходить.

– Да ладно, – Андрей встал, поправил ремень, – я сам.

И решительно шагнул к окошку раздачи...

Войдя в дом, каждый занялся своим делом: Чудилин принялся колдовать с добытыми утром гильзами, намереваясь сделать из них светильники (бутылкой с керосином он раз-

жился ещё до ужина), Агния принялась растапливать печку. В доме было довольно холодно. Минут через десять хлопнула входная дверь, и через секунду в темных сенях загрохотало опрокинутое ведро, и в комнату головой вперёд буквально упала Шурка, держа в охапке кучу какого-то барахла.

– Ой! Ё-к-л-м-н! Это я! Я там в коридоре на что-то наступила! Можно войти?

– Так ты уже вошла – голова впереди ног! – рассмеялся Андрей, – располагайся.

– Куда мне? – она завертелась справа налево с охапкой своих вещей.

– Вот сюда положи, – Агния показала на кровать за печкой, которая изначально предназначалась ей.

Шурка бухнула свой кутуль на кровать, развернула его, стала поправлять.

– Эта, что делать надо? Давайте я что-нибудь приберу! Или постираю там! Вы не думайте, я не белоручка какая, не рохля! Я всё могу.

– Вот это съесть сможешь? – был извлечён промаслившийся бумажный кулёчек с блинчиками.

– Ох! – она шумно выдохнула, – това-а-арищ командир! Спасибо! Можно? Это всё мне?

– Лопай давай. Всё тебе, мы своё уже смолотили.

Глядя, на то, как Шурка расправляется с принесёнными блинчиками, Агния жалобно спросила:

– Шур, вас там что, совсем не кормят? Опять вода без

капусты, что-ли?

– Не-е! – замотала головой Шурка с набитым ртом, и прожевав, добавила, – сегодня была шрапнель.

Агния вопросительно посмотрела на Чудилина.

– Каша, – пояснил он. Подумал и добавил: – невкусная.

Чудилин так увлёкся конструированием светильника из гильзы, что не заметил, как девчонки переместились за печку. Они там довольно долго шуршали, что-то делали, перешёптывались.

Постелив постель Александры, и устроив, таким образом, её спальное место, они занялись наведением женского порядка в жилище. Выглянув из-за повешенной ими занавески, и убедившись, что командир продолжает увлечённоковыряться в своих гильзах, Шурка тихонько спросила у Агнии:

– Слушай, а сама-то ты где спишь?

– С Андреем.

– Да неужто? – Шурка округлила глаза, и закрыла рот ладонью, – на одной кровати? Вдвоём?

– Да, вдвоём.

Шурка села, нахмурилась, недоверчиво посмотрела на неё, потом за занавеску, потом снова на Агнию.

– И что?

– И ничего, – спокойно ответила Агния.

– Совсем ничего? – Шурка недоверчиво прищурилась.

– Совсем.

Она опять озадаченно помолчала.

– Разве так бывает?

– Бывает.

Она опять озадаченно помолчала, было видно, что её жизненный опыт идёт вразрез с тем, что она только что услышала.

– А он что?

– Ты о чём?

– О том самом! – Шурке аж свербило разобраться в возникшем жизненном ребусе, – он что, совсем к тебе не пристаёт? Ну, с глупостями там всякими? Не предлагает?

– Я ему сразу сказала, что с ангелом этого делать нельзя.

Он всё понял и не предлагал.

Шурка недоверчиво скривила губы, посмотрела в потолок, и нашла, как казалось ей, вполне подходящее объяснение:

– Так он может, он и не хотел совсем? Ну... – она пыталась найти нужные слова, – я слышала о таком, что мужчина иногда и не хочет. Ну или не может! – она жалобно посмотрела на собеседницу.

Агния улыбнулась уголком рта:

– Ха-ха! Ещё как может! – и добавила, чтобы развеять у

Шурки всякие сомнения: – И ещё как хочет!

Шурка понизила голос до шёпота:

– А он тебе об этом сам сказал?

– А чего там говорить? Упёрся в меня своей штукой – всё

и без слов понятно было.

– А потом? – прошептала Шурка и замерла, сделав страшные глаза.

– А потом поболтали, да и уснули, вот и всё.

Александра недоверчиво посмотрела на Агнию.

– А штука большая?

Агния испытующе посмотрела на собеседницу:

– А чего ты меня об этом так подробно расспрашиваешь? Что, большая охотница до этих дел? – поинтересовалась Агния, – ты что, для этого сюда пришла?

Александра вконец смутилась:

– Да нет, ты что, я не это... Я вообще.... Он конечно, хороший человек, и мне как командир нравится, и вообще...

Она виновато посмотрела на Агнию, долго мялась, а потом выпалила, как на духу:

– У меня это только один раз было!

Вздыхнула и добавила упавшим голосом:

– Не понравилось... – потом посмотрела жалобно на Агнию, – прогонишь? Мне уйти обратно?

– Не уходи, оставайся. Но вот что: больше эту тему не поднимаем. Договорились?

– Договорились! – с облегчением ответила Шурка.

– Эврика! – донеслось из-за занавески. Девушки выглянули, и увидели, как Андрей держит в вытянутой руке гильзу-коптелку с ярким язычком пламени:

– Люди! Я несу вам свет! – торжественно-дурашливо про-

декламировал он.

– Ты прямо, как Прометей! – заметила Агния.

– Это кто? У нас в полку с такой фамилией вроде никого нету! – недоумевала Шурка.

– это из мифов древней Греции, – авторитетно пояснил Чудилин, – Прометей научил людей пользоваться огнём, и за это боги приковали его к скале и орёл всё время клевал его печень.

– Бедненький! – Шурка жалобно посмотрела на него. И, скосив глаза на Агнию, тут же на всякий случай пояснила: – это я про Прометея!

Все засмеялись. Напряжение, возникшее между девушками, окончательно разрядилось.

Андрей пошёл на улицу умыться и почистить зубы.

– Слушай, Агнюша, – обратилась к Агнии Шурка, – а ты вот ангел, а как ты появилась-то здесь? С неба, что ли, на крыльях спустилась, или прямо из воздуха родилась?

– Ну, что-то похожее и произошло, – рассмеялась Агния.

– И что, и тугамент у тебя был?

– Чего-о-о? Документ? – заливисто расхохоталась Агния, – Шур, ты что, деревенская?

– А что?

– Да говоришь смешно: коидор, тугамент. Надо говорить правильно: коридор, документ. Я же ведь тоже не городская, но ведь так не говорю!

– Да знаю я! Вот только так у меня бабушка всё время

говорила, я и привыкла. Тоже.

– Есть у меня «тугамент»! – передразнила Шурку Агния.

– И что там написано? – не унималась Александра, – что ты ангел?

– Дура ты, Шурка! Написано там – Чудилина Агния Николаевна.

– Чудилина, э... ? Это как? Ты Андрею, что, сестра?

– Какая ж я сестра? Жена!

– Жена?! Ничего не понимаю! – Шурка замотала головой, – Ангел, но жена. Вместе спят, но ничего нельзя! Как так? Агнюша, миленькая, объясни! – взмолилась Шурка, – А то у меня сейчас голова взорвётся! Честное слово!

– Это только в документе так написано, – принялась терпеливо разъяснять ей Агния, – чтобы у окружающих вопросов лишних не возникало. Понимаешь? А на самом деле я никакая ему не жена.

Она помолчала, немного подумала, и добавила:

– А сплю я с ним на одной кровати потому, что как ангел-хранитель должна быть рядом с ним постоянно, круглые сутки. Не удивляйся – такая работа.

Хлопнула входная дверь, в избу ввалился лейтенант, внеся с собой порцию холодного воздуха:

– Идите, ваша очередь!

Взяв свои зубные щётки, и прихватив круглую коробочку с зубным порошком они, хихикая и толкаясь, пошли на улицу.

Вернувшись через пару минут обратно. Они застали Чудилина, гремящего ведром на плите.

– А вы что, не мылись, что ли? – спросил он, заглядывая в нетронутое ведро с тёплой водой.

– А мы ещё не успели!

– А чем вы тут без меня занимались?

– Да так, болтали! – беспечно захохотали девушки.

– Всё хохотушки, я пошёл спать, идите мойтесь, – и он бухнулся на койку. Через несколько секунд оттуда послышалось мерное сопение, которое меньше, чем через минуту перешло в богатырский храп...

– Да... сегодня был тяжёлый день, – вздохнула Александра. Агния, соглашаясь, кивнула.

Глава 12. Ночная политинформация.

Он бухнулся на кровать и почти тут же захрапел, а девчонки за занавеской ещё минут десять гревели ведром, плескались водой, и тихонько переговаривались.

Агния тихонько подошла к кровати, шлёпая босыми ногами по холодному полу, и юркнула под одеяло к Андрею. От толчка он проснулся.

– Грей меня.

Он опять, как и вчера, ощутил её холодные ступни, которые она настойчиво пыталась пропихнуть между его бедрами, там, где потеплее.

– Ну, холодно же, дай погреться! – тихонько прошептала она.

– Лягуха, – так же тихо и сонно он ей ответил.

Она еле слышно рассмеялась, и положила свои холодные ладошки ему на грудь:

– У лягухи и передние лапы замёрзли.

Как ни старался себя сдерживать Андрей, и как ни хотелось ему спать, но молодое здоровое тело, проснувшись, снова зажило своей жизнью. Почувствовав знакомое уже ощущение давления на свои коленки, и чтобы отвлечь его, она попросила:

– Расскажи мне об этой войне. А то я ведь ничего не знаю...

– Что же тебе рассказать?

– Ну, то, что Германия на Россию напала, я помню, ты это говорил, а больше ничего... когда они напали? Кто побеждает? Немцы, или мы, русские? Расскажешь? Только ты мне на ушко, чтобы негромко, ладно?

Она придвинулась к нему вплотную, и ткнулась ухом в его губы. Ощувив лицом щекочущее прикосновение её волос, он чуть не задохнулся от вожделения, но взяв себя в руки, начал свой рассказ:

– Двадцать второго июня, ровно в четыре часа... – он сглотнул. Справившись со спазмом в горле от дурманящего запаха её волос, он продолжил: – Киев бомбили, нам объявили, что началась война, – он замолчал.

– Это что, стихи?

– Песня. В общем, так и было. Без объявления войны, пе-

решили границу, вероломно напали. И потом попёрли всей силищей.

– Их больше было, да?

– Больше. Это только на карте Германия маленькая, а народу там будь здоров! Да и всю Европу под себя подмяли. Польша, Румыния, Венгрия, Испания, Болгария, Чехословакия, Италия, Финляндия... и Франция тоже. С Норвегией. И все под ними.

– Это как, под ними?

– А так: кого победили сходу, и на себя работать заставили, а остальные, на это глядя, сами под фашистов легли. Вот и получилось, что их со всей Европой больше чем нас, почти втрое. И воевать они в сорок первом лучше нас умели... Сначала на поляках да на французах потренировались, как следует, а потом уже и на нас напали. Да и техника у фашистов – будь здоров!

– Лучше?

– В большинстве своём лучше, – убеждённо сказал Чудилин, – научились фашисты хорошо технику делать, это надо признать. Это факт. Оно и понятно – у них промышленность очень серьёзная, да и рабочие на заводах квалифицированные. А у нас на заводах сейчас кто работает? Женщины да дети. Мужики-то на фронте!

– Дети? – её лицо опять, как и в прошлую ночь, светилось в темноте мягким, спокойным светом.

– А ты думала? Они самые. Вот и получается, что наш

самолёт с завода приходит, смотришь, а у него обшивка на крыле хлопает, или радиооборудование работает через пень-колоду, фонарь заедает, да много чего. А фашистский мессершмитт взять – заклёпочка к заклёпочке, движок мощный, у всех – радиосвязь отличная.

– А ты их что, вблизи видел?

– Приходилось..... – Андрей вспомнил тот мессершмитт на льду Ладожского озера, схватку с немецким пилотом, и погрузившись в воспоминания, затих.

Агния опять затеребила его:

– А дальше что?

– А что дальше? Попёрли они на нас, ломая нашу оборону, всё дальше и дальше, и никак их не остановить было, пока в Ленинград и в Москву не упёрлись. Там то они зубы себе и обломали. От Москвы немцев отбросили, а от Ленинграда не смогли – фашисты вместе с финнами его в кольцо взяли.

– Ленинград – это что?

– Как что? А, ну да... ты же не знаешь... Ленинград, это – бывший Петроград. Переименовали.

– Зачем?

– Хм... зачем! – он смутился, но тут же нашёлся: – значит, надо было, вот и переименовали! Петроград же тоже когда-то был Санкт-Петербургом!

– Действительно... Слушай, а царь он в Петрограде.... Э... в Ленинграде сидит? Или в Москве?

Андрей посмотрел на неё, не веря услышанному:

– Слушай, я вот никак в толк не возьму: у вас там, у ангелов, что, совсем никто и ничем не интересуется, что в стране делается?

– А зачем нам это? – она мягко улыбнулась, – мы людей бережём. Это – главное. Остальное нам не важно. Что, царь уже другой?

– Хм... Другой.... Царя уже нет давно. И царской России уже нет. Давно....

– А что есть?

– Советский Союз, страна Советов,

– Это как? Кто-то кому-то всё время советует, что делать надо?

– Да нет же, не так! Ну как же тебе объяснить-то?! – растерялся Андрей, – были богатые и бедные, но произошла революция, всех помещиков и буржуев выгнали, теперь власть народа. Богатых теперь нет. Вот так! – он победно поставил точку в своём объяснении текущего момента.

– И что, теперь все бедные? – глаза ангела, как драгоценные камешки, блестели совсем рядом от его лица.

– Ну, с чего ты взяла? Не бедные... – он подумал немного, и добавил: – но и не богатые. Да, слушай, это же не главное! Понимаешь? Ведь главное, чтобы люди счастливыми были! Верно? Главное, чтобы народ хорошо и счастливо жил! И ведь мы стали жить именно так! Такая жизнь впереди открылась! Столько нового надо сделать, много сделать! А тут эти фашисты... Не сиделось им, мать их! Сволочи!

Распаляясь всё сильнее и сильнее, он не заметил, что у него всё уже давно опало, и что он проводит свою политинформацию почти в полный голос.

А за шторкой, на другой кровати, лежала Александра, прислушивалась к их разговору, и тихонько хихикала в кулак, потешаясь над происходящим на соседней кровати между Андреем и Агнией.

Глава 13. Здоров ты петли крутить, чертяка!

Проснулись все одновременно, в 5.30. Короткая приборка. Привести себя в порядок – и на завтрак. Агния сонно ковыряла ложкой утреннюю кашу, Чудилин же заправлялся основательно: каша, булочка с маслом, чай. Может, это был жизненный опыт, а скорее всего, отголосок его прежней службы на Ленинградском фронте – там даже лётчиков особо не баловали.

С ними за одним столом сидел комэск второй эскадрильи капитан Миронов и его стрелок старший сержант Никишин. За соседним столом сидели лейтенант Георгий Горидзе со своим стрелком сержантом Алексеем Зыкиным. Оба здоровые, широкие в плечах, но с той разницей, что сержант был веснучатый, белобрысый, и немного курносый, а Георгий, наоборот, был черняв, горбонос и крайне волосат. Что, впрочем, никак не мешало ему пользоваться бешеной популярностью у женской части полка. Девушки звали его уменьшительно-ласкательно: Жорик.

– Слющай, красавица! Наклонился к девушке Георгий, – ты пачиму так мало кушаешь? Надо хорошо кушать!

– Да не хочу я... – смущённо проговорила Агния, стрельнув глазами на Андрея.

– Правильна! На нэго смотри! На мэня смотри! Видиш, как мы куцаем? Пэрвое, второе, горячее! Кампот, чай! Видиш, какие ми сильные? А ты как сильной станеш? А? Кушай давай!

Посмеялись. Уже допивая чай, комэск спросил Чудилина.

– Ну как, самолёт, отремонтировали?

– Да, вроде всё. Можно лететь. Осталось некоторые мелочи проверить. Шурка там сейчас у самолёта уже должна быть, она вчера с мотористами договорилась, что они с утра вместе мотор погоняют. Так что, если всё пройдёт нормально, то, – он скосил глаза на Агнию, – то мы готовы лететь.

Капитан одобрительно кивнул:

– Добро. Ты сейчас с нами на КП не иди, топай к самолёту. Всё там ещё раз посмотри, проверь. Только сам, слышишь? Сегодня погоду лётную обещали. Мы же идём на КП, ждём задачу. Закончишь с самолётом, подходи на КП.

– Хорошо, принял.

– Ну и ладушки.

Расправившись с завтраком, Чудилин направился в стоянке их самолёта. Агния, как привязанная, следовала за ним. Шурка вместе с мотористом прогревали мотор. Увидев командира, она заглушила мотор, вылезла из кабины, и приложив руку к виску, бодро оттарабанила:

– Товарищ командир, самолёт к вылету готов!

– Хм, сейчас посмотрим. Дай-ка фонарь, – приняв у неё аккумуляторный фонарь, он пошёл вокруг самолёта, при-

дирчиво осматривая каждую мелочь. Проверил, сняты ли струбцинки с рулей, подкачаны ли колёса, проверил ход рулей, залез в кабину.

AvgeekJoe Productions Photo
<http://Flickr.com/AvgeekJoe>

Агния любопытно заглянула следом...

– Интересно?

– Ага! Расскажешь мне, что здесь и как?

Андрей кивнул:

– Хорошо, но только вкратце.

Он скупо и сжато пробежался по основным органам управления, по основным приборам, и завершил свой краткий ликбез следующими словами:

– В общих чертах я тебе объяснил, а будут нужны подробности... – он на секунду запнулся.

Она подхватила его мысль, и засмеявшись, ткнула своим маленьким пальчиком ему в лоб:

– А подробности я вытащу отсюда!

Андрей усмехнулся, почесал озабоченно лоб:

– Да, вот ещё что, чуть не забыл! – он вставил вилку шлемофона в гнездо на микротелефонном щитке на правом борту, – у тебя на шлемофоне тоже такой разъёмчик есть, и ты его тоже втыкаешь, в такое же гнездо. Это СПУ – самолётное переговорное устройство. Если мне надо что-то тебе сказать, я жму вот это кнопочку, вот здесь, на ручке управления³³. Очень удобно сделано: не надо отвлекаться от управления самолётом. Нажал, сказал и отпустил, понятно? Режим приём-передача. У тебя то же самое, пошли, покажу!

Он вылез из своей кабины и они перешли по крылу поближе к кабине стрелка. Андрей перегнулся через борт:

– Вот, видишь: на борту у тебя коробка, и в ней гнездо под вилку, а кнопка на передачу вот здесь, на лафете пуле-

³³ Если честно, автор точно не знает, где конкретно была расположена кнопка СПУ у пилота. С трудом нашёл в одном источнике, что она была на ручке управления самолётом (РУС), что, в общем-то, логично. Та же проблема с расположением аналогичной кнопки у стрелка – только в одном месте нашёл, что она была расположена на лафете пулемёта УБТ, что тоже логично.

мёта. Тоже удобно: всё под рукой. Хочешь мне что-то сказать, жмёшь кнопочку, и говоришь. И сразу же отпускаешь. Усекла?

– Ага, – она кивнула, – я хочу залезть и попробовать, – и полезла через борт в кабину.

Вставила вилку шлемофона в гнездо, понажимала кнопочку, пожала плечами, соглашаясь:

– Удобно конечно, но я тебя и так слышу, без этих... без этого... СПУ.

– Ты то, может, меня и без СПУ слышишь, да вот беда: я тебя нет! – отпарировал лейтенант, – так что пользоваться придётся.

Он спрыгнул с крыла на землю.

– Шур! Я тебя вчера всё хотела спросить, вот этот хвостик у меня в кабине для чего? – послышалось в темноте из кабины стрелка.

Лейтенант обернулся: девушка всё ещё сидела в там и теперь крутила перед своим носом стальной тросик с карабином на конце.

– Сама ты хвостик! – назидательно из под крыла ответила Александра. Секунду спустя она оттуда вылезла и пояснила: – это чтобы тебя к борту пристегнуть перед вылетом, «обезьянка» называется!³⁴

³⁴ «обезьянка» – действительно было такое простейшее приспособление на Ил-2. Причиной появления были частые выпадения бортстрелков из самолёта – в отличии от пилота, никакие привязные ремни его не удерживали. Он просто сидел на широком брезентовом ремне, и держался за пулемёт.

– Обезьянка? – заливисто захохотала девушка, – ну и ну!

Сама, что ли придумала? Это чтоб я не убежала?

– Дура ты! – огрызнулась Шурка, – придумала не я. Уже давно так делают. Знаешь, сколько стрелков в полёте до этого с самолётов выпадало? Вот и придумали их тросиком пристёгивать.

А на востоке разгоралась заря – по всему было видно, что в этот день погода обещает быть хорошей.

На КП он пришёл полчаса спустя. Собственно сам Командный Пункт (КП) располагался в отдельной достаточно просторной землянке, а лётный состав находился не на самом КП: метрах в 20 была оборудована ещё одна землянка, ещё больших размеров, способная вместить весь лётный состав полка. Обе землянки были метра на полтора врыты в землю, и над уровнем земли выступали совсем невысоко, чуть больше, чем на полметра. Свет в землянки поступал из длинных щелевидных окон, расположенных на уровне головы. Снаружи они были где-то на высоте 30 см от поверхности земли.

Лётчики и стрелки свою просторную нору иногда в шутку называли «зал ожидания», а нары, сколоченные вдоль стен, не иначе, как «плацкартой». Бытовые условия были хоть и минимальными, но продуманными и функциональными: было сколочено несколько столов, вдоль которых стояли длинные лавки. Присутствовало также и несколько грубо сколоченных табуретов. В углу стояла жарко пышущая печка-бур-

жуйка. Боевую задачу ещё не поставили, и лётчики, расстегнув комбезы, или сняв теплые лётные куртки (у кого они были), убивали время, кто как мог: кто резался в домино, кто в картишки. Двое, забравшись в самый угол, играли в морской бой, оттуда то и дело слышались звуки бумажно-морской баталии: «А 4-мимо, – В 10 – мимо, – Г 7 – ранил, – Г 8 – потопил.» Человек пять, из числа особо невыспавшихся, лежали на нарах, пытаясь добрать свои «минуток шестьсот».

Со стороны доминошников послышалось:

– А, Чудилин, иди к нам! – позвал ст.лейтенант Авдеев, командир 1 звена 2 эскадрильи, – сейчас доиграем, присоединяйся!

– Пойдём, – подтолкнул он Агнию. Она молча последовала за ним.

Несмотря на кажущуюся расслабленную обстановку, в воздухе витало некоторое напряжение – все ждали постановку задачи на день.

Наконец, обстановка более-менее прояснилась, комэск обвёл глазами лётчиков своей второй эскадрильи, и упёрся взглядом в Андрея Чудилина:

– Сегодня первой полетит первая эскадрилья. Мы – вторые. Как только первая взлетит, будь готов к взлёту – тебе надо послеремонтный облёт сделать. Минут 10, не больше, далеко не улетай. Как проверишь, сразу садись. Мотор глуши и жди: если с самолётом всё нормально, тогда идёшь в вылет с нами.

Через пять минут послышалось:

– Комэски на КП!

Трое лётчиков поднялись, и потопали в соседнюю землянку, где располагался КП.

Через минуту оттуда же:

– Лейтенант Чудилин – на КП!

Андрей быстро поднялся, и провожаемый удивлёнными взглядами остальных лётчиков, направился туда же, откуда уже слышались приглушённые голоса.

За спиной послышалось негромкое:

– Щас четвёртым комэском назначат, гы-гы-гы... – некоторые нервно зареготали.

– Лейтенант, слушай сюда, – начал комполка майор Беляев, – самолёты уже заправили, сейчас вооружают. Твой тоже. Но тебя я выпущу вместе со всеми только после того, как ты сделаешь послеремонтный облёт машины. Постановка задачи пока задерживается, поэтому у тебя есть на это некоторое время. Ты – не пацан сопливый, летать умеешь – вывозить тебя на спарке надобности нет. Лететь готов?

– Готов!

– Тогда иди. Связь с КП, как обычно. 10 минут на полёт, думаю, тебе будет достаточно. Заодно и посмотрим, как летаешь. Все, иди – вылет по готовности.

– Есть! – Андрей развернулся через левое плечо, вышел с КП, спустился в большую землянку с лётчиками, подхватил поджидавшую его там Агнию, и пробираясь через нахо-

дящихся в комнате лётчиков, пошёл к выходу.

– Слышь, Чудилин, чего там?

– Дали добро на послеремонтный облёт.

– А-а-а.... ну, давай...

Чудилин почти бегом пошёл к стоянке, где техники уже вовсю прогревали моторы у машин. За ним, не отставая, как молчаливая тень, следовала Агния. Всюду, сновали озабоченные вооруженцы. В дальнем конце стоянки уже стояли три полуторки с бомбами. Машина, на которой подвозили к стоянке снаряжённые ленты к пулемётам и пушкам, уже стояла пустая.

Сорвавшись на бег, Чудилин через минуту оказался у своей «семёрки».

– Дали добро на вылет! – это уже Александре, – машина готова?

Выпятив грудь, и приложив чумазую руку к шапке, Шурка бодро отрапортовала:

– Товарищ командир, самолёт к полёту готов, двигатель прогрет! Но, товарищ лейтенант, загрузили пока только боекомплект к пушкам и пулемётам. Больше пока ничего...

– Отлично, больше ничего и не надо. Пока. Дали добро на послеремонтный облёт, – лейтенант обошёл самолёт, ещё раз всё проверил. Пока он делал предстартовый осмотр самолёта, Шурка успела метнуться куда-то в сторону, вытащила журнал, сунула его и карандаш Чудилину в руки. Он молча расписался, забрался в кабину. Парашют уже лежал

в чашке сиденья. Шурка забралась за ним на крыло, и помогла ему надеть лямки парашюта и пристегнуться плечевыми и поясными ремнями. Запустил двигатель. Пока мотор прогревался, Чудилин воткнул вилку шлемофона в гнездо на микротелефонном щитке, правой рукой перещёлкнул расположенный на его торце тумблер из положения «ПРМ» на «ПРД» (приём/передача). Проверил связь с КП. Подтвердил готовность к вылету. Оттуда дали добро.

Агния забралась на крыло:

– А я?

– Ты ждёшь меня на земле.

– Нет!

– Я сказал – ждёшь меня на земле. – отрезал лейтенант.

– Я лечу с тобой! – она сердито топнула ногой. Металл центроплана жалобно загудел.

– Послушай! Это – не боевой вылет. Это послеремонтный облёт. Это недолго. Всё будет хорошо, не переживай! – попытался он её успокоить.

Агния не на шутку рассердившись, треснула ладошкой его по голове, залезла в кабину стрелка.

Шурка ей:

– Дура! Парашют надень!

– Отстань! – пытаюсь перекрычать бухтение мотора, выкрикнула Агния.

– Я тебе отстану! – Шурка спрыгнула с крыла, схватила второй парашют, полезла опять на крыло:

– Надевай, малахольная! – помогла одеть Агнии парашют, закрыла фонарь стрелка, щёлкнув замками, махнула Чудилину:

– Всё, готово!

Чудилин обернулся к Шурке:

– Пристегнула её?

– Да! – она спрыгнула с крыла.

Чудилин левой рукой потянул вперёд подвижную часть фонаря. 80-кг колпак из броневой стали легко скользнул по смазанному рельсам. Щёлкнул замок. Доложил на КП, что вырубивает. Спокойно и плавно прибавил газ. Самолёт тронулся с места. Его сразу потянуло вправо. Дав немного левую ногу, лейтенант выровнял нос самолёта. Самолёт, подпрыгивая и покачивая крыльями на кочках, медленно покатился вперёд. Вот он вырубил со стоянки на взлётную полосу... Вырубив на старт, он остановился, ещё раз связался с КП и доложил, что к взлёту готов. Оттуда дали добро.

Прижал на ручке управления самолётом кнопку СПУ:

– Стрелок, ты как?

Через короткую паузу донеслось сердитое:

– Нормально.

Чудилин улыбнулся, подумав про себя: «вот ведь какая настырная!»

Тут же щёлкнуло в СПУ и послышался голос Агнии:

– Я всё слышу!

– Слышит она... Держись давай, сейчас полетим.

Привычно бросив взгляд на часы, и отметив про себя «7.55», Чудилин сдвинул вперёд ручку газа, потихоньку увеличивая обороты двигателя, пока самолёт не тронулся с места. Самолёт, набирая скорость, поехал по полю. Плавно двигая вперёд ручку газа, и парируя разворот носа вправо, он всё больше и больше давал левую ногу. Никак не получалось идеально выдерживать направление – самолёт с небольшой амплитудой водил носом на разбеге. Скорость быстро росла, вжимая тело в спинку сиденья – 60, 80, 100, 120, 140, 160 км/час, отрыв – тряска исчезла, самолёт стал уверенно набирать высоту. Левая рука нащупала рукоятку уборки шасси – плавное движение на себя и через 5 секунд лёгкий толчок подтвердил, что шасси убрано. Справа внизу на приборной доске потухли две зелёные лампочки и загорелись две красные. Скорость росла: 190....200...210...

Рядом с рукояткой уборки шасси рука нащупала похожую

рукоятку уборки щитков³⁵ – точно также были убраны и они. Самолёт заметно прибавил прыти и стал карабкаться вверх заметно быстрее. Набрав высоту 500 метров, Чудилин пошёл вокруг аэродрома по большому кругу, осваиваясь с самолётом. Сделал несколько мелких, а потом несколько глубоких виражей. Попилотировал минут 5, всё это время следя за приборами. Температура воды и масла была в норме. Все остальные приборы работали нормально. Поработал газом, увеличивая его до максимума и сбрасывая до минимума. Двигатель тянул нормально, урча, как сытый довольный кот. Лейтенант подтриммировал³⁶ немного руль высоты, проверил результат, бросив ручку. Самолёт шёл, как по рельсам – Чудилин остался доволен. Посмотрел на часы «8.03» – полёт длился уже 8 минут. Пора домой: он стал строить заход на посадку.

Прижал кнопку СПУ:

– Стрелок, ты как?

Через небольшую паузу оттуда:

– Нормально.

– Нравится?

³⁵ Щитки – отклоняемые вниз аэродинамические поверхности на центроплане самолёта. При посадке отклоняются на максимальный угол, 50-60 градусов, чем обеспечивается повышение подъёмной силы крыла и одновременно уменьшение посадочной скорости. На взлёте их тоже отклоняют, но на меньший угол, обычно 20-25 градусов.

³⁶ Триммировать руль – тонкая настройка руля с помощью небольшого штурвального вальчика.

– Да. Здорово!

– Идём на посадку.

Он скинул обороты, бросил взгляд на тёмную, не освещённую ещё солнцем землю, прикидывая заход на посадку, как вдруг ожила рация:

– Внимание, семёрка! Сзади слева у тебя два фрица! Уходи! Повторяю – сзади слева у тебя два фрица, уходи!

– Твою мать! – лейтенант рывком открыл левую форточку и обернулся через левое плечо, выглянул из неё. Так и есть: пара истребителей, идут с востока. Идут со снижением, дымят на форсаже, быстро приближаются. Их было очень хорошо видно на стремительно светлеющем небе. Дистанция – километра три. Догонят быстро, рубанут, и – ищи их потом, свищи. Так просто не уйти. Он для них лёгкая цель – смахнут не глядя, как хлебные крошки со стола. Сердце заработало в бешеном темпе, мгновенно пробил холодный пот. Мозг, работая в сверхскоростном режиме, просчитывал сразу несколько возможных вариантов ухода. Ничего не получалось... Кроме одного, достаточно рискованного варианта. Ещё раз быстро обернулся – пара мессеров хищно и сосредоточенно шли на него – они уже выбрали жертву и шли, чтобы его сожрать. Быстро прикинул высоту – чуть меньше километра, метров 800...850. Должно хватить...

Прижал кнопку СПУ:

– Стрелок, держись!

Двинул ручку газа вперёд до упора, и через десять секунд,

когда самолёт стал разгоняться, сунул ручку управления до упора к левому борту.

И – через левое крыло на спину. В голове пошёл отсчёт секунд: раз, два, три, четыре – тяжёлый штурмовик как бы нехотя перевалился на спину, и стал опускать нос к земле. Плавно потянул ручку на себя. Пять, шесть, семь, восемь – Чудилин уже обоими руками изо всех сил тянул «баранку»³⁷ к себе, вытягивая самолёт из нисходящей полупетли. Мотор, ревя на максимальных оборотах, стремительно тащил самолёт к земле. Резко приблизившись, внизу, метрах в тридцати, стремительно промелькнула заснеженная земля.

Вышел!!! Не переставая тянуть обеими руками, и задыхаясь от навалившейся перегрузки, он задрал голову вверх: вот они! До них было уже метров 800...900, мессеры, клюнув вниз жёлтыми носами, шли прямо на него. Чёрно-белые спирали на крупных коках вращались, завораживая взгляд.

³⁷ «баранка» – ручка управления на Ил-2 для удобства захвата обоими руками заканчивалась немного сплюснутым с боков эллипсом, который лётчики и называли «баранкой».

Девять, десять, одиннадцать, – он продолжал тянуть ручку на себя. Штурмовик, имея запас скорости после выхода из полупетли, всё выше и выше задирает нос. Дистанция сократилась до считанных сотен метров (метров 300...400). Ведущий немец, сообразив, что жертва мало того, что ухитрилась вывернуться, но сейчас ещё и огрызнётся, навскидку, непри-

цельно стрельнул, рассыпав трассы веником³⁸, и резко подёрнул вверх свой мессер, выходя из лобовой атаки.

Веер трасс прошёл левее и немного выше выходящего в лобовую атаку штурмовика, и как только задирающийся вверх нос закрыл немца, Андрей, удерживая обоими руками баранку ручки управления, большими пальцами рук втопил обе гашетки. Жахнуло из всех четырёх стволов – самолёт заметно тряхнуло, с грохотом харкнули длинные языки огня, ушли в зенит четыре огненные струи. Прорвавшись сквозь сетку опутавших его трасс, в полусотне метров перед носом штурмовика промелькнул худой стремительный силуэт, через секунду чуть сбоку – второй. Чудилин, обернувшись через плечо, и задрав верх голову, проводил их взглядом. Почувствовав потерю скорости, дал левую ногу до упора – машина послушно сделала разворот на горке. Не теряя их из виду, развернулся на 180 градусов, и опять оказался на прежнем курсе. Запоздало твякнула одна зенитка, потом вторая. Оба мессера, не снижая скорости, на форсаже уходили прочь от аэродрома, прикрываясь тёмной стороной неба на западе. Пытаясь унять нервную дрожь и успокоиться, лейтенант заложил круг над аэродромом.

Щёлкнуло в наушниках:

– Андрей, что это было? Это были фашисты? Мы чуть-чуть не упали?

³⁸ мессершмитт действительно был не очень устойчив при стрельбе, и трассы не шли плотным пучком, а немного рассыпались.

– Чуть-чуть не считается. Нас атаковали. Пара мессеров.

– Они улетели?

Он хрипло рассмеялся:

– Улетели...

В наушниках, смешиваясь с шумами эфира, ворвался голос командира полка:

– Семёрка, ты как, живой?

– Нормально, сажусь.

Сел, зарулил на стоянку, на негнущихся ногах спрыгнул на землю. Подбежала Шурка, приняла парашют, помогла выкарабкаться Агнии. Вытаращив глаза, возбуждённо тараторя:

– Ну, ты даёшь, командир! Мы думали – всё, капут! А ты такой – раз! И в дамки! Дай я тебя поцелую! Ну дай поцелую-то!

– На свой парашют, целовальщица... – Агния сердито сунула ей в руки второй парашют.

Отбиваясь от Шурки, норовившей от избытка чувств всего его облобызать, лейтенант поспешил с докладом на КП.

Бросив руку к правому виску, отрапортовал:

– Товарищ командир полка, при выполнении тренировочного полёта был атакован парой истребителей противника. Выполнил маневр уклонения, сорвал атаку. Мат. часть в норме, повреждений не имеет. Готов к выполнению боевой задачи.

– Здоров ты петли крутить, чертяка! Сразу видно: боевой

парень, не растерялся! Да ещё и стрельнуть успел!

– Так не попал же... – удивился Андрей.

– Ещё как попал! Ведущий с дымом ушёл. Не сбил, конечно, но попал – факт. Миронов! – это уже к комэску – не жалеешь, что к себе в эскадрилью его взял?

– Думаю, сработаемся, товарищ командир! – отчеканил капитан Миронов, и уже к Чудилину:

– Сегодня полетишь в составе восьмёрки.

– Есть! – просиял Андрей.

Выйдя с КП, тут же наткнулся на поджидавшую его Агнию. Он взял её за руку:

– Пойдём к лётчикам.

– Подожди! Давай здесь немного вдвоём постоим.

– Ну, давай.

Они помолчали. Она прижималась к его боку, обхватив его правую руку своими обеими руками. Заглянула ему в глаза снизу вверх:

– Я сначала ничего не поняла, а потом так за тебя испугалась!

– Да я сам испугался, – попробовал пошутить он.

– Не, я серьёзно! – она требовательно затеребила его рукав, – это так страшно: знать, что тебя, Андрей, сейчас убьют, и понимать, что я ничем тебе не могу помочь! Понимаешь, ничем! – она жалобно смотрела на него, и сжимала свои кулачки. Он сглотнул.

– А ты что, почувствовала что-то?

– Да.

Где-то внутри противно заворочался липкий, гадкий страх. Андрей по своему опыту знал, что так часто бывает: сначала совсем не страшно – адреналин бьёт фонтаном, а вот потом....

– А как это было? Опиши.

– Ну, это.... Как тебе объяснить... Это как такой поток внимания к тебе. Чёрного такого, страшного. Я его вижу и ощущаю.

– За несколько секунд?

– Примерно так... – она замолчала. Держа её руку, он чувствовал, как часто бьётся её сердце.

– Но ты как-то сам смог вывернуться. Без меня, – она судорожно вздохнула, – я тебе в этот раз ничем, ни капельки, помочь не могла. Считай, зря с тобой полетела. Толку с меня ноль, – мрачно закончила она.

Чудилин сосредоточенно о чём-то размышлял. Прищурился, посмотрел на неё с ног до головы:

– Слушай, а сколько в тебе кило весу?

– Кило – это что? – широко распахнула она глаза.

– Вес у тебя какой?

– Не знаю... – она смутилась от неожиданного вопроса, – Может, фунтов 100. Было..... Может, меньше... а зачем тебе?

– Так, фунты... это значит.... килограмм 40...45.

Он наморщил лоб, делая в уме какие-то расчёты. Потом

усмехнулся, взял её за плечи, и сказал, глядя в глаза:

– Дорогой ты мой ангел! Не зря ты в кабине сидела! Вот не было бы этих 40 кило в кабине стрелка, и приплыл бы я носом в землю! Диаметр петли, помимо прочего, зависит ещё и от центровки самолёта – чем ближе центр тяжести к носу, тем... ну, там, короче, много тонкостей... – и увидев её изумлённо-непонимающий взгляд, счёл нужным кратко пояснить: – если центр тяжести у самолёта ближе к носу, то его устойчивость в полёте выше, маневренность ниже, петля шире. Если центр тяжести смещается к хвосту, то всё наоборот – устойчивости меньше, маневренность выше, и петля получается меньшего диаметра. Теперь понятно?

– Нет, не понятно... – она отчаянно замотала головой.

– Не понятно ей! Не вышел бы я из петли! Носом бы в землю ткнулся, вот чего! Мы выскочили из петли где-то на 30 метрах. А будь у самолёта центровка чуть более передней, без тебя в кабине, и петелька бы не получилась такого небольшого диаметра. Вот и весь фокус! Аэродинамика! А ты говоришь, ничем не могла помочь. Выходит, помогла! Спасибо тебе.

– Из того, что ты сказал, я ничего не поняла! – бурно запротестовала она, – и это – не считается! Я ничего не делала!

– Ладно, не считается, – весело согласился Андрей.

И тут же поцеловал её в губы:

– Это, надеюсь, ангелу можно?

Она оттолкнула его:

– Дурак! – и вытерла губы. Посмотрела исподлобья: – лучше не надо, – и сердито: – всё, пойдём уже к остальным.

Глава 14. Огненная мясорубка.

Большая часть лётчиков и стрелков второй эскадрильи всё ещё находилась вне землянки. Четверть часа назад, услышав команду «Воздух! Мессеры!» они высыпали на улицу, и разбежавшись по открытым на краю аэродрома окопам, наблюдали за происходящим в небе. Кто-то, в основном закоренелые пофигисты, и те, кто успел прикорнуть на нарах, на улице не побежал, оставшись в землянке. Те же, что выскочили, были вознаграждены занимательным зрелищем, которое они до сих пор и обсуждали, поджидая главного виновника. Подходя к ним, Андрей и Агния в утренних сумерках видели огоньки папирос и слышали возбуждённые голоса.

– О! Чудилин! Давай-ка к нам! Рассказывай! – призывно махнул из их толпы рукой Коля Никишин.

– А чего рассказывать-то? – Андрей и Агния подошли поближе.

– Ну как же? Про тот цирк, который ты только что устроил! Народ ждёт!

– Так вы же всё и так видели...

Пришлось включиться в общую, волнующую всех тему, принимать поздравления, похлопывания по спине. Не избежала этой участи и Агния. Она ошарашенно принимала поздравления, растерянно улыбалась:

– Да я то что? Это всё Андрей...

– Ладно, стрелок, не прибедняйся! Летали-то вместе!

Её тоже ободряюще хлопали по спине, причём похлопать хотели все, и не по одному разу. Андрей даже стал опасаться за её спину:

– Э! Э! Э! Хорош, мужики! Полегче! Вы мне сейчас из стрелка отбивную сделаете!

Черета ободряющих ударов по спине Агнии на пару секунд ослабла, и она, воспользовавшись образовавшейся паузой, шмыгнула к Андрею, и прижалась спиной к его животу, что вызвало ответный взрыв хохота.

– Смотри, совсем затуркали девчонку!

Нервное напряжение, скопившееся у всех за время ожидания постановки боевой задачи, удачно разрядилось.

Подытоживая разговор, капитан Миронов, комэск второй эскадрильи, хлопнул Чудилина по плечу:

– Ладно! Молодец, всё правильно сделал! И добавил, чтобы все слышали: – сегодня пойдёшь в составе восьмёрки, моим ведомым.

– Есть! – вытянулся Чудилин.

Комэск затянулся последний раз, аккуратно бросил окурок в предназначенное для этих дел ведро с водой, и дал краткие пояснения уже по делу, предварив их парой вопросов:

– Ты, лейтенант, когда в ЗАПе³⁹ был, у вас боевое приме-

³⁹ ЗАП – запасной авиаполк. В него направлялись лётчики, прошедшие обучение в лётном училище. В ЗАПе в течении нескольких месяцев они отрабатывали

нение было?

– Немножко.

– А когда на истребителе летал, штурмовать приходилось?

– Ну, было пару раз...

– Здесь то же самое. Но и отличия есть: в первом заходе – кидаешь бомбы, во втором – ЭРЭСами, в третий заход – пушками и пулемётами.

К цели подходим левым пеленгом. 50 метров – интервал, 30 метров – дистанция. Над целью увеличиваем дистанцию до 150 метров. Перед заходом на цель для тебя главное: сохранить своё место в строю и не пропустить начало атаки ведущим. Главное – не отрывайся! Видишь: я пикирую – и ты пикируй, я бросаю бомбы – и ты бросай. Я стреляю – и ты стреляй. Понял?

– Понял.

– Над целью работаем с круга. Три захода и отваливаем. На отходе собираю группу на змейке, и на бреющем – домой. Мессеры, если будут, то навалятся при отходе. Стрелку, – комэск скосил глаз на притихшую девушку, – смотреть в оба. Даже если никуда не попадёшь – лишняя пара глаз никогда не помешает.

Помолчал немного, и добавил:

– Да, на отходе тоже держись в куче. Оторвёшься – сожрут на хрен!

боевое применение на том типе самолёта, на который их готовили. Только потом эти лётчики попадали на фронт, в боевые условия.

Он сплюнул далеко в сторону, посопел, и добавил:

– Да чего тебе говорить? Сам знаешь! Воробей ты стрелянный.

Помолчали, сосредоточенно думая каждый о своём.

Потоптавшись ещё немного, и подождав, пока остальные докурят, лётчики второй эскадрильи потянулись обратно в землянку.

Не прошло и трёх минут, как послышалось:

– Комэски, на КП!

Кто-то сказал:

– Ну, похоже, понеслось...

И точно: через пару минут послышалось:

– Первая эскадрилья – на вылет!

Лётный состав первой эскадрильи поднялся, и шумно пошёл к выходу. У двери образовался небольшой временный затор. В толпе выходящих послышались нетерпеливые подтрунивания, и нервные смешки.

Вернулся с КП капитан Миронов. Взгляды лётчиков второй эскадрильи упёрлись в него. Критически оглядев своё воинство, он выдал:

– Поставили боевую задачу: идём на штурмовку колонны. Разведка доложила о её движении, но насколько она большая, у разведки информации нет. Первая эскадрилья уже пошла. Мы летим вторыми, добивать, если потребуется. Если колонна небольшая, и они её укатают, то мы и не понадобится. Тогда нас перенацелят на другие задачи.

Один за другим, стартовала восьмёрка штурмовиков первой эскадрильи. Потянулись долгие минуты ожидания. Игра в домино шла вяло, без огонька. Лежавшие на «плацкарте» давно проснулись, и не в силах снова заснуть, просто ворочались. Комэски второй и третьей эскадрилий ушли опять на КП. Доиграв очередную партию в домино, Андрей поднялся и направился к выходу. Агния, уловив его мысль, молча вышла за ним. Отошли метров на 10, под самый край маскировочной сети. Уже совсем рассвело, и хотя солнышко и скрылось за облаками, но погода обещала быть лётной в течение всего дня: облачность была не очень плотная, сквозь прорехи облаков нет-нет, да и проглядывало голубое небо.

– Ну, как ты? – спросил Андрей у девушки.

– Да ничего, нормально.

– Ты, это.... Держись там покрепче. Ладно?

– Ладно. А что, опять будет болтать?

– Ещё как. Болтать будет ТАК, что только держись! Минут 10...15 будем над целью, придётся активно маневрировать, уходить от зенитного огня.

– Хорошо, поняла – буду держаться.

– И по сторонам смотри, что увидишь, сразу докладывай, – добавил Андрей.

– Хорошо, буду докладывать, – послушно кивнула она.

– Ладно, пошли на стоянку.

Их «семёрка» стояла, почти полностью готовая к выле-

ту. Осталось только загрузить в крыльевые бомбоотсеки четыре сотки⁴⁰. Три оружейника, как раз подхватили кургузую тушку бомбы, и поднатужась, тащили её к самолёту. Один из оружейников, здоровенная, широкоплечая горлопанистая деваха Лукерья, подначивая товарищей мужского пола, покрикивали на них:

– А ну, мушщины, веселей! Давай, давай, тащи – не поёрдывай!

Шурка, увидев подходившего командира, шмельём метнулась навстречу:

– Товарищ командир, самолёт заправлен, боекомплект к пушкам и пулемётам пополнен, – потом обернувшись и глянув в сторону оружейников, добавила негромко: – нач. по вооружению распорядился эту Лушку к нашему звену приписать! Она из второго звена. Там от неё уже все так устали! Орёт, как бык! Так эту суку уксусную теперь к нам пихнули! А я Владимиру Михайловичу говорю – не надо нам её, жопоротую, а он ржёт: в вашем, говорит, серпентарии как раз сгодится. Товарищ лейтенант, а что такое серпентарий?

– А... это... это где змей разводят, – рассеянно ответил начитанный Чудилин.

– Зачем? – округлила глаза Шурка.

– Яд накопившийся у них собирают, лекарства делают, –

⁴⁰ сотка – авиабомба ФАБ-100, весом 100 кг. Ил-2 имел четыре небольших бомбоотсека в центроплане – по два на каждую сторону. В каждый бомбоотсек помещалась одна ФАБ-100 или ФАБ-50. Более мелкие бомбы тоже туда укладывались, но в специальных каскетах.

он подумал, и добавил: – особые.

– Это значил, мы с Агньюшей змеи, да? Яд у нас значит, да? – обиженно протянула Шурка.

– Да плюнь ты и разотри! – успокоил её лейтенант, обходя самолёт по кругу. – Он сдуру ляпнул, а ты сразу к сердцу принимаешь...

Осмотрев ещё раз самолёт, и приняв доклад от вооруженца о подвешенных боеприпасах, они с Агнией пошли в сторону КП.

Все находившиеся на улице посматривали в сторону землянки, в которой располагался КП. Наконец, с той стороны пошло какое-то движение, невнятно слышались возбуждённые голоса, внятно слышалось:

– Поднимай вторую!

И наконец, хлопнула дверь землянки, и оттуда быстрым и энергичным шагом вышел их комэск и направился к ним.

– Значится, так! – сказал он, подойдя к лётному составу своей эскадрильи, и натягивая перчатки, – слушайте сюда!

Лётчики подтянулись к нему, собравшись в кружок, а стрелки отошли, чтобы не создавать толпу, но недалеко, чтобы слышать, о чём будет идти речь.

– Первая эскадрилья по колонне отработала, идут домой. Но Симоненко передал: колонна большая. Очень большая. Они обработали не больше одной трети её длины. И мы летим, чтобы её добить. Минут через 20 вернётся первая, и после доклада капитана Симоненко в штабе примут решение –

посылать нам в подмогу третью или нет. Короче, сейчас сами и увидим! Может, и сами справимся! Не так страшен чёрт, как его малюют! Так, всё хлопцы! По коням!

Лётчики и стрелки побежали к своим машинам.

Со стороны удалявшегося Коли Никишина послышалось дурашливое:

– Не так страшен чёрт, как его малютка..... гы-гы-гы!

Прыгнув в кабину, лейтенант Чудилин привычно пристегнулся поясными и плечевыми ремнями (помогла Шурка, забравшаяся за ним на крыло), ноги – на педали. Воткнул вилку шлемофона в гнездо на микротелефонном щитке, включил аккумулятор. Зажглись четыре лампочки, сигнализирующие, что внутренняя подвеска заполнена бомбами. Проверил тормоза, расконтрил дутик. Пока проверял самолёт, все посторонние мысли ушли, осталось только чувство тревоги. Не страха – именно тревоги. Не оторваться, удержать строй, не проморгать начало атаки.

Щелкнуло в наушниках, и раздался мягкий девичий голос:

– Андрей, не волнуйся. Всё у тебя получится. Я с тобой.

И он действительно успокоился, выдохнул, запустил двигатель. Мотор дал вспышку, с трудом проворачивая вал, затем 12-и цилиндровый движок движок гулко чихнул, выбросив из патрубков две упругие струи чёрной копоти, набрал обороты и басовито загудел, наполняя машину замет-

ной дрожью. Дрогнули стрелки приборов. « Так... Давление масла 3 атмосферы, давление бензина – 0,2 атмосферы. Норма...» чуток добавил газу: « так... 800 оборотов... Так, температура воды 60 градусов, выходящего масла – 40» глаза привычно фиксировали заученные цифры на шкалах приборов. Шурка забралась снова на крыло, сунула лейтенанту в руки журнал и карандаш. Быстро расписавшись, задвинул вперёд бронированную подвижную часть фонаря, ещё раз проверил показания приборов: «1200 оборотов... вода, масло-температура, бензин, масло – давление... так, наддув.. 1200мм...» далее: проверить магнето, выключить аккумулятор, проверить напряжение генератора...

Спокойно и размеренно провёл все процедуры по проверке систем, и доложил командиру эскадрильи:

– Седьмой к вылету готов!

Прошло ещё несколько десятков секунд – комэск дождался доклада остальных лётчиков.

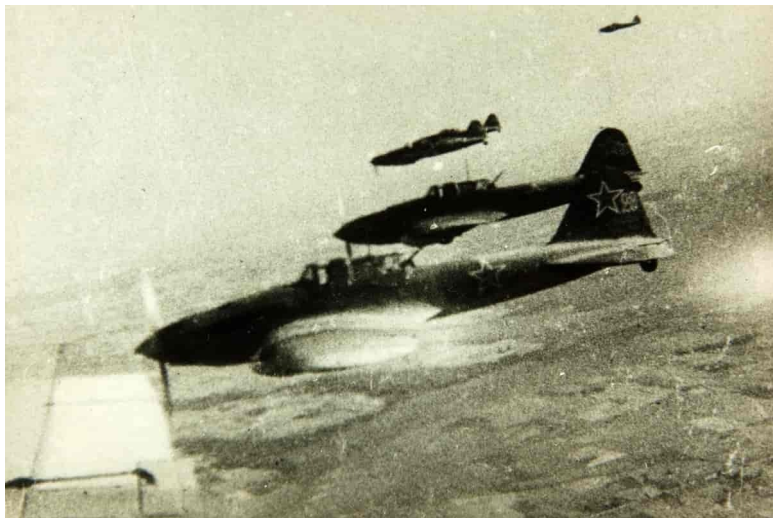
Ракета! Старт!

Андрей видел, как взметнулся снежный вихрь за хвостом ведущего Ила.

Командир эскадрильи начал разбег. Подождав положенное время, Чудилин плавно двинул вперёд ручку газа, и компенсируя левой ногой разворот машины вправо, начал разбег....

Собравшись над аэродромом, восьмёрка Илов выстрои-

лась правым пеленгом и пошла на запад, потихоньку набирая нужную высоту.

Смотреть по сторонам времени совсем не было – всё внимание отвлекала необходимость удерживать своё место в строю. Приходилось постоянно работать газом, держа дистанцию, и мелкими, короткими движениями ручки управления корректировать положение самолёта в пространстве. Тем не менее, время от времени он ухитрялся бросать взгляды по сторонам, отмечая для себя наиболее приметные ориентиры: вот прошли реку, блестящую свежим ледком, вот церковь на пригорке, рядом с ней деревенька. Лес, лес, лес.

Поля, дороги... Первое напряжение немного ушло, Андрей стал активнее оглядываться по сторонам: правее его шли остальные шесть самолётов их восьмёрки.

Прижал кнопку СПУ:

– Стрелок, ты как?

В ответ услышал восторженное:

– Нормально!

– Обернись! – и глянул в маленькое бронестекло сбоку от заголовника. Агния повернулась, увидела его лицо в маленькое окошечко, успокаивающе махнула рукой, мол, всё в порядке.

Впереди внизу, наплывала большая поляна. На ней появились маленькие, белые, снежные хвостики, и с нарастающей скоростью двинулись по поляне. За ними ещё два. Было ясно – Взлетают четыре самолёта! Наши? Лейтенант бросил взгляд на ведущего – он спокойно летел, как ни в чём ни бывало. Лейтенант посмотрел на планшет с картой, который был прикреплен у него на левом бедре. Так, ЛБС (линию боевого соприкосновения) ещё не прошли, значит, точно наши. Взлетевшие с аэродрома четыре маленькие белёсые точки, быстро, за минуту с небольшим, набрав 1000 метров, превратились в четыре Яка⁴¹, покрытых грязно-белым, с тёмными просветами, зимним камуфляжем. Одна пара пристрои-

⁴¹ В 1943 году штурмовики всегда вылетали под прикрытием истребителей. Задачей истребителей было прикрыть Ил-2 от атак истребителей противника. В 1941-42 годах было иначе, отсюда и значительные цифры потерь штурмовиков от действий немецких истребителей в начальный период войны.

лась правее, метров на 200, вторая поднялась чуть выше, и пристроилась в хвосте, опять же, метрах в двухстах.

То, что прошли линию фронта, Чудилин понял по нескольким пулемётным очередям с земли в их сторону. Он посмотрел на альтиметр – 1200 метров. Прошли ещё километров 20...

– Внимание! Одна минута до цели! Цель прямо по курсу! – раздался в наушниках голос комэска, –увеличить дистанцию до 150 метров!

Лейтенант тут же облегчил винт, уменьшив его шаг⁴². Его

⁴² Ил-2 имел винт изменяемого шага (как, впрочем, и большинство самолётов

самолёт стал заметно отставать от самолёта ведущего. Скопив глаза вправо, увидел, что то же самое сделали все самолёты в строю – плотный до сих пор строй начал растягиваться, увеличивая дистанцию между машинами.

Посмотрел по сторонам, запоминая видимые ориентиры. Щёлкнул кнопкой СПУ:

– Стрелок!

– Я здесь!

– Сейчас начнётся. Держись крепче, поняла? И по сторонам смотри внимательно.

– Да, да, держусь. И смотрю, – и чуть погодя: – не волнуйся, у тебя всё получится.

– Да ладно, знаю, – ответил ей Андрей.

И чуть не пропустил начало атаки!

Ведущий Ил впереди него резко нырнул вниз, быстро разгоняясь в пологом пикировании. Чудилин отдал ручку от себя, самолёт клюнул носом, он на пару секунд оторвался от сиденья, и завис на ремнях.

Наконец он увидел колонну: длинная, сплошная чёрная полоса из машин ползла по дороге, извиваясь, как гигант-

той эпохи). И в зависимости от условий полёта лётчик мог менять шаг винта, то есть угол атаки лопастей. Что-то наподобие коробки передач на машине. На маршруте, как правило, устанавливался большой угол атаки, т.е. большой шаг, но газ убирался до средних значений (так был меньше расход топлива). На взлёте газ ставился на максимум, а винт на малый шаг. В бою, как правило, винт ставился на малый шаг, но газом приходилось работать постоянно – на пикировании на цель убирать, при уходе от цели и наборе высоты, наоборот, прибавлять.

ская змея. Большим пальцем правой руки откинул предохранительный колпачок с кнопки сброса бомб, расположенной слева на верхней дуге баранки. Ещё через несколько секунд, которые показались ему вечностью, и он увидел, как от ведущего самолёта отделились четыре капельки, и полетели к земле. Не отрывая руки от ручки управления, большим пальцем втопил левую кнопку сброса бомб. Самолёт заметно вздрогнул, с облегчением освободившись от четырёх центнеров тротиловой смерти. И сразу же, на всякий случай, перехватив левой рукой баранку, лейтенант правой рукой дёрнул к себе рычаг ручного сброса бомб⁴³. Не теряя из виду ведущего, Чудилин вышел из пологого пике. Бросил быстрый взгляд через плечо – остальные самолёты их восьмёрки, выстроившись в длинную вереницу, по очереди выходили на рубеж атаки, и войдя в пологое пике, освобождались от бомб.

Выйдя из пологого пикирования, командир эскадрильи заложил левый вираж, по дуге облетая колонну противника, и заходя в хвост последнему самолёту атакующей восьмёрки. Чудилин, боясь оторваться, в точности повторил маневр своего ведущего, сохраняя дистанцию около 200 метров. Не прошло и минуты, как круг замкнулся: самолёт комэска пристроился в хвост замыкающему самолёту, и снова нырнул

⁴³ Назывался «сидор» – рычаг ручного сброса бомбовой нагрузки в режиме «всё и сразу». Иногда по техническим причинам одна из бомб могла и не отделяться от самолёта, поэтому пилоты действие кнопки сброса бомб в особо ответственных случаях дублировали этим рычагом.

вниз, теперь уже под гораздо большим углом, градусов под 30. Чудилин, как привязанный, идя у него в хвосте, в точности повторил манёвр.

Прямо перед его глазами разворачивалась грандиозная картина уничтожения вражеской моторизованной колонны. уже около двух десятков машин стояли, объятые пламенем, густые клубы чёрного дыма поднялись метров на 100. Идущие за ними машины пытались свернуть в сторону, многие остановились – неразбериха на дороге царила полная. Маленькие фигурки фашистов убегали подальше от дороги, спасаясь от удара советских штурмовиков. От ведущего штурмовика отделились и пошли вперёд четыре дымных столба, и через 3 секунды упёрлись в остановившуюся кучу машин. Вспухли четыре взрыва, самолёт комэска вышел из пике.

Теперь мой выход! Откинув правый предохранительный колпачок на кнопке, отвечающей за пуск ЭРЭСов, Чудилин выбрал цель, чуть подобрал ручку на себя, загоняя два бензовоза в перекрестие рамки прицела. Палец – на кнопку пуска ЭРЭСов⁴⁴, секунда, вторая, третья – цель увеличилась настолько, что заняла всю рамку прицела на лобовом стекле. Втопив кнопку, он почувствовал, как ощутимо вздрогнул самолёт, когда четыре ЭРЭСа с гулом сошли с направляющих. Через две секунды четыре дымные руки накрыли два бен-

⁴⁴ РС – сокращённо Реактивный Снаряд. Обычно подвешивались по 4шт калибра 132мм (РС-132), иногда РС-82 калибра 82мм.

зовоза и ещё один грузовик в придачу. Взметнулось пламя взрывов, ручку – на себя, стук осколков по бронекорпусу. Мелькнула мысль: «низковато, однако!». Перегрузка вдавливает в сиденье, выход из пике, глаза шарят по небу – где ведущий? Вот, он, в 300-х метрах, опять уходит в левый вираж. Чёрт, оторвался!!

В наушники, перекрывая шумы эфира, ворвался требовательный голос ведущего:

– Семёрка, держи дистанцию!

Эх, где моя третья рука?! Левая рука лихорадочно перехватывает ручку управления, правая нащупывает маленький тумблер на микротелефонном щитке справа, щелчок – и радиостанция переходит в режим передачи:

– Есть держать! – и щелчок обратно, на «приём», правую руку – опять на ручку управления.

Левую – на рычаг газа, газ – вперёд до упора, правая рука с усилием отжимает ручку управления к левому борту и удерживая её там, плавно подтягивает её на себя – тяги, идущие к рулям, отклоняют их на заданные углы, и самолёт опять послушно входит в левый вираж.

Выскочив на высоту 600 метров, и немного сократив дистанцию до ведущего, наконец-то выдохнул, прижал кнопку СПУ:

– Стрелок?

Оттуда, звонко, возбуждённо:

– Нормально, держусь!

Стоя в левом вираже, Андрей бросил взгляд влево, на землю. Перед взором разворачивалась широкая панорама грандиозного избиения вражеской фашистской техники: выстроившись в круг, их восьмёрка, непрерывно работала по колонне, обрабатывая её ЭРЭСами. Беспощадная и ревущая мясорубка быстро вращалась, терзая врага своими реактивными зубами⁴⁵. Более половины колонны было охвачено пламенем. Ведущий самолёт опять вышел на курс, параллельный дороге, и снова нырнул в пике. Андрей, стараясь держать дистанцию, послушно нырнул за ним, и так же, как командир, открыл огонь из всех стволов, проходя вдоль колонны, и поливая её свинцом.

На этот раз, он висел на хвосте ведущего, как привязанный, вслед за ним вышел из пике. Встал в левый вираж.

– Внимание! – вновь в наушниках послышался голос ведущего, – делаем ещё два захода, обрабатываем хвост колонны.

Кольцо воздушной мясорубки плавно оттянулось дальше, к хвосту колонны. И совершив ещё два полных круга, и разнеся пулемётно-пушечным огнём, всё, что осталось от колонны, кольцо распалось – ведущий разорвал круг, и на бреющем пошёл в сторону, на змейке собирая группу. Штур-

⁴⁵ штурмовики при ударе по наземной цели обычно выстраивались в круг, а точнее, в эллипс, наклонённый в сторону цели. Это позволяло постоянно держать противника под огнём: за первым самолётом с минимальным интервалом атаковал второй, за ним третий, и так по кругу. В первом заходе сбрасывались бомбы, во-втором – атаковали РСами, в последующих – пушками и пулемётами.

мовики, как утята, спешащие под защиту своей мамы-утки, подтягивались к идущему змейкой самолёту комэска, и сбросив газ, подстраивались сбоку в правый пеленг. Через несколько минут вся группа собралась, и плотным строем пошла обратно. ... Истребители прикрытия, с началом атаки по колонне оттянувшиеся вверх, теперь снова пристроились к восьмёрке штурмовиков.

Только сейчас Андрей ощутил, как у него из-под шлемофона бегут струйки пота. В теле была необычайная лёгкость, ощущение сверхсилы. Грандиозность того бедлама, что они устроили немцам, поражала воображение. Да, ему весной 42-го пару раз приходилось ходить на штурмовку наземных войск. Но тогда он это делал на истребителе, в составе тройки. И то – один заход, длинная очередь из ШКАСОВ – и по газам! А тут....

Ощущение мощи и собственной всесильности не покидало его. Щелчок в наушниках:

– Андрей, а у меня по-прежнему всё нормально.

Стало стыдно, возгордился: «я сильный, я непобедимый», а про стрелка забыл... Что, трудно было кнопку нажать и спросить: «стрелок, ты как?». Было ощущение, что горят уши.

Опять щелчок:

– Ничего, я не сержусь, в следующий раз не забудешь.

Он облегчённо вздохнул: «умница, не сердится, это хорошо. И ведь, всё слышит! Всё, что у меня в башке!»

Щелчок в наушниках:

– Не в башке, а в голове, дуралей!

Андрей улыбнулся...

Прилетели, сели, зарулили. Шурка вскочила на крыло, помогла открыть фонарь и отстегнуть ремни. Вылез, снял шлемофон, Шурка забрав его парашют, откинула створку фонаря стрелка, приняла парашют и от неё.

– Ну, как, командир? – восторженно глядя в глаза.

– Нормально. Порвали, как тузик грелку.

– По машине замечания есть?

– Нет, спасибо, всё работало, как надо. Правда, осколками, похоже, хлестануло, посмотри – всё ли там в порядке.

– Есть!

Подошёл к Агнии, в радостном возбуждении приобнял за плечи, заглянул в глаза:

– Ну, как ты? Ничего, терпимо?

Она мягко улыбнулась в ответ:

– Ничего... Терпимо.

Потом рассмеялась, и добавила:

– Как на карусели, или на качелях! Аж дух захватывает! У меня даже голова закружилась! И держаться надо очень крепко.

Он сдвинул ей на затылок шлемофон и поцеловал в лоб. Дурманяще-сладко пахнуло девичьим потом, захолонуло сердце. Она опять улыбнулась. Андрей кашлянул, взял

себя в руки:

– Пойдём, надо доложиться...

И быстро пошагал в сторону собиравшихся к командиру эскадрильи лётчиков. Стрелки опять встали немного в стороне, не мешая докладу своих пилотов. Комэск принимал у всех доклады. Доложился и Чудилин.

– Что видел? – вопрос комэска.

– Колонну видел, горела, – немного растерялся он, – как штурмовали, видел, бомбы, РСы, пушки, – он оглядел лётчиков эскадрильи, – оторвался во втором заходе, виноват...

– Зенитки видел?

– Нет.

– Были две, подавили во втором заходе. А истребители противника видел?

– Нет, – обескураженно повесил голову Чудилин.

– Были: две пары болтались километрах в трёх от нас. Готовились посесть нас на отходе.

– А почему не посекли? – вскинулся Андрей.

– А потому и не посекли, что мало их было – не решились нападать. Нас же четвёрка Яков пасла. Видать, не смогли нарастить вовремя численное преимущество, а без этого они воюют неохотно. Да и мы быстро свалить успели. Вот они и ушли, несолоно хлебавши. В следующий раз так здорово может и не получиться. Поэтому не расслабляйся. Это всех касается! – подытожил капитан Миронов, и пошёл на КП докладывать о результатах штурмовки.

Лётный состав дружно закурил, и после первых жадных затяжек пошло обсуждение недавних событий.

– Ну чё, Андрюха, как оно, нормально? Справился?

– Да нормально! Чего там! Всё путём.

– А стрелок твой как? Мы-то думали что? Барышня! А она – гляди-ка! Держит хвост пистолетом!

Громко обсуждая завершившийся вылет, и радуясь, что всё так ловко и без потерь прошло, лётный состав направился к «залу ожидания».

Глава 15. Стрелок, твою мать...

Второй завтрак привезли (на лошади с телегой) прямо в «зал ожидания», он же, в интерпретации некоторых остряков «вокзал». Столовая располагалась в трёх сотнях метров от КП, и, как узнал впоследствии Чудилин, если в ближайшее время ожидалась постановка очередной боевой задачи, то лётчиков старались кормить прямо на «рабочем месте». Если первый вылет за этот день выдавался тяжёлым, то и аппетита особого, как правило, у лётного состава не было, особенно летом. Только бы попить. Сегодня же, ввиду успешно выполненной боевой задачи (и что важно: без потерь!) аппетит был хоть куда. За столами стоял весёлый гвалт, в воздухе витали весёлые шуточки и подтрунивания. Но некоторое напряжение чувствовалось все равно: день-то не закончился, и летать ещё придётся, и, может быть, получится всё не так удачно, как в первый раз, с утра.

Так оно и вышло....

Где-то часам к двум поступил звонок из дивизии, поставили очередную боевую задачу на день. Комэсков на КП на этот раз вызывать не пришлось – они и так там сидели.

Комэски, все трое, вошли в землянку, и капитан Мионов, подождав пару секунд, чтобы все заткнулись, окинул притихший лётный состав прищуренным взглядом и выдал:

– Разведка передала: южнее Житомира движется большая

колонна бронетехники. Будем бить ПТАБаами. Летят вторая и третья эскадрильи, первая – в резерве. На подготовку – 15 минут. Первой идёт третья эскадрилья, за ней, с интервалом в 15 минут – вторая, то есть, мы. Самолёты уже вооружают для вылета.

Лётчики вынули свои планшеты и принялись уточнять у своих комэсков расположение цели и маршрут следования.

Через 15 минут стартовала сегодня ещё не летавшая третья эскадрилья. Пилоты и стрелки второй эскадрильи, не в силах более торчать в землянке, выбрались на улицу, потолкались у «беседки» (или, как иногда называли это место: «в курилке»). А попросту это был стол, с парой скамеек, плюс старое ведро с водой для окурков рядом с одной из скамеек. Потом все пошли к своим машинам, наблюдать за вооруженцами, облепивших их самолёты, и принимать рапорты от техников.

У их «семёрки» возились трое вооруженцев: они набивали ПТАБаами⁴⁶ крыльевые бомбоотсеки, и уже явно заканчивали. ПТАБаы в бомбоотсеки укладывали в кассетах, по 48 штук в каждой. Четыре РС уже висели на направляющих.

– А это что туда закладывают? – Агния посмотрела на Андрея снизу вверх.

– А? чего?

– Чего они туда укладывают? Бомбочки такие маленькие, что ли?

⁴⁶ ПТАБ-2,5 – Противотанковая Авиационная Бомба весом 2,5кг.

– А... ну да... ПТАБЫ называются. Противотанковые. Над колонной пройдем, сыпанем, как горохом, и – пишете письма! Одна такая бомбочка танк гарантированно уничтожает. Главное: попасть.

Подошла Шурка:

– Пока вы летали, я баньку затопила! Вечером, после ужина, пойдём? – она посмотрела на Андрея, перевела взгляд на Агнию, и, уточняя свою мысль, добавила: – в смысле, не все вместе, я хотела сказать, а мы с Агнией вдвоём, а потом вы, товарищ командир! Или... или... вы вдвоём пойдёте? – она растерянно посмотрела на Агнию.

Лейтенант смущённо кашлянул, потом ещё раз, и наконец, выдал:

– Мне лучше одному всё же... Или с мужиками потом схожу.

Подбежала оружейница Лушка:

– Товарищ лейтенант! Вооружение подвешено: 192 ПТА-Ба и 4 РСа. РСы – бронебойные, – добавила она, косясь на Агнию, – боекомплект к пушкам и пулемётам пополнен, у турельного УБТ – не пополняли. Расхода не было, – и опять стрельнула глазами на Агнию.

– Спасибо, – сухо ответил лейтенант.

– А... товарищ лейтенант, разрешите обратиться!

– Разрешаю, – удивлённо посмотрел на неё Чудилин.

– А вы сегодня после ужина в клуб придёте? – и так кокетливо глазами – зырк! в его сторону.

– Они сегодня после ужина..., – начала было Шурка, но Чудилин её перебил:

– В клуб? Почему нет? Приду, – скосил глаз на стрелка, и добавил: – придём, – посмотрел и на надувшуюся было Шурку, и прибавил: – все вместе, втроём придём.

Лукерья ухмыльнувшись, развернулась, и качнув из стороны в сторону внушительно-габаритной попой, пошла к оружейникам.

– Ишь, задницей вертит! Так и накручивает! – негромко сказала Шурка и виновато посмотрела на Агнию. Та, в свою очередь, сердито посмотрела на Андрея. Он же счёл за лучшее сделать вид, что все эти женские страдания его никак не касаются...

Через пять минут прозвучала команда на старт, ушла в небо ракета и лётчики со стрелками разбежались по своим самолётам. Как только Чудилин оказался в кабине, пристегнул ремни и закрыл фонарь, все попутные мысли ушли и остались только ДЕЛЮ. Тщательно проверив работу всех систем, подвигал ручкой и педалями, проверил ход рулей, и проверив, наконец, связь со стрелком, он доложил о готовности к взлёту.

Взлетали по одному, учитывая небольшую ширину взлётки. Собрались на кругу, пошли, как и в первый полёт, правым пеленгом, на высоте 1200 метров. Первые двадцать минут шли тем же маршрутом, так же вышли на аэродром истребителей. На этот раз вместо четвёрки взлетела шестёр-

ка Яков. «Похоже, ожидается противодействие истребителей противника» сама собой толкнулась логичная мысль, а иначе с чего бы это им увеличивать истребительное прикрытие?

Щёлкнуло СПУ:

– Андрей, а противодействие истребителей, это что значит?

– А это значит, что смотреть тебе надо в оба. Увидишь, что немец в хвост заходит – сразу мне докладывай!

– А стрелять надо?

– Лучше не надо, – он подумал, и добавил: – ну, только если уж совсем прижмут.

– А если не попаду?

– Всё равно стреляй – хоть отпугнёшь. И то хорошо. А вот если плотно навалятся, то на тебя одна надежда. Поняла?

– Ага.

Ровный гул мотора убаюкивал. Пересекли линию фронта. Одинокая реденькая трассирующая очередь протянулась к ним с земли. Прошла ниже и левее метров на 100.

– Ну что, семёрка, штаны сухие? – услышал Андрей в наушниках голос комэска.

Лейтенант щёлкнул рычажком тумблера и ответил:

– Пока сухие.

– Скоро мокрые будут, – комэск помолчал, и добавил: – смотри внимательнее по сторонам, – опять короткая пауза, и: – это ко всем относится! Нас там уже ждут.

Опять монотонный гул мотора. Андрей, оглядываясь на-

зад, видит, как в кабинах остальных самолётов подобрались стрелки, прильнув к своим пулемётам.

– Разворот влево на 30 градусов, курс 270! – перекрывая шумы эфира, снова ворвался в наушники голос комэска.

Восьмёрка, повинувшись приказу командира эскадрильи, дружно повернула влево на 30 градусов, сохранив строй. Андрей бросил быстрый взгляд вправо, потом влево, назад. Чуть покачиваясь в полёте, сохраняя строй, на скорости в 300 км/ч, правым пеленгом, шла восьмёрка Илов. Справа и слева, на дистанции 200 метров, шли две пары Яков. Ещё одна пара Яков шла сзади и выше. «Плотно пасут» подумалось Андрею.

И тут же щелчок СПУ:

– Кто кого пасёт?

– Нас пасут. Как овец овчарки. От волков. Охраняют, короче.

– Волки – это немцы?

– Они самые.

Молчание. Опять щелчок:

– А они справятся? В смысле, смогут нас защитить?

– Тут уж как карта ляжет. Если немцев больше окажется, то всякое может случиться. Пока наши истребители рядом – можешь не беспокоиться. Отгонят фрица. А уж ежели не смогли – тогда на стрелков вся надежда. И на тебя тоже. Не подкачай.

– Постараюсь.

– Внимание! До цели одна минута! Цель слева по курсу, атакуем с разворота, – через 15 секунд: – увеличить дистанцию до 150 метров! Работаем с левого круга! Три захода!

Маршрут был проложен грамотно: восьмёрка Илов зашла на колонну немцев с тыла, с запада. Заходя в хвост колонны, выполнялись две задачи: первое – внезапность, и второе – атака бронетехники сзади, там, где у танков наиболее тонкая броня.

Колонна бронетехники из полусотни машин ползла по дороге. В хвосте колонны поднимались в небо столбы чёрного дыма – результат работы третьей эскадрильи, закончившей работу несколько минут назад. Часть бронетехники, сожжённой в результате атаки, так и осталась на дороге, чадя столбами бензиновой гари. Оставшаяся техника, перегруппировавшись, и объехав по обочинам горевших неудачников, которым сегодня не повезло, продолжила движение. Метрах в пятистах за последними машинами в колонне осталось километровое пространство, всё усеянное воронками от взрывов, разбитой техникой, и трупами фашистов на снегу.

До колонны было ещё несколько километров, но уже было хорошо видно, как тёмные коробочки танков и БТРов стали разъезжаться в стороны, рассредоточиваясь по полю, и заезжая в мелкий придорожный кустарник. «Заметили, суки. Испугались!» отметил про себя Чудилин, «учёные теперь, хорошо третья поработала» промелькнула ещё одна быстрая мысль. Восьмёрка штурмовиков, летя прежним курсом, под-

ходила к воображаемой линии, параллельной дороге. Чёрно-белая панорама поздней русской осени с вражеской танковой колонной проплывала слева, хорошо видимая между капотом двигателя и левым крылом.

Все напряжённо ждали команды на разворот в сторону колонны. Из-под капота слева выплывали дымы от разбитой ранее техники.

– Разворот влево, 45 градусов! – прозвучала команда, и ведущий штурмовик, припав на крыло, левым виражом стал заходить в хвост колонны. Разворачиваясь за ним, Чудилин отметил, как ловко их комэск вывел восьмёрку в атаку: прикрываясь столбами дыма, как дымовой завесой, он сбивал прицел зенитчикам. И вправду – пока они шли в пологом пике, прикрытые дымом, со стороны колонны не было ни одного выстрела. Зато, как только первые Илы выскочили из клубов дыма, к ним устремились десятки трасс. Но было поздно: растянувшись длинной вереницей, штурмовики уже были на боевом курсе.

Голос комэска в наушниках:

– Вторая пара работает по зениткам!

Снизившись до 300 метров, самолёт ведущего открыл створки крыльевых бомболюков: из под пуза штурмовика как будто сыпануло ворох крупы – две сотни ПТАБов ринулись в свой последний путь к земле. С задержкой в пару секунд Чудилин рванул «сидор» (рычаг ручного сброса бомб), и успел увидеть, как долетели до земли ПТАБы, сброшен-

ные командиром. Вся поверхность земли вспухла от взрывов, накрыв шапками разрывов несколько танков. Боковым зрением Чудилин увидел сноп несущихся к нему трасс, которые шли слева спереди от эрликона⁴⁷, стоявшего на грузовике, съехавшего на обочину, и остановившегося метрах в трёхстах от дороги. Трасса со звонким гулом стебанула по бронекорпусу, высекая искры, лейтенант на мгновение инстинктивно зажмурился, и не заметил уже, как по грузовику ударил из пушек идущий за ним штурмовик из второй пары. Немецкая зенитка скрылась в облаке разрывов и надолго вышла из строя. А слегка оглушённый Андрей, раскрыв глаза, обнаружил, что переднее бронестекло покрылось трещинами от попадания снаряда. Третью лобового сегмента бронестекла слева стала просто матовой и непрозрачной. Пришлось усиленно крутить головой, ловя перемещения ведущего, ушедшего в левый вираж с набором высоты.

– Стрелок?

– Нормально, держусь.

Сделав полукруг за ведущим, Андрей бросил быстрый взгляд влево на колонну: избиваемая колонна дорого продавала свою жизнь. Тут и там были видны трассы зенитных автоматов. Они ожесточённо огрызались, сосредотачивая свой огонь на очередном штурмовике, заходящем в атаку. Завер-

⁴⁷ Немецкая ПВО имела кучу модификаций автоматических зенитных орудий калибром 20, 25, 30 и 37мм. Но советские лётчики их все скопом называли «эрликаны».

шив разворот, командир вышел в хвост последнему самолёту их восьмёрки, и замкнул круг.

– Чудилин! Работаем по зениткам! Пока не подавим – работать не дадут, суки!

Снова нырок вниз, как с горки на санках, под углом в 30 градусов, навстречу трассам. На этот раз – в лобовую на ближайшую зенитку. Большой палец правой руки на правой кнопке пуска РСов. Большой палец левой – на гашетке пушек. 800, 700, 600 метров. Огонь! Втопив гашетку до упора, Андрей видит, как устремились трассы его огня к зенитке. Ответный снап трасс несётся навстречу, мотаясь веером справа налево («понятно – у немецкого наводчика очко тоже не железное, нервничает, гад!» – бьётся где-то в голове зло-радная мысль). Фонтанчики разрывов его пушек вспахивают всё вокруг грузовика с зениткой. Не попал! Не прекращая огня, чуть-чуть двигая ручкой, загоняет цель в центр рамки прицела. 400, 300 метров. Пуск! Четыре РСа с рёвом сходят с направляющих, и через 1,5 секунды упираются в грузовик, накрывая его облаком разрывов. Через мгновение после взрыва Андрей вывел самолёт из пикирования, и, проходя в 100 метрах над колонной, причесал её из пушек и пулемётов. Вынырнув вверх, и уйдя вслед за комэском в левый вираж, услышал в наушниках его голос:

– Молодец! Хорошо попал!

Палец давит кнопку СПУ на ручке управления:

– Стрелок! Жив?

В ответ задорно:

– А что мне сделается?

Третий заход. В наушниках голос командира:

– Внимание, истребители противника!

Крутить головой уже некогда – самолёт ведущего снова ныряет в клубы дыма, навстречу сетке трасс. Время нырять за ним, стараясь при этом ещё и держать дистанцию. Глаз отмечает заметно ослабший огонь зениток – осталось всего три, да и отстреливаются как-то вяло, не сосредоточенно, вразнобой. Зато танки, расползлись по полю, как толстые жуки, и почти все дружно развернулись лбами к атакующим штурмовикам, подставляя под удар наиболее толстую лобовую броню. «Умные, суки» – а ну их нафиг! Теперь всё равно не прошибить. Чудилин лёгкими, точными движениями ручки подправляет траекторию полёта и атакует группку из трёх бронетранспортёров. Открыв огонь с 600 метров, и продолжая его до 300, он видит, как снаряды его пушек ВЯ-23 дырявят тонкую броню «Ганомагов»⁴⁸, делая из них дуршлаг.

⁴⁸ Ганомаг (ханомаг) – один из самых массовых немецких бронетранспортёров. Отличительная особенность : полугусеничное шасси, т.е. впереди два колеса, а за ними гусеницы.

Вывод, вираж, и... страшный удар! Прямо перед носом из бронекорпуса выхлестнуло сноп ослепительных искр. Самолёт тряхнуло так, что показалось – вылетят все зубы. В кабине запахло пережжённым железом. От вспышки запрыгали в глазах огненные зайчики. Пытаясь вывести машину в прямолинейный полёт, лейтенант отчаянно работал ручкой, стремясь погасить шараханья машины. Когда выровнял, огляделся – высота метров двести. Колонны не видно. «Наверное, выбросило из строя», подумал на автомате. Оглянулся по сторонам. Дымы от горящей колонны были сзади справа, километрах в трех. В сторону от дымов оттягивалась ве-

реница штурмовиков. «Ничего страшного, – билась мысль, – догоню!»

Дав газ на максимум, заложил вираж, разворачивая самолёт в сторону маячившей вдалеке его эскадрильи.

– Стрелок!

Молчание. Оглянулся – и не увидел головы девушки позади бензобака. Захолонуло сердце.

– Стрелок! Агния! Где ты?

– Я здесь, внизу.

– Почему внизу, что с тобой?

– Потому что я упала. Я сейчас.

Её голова опять появилась сзади.

– Ой, тут, это... немцы!

Поздно! Трасса слитным, огненным пучком прошла у самого крыла, едва его не зацепив. Андрей инстинктивно, по истребительному, бросил самолёт в скольжение в противоположную сторону. Потом резко – ручку от себя. Опять трасса – уже чуть дальше. «Фоккер!!» мелькнула мысль. Только он даёт такую мощную и плотную трассу. Если попадёт, то всё: суши вёсла. Шесть точек – два пулемёта и четыре пушки! Выхватив самолёт на высоте 50 метров, он увидел широколобый немецкий истребитель, выходящий вверх из атаки. «Точно Фоккер!»⁴⁹.

⁴⁹ Фоккер – сленговое название немецкого истребителя Фокке-Вульф-190. Имел очень мощный залп – четыре 20-мм пушки + два 13-мм пулемёта (на более ранних модификациях пулемёты калибром 7,92мм).

Скинув газ, заложил крутой правый вираж, и не зря – трасса от второго, ведомого фоккера, ушла стороной.

«загоняют, гады!!»

– Стрелок!

– Я здесь... – как-то невнятно.

– Почему не стреляла? Почему не докладываешь?!

Пауза...

– Никак не смогла...

– Будут делать следующий заход – смоги! Чёрт тебя подери!

Фоккеры, заложив широкую дугу «в полнеба», заходили

на него снова. Держа в поле зрения свою эскадрилью, до которой было не менее 2-х км, он дал максимальный газ. Отчаянно пытался выжать максимум скорости, чтобы их догнать на пересекающихся курсах.

– Я седьмой, я седьмой, атакован истребителями! Я слева от вас! – стараясь сохранять спокойствие, щёлкнув тумблером на телефонном щитке, он бросил в эфир короткую фразу.

Его видимо услышали, потому что группа штурмовиков стала разворачиваться в его сторону. Крутя головой, как волчком, он ловил движения прицепившейся к нему пары «фоккеров». Зайдя в хвост, с превышением в несколько сотен метров, они ринулись на него сверху. Опять пришлось вырваться, уходить под них. «Хитрые, заразы, заходят так, чтобы не попасть под огонь стрелка». «Фоккеры» стрельнули, ушли вверх. Потеряв ориентировку, и суматошно оглядываясь в поисках своих, он их уже не увидел. «Куда же я улетел?» Зато увидел ещё одну пару «фоккеров», явно направлявшихся в его сторону. Плюс к этому ещё четвёрку, на всех парах спешащих куда-то на высоте. Проследив по направлению их полёта, он на пределе видимости увидел свою эскадрилью, вставшую в оборонительный круг, а вокруг него роящиеся маленькие чёрные точки. «Вот они куда спешат. Нашим сейчас не до меня! Бьют наших».

Пока первая пара разворачивалась для атаки, вторая пара уже пошла в атаку, опять же с хвоста.

Отчаянно бросая самолёт то в правый, то в левый вираж, ставя в полубочках самолёт «на нож», он пытался сбить им прицел. «Оторвёшься – сожрут нахрен!» билась в голове сегодняшняя фраза комэска. И ведь сожрут, суки!

– Стрелок, т-твою мать! – хрипя от перегрузок, он кричал по СПУ, – ну где же ты, стреляй!

В ответ – только невнятное мычание. И молчащий пулемёт. В этот момент Чудилин остро пожалел, что вчера не нашёл времени, чтобы толком объяснить девушке, какими конкретно должны быть её действия при атаке истребителей противника. Ничего, мол, будет время, подучу. Понадеялся, дурак, на то, что он не оторвётся от строя, где будет под постоянным прикрытием других воздушных стрелков. И что ничего страшного не случится. А вот, поди ж ты, – случилось! Теперь вертись, как уж на сковородке.

И ангела-хранителя нет! Ни там, на небе, ни здесь, под бокком! Нет, здесь-то, он, конечно, есть, всего в полтора метрах за спиной, да вот только ничего для их спасения сделать не может – то ли пулемёт у него заклинило, то ли что-то ещё...

Трах! Самолёт дёрнуло, полетели щепки от киля! Опять ручку от себя – камнем к земле, задница отрывается от сиденья, секундное зависание на ремнях, красный туман в глазах, тошнота покатывает к горлу. Ручка на себя – вывод; в глазах темнеет от перегрузки. Мышцы всего тела ломит от непосильных нагрузок, градом катится пот со лба, заливая глаза,

вся спина мокрая, хоть выжимай! Сбоку сверху, в полусотне метров, проскакивает первый Фокке-Вульф-190, за ним через секунду второй. Эх, чуть-чуть бы повернуть, да жакнуть вслед! Но не хватает скорости – вильнув хвостами, пара «Фоккеров» свечой уходит в набор высоты.

Обзор назад у штурмовика совсем никакой – только пара маленьких окошек справа и слева от подголовника, над головой – бронеплита из 6-мм стали с небольшим оконцем. Вертя головой справа налево, Чудилин умудряется не пропустить атаку другой пары. Бросая взгляд в маленькое окошко сбоку от подголовника, он их хорошо видит – вот они внаглую заходят почти прямо по хвосту – заднему стрелку идеальная позиция для стрельбы по ним. Чуть-чуть повернуть в сторону и стреляй! Движением правой педали Андрей подразворачивает хвост ещё на 10 градусов.

– Агния, стреляй!

В ответ тишина. Быстрый взгляд назад – так и есть: за бензобаком не видно головы девушки. Убили?! Ранена? Неужели?! Потому они и наглеют – видят, что за пулемётом никого нет! Снова рывок, сброс скорости, вираж, и Страшный удар сзади в голову! Ба-бах! И тишина...

...Сколько секунд он был в небытие, Андрей так и не понял. Как он не хряпнулся тогда, он тоже не понял. Может, руки работали сами, неизвестно. Но когда он очнулся и снова получил возможность видеть, то обнаружил, что летит, покачивая крыльями, на высоте метров 200, и ... один! Фок-

керов нигде не было! В разбитую правую форточку врывался поток обжигающе-холодного воздуха. Правый глаз заливали струйки крови. Заложив широкий вираж, он с трудом огляделся, и не увидел вокруг себя ничего: ни атакующих его Фоккеров, ни его вставшей в оборонительный круг эскадрильи, отбивающегося от нападающих истребителей. Только поднимающийся в небо дым от разгромленной немецкой колонны. И то – далеко-далеко, километрах в пятнадцати. И... страшная вибрация всего самолёта, буквально выбивающая зубы. Мозг совершенно отказывался работать – жутко болела голова, буквально разламываясь на куски. Звон в ушах.... «Что-то с винтом – разбалансировка» родилась в голове очевидная мысль. Скинул обороты, трясоти стало чуть меньше. Попробовал рассмотреть показания компаса, и определить с курсом. Не получилось – из-за вибрации показания приборов совершенно не читались, просто тонули в мутном мареве. Оставалось одно – набрать высоту и попытаться сориентироваться визуально. Но для этого надо было прибавить газу и увеличить обороты... Двинул вперёд ручку газа. Вибрация опять усилилась. Набрал метров 800, он наконец-то сообразил, где находится. «Вот река, вот её излучина, она была справа, идя сюда, мы пересекли реку на перпендикулярном курсе.... А сейчас я лечу вдоль реки....» лениво и как будто нехотя ворочались в голове мысли. «надо развернуться вправо, и оставить реку сзади.... А излучина должна остаться слева...». Он заложил правый вираж. Родилось со-

мнение «...или справа?». Он, немного подумав, переложил ручку на левый борт, разворачивая машину влево.

В шлемофоне неожиданно раздалось:

– Эй, горбатый! Ты когда метаться прекратишь? Давай уже, лети домой!

– Кто это?

– А ты не видишь? Посмотри назад.

Андрей попробовал, но не смог: сильнейшая боль пронзила шею.

– Не могу.... Я, похоже, тово, ранен...

– Лететь можешь?

– Вроде могу.

– Мы тебя доведём. Разворачивайся влево на 90 градусов.

Развернувшись под 90 градусов, и убрав обороты до минимума, потихоньку полетел на восток.

– Вот так и иди.

– Кто вы?

В эфире хохотнули:

– Ангелы-хранители, твою мать...

Андрей чуть повернул голову влево, и боковым зрением на расстоянии 100 метров увидел грязно-белый с красными звёздами Як-7Б⁵⁰. Лётчик в кабине Яка в ответ махнул ему рукой и для верности качнул ещё и крыльями.

⁵⁰ Як-7Б – советский истребитель с мотором водяного охлаждения мощностью 1180л.с.(М-105ПФ) Вооружение – 1 пушка ШВАК 20мм, и два пулемёта БС 12,7мм.

– Это вы Фоккеров отогнали?

– Ага.

– Спасибо.

– На здоровье.

Мотор гудел ровно. На самых малых оборотах вибрация всё равно была очень сильной. Но приходилось терпеть. Немного осталось...

Нажал кнопку СПУ:

– Агния, ответь!

Никакой реакции. Попробовал повернуть назад голову. Нестерпимая боль пронзила шею.

– Агния, что с тобой?

В ответ – долгожданный щелчок и невнятно:

– Я здесь...

– Жива?! – от радости бешено заколотилось сердце в груди.

– Да... Вроде бы....

– Слава Богу! – с облегчением выдохнул лейтенант.

– Что с тобой было? Почему не стреляла?! Заело?!

– Не знаю... Бе-е-е-э-э-а-а-а..... потом, через паузу: – меня тошни-и-и-т... бе-е-э-э-э-а-а-а...

Сглатывая подкатывающую к горлу тошноту, он ничего не ответил. «Понятно, укатали Сивку крутые горки...»

– Слышь, горбатый! Дальше мы тебя сопровождать не можем – у нас топливо ЁК! Сейчас будет наш аэродром. С нами сядешь, или дальше, к себе пойдёшь?

– Пойду к себе, всё нормально, долечу.

– Ну, давай! Мы передадим твоим, чтобы тебя встречали.

Глава 16. Болото.

За двадцать минут до этого шесть штурмовиков сели на свой аэродром. Из шести самолётов не было ни одного целого. Два были буквально изрешечены, один из них пришлось впоследствии списать. Самолёты по одному садились, заруливали на свои стоянки, и лишь один, самый последний, старшего лейтенанта Горидзе, наиболее повреждённый, у которого не выходила одна из стоек шасси, до последнего держался в небе и пошёл на посадку в самом конце, чтобы не перегораживать повреждённым самолётом посадочную полосу. Так оно и вышло – сев на брюхо, самолёт раскорячился чётко на середине ВПП. Хмурые лётчики с докладами подходили к командиру эскадрильи. Приняв доклады, капитан Миронов пошёл на КП.

– Товарищ командир! При выполнении задания зенитным огнём с земли был сбит самолёт младшего лейтенанта Марченко. На отходе от цели были атакованы истребителями противника. Зенитным огнём также был подбит самолёт лейтенанта Чудилина. Он вывалился из строя и на него насели два Фоккера. Больше мы его не видели.

– Колонна?

– Уничтожили.

– Раненые в экипажах есть?

– Из лётчиков – один легко. Стрелков – трое, – капитан

помолчал и добавил: – один – тяжёлый.

Не увидев своей «семёрки» среди идущих на посадку, промаявшись, и подождав ещё несколько минут, Шурка не выдержала, и со всех ног побежала к четвёрке пилотов. Они только что доложились комэску, и стояли, хмуро смотря под ноги, нервно курили и сплёвывали в сторону. Одного легко раненного пилота вели под руки к машине, в которую уже грузили троих раненых стрелков.

– Мои где? Мои?! Где Андрей?! Агния?! – ещё подбегая, она кричала во весь голос. Лётчики и стрелки молча отворачивались, сосредоточенно затягиваясь. У многих дрожали пальцы рук.

– Что с ними? – Шурка кусала губы, стараясь заглянуть каждому в глаза.

Все виновато отводили глаза в сторону.

– Сбили твоих...

– Вы видели?!

– Видели, что подбили, а потом его фоккеры атаковали. Как упал, не видели – сами в тот момент отбивались. Пойди к Миронову, может, он больше нашего знает.

Кусая кулаки, и уже не сдерживая душившие её слёзы, Александра побрела на КП. Ревя в голос, как корова, она уже почти дошла до КП, как оттуда бомбой вылетел комэск Миронов, и побежал к стоящему недалеко командирскому виллису.

– Товарищ капитан, товарищ капитан! – Шурка в последней надежде бросилась к нему, – вы видели, как они упали, или нет?

– Кто?

– Так лейтенант Чудилин же!

– Вытри сопли! Летит твой Чудилин! Истребители передали. Сейчас садиться будет!

И точно: над кромкой леса, вдалеке, показался медленно летящий самолёт. Было слышно, что мотор его работает на самых малых оборотах. Самолёт шёл, покачивая крыльями и не выпуская шасси и посадочные щитки. Шурка не верила навалившемуся на неё счастью. Всё ещё всхлипывая, и улыбаясь сквозь слёзы, она со всех ног поспешила в сторону стоянок.

Всё на аэродроме пришло в движение. Люди поднимали головы вверх, вглядывались в небо, прикладывали ко лбу ладонь козырьком.

Один из техников сказал:

– Мотор не тянет.

Кто-то рядом авторитетно подтвердил:

– Да, на соплях идёт...

Движок у самолёта обрубил резко, на высоте метров 50, когда он уже почти перемахнул кромку деревьев на дальнем краю поля.

Все наблюдавшие замерли, но самолёт не упал камнем, а плавно клюнул носом – видно было, что пилот грамотно

отдал ручку от себя, пытаясь сохранить скорость, и самолёт, чиркнув плоскостями по верхушкам 30-метровых сосен, планируя, перелетел прямо над головами зенитчиков, чуть не задев задранный в небо ствол их 37-миллиметровки. Пролетел, гася скорость, метров 250, выровнялся, и в последний момент перед касанием задрал нос, мягко спарашютировал, и с шумом плюхнулся в болото в километре от стоянки, подняв вверх фонтаны из снега и болотной жижи.

Виллис сорвался с места, и помчался к месту падения самолёта. Все, кто был в тот момент не при деле, помчались туда же.

Увидев, наконец, свой аэродром, Андрей стал строить заход на посадку, садиться решил с ходу, тем более, что движок стал сбойть, чихать. Попытка посмотреть на приборы ничего не дала – весь самолёт трясло, и показания приборов было просто невозможно рассмотреть: вместо приборной доски было сплошное марево.

Щелкнул кнопкой СПУ:

– Агния, слышишь меня?

– Да....

– Садиться придётся аварийно. Держись крепче! А как только сядем – сразу выскакивай, самолёт может загореться.

Поняла?

– Да...

Когда оставалось метров двести до кромки леса, движок

встал. Сразу пропала зубодробительная вибрация, одна из лопастей винта чёрным, широким веслом замерла перед глазами... Самолёт, теряя скорость, слегка клюнул носом. Андрей инстинктивно отдал ручку от себя, не давая самолёту потерять скорость окончательно. Шар-р-рах! Верхние ветки деревьев шумно шоркнули по крыльям, «хорошо, что не выпустил шасси с щитками, иначе бы прям щас гробанулся...» мелькнула мысль. Непривычно бесшумно самолёт пропланировал ещё метров 250, проскочил над самым стволом зенитки, и плюхнулся в поросшее низким кустарником болото. Перед самым касанием Андрей заученно подтянул ручку на себя до упора, выровнял самолёт, и не дал ему зарыться носом в воду.

Удар! Самолёт, спарашютировав, и окончательно потеряв скорость, грузно плюхнулся, подняв вверх фонтаны грязной болотной воды вперемешку со снегом, проехался на пузе метров тридцать, и остановился, паря мотором. Столб грязи, воды и снега, поднятый вверх падением самолёта, пару секунд спустя тяжёлым дождём обрушился на него сверху. Если бы Андрей не упёрся (как учили) ногами в приборную доску перед самым падением, то наверняка бы разбил себе голову. Очнувшись от удара, отщёлкнул вниз все тумблеры, дёрнул сдвижную часть фонаря назад. Фонарь открылся, но не до конца. Образовавшейся щели едва-едва хватало, чтобы вылезти из кабины. Он отстегнулся, приподнялся, встал ногами на сиденье, и кое-как пролез в образовавшуюся

щель. Обернувшись назад, увидел, как откинулся вбок фонарь стрелка с разбитым остеклением, и перевалившись через борт, Агния маленьким, бесформенным комочком свалилась на центроплан, и тут же соскользнула по мокрому металлу в чёрную болотную жижу.

Чертыхаясь и матерясь, лейтенант выпростался из своей кабины, ступил на наклонный мокрый металл центроплана, тоже не удержался, и поскользнувшись, проехался вниз, и съехал туда же, в болотную грязь. Было неглубоко, чуть больше метра. Подхватив девушку подмышки, он рывком вытащил её наверх, вторым рывком забросил её на крыло, вылез сам.

– Жива?

– Что мне сделается? – она замученно и криво улыбнулась.

– Давай, поднимайся!

Он поставил её на ноги, сам с трудом выпрямился. Посмотрел сквозь жиденький кустарник в сторону аэродрома. Оттуда на полной скорости гнал виллис. За ним угадывалась бежавшая толпа из нескольких десятков человек.

Виллис на краю болота резко затормозил, из него выскочил комэск:

– Чудилин, чертяка! Жив! Давай, гребь сюда! И девку сюда свою тащи!

Андрей прыгнул с крыла вниз, и подхватив Агнию, как собачку, сбоку рукой, побрёл по пояс в тягучей и холодной

болотной жиже к краю болота. Пройдя метров 30, до едва осязаемого берега, и схватившись за поданную капитаном руку, выбрался, наконец, на сухое место. Поставил Агнию на ноги, бросил правую руку к виску и доложил:

– Товарищ командир, при выполнении боевого задания был атакован истребителями противника, потерял ориентировку. Выручили свои истребители – отогнали фрицев, довели почти до дома. Движок встал, плюхнулся.

– Да видели мы, как ты плюхнулся! Долго жить будешь! Мы тебя уже похоронили. Да с аэродрома истребителей позвонили. Сообщили, что ты жив и летишь домой. Ждите, мол, сейчас прилетит! А тут и ты появляешься! Цирк! – он радостно хлопал лейтенанта по спине.

– Ага... Цирк. Как в воду глядели, товарищ командир, – стряхивая с комбеза особо крупные шматки заледеневшей и вонючей болотной растительности, досадливо произнёс Андрей.

– Ты о чём?

– Да я про мокрые штаны.

– А-а-а! – командир эскадрильи, вспомнив свою фразу перед боем, ещё раз радостно хлопнул его по спине, – это я про другое! Главное, чтобы они в бою мокрыми не стали! А всё остальное – чепуха!

А у Андрея мутилось в голове и всё плыло перед глазами.

– Андрей, Андрей! – стала дёргать его за рукав Агния.

– Лейтенант, да ты ранен?! – комэск махнул рукой води-

телю:

– Петренко, сюда! – вдвоём они потащили его к виллису.

Глава 17. Баня.

Дотащить не успели – подбежала задыхающаяся от быстрого бега Александра, и оттолкнув водителя, подлезла под правое плечо Андрея.

– Товарищ командир, вы ранены?

– Да ерунда! – храбрился Чудилин, – где я там ранен-то? Царапина! Пустите, я сам пойду!

Насчёт того, что «сам пойду», Андрей, конечно же, дал маху: как только на пару секунд ослабла поддержка со стороны сопровождавших, он тут же стал оседать на землю. Задубевших от ледяной болотной воды ног он просто не чувствовал, дико болела голова и ломило спину.

– Товарищ командир, да вам в бане согреться срочно надо! – затараторила отдышавшаяся немного Шурка, – вы ж всё себе отморозите! Да и отмыться вам надо – посмотрите на себя! Агния, а ты что стоишь, – она дёрнула за рукав стоящую с виноватым видом девушку, – и тебе в баню надо!

Насильно усадили Андрея в виллис. Командир эскадрильи бухнулся рядом с водителем, Александра посадила с трудом двигавшую ногами Агнию на заднее сиденье.

– В санчасть! – приказал капитан водителю.

– Товарищ капитан, да вы посмотрите на них, – запричитала Шурка, – да если их прямо сейчас, срочно в бане не отогреть, они на пару недель с воспалением лёгких слягут!

На лбу у него царапина! Я их сейчас в баню, я же с утра натопила, а потом сразу же я их в санчасть и отведу! Ну товарищ капитан!!

– Ладно, – уступил напору Шурки капитан, и к водителю:

– Довезёшь их до дома, где они квартируются, и обратно сюда!

Подъехала еще одна машина, ЗИС-5. Из неё вылез старший инженер полка. Шурка метнулась к нему, что-то там быстро доложила, он махнул рукой, иди, мол, и она запрыгнула на ходу в тронувшийся виллис:

– Сергей Никанорыч разрешил! Говорит, пока будем этого бегемота из болота тащить, в тебе, говорит, пока надобности никакой!

В прыгающем по ухабам виллисе Агнию опять замутило, и когда подъехали к дому, она вылезла из машины с бледно-зелёным лицом. Присела на корточки, наклонилась к земле.

– Что с тобой, милая? – Шурка участливо тронула её за плечо.

– Уйди, уйди, уйди... – простонала девушка

– Замотало её, тошнит, – пояснил лейтенант, – и в полёте тошнило. Я как от немцев уворачиваться стал, так у неё и началось.

– Шурочка, миленькая, помоги пожалуйста, а то мне худо! – попросила девушка. Шурка бросилась её поднимать, – да не меня тащи, а Андрея! Я то как-нибудь сама дойду, –

простонала она.

Шурка молча метнулась к Андрею, подхватила его, помогла подняться с брёвнышка, на которое он минуту назад присел, не в силах стоять. Потасила его в баню. Сзади, держась за живот, поплелась Агния.

Повозившись пару минут с Андреем, Александра всё же совладала с его мокрым, задубевшим на морозе, комбезом, кое-как его сняла. Дальше пошло легче. Она ловко и сноровисто сдёргивала с него холодную и мокрую, пропитавшуюся вонючей болотной жижей одежду. Раздев его догола, подхватила под плечо. И помогла зайти в парилку из предбанника, посадила на лавку. Вернувшись в предбанник, стала ругать Агнию:

– Ну, а ты чего, как барыня тут расселась, чего не раздеваешься-то? Тебя тоже раздевать надо?

– Ой, Шурочка... Худо мне, – Агния в полном бессилии откинулась спиной на стену.

– Худо ей... – Александра стала снимать с неё комбез, – сидит она! Смотри: уже в ледышку превратилась! – ругаясь так, она продолжала стягивать с неё мокрую, успевшую заledenеть одежду.

– Как ты там его парить-то будешь? Ты сама, как треска мороженая!

– Ой, Шурочка, помоги мне, иди с нами. Я не справлюсь одна.

– Ага! Как же, иди! А потом взревнуешь меня, как дура!

Дуться будешь на меня цельную неделю, за то, что я твоего мужика гольшом видела!

– Не буду.... Да ты его уже и так гольшом видела.

– Ну, смотри! Ты обещала! – сказала Шурка, скидывая с себя одежду.

Весь этот разговор за дверью Андрей не слышал – в тёплой бане его изрядно разморило, и он сидел на лавке, откинувшись спиной на стенку и просто наслаждался тишиной, теплом и покоем.

И когда сначала появилась совершенно голая Агния, а сразу за ней такая же Шурка, он слегка опешил.

– Девчонки, вы это? Чего это? С ума сошли? – рука на автомате стала шарить по лавке в поисках веника, чтобы прикрыться...

– Ложись давай, Дед Мороз, синий нос! – весело приказала Шурка, – сейчас мы тебя парить будем! – она обернулась на севшую в уголок Агнию, и добавила: – я буду парить! Тебя, а потом её, – она показала веником на девушку, – а ну, ложись на пузо!

Андрей, охреневший от такого напора, послушно лёг, отвернулся к стенке.

Да.... в баню-то он ходить любил, но до сих пор это было с другими мужиками. Что было просто и естественно. А тут с девушками.... Да ещё с двумя.... Нет, он конечно, слышал всякие похабные разговоры, про то, как с бабами ходят в баню для «этого самого», но вот чего он точно не ожидал, что

нечто подобное может вот так просто произойти и с ним... в смысле: в баню, и не с мужиками. А очень даже наоборот: с двумя девками.

Шурка между тем ковшиком из котла наплескала в большую шайку горячей воды, и замочила в ней пару сухих берёзовых веников. Терпкий и дурманящий дух от распаренных берёзовых листьев, распространяясь по бане, щекотал ноздри, убаюкивал и успокаивал. Андрей чуть повернул голову, и украдкой скосил один глаз: Агния сидела в паре метров от него, упираясь обоими ладошками в лавку, и бессильно откинув голову назад, упиралась затылком в стену. Глаза её были полужакрыты. Весь вид её говорил о крайней степени усталости. Шурка же развила бурную деятельность: что-то двигала, переставляла поудобнее, проверяла готовность веников, вынула и положила поближе мочалку и кусок мыла. Перед носом Андрея моталась туда-сюда её голая, розовая попа. По её спине и бокам бежали, оставляя мокрые дорожки, капельки пота. От такой картины захолонуло где-то «во внутренних», и активно зашевелилось прямо под ним.

«Чёрт... чёрт... чёрт! Ну попал! Ну, попал!! Чё дальше-то?!» – тоскливо толкалось в голове.

– Ну-у-у?! Готов? – Шурка повернулась к нему, помахивая веником, и стряхивая с него капельки кипятка. Андрей тут же зажмурился и торопливо отвернулся к стене.

– И-эх! – Шурка покрутила веником в воздухе и со всей дури хлестанула лейтенанта по спине. Потом ещё, ещё, ещё,

и ещё! Снова взмах, пару оборотов в воздухе, и снова: Бац! Бац! Бац! В ноздри шибало пряным духом распаренных берёзовых листьев, на спину, плечи, задницу и ноги обрушился целый шквал сильных, беспощадных ударов. Боясь показать слабинку, Андрей лежал смиренно, молчком, не елозил, и тщательно закрывал оба глаза.

Но как он не зажмурился, как ни отворачивался, но бег воображения сдержать не мог. Он живо представлял себе, что происходит у него за спиной, всего лишь в метре. Протяни только руку! Лежать на животе стало крайне неудобно – его мужское достоинство уже давно затвердело и оказалось между лавкой и животом как между молотом и наковальней. А по спине и по заднице с силой хлестал веник. . . . Пауза, веник остановился.

– Ффффу, умаялась, переворачивайся! – Шурка отшатнулась назад, вытирая пот со лба.

«Ведь это Шурка мне говорит», – подумалось тоскливо.

– Командир, давай, не задерживай! Мне ещё твоего стрелка надо парить! – Шурка схватила ковшик с холодной водой и сделала три больших глотка.

«Господи, как же мне переворачиваться?! Срамота. . . .» – с тоской подумал Андрей.

Агния, уловив его мысли, произнесла:

– Шур, он стесняется.

– Ну, коль стесняется, – смилостивилась Александра, – тогда пусть прикроется. Агнюша, дай сюда второй веник, –

обернулась она.

И через секунду:

– На, командир, держи! Прикрывайся. Я пока отвернусь.

Ухватив веник, и повернув в её сторону лицо, дабы убедиться, что она действительно не смотрит, Чудилин, превозмогая боль в шее и спине, с кряхтеньем, как старый дед, перевернулся на спину, и прикрыл причинное место веником. Агния за всеми этими его манипуляциями наблюдала, не отворачиваясь.

– Ну, что, продолжим? – весело спросила Шурка, и экзекуция продолжилась.

Лёжа на спине, Андрей сначала старательно отворачивался к стене, потом стал скашивать глаза на весело лупившую его веником Шурку. Потом и вовсе, стал пялиться во все глаза. Зрелище, действительно, было завораживающее: войдя в раж, раскрасневшаяся, она задорно махала веником, стегая его то по груди, то по животу, то по ногам. Грудь её при этом колыхалась, розовые большие соски напряжённо торчали вперёд. Было видно, что эти действия доставляют ей немалое удовольствие. Она остановилась, откинула со лба прядь волос, повернулась в пол оборота к Агнии, и призывно махнула рукой:

– А ну, хватит сидеть! Иди сюда, помогай, а то я уже ухайдакалась! – она тяжело дышала, – давай, бери второй веник, а то сидишь там в уголке, замёрзла уже поди! Сейчас быстро согреешься! отдай ей веник! – это уже к Андрею.

– Я... – начал было Андрей.

Агния встала, стала мягко забирать у него веник, сказала:

– Ложись снова на живот.

Андрей сначала отвернулся к стене, потом за спину отдал ей веник. С обречённым видом лёг снова на живот. Шурка весело хохотнула. Два веника заработали в паре. Чтобы скрасить своё мучение, Андрей повернул голову в их сторону и уже внаглую пялился на их обнажённые тела, блестящие от выступившего пота.

– Всё, хорош! – Шуркин веник в последний раз хлестанул по его заднице, – вставай, командир! Агнюша, ложись!

– Да не надо, я уже согрелась! – начала она вяло отнекиваться.

– Ложись, тебе говорю! – Шурка была непреклонна. – Да и командиру небось хочется тебя попарить! На, прикройся, коль тебе так хочется! – она забрала у Агнии веник и сунула его Андрею.

Андрей сидел в замешательстве, с глупой улыбкой глядя на двух голых девушек, и прикрываясь веником.

– Ну, и как же вы, товарищ командир, будете парить своего замёрзшего насмерть стрелка? Веник-то у вас другим делом занят! Не совсем по назначению используете вы его, товарищ командир! – ехидно сощурившись, и подбоченясь, спросила Александра.

Андрей перевёл беспомощный взгляд на Агнию, как бы прося у неё поддержки. Она легко прочитала весь тот сум-

бур, который кипел в эту секунду у него в голове, и вдруг выдала совет, который он от неё уж точно никак не ожидал:

– А ты, Андрей, не стесняйся. Встань-ка! – она легла на лавку, повернула к нему голову: – парь меня, и ни о чём не думай, – пусть смотрит, коль ей так хочется.

– Да ничего мне и не хочется.... Ой! – вдруг тихо ойкнула Шурка и отошла от Андрея, наконец убравшего веник, прикрывавший до сего момента его мужское хозяйство. Шурка села на вторую скамейку, подальше от Андрея, и шевеля губами, исподтишка смотрела в его сторону. Агния весело спросила притихшую Шурку:

– Чего замолчала-то?

Шурка молча сидела в углу, и по всему было видно, что в её голове шёл какой-то напряжённый мысленный процесс. Потом она вдруг встала, и пошла на выход:

– Я, в общем, пойду лучше.... Смену белья вам принесу, и всё такое, – хлопнула дверью.

Потом сунулась опять в дверь:

– Вы тут недолго – ужин скоро!

И исчезла окончательно. Подождав, пока она, повозившись в предбаннике с одеждой, наконец, ушла в дом, Агния прыснула в кулачок, и смеялась так заразительно, что Андрей не выдержал. И засмеялся тоже.

– Чего это она? Свинтила то? Неужто так испугалась?

– А то! – заливисто смеялась Агния, – это она только на словах такая смелая, да ещё и потому, что я рядом нахожусь:

а так бы она ни за что в баню с тобой не пошла!

– Почему?

– Да боится она! Вот чего!

– Чего боится то? Она же вроде как не того.... Это... ну.

С мужиками... уже вроде как....

– Да всего один раз-то у неё и было, да и не особо ей это дело понравилось тогда. А тут она чувствует, что я тебе воли не дам руки распускать, вот и расхорохорилась, осмелела.

Агния хитро посмотрела на Андрея, решая, посвящать ли его в подробности? И, наконец, добавила со смешинкой в глазах:

– Дело в том, – она сделала таинственный вид, и понизив голос, продолжила: – что штуку-то эту мужескую она в тот, единственный раз, что у неё был, толком-то и не разглядела, и пощупать ей тоже не удалось. Вот её любопытство-то и разбирает, но и боится она при этом ещё сильнее. А тут случай такой удобный! Вот и напросилась третьей в баню. Вроде, как помочь попарить! А я же вижу, что не ради этого!

– Ты что, и её мысли слышишь?

– Конечно! Я же – ангел! Любого человека мысли слышу. Особенно, если эти мысли на тебя направлены. Но только если он не очень далеко, – поправились она, – ладно, давай парь меня уже, а то действительно, на ужин опоздаем!

И она легла на лавку.

Он пару раз махнул веником, хлопая её по попе и по спине, остановился на несколько секунд, потом постегал её ещё

немножко, опять остановился, и... не в силах стоять, сел рядом – в голове мутилось, ноги подкашивались. Она вскинулась, соскочила с лавки, села напротив него на корточки, взяла его за руки, заглянула снизу вверх в глаза:

– Плохо тебе, да?

– Чёт поплохело мне... – выдохнул Андрей, – как-то так внезапно, – добавил он, борясь с тошнотой. Не в силах сидеть прямо, наклонился вперёд и оперся локтями в свои колени.

Она вскочила, потянула его за плечи вверх:

– Так, плохо дело. Встань-ка! Давай, давай! На секундочку! И шаг вперёд!

Андрей послушно привстал, пошатываясь. Шагнул вперёд.

Она отодвинула лавку от стены на полметра, шагнула за неё, положила сзади ему руки на плечи :

– Теперь садись!

Он послушно сел, и почувствовал, как она, наклонившись, прикоснулась своей грудью к его спине. От этого по спине произвольно побежали волны дрожи. Она наклонилась, и поцеловав его в макушку, сказала:

– Сиди спокойно, я тебя сейчас немного полечу. Станет полегче.

Андрей глубоко вдохнул, успокоился, и почувствовал лёгкие прикосновения её рук к своей голове. Её руки гладили его, летали над ним, она что-то тихо шептала, покачивалась от движений, её живот и грудь время от времени прижима-

лись к его спине. Но теперь уже не дрожь пробежала по его телу, а наоборот, разливались по нему волны спокойствия и какой-то благодати. Стало хорошо и легко. Наконец, Агния наклонилась к нему, ещё раз поцеловала его в макушку, и спросила:

– Полегче?

– Да... как ты ЭТО делаешь? – изумлённо воскликнул он.

Она тихонько засмеялась:

– Я же ангел, – и добавила: – даже здесь, в человеческом теле, мне кое-что подвластно...

И потом озабоченно:

– Это ещё не всё. После ужина полечу тебя ещё немножко. Ну, пойдём, а то точно опоздаем!

Глава 18. В лазарете.

Чистые, и распаренные после бани, они, наконец, добрались до столовой, и... чуть не опоздали: лётный состав уже почти весь сидел за столами, ждали припозднившихся, которые, как и Андрей с Агнией, как раз вошли в столовую. Настроение было тягостное – на столе стояли нетронутыми два стакана, покрытые кусками хлеба.

– Товарищи! – Комэск второй эскадрильи встал, и обвёл взглядом всех присутствующих. Все, как один, встали.

– Сегодня погиб экипаж младшего лейтенанта Марченко, – он помолчал, – выпьем за наших парней: Серёжу Марченко и Женьку Иванова. Земля им пухом.

Помолчал, глядя в стакан, и молча выпил. То же проделали и остальные.

Агния потянулась к Андрею, желая что-то ему сказать на ухо. Он наклонился к ней, она испуганно прошептала:

– Я не могу водку пить!! Мне нельзя!! Что мне делать?!

– Просто пригуби и поставь стакан.

Она последовала его совету, Андрей же выпил, как и положено, до дна. Все молча принялись за ужин. Стрелок комэска, сержант Коля Никишин, узрев у Агнии стакан с нетронутыми 100 граммами, подмигнул ей:

– Огонёк! Да ты, похоже, непьющая?

– Я-то? – округлила глаза девушка, посмотрела на Ан-

дрея, – конечно непьющая! А как иначе? Это же водка! А почему Огонёк?

– Ну как же? Агния – и есть Огонёк! Ты, это, водку-то допивать будешь?

– Нет....

– Андрюх, ты не против?

– Да, пей! Жалко, что ли! – пожал плечами Андрей. Коля потянулся через стол за стаканом. Комэск скосил на него взгляд и неодобрительно пробурчал:

– Коля, ты бы не увлекался, а?

– Това-а-арищ капитан! Да я завтра как стёклышко буду, вы ж знаете!

– Ага... я знаю, – неопределённо буркнул Миронов и добавил внушительно: – смотри у меня!

Коля опрокинул вторые 100 грамм, крикнул, закусил, и перегнувшись через стол, доверительно сказал:

– Я, это... – он икнул, – если конечно, товарищ лейтенант не против....

– Коля! – Миронов предупредительно постучал пальцем по столу.

Никишин послушно сел, и обиженно замолчал.

Агния покусала нижнюю губку, посмотрела на обоих, потом на Андрея, и ответила:

– Хорошо. Можете всегда брать мои 100 грамм. Но это если ваш командир не будет против, – добавил она, твёрдо посмотрев на Колю Никишина.

Хлопнула дверь, в столовую вошёл полковой доктор, военврач Николай Филиппович Запольский.

Уже хорошенький Коля обернулся, и хмыкнул:

– О, Филипыч! Сейчас опять будет бутерброды из карманов вытряхивать! Помните, я вам рассказывал?

– Бутерброды? – удивилась Агния.

– Да я ж вам уже рассказывал про это: лётчики своих техников подкармливают, ну и таскают им в карманах из столовки еду в карманах. А Филипыч за этим делом строго следит, мол, вы недоедаете, а вам положено, и всё такое! Короче....

Договорить он не успел, потому что военврач, окинув взором столовую, быстро направился в их сторону.

– Так, вот он! Это Аника-воин! – громогласно произнёс он, подойдя вплотную к Чудилину, и вперившись в него взглядом. И чеканя каждое слово:

– Почему вы, молодой человек, всё это время где-то болтались, а не пришли сразу в мед. часть?

– Так я это... товарищ военврач... помыться надо было.... Мы же в болото упали.

– Вас помыли бы и в мед. части!

– Товарищ военврач! – вступился за своего подчинённого командир эскадрильи, – я его сам из этой грязищи вытаскивал на берег. Ну, в самом деле, надо было ему отмыться! Он же был страшнее чёрта!

Военврач явно злился. Не обращая внимания на адвокат-

скую попытку комэска, он, буквально сверля взглядом стоявшего перед ним Чудилина, произнёс:

– Ещё и выпил, паразит! Совсем молодец! Сейчас быстро доедаешь, и прямиком ко мне. Сам дойдёшь?

Чудилин качнулся, удержался в вертикальном положении, и браво ответил:

– Добегу, товарищ военврач!

– Добегу... – посмотрел на Агнию, – вам бы, барышня, сопроводить этого героя.

И заложив руки за спину, вышел из столовой.

Проводив доктора взглядом, Миронов тревожно посмотрел на Андрея:

– Ты, это... самочувствие-то как, в норме?

– Да так...

– Понятно. Слышь, Николай! Пойдёшь с ними до медчасти. Поможешь если что. Понял?

– Есть товарищ командир. Пойдём, поддержим. Огнём и маневром, – добавил он, заговорчески подмигнув пьяным глазом.

Военврач 2 ранга⁵¹ Николай Филиппович Запольский был уже немолодым, сухощавым дядькой «немного за 50». Сурово оглядев явившегося в сопровождении девушки лейтенанта (сопровождавший его также стрелок Коля Никишин был благоразумно отправлен Агнией обратно, при подходе к

⁵¹ здесь автор может и ошибаться, в смысле звания полкового врача.

медчасти), Николай Филлипыч сказал, указав на табурет:

– Садись.

Андрей сел.

Врач сел напротив, развернул ему в лицо лампу и внимательно на него посмотрел.

В последующие несколько минут Андрей выполнял всё, что от него требовал доктор: скашивал глаза то влево, то вправо, сводил их к переносице, вставал, вытягивал руки перед собой, с закрытыми глазами дотрагивался указательным пальцем то правой, то левой руки до собственного носа. Так же пришлось отвечать доктору на его уточняющие вопросы насчёт тошноты и головокружения.

В конце концов доктор кивнул, как будто сам с собой соглашаясь, и резюмировал:

– Так, понятно.

Сел, открыл какой-то гроссбух и принялся что-то в нём писать.

– Что понятно? У меня ничего такого нет, только царапина на голове. – осторожно начал прощупывать обстановку Чудилин, знавший не понаслышке, что от докторов можно ждать всяких неприятностей, – у меня ничего такого нет, только царапина на голове, вот здесь, и он коснулся рукой затылка.

Доктор насупившись, молчал, и строчил свою писанину.

Агния наклонилась к уху Андрея и тихонько произнесла:

– Сотрясение мозга.

Несмотря на солидный возраст, слух у врача оказался превосходный: взглянув на девушку, он удивлённо поднял брови:

– У вас, барышня, медицинское образование?

– Нет, – ответила она, скромно потупившись, – просто он головой ударился... вот я и подумала.

– Совершенно верно, совершенно верно. Именно сотрясение мозга.

Он закончил писать, и крикнул вглубь дома:

– Лиза! – и через паузу опять, погромче: – Лиза!

– Иду, иду, Николай Филлипыч!

Откуда-то из глубины дома слышались торопливые шаги. Через несколько секунд явилась и обладательница этого голоса – хорошенькая медсестра Лиза Клюквина.

– Обеспечьте, пожалуйста, товарищу лейтенанту койку, он у нас проведёт несколько дней. Если пойдёт на поправку – отпустим. Не пойдёт – отправим в госпиталь.

– Това-а-арищ военврач! – вскинулся Чудилин, – да вы что!! Какие несколько дней! Какой госпиталь! Да мне летать надо! Я здоров!

– Я вижу. Как вы здоров. У вас все признаки сотрясения мозга.

– Да какие признаки?! – не сдавался Чудилин.

– Какие? Извольте: у вас головокружение, вас тошнит, у вас болит голова, дрожат зрачки.⁵² Вам мало? Желаете убе-

⁵² и здесь автор, не будучи врачом, может ошибаться.

даться сами? Вон зеркало. Потрудитесь посмотреть на своё отражение.

– Да я, доктор...

– Всё, я сказал! Пять дней постельный режим! И скажите спасибо, молодой человек, что я вас сразу в госпиталь не отправляю! Идите, Лиза сейчас постелит вам постель! Да, и ещё! Дай-ка, орёл, я на твою, как ты говоришь, царапину посмотрю.

И доктор принялся осматривать его голову.

В полном смятении Андрей посмотрел на Агнию. Она мягко взяла его за руку, успокаивающе по ней погладила.

– Хорошо, доктор, он согласен.

– Ну, вот и славно, – он обернулся к медсестре, – рану на голове обработать стрептоцидом. Там ничего серьёзного.

– Андрюша, иди, – она подтолкнула его в коридор, – иди, ложись.

– А как же... – он в полном смятении смотрел на неё.

– Иди, всё будет хорошо, не волнуйся.

Андрей послушно проследовал по указанному направлению, вышел в коридор, где был заботливо подхвачен медсестрой и препровождён в соседнюю небольшую комнату, служившую палатой для временно больных.

Тем временем Агния имела короткий разговор с доктором:

– Я надеюсь, вы разрешите мне быть при нём?

Доктор удивлённо поднял брови:

– Это с какого же перепугу, барышня?

– Я его жена, – коротко пояснила девушка, – имею право, – решительно добавила она.

– Хм..хм... жена. Жена? – такой простой поворот дела, казалось, поставил доктора в тупик.

– Да, – скромно подтвердила девушка. И умело подсластила пилюлю: – я за ним погляжу, и ночью, и днём.

Доктор явно сомневался, и Агния, помня поговорку: «куй железо, пока горячо», пошла в атаку:

– Да вы поймите – он у меня шебутной, он же от вас сбегит! Сегодня же! А меня он слушается, вы же видели! Вы же ведь разрешите мне быть при нём, а? Пожалуйста! – она молитвенно сложила руки на груди, – Да и Лиза ваша отдохнёт: у неё, что, других забот мало?

Но доктор был крепким орешком, и просто так не сдавался:

– Барышня, вы понимаете, что ему прописан полный постельный режим? Ему даже в туалет первые три дня нельзя вставать? Вы готовы возиться с ним?

– Я – готова, – с достоинством ответила Агния, – да и кто сделает это лучше, чем жена?

– Ладно, уговорили, – неохотно согласился доктор. – В качестве исключения.... Идите. Скажите Лизе, что я разрешил. Да, и это.... – он внимательно посмотрел на девушку, – не вздумайте с ним это, хм...хм...хм... ну вы понимаете? Никаких этих самых... любовь-морковь... Ему нужен пол-

ный покой! Полный! Я понятно изъясняюсь?

– Конечно, мне всё ясно, доктор! – понятливо кивнула ему девушка, – никаких излишеств! Никаких мужских удовольствий! Ни в коем случае!

Лиза, устроив Чудилина в палате, и проследив, чтобы он разделся до исподнего и лёг в кровать, вышла в коридор, где и столкнулась нос к носу с Агнией.

– Я остаюсь с ним, – коротко сказала ей Агния, и пояснила: – я его жена, и Николай Филлипович разрешил. Я за ним прослежу.

Лиза кивнула:

– Ладно, надень белый халат, вон, висят на гвоздике, и занимай соседнюю койку. Если что – я в конце коридора. Стукнешь – я выйду.

Скрипнула дверь. Чудилин повернул голову, и изумлённо уставился на вошедшую Агнию. Она была в белом халате и многообещающе улыбалась...

– Мне разрешили быть с тобой. И ночью тоже, – добавила она.

– Милая моя! Хорошая моя! – задохнулся от радости Андрей, – а я-то уже и не чаял! Вот думаю, ночь настанет, я и сбегу отсюда к тебе!

– Так я знаю. Ты забыл? – она мило улыбнулась, – я доктору так и сказала: «сбежит». И поэтому я здесь.

Она наклонилась, поцеловала его в лоб. Он схватил её за

руки, притянул к себе, обнял.

– Больной! Вам надо лежать, – она принялась шутливо от него отбиваться. Потом они довольно долго потихоньку болтали обо всём и ни о чём. Она сидела рядом с его кроватью на табуретке, поставив босые ноги к нему на кровать. Он взял её холодные, маленькие ступни и стал согревать своими руками. Она шевелила пальчиками, а он их щекотал. Было совсем не скучно.

– Вот как бы я здесь был без тебя, а?

– А никак. Поэтому я здесь, – она засмеялась, откинув волосы назад.

Прошло ещё полчаса. Движение в мед. части стихло – доктор, закончив свои дела, ушёл на другую половину дома.

– Так, ложись-ка на бочок, спиной ко мне, подтолкнула она его в плечо.

– Зачем?

– Я тебя полечу. Как в бане, – добавила она.

Андрей послушно повернулся лицом к стене. Девушка придвинула табуретку поближе к кровати, и приступила к своему таинственному занятию. Уже через пару минут Андрей погрузился в сладкую дрему. Лёгкие, едва ощутимые касания её рук убаюкивали, еле слышный шёпот успокаивал. По телу волнами разливалось спокойствие и умиротворение. Он не заметил, как заснул. Агния остановилась, прислушиваясь к его ровному дыханию, встала, и потушила керосинку. Затем разделась, и оставшись только в нательном белье,

нырнула к нему под одеяло.

Обняла его, мирно сопящего, сзади, и прижавшись губами к его шее, продолжила сеанс своей особой, только ей понятной, терапии.

Глава 19. Медицина этого не допускает.

Проснулся от рёва прогреваемого невдалеке авиационного мотора, продрал глаза.

– Это сколько же я спал? Проспал!

– Ничего ты и не проспал, – раздался рядом знакомый, и такой родной, мелодичный голосок. Он резко повернулся и встретился с ангелом глазами.

– Доброе утро! – весело поприветствовала его девушка.

Андрей ошарашенно оглядывался, силясь сообразить: где это он? Наконец, мозг проснулся, включился в работу и выдал череду образов: болото, баня, лазарет....

– Ты что, правда, забыл? Она нахмурилась, и добавила озабоченно: – значит, я немного перестаралась. В следующий раз надо быть поосторожнее с твоей головой...

– Моя голова? – он поднялся, и сел на кровати, прислушиваясь к своим ощущениям, – моя голова....

Никаких неприятных ощущений не было. Боли тоже. Нигде. Он встал, прошёлся: ничего. Подпрыгнул, присел, согнулся, помахал руками. Ничего и нигде, никаких неприятных ощущений. Наоборот, было такое чувство, что всё тело налилось силой и энергией. Хотелось бежать, прыгнуть в самолёт, лететь.

– Как ты это сделала? – только и смог выдохнуть он, – это же чудо! Я же вчера еле двигался?! У меня же контузия и сотрясение мозга были?!

Девушка скромно улыбалась, глядя на него. Не в силах справиться с нахлынувшими чувствами, он бросился к ней, подхватил её на руки и закружил по комнате.

– Больной, пора просыпаться, сейчас завтрак принесу, – с этими словами Лиза сунулась в комнату и остолбенела от увиденного.

– Больной, вы с ума сошли? – всполошилась она.

– Да здоров я! Здоров! – весело и задорно крикнул Андрей, – вот, смотрите!

И он снова крутнулся вокруг себя, держа Агнию на руках. Лиза развернулась на каблуках и решительно вышла из комнаты.

– Отпусти ты меня, Андрюшенька! – взмолилась Агния, – хватит! Закружил уже! Ты сейчас лучше думай, что доктору будешь говорить!

– А ничего не буду говорить, я спляшу! – радости его не было предела.

– Одевайся уже, плясун! – шутливо ворчала она, подавая ему одежду.

– Николай Филипович, вы не представляете себе, что они там делают! Я там тако-о-о-е увидела! – Лиза буквально влетела в комнату, отведённую под приёмный покой. Услышав

сказанное ею, доктор, обычно спокойный и рассудительный, вскочил и разразился проклятиями:

– Чёрт, я же её вчера предупреждал! Чтобы ничего такого! Жена она ему, значит! И думает, раз жена, так всё можно! А я, старый дурень, поверил!

– Да нет, не это же! Нет!– Лиза замахала руками, – они там не ЭТО делают!

– А что? – безмерно удивился доктор.

– Да он скачет по комнате, как козёл, пляшет, на руках её таскает туда-сюда. Сумасшедший, одно слово!

– Он что, рехнулся? Это, значит, с контузией и сотрясением мозга? Хорош больной! Ну, сейчас он у меня поскачет!

Доктор решительно двинулся к двери, но по коридору слышались быстрые шаги, и в комнату вошёл, чеканя шаг, давешний больной.

– Товарищ военврач 2 ранга! Разрешите доложить: лейтенант Чудилин прибыл к вам для выписки ввиду полного своего выздоровления!

– Что-о-о?!

На языке у доктора в данный момент крутилось много слов, но, к сожалению, ни одного приличного. Наконец, совадав с собой, он буквально вытолкнул из комнаты Лизу и тут же разразился потоком непечатностей в адрес Чудилина. Мат доктора был затейливым и многоэтажным, как у боцмана. Самые приличные эпитеты в его воспитательной речи были: «босьяк беспорточный», «кусок идиота», «засранец», и

«ГОВНЮК».

Наконец, дождавшись, когда он вроде бы выдохся, и наконец, замолчал, Андрей простодушно сказал:

– Да, согласен. Я, может быть, – засранец и говнюк. Но вы же видите – я выздоровел, и я могу...

Этой паузы доктору хватило на короткий передых, он набрал в грудь воздуха и уже вознамерился приступить ко второй части воспитательной беседы, как в это мгновение дверь скрипнула и в комнату вошла Агния.

Доктор бессильно выдохнул.

– Это я его подлечила, доктор, – просто и бесхитростно сказала девушка, – если вы не верите, то посмотрите на него. Вы же врач – вам достаточно одно взгляда на человека, чтобы понять, болен он, или здоров.

Только что облаявший нерадивого пациента доктор был ещё на взводе, но против кротости хрупкой девушки противопоставить ему было нечего. С явной неохотой, ворча себе под нос, последующие пять минут доктор потратил на то, чтобы проверить реакции так чудесно выздоровевшего больного. И с недоумением был вынужден признать, что больной, действительно, каким-то чудесным образом за ночь выздоровел, и сейчас практически здоров.

С явной неохотой, но факт выздоровления он признал. Покинуть лазарет позволил, но от полётов временно отстранил, ссылаясь на то, что эффект выздоровления может оказаться временным. И поэтому в течении 2-х дней надо будет

приходить в лазарет на осмотр. Но Андрей и этому был рад несказанно.

– Всё, лейтенант, можете идти! – отпустил его доктор. Вечером, после ужина – ко мне! На осмотр, понятно? Да, и никакого алкоголя, ясно?

– Так точно, понятно! Разрешите идти?

– Идите! А вы, барышня, – это уже, обращаясь к Агнии, – задержитесь на пару минут.

Чудилин потоптался несколько секунд в нерешительности, но когда девушка сказала ему:

– Андрей, иди, я сейчас, – он решительно открыл дверь и вышел на улицу.

– Ну-с, барышня, расскажите-ка мне, что это вы такого могли сделать, что бы поднять на ноги этого...м...м... молодого человека. Ведь вчера все признаки контузии и сотрясения головного мозга были налицо. А сегодня их нет. Что вы сделали?

– Я его полечила, – просто сказала Агния и смущённо улыбнулась.

– Ну, допустим. Но что конкретно вы сделали? – военврач пристально смотрел на неё.

– Я... я не знаю, – она развела руками, – просто погладила, пошептала чуть-чуть, – и, наткнувшись на его недоверчивый взгляд, попыталась объяснить: – я просто умею это. Вот и всё.

– У вас какой-то природный дар? – он в задумчивости по-

стучал химическим карандашом по столешнице, – так, что ли?

– Да, я кое-что умею. Но совсем немного, – поправилась она.

– Хм... хм... но то, что я увидел, противоречит вашим словам. Вы сделали что-то, что традиционная медицина ни признать, ни объяснить, пока не в состоянии.

– Да, наверное... – согласилась она.

– Хм... – военврач помолчал, выстукивая карандашом на столе какой-то марш, – ну, допустим... Тогда я хотел бы вас спросить: а вы уверены, что вы на своём месте? Может, ваше место не там, в небе, за пулемётом, а здесь, в мед.части? Вы могли бы приносить гораздо больше пользы здесь, чем там. Даже если ваши методы наука объяснить не может, это не помешало бы вам облегчать страдания больных и раненых. Разве не так?

– Извините, я не знаю, – Агния мягко улыбнулась, – но мне кажется, что кроме Андрея я никого лечить не смогу. С другими просто не получится. Скорее всего...

– Простите, но это бред, – не согласился доктор, – умение лечить не может быть направлено только на одного пациента. Все люди по сути имеют очень схожее устройство, и если можно вылечить одного, то почему нельзя вылечить и другого?

Она покачала головой:

– Мне нельзя вмешиваться в судьбы других людей, я могу

делать это только в отношении Андрея.

– Но почему? Объяснитесь!

Она вздохнула:

– Ладно, объясняю: потому, что я – никакая ему не жена, я – его ангел-хранитель. Настоящий.

Доктор замолчал, открыв рот. Воспользовавшись паузой, девушка коротко пояснила:

– Обычно мы храним своих подопечных оттуда, – она сделала неопределённый жест ладошкой, – но иногда, за особые провинности, нас отправляют сюда, – она запнулась, – примерно, как в здешнем штрафбате, искупать вину. Вот я и искупаю – защищаю его своим телом. И предупреждаю об опасности.

Она судорожно вздохнула и, как будто опасаясь, что ей не дадут договорить, быстро продолжила:

– Умереть я не могу, только если голову оторвёт, – она невесело улыбнулась, – ну, и кое-что могу для своего подопечного сделать: облегчить его состояние, немного подлечить. То, что вы сегодня видели. Так что Андрей, действительно здоров. Но кроме него я, скорее всего, никого лечить не смогу. Вернее, я не пробовала... Да и права такого не имею, влиять на судьбу других людей. Вот. – закончила она.

Доктор долго молчал, потом медленно поднял на неё глаза и с чувством промолвил:

– Да-а-а... Наплели, вы мне барышня, тут с три короба... И вы думаете, что я вам поверю?

– А это неважно. Ведь от того, что кто-то не верит в истину, истина не меняется, – она кротко улыбнулась, – не хотите – не верьте. Так будет даже лучше.

Доктор скептически посмотрел на неё, и назидательно подняв указательный палец, произнёс важно и внушительно.

– Медицина – это наука. И в ней не место всяким домыслам и байкам. То, что вы мне рассказали – не более, чем сказка. То, что ваш...ваш... э-э... муж... или кто он вам там, быстро и чудесно выздоровел, ещё не доказывает, что лично вы, девушка, – ангел. Время от времени происходят необъяснимые пока случаи. Но это совсем не значит, что они – результат действия каких-то мистических сил. В конце концов, с развитием науки, всё тайное становится явным. Ведь, согласитесь: раньше, в средние века, люди были уверены, что земля плоская, и стоит на трёх китах. Но это оказалось совсем не так. Со временем наука всё объяснила.

Доктор замолчал, усмехнулся, и завершил свою речь:

– А вы мне тут сказки всякие рассказываете...

– Я ангел, – спокойно ответила она, – и вот вам доказательство: раны на мне заживают не в пример быстрее, чем на человеке. И я не умираю от смертельных ранений. Смотрите.

Она задрала гимнастёрку и майку на спине, показав тот самый небольшой шрамик от пули, от которой она закрыла Андрея в первый день их знакомства.

– Это – входное отверстие, – пояснила она.

Потом повернулась лицом, и подняв одежду, но, однако

же, не оголяясь окончательно, приоткрыла то место на нижней части груди, где был второй белый шрамик.

– Это – выходное.

Доктор, пожевав губами, внимательно осмотрел оба шрамика, и констатировал:

– М-да... действительно, такое ранение в большинстве случаев смертельно. Но как врач, я знаю и множество случаев, когда люди выживали с подобными ранениями. Ваш случай, барышня, видимо, один из таких счастливых. Судя по рубцам, это произошло несколько месяцев назад, верно?

– Неверно. Это произошло четыре дня назад, – отпарировала она, и пояснила: – я же говорю – раны на мне заживают не в пример быстрее, чем на человеке.

Доктор скептически улыбнулся одним уголком рта.

Агния расстегнула ворот гимнастёрки, обнажила шею, ткнула пальцем в заметный белый шрамик от винтовочной пули:

– Это входное. – она повернула к доктору заднюю часть шеи: – это выходное. И было это три дня назад. Вы должны помнить, в тот день капитан НКВД Шелестов привёз к вам в санчасть двух раненых бандитов. И одного убитого. Это Андрей их всех... А они меня. Один из них, из винтовки. Эта пуля предназначалась Андрею. Я смогла отклонить ствол винтовки, но пришлось принять пулю в себя, мне можно, я от таких ранений не умираю.

Доктор пожал плечами:

– Послушайте, барышня, мне по-человечески вас жалко, что вам пришлось столько пережить, и я рад за вас, что такие тяжёлые ранения... и вы живы... но простите, при чём здесь ангелы? И эти ваши сказки про сверхбыстрое выздоровление... кому вы это рассказываете? Мне? Врачу?! Да я больше тридцати лет людей режу... И за эти годы такого насмотрелся, что все эти ваши рассказы...

Агния некоторое время молча смотрела на него, как бы обдумывая, что ему на это ответить. Потом, видимо, приняв какое-то решение, она решительно шагнула к стоявшей у стены тумбочке, и схватила лежавший там свёрнутый вчетверо кусок марли. Бросила его на стол, в круг, освещённый лампой, и опёрлась на него левой рукой. Военврач молча и с лёгким недоумением наблюдал за её непонятными действиями.

Она выдержала двухсекундную паузу, а затем выхватила правой рукой из стаканчика на столе большие длинные ножницы с острыми концами, и вдруг резким и сильным движением воткнула ножницы себе в тыльную сторону левой ладони, пригвоздив её к столу.

– Да вы с ума сошли! – военврач явно не был готов к таким фокусам: от неожиданности он аж подскочил на стуле, едва не свалившись с него. На его крик прибежала медсестра Лиза, да так и застыла в дверях, раскрыв от изумления рот.

Агнию всю аж скрутило от резкой боли, у неё подкосились ноги, но она, совладав с собой, с усилием выдернула ножни-

цы из столешницы и подняла свою левую руку. Из сквозной раны на ладони сочилась кровь, Агния вытерла её тем самым куском марли, и стало видно, что струйка крови из раны всё истончается и истончается, и наконец, через 5...6 секунд кровь совсем перестала из неё идти. Агния ещё раз вытерла свою левую ладонь куском марли, стерев с неё последние остатки крови. Потом, буквально на глазах, рана стала быстро затягиваться, и, наконец, меньше, чем за 15 секунд, ладонь приняла свой прежний вид, и лишь только маленький белый шрамик напоминал о случившемся. Агния стерла с ножниц свою кровь и аккуратно поставила ножницы обратно в стаканчик.

– Я ангел, – как могла, спокойно повторила она, – разрешите идти?

– Идите, – ошарашенно произнёс Николай Филлипович.

Как только она вышла из дверей мед. части, поджидавший её на улице Андрей сразу обратил внимание, что она сжала в кулачок свою левую ладонь, и бережно прикрывает её правой.

– Что с рукой? – тревожно спросил он.

– А, это... – она махнула правой рукой, – ерунда! Не верил, что я ангел, пришлось доказывать...

– Ты, чего, чем-то ткнула себя в руку?! – не на шутку встревожившись, он попытался разжать её кулак.

– Да так, ерунда, я же тебе говорю, – она ловко выкрути-

лась, и прижавшись к нему грудью, посмотрела ему в глаза снизу вверх, – уже и не болит вообще.

– Не болит у неё... и он поверил?

– Думаю, что да, – она счастливо засмеялась.

– Чего смеёшься?

– Да радуюсь, что ты опять здоров – значит, у меня получилось!

И она, руководствуясь секундным порывом, вдруг внезапно подтянувшись на цыпочках, быстро и мимолётно поцеловала его в губы.

Глава 20. Снова в строю.

Вырвавшись утром из лазарета, в утренних сумерках, скрывавших аэродром, Андрей, в сопровождении следовавшей за ним по пятам Агнии, поспешил в столовую на завтрак.

Там они были встречены общими приветственными возгласами, но особо горячий приём был оказан лётным составом их родной, второй, эскадрильи.

– Вах, дорогой, тэбя вилечили! – радушно раскрыл свои объятия Жорик Горидзе, пытаясь облапить сразу и Андрея и Агнию. Это ему удалось – сграбастав их своими длинными руками, он принялся тискать их, расталкивая столы и сидящих за ними смеющихся пилотов и стрелков.

– Э... э... Георгий Автандилович, чёрт чумной, да потише ты! – весело хохотал стрелок Ануфриев Валька, чуть было не спихнутый со своего места горячим Жориком, не знавшего меры.

– Садысь, дорогой, садысь! – Андрей был великодушно отпущен, и сел на свободное место. Агнию же широкоплечий горец всё ещё держал в своих лапищах: – А ты, дэвушка, садысь суда, ему на калени, – под общий смех Агния была посажена Андрею на колени.

– Неужто вылечили тебя, а, Чудилин? – в глазах Ильюхи Кутеева бегали шкодливые огоньки.

– Вылечили, – согласился Андрей.

– Вот что медицина наша делает, а? Ну, Филлипыч! Это что же это такое он тебе прописал, что ты к утру как огурчик, а?

Колька Никишин, стрелок, с таинственным видом и сделав серьёзное до невозможности лицо, изрёк:

– А я знаю.

Выдержав двухсекундную паузу для вящего эффекта, авторитетно пояснил:

– Клизма из скипидара с патефонными иголками.

Взрыв хохота второй эскадрильи перекрыл все звуки в столовой. С дальних столов, где были заняты своими разговорами и не слышали всех подробностей, послышалось:

– Чего? Чего там такое?

– Да это они там Филлипыча хвалят: вон, Чудилина-то их-него они вчера чуть ли не на руках в лазарет отправили, а сегодня вон – как новенький! Чудо-порошки, видать, у Филлипыча в загашнике для таких случаев заготовлены.

Агния скромно молчала, несильно сжимая под столом руку Андрея, как бы говоря ему: «не болтай лишнего»

Позавтракав, лётный состав потянулся к выходу из столовой.

– Так чего, вчистую освободили, или нет? – серьёзно спросил комэск.

– Да не совсем, – честно признался Андрей, – на пару дней от полётов он меня всё же отстранил.

– Ну, и ладушки, – хлопнул его по спине Слава Мионов, – отдохнёшь малость. Ты сейчас, после завтрака, сходи, посмотри на свою «семёрку». Никанорыч говорит, там работы дня на два. Как раз успеет к твоему выздоровлению. А мы на КП. Как разберёшься с машиной, подтягивайся к нам на КП.

Их «семёрка» стояла под маскировочной сетью, уже на выпущенных стойках шасси, с частично отмытой болотной грязью. Все три лопасти винта были загнуты назад – следствие вынужденной посадки на брюхо. Маслорадиатор почти оторванный, болтался под пузом, чудом держась за центроплан остатками магистралей.

Рядом с мотором копошились двое техников, к носу самолёта была приставлена стремянка. Шурка, сидя под крылом на корточках, копалась в ящике с железяками, освещаемая светом тусклой переноски.

– Ой, товарищ командир, Агнюша! – она бросилась к ним, и опасаясь испачкать их грязными, в масле, руками, обниматься не стала, а просто неловко чмокнула Андрея в щёку. – А я-то уже и не чаяла! Думала надолго! Что, неужто выпустили?

– Выпустили, как не выпустить, – Андрей, улыбаясь, бросил быстрый взгляд на своего ангела-хранителя.

– А я вот, мы тут... – она беспомощно развела руками, – работы ещё дня на два-три, не меньше.

– Не переживай, у меня так и так на два дня отстранение от полётов. Как раз успеете. Ну, показывай, чего тут по твоей части.

– И-и-и, товарищ командир, – она махнула рукой – тут одной бы вовек не справиться. Вон, – она кивнула головой на двух мотористов – Вася с Серёжкой помогают. Но это как бы ихнее, – она шмыгнула носом, – там мотор, меня туды особо не пускают, – она снова виновато шмыгнула носом.

– Ты, что простыла?

– Есть немного. Всю-то ночь здесь, под самолётом....

– Ты, что не спала, что ли?

– Так это.... Совсем чуть. Пару часиков.

– Бедная ты, бедная! – пожалела её Агния.

– Ерунда! После войны выспимся! – бодро ответила Александра.

– Ты, Шурка, лучше товарищу лейтенанту его винт покажи! – послышалось со стороны мотористов.

– А, да! Точно! Пойдёмте! – она потащила Андрея за рукав.

Один из мотористов направил свет фонарика на одну из загнутых лопастей:

– Глянь-ка, лейтенант, на лопасть.

На освещаемой фонариком лопасти отсутствовал кончик, сантиметров 30. Видно было, что он был отстрелен снарядом

– Чисто фашист тебе её срезал. Как хирург скальпелем: чик, и всё! – пояснил один из мотористов.

– А-а-а, теперь понятно, почему меня так трясло, – Андрей вздохнул, – а я думал: мотор.

– С мотором всё нормально. Правильно сделал, то сразу обороты убрал, иначе все подшипники ушатал бы. А так вроде всё цело. Более-менее. Сейчас подшаманим маленько, винт тебе заменим, и аля-улю! Лети дальше, сталинский сокол!

– Там ещё маслорадиатор... – начала было Шурка.

– Ну, это, товарищ техник, уже ваша епархия! – веско сказал моторист Серёжа Епифанов, – у тебя своё, а у нас своё! Правильно говорю, Василий?

– Нам разум дал стальные руки-крюки, а вместо сердца пламенный мотор! – вместо ответа пробурчал под нос хмурый Василий, сосредоточенно подтягивая хомут на какой-то магистрали.

Агния попросила у Шурки аккумуляторный фонарь, и полезла зачем-то в кабину стрелка. Через пару секунд спрыгнула на землю:

– Шур, у тебя здесь ведро и тряпка найдётся?

– Ну, найдётся, а тебе зачем? – удивилась Александра, – я самолёт от грязи сама отмою, ты не волнуйся!

– Да я не грязь отмывать, я... Ты в мою кабину заглядывала?

– Ишшо нет! Недосуг было, – ещё больше удивилась Шурка, – а что, там что-то не так?

– Я там.... Это... ну, в общем, – она виновато посмотрела

на Андрея, – тошнило меня там, – она вздохнула, и добавила: это когда нас фоккеры гоняли, а Андрей уворачивался от них.

Она опять с виноватым видом вздохнула:

– Вот меня и уболтало...

– Да ладно, – стала успокаивать её Шурка, – с кем не бывает... Оставь всё, я уберу.

– Нет, я сама уберу! Где у вас тут воды можно набрать?

Возвращались на КП минут через 20, под мелким, противным дождиком, напололам со снегом.

– Во погодка! – Андрей пытался подбодрить девушку, шедшую рядом с ним, – похоже, сегодня полётов не будет.

Агния в ответ только виновато сопела носом.

– Ну, чего ты молчишь-то?

– Расстраиваюсь.

– Из-за чего?

– А я вот думаю – а если меня и в следующий раз так же укачает, то как мне тебя защищать?

– Ерунда, всё наладится!

– Да не наладится! – она остановилась. – Я ж дура неумелая, так тебя подвела!! В самый критический момент тебя без поддержки оставила! Это же... это же... страх какой!

– Ну, скажешь, страх... – лейтенант дёрнул плечом, – ну так... хвостик слегка подморозило...

– Угу... – она уныло замолчала.

– Да ладно уже! Надулась, как мышь на крупу. – попытался подбодрить её Чудилин.

– На себя, на дуру, сержусь! Неумёха я! Других не укачивает, а меня укачивает! Понимаешь?

– Да понимаю, понимаю, пойдём, а то промокнем!

– Нет, стой! Дай сказать! Это важно!

Андрей остановился, обречённо выдохнул:

– Стою, говори.

– Понимаешь, пока ты летишь ровно, вроде всё хорошо, вроде как на качелях – дух захватывает. И не тошнит, даже весело. Но как только ты стал самолёт бросать туда-сюда, вот тут-то у меня и началось! Я не знала, что мне делать, меня так скрутило, что я не понимала, где верх, где низ. Меня всю выворачивает, а я на пол упала, и подняться не могу! Пытаюсь хоть на четвереньки подняться, а не могу! Меня то от борта к борту бросает, то к полу прижмёт, то вверх, как собачонку, подбросит. А уж как меня там колошматило... то об пулемёт, то об бронестенку. У нас в соседней деревне, ну, когда я ещё... там мужик один жил, каторжник бывший. Безжалостный был, злой. Так он промышлял тем, что шапки из собак шил. Так он собак, знаешь, как убивал?

– Ну, и как?

– Сажал он собаку в мешок, завязывал, и ну её палкой со всей силы колотить! Собака визжит, воеет! А он, подлец, знай себе, её без пощады дубасит! Пока она совсем там в мешке не затихнет...

– Зачем так, просто убить не мог, что ли? – угрюмо поинтересовался лейтенант.

– Мог. Да только, говорит, так полагается. Так, мол, шкуру снимать легче, от мяса, говорит, не в пример лучше отходит... Его, злыдня, все за это ненавидели.

В её глазах стояли слёзы, губы дрожали.

– Зачем ты мне про это рассказываешь? – хмуро спросил Андрей.

– Я вчера... в самолёте... чувствовала себя, как эта несчастная собака в мешке! Всё, думаю, конец нам с тобой настал! Не могу я тебя спасти, не могу защитить! Никудашный из меня борт.стрелок!

И она навзрыд разрыдалась.

Андрей обнял её за плечи, успокаивающе погладил по волосам:

– Ну, ничего, сразу-то оно ни у кого не получается, придумаем что-нибудь... пойдём уже.

– Ты уж придумай, пожалуйста. А то я совсем изведусь, ладно? – она доверчиво смотрела ему в глаза снизу вверх. В глазах её стояли слёзы, и как маленькие бриллиантики, скачивались по её щекам.

Глава 21. Ворошиловский стрелок.

Утренние сумерки рассеивались, но небо светлело медленно – сказывалось отсутствие солнышка. Дождик пополам с мокрым снегом, зарядивший уже как час с лишним, всё не прекращался. Белёсая, мутная мгла покрывала аэродром. Погода на сегодня была явно нелётная.

У «зала ожидания» топтались несколько человек. Кури-

ли, сплёвывали в сторону. Негромко переговариваясь. Среди них Андрей узнал нескольких лётчиков и стрелков из своей второй эскадрильи.

– Ну, что, Андрюха, пойдём, постреляем? – командир звена старший лейтенант Илья Кутеев хлопнул по своей кобуре. Рядом с ним стоял его стрелок, Толик Веселовский и тоже улыбался.

– Так это... что, полётов сегодня не будет?

– Да ты на небо-то посмотри! – весело осклабился Илья, – да и тебе-то что беспокоиться? Ты ж сам говорил, что тебя Филиппыч на два дня от полётов отстранил!

– Ильюха, вот у тебя прям шило в заднице свербит! – лейтенант Миша Никитенко докурил папиросу, дисциплинированно бросил её в ведро с водой, и веско добавил: – вот сейчас начальство придёт, даст добро – вот тогда и пойдём. Колян, правильно я говорю?

– Само-собой, – солидно согласился лучший стрелок эскадрильи Коля Никишин.

Минут через 10 начальство в лице комэска Миронова явилось. Все оживились, подтянулись поближе

– Значится так, – Слава Миронов оглядел присутствующих, – метео служба сказала, что до обеда погоды точно не будет. Сидим, ждём, а там посмотрим.

– Так что, командир, может, как договаривались? – Илье явно не терпелось опробовать новый «Вальтер», обменянный у пехотинцев на шоколад. Как некурящий, вместо си-

гарет он (в числе прочих некурящих) получал шоколад, но имея к нему с детства какое-то непонятное отвращение, не ел его, а раздавал девочкам, коих в полку было не так уж и мало: техники, мотористы, вооруженцы, укладчицы парашютов и т.д. А тут подвернулся удачный случай с этим «вальтером».

– Ну так, что идёте с нами? – он несильно пихнул Андрея в бок, и скосил взгляд на стоявшую рядом Агнию.

– Да идём, идём, – делать было всё равно особо нечего, и Андрей с лёгкостью согласился.

Пошли вшестером: Илья со своим стрелком Веселовским, лейтенант Миша Никитенко, Коля Никишин, стрелок комэска, и Андрей с Агнией. Командир эскадрильи, сославшись на дела, отказался.

Шли недолго, минут 10.

– Ты не стрелял ещё? – спросил Илья, он же старший лейтенант Кутеев, Андрея, когда они пришли.

– Когда?

– А ну да, ты ж у нас недавно. Короче, вот, пришли – здесь у нас тир, – широко повёл рукой в сторону Илья.

– Вон пеньки. Вот банки, – он нагнулся, подобрал несколько продырявленных банок, и принялся расставлять их на пеньках.

– Стреляем по очереди. По пять выстрелов. Сначала с десяти шагов. Потом с пятнадцати, и наконец, с двадцати. Но с двадцати только Колян могёт, больше никто. Разве что ино-

гда случайно.

– Это, у меня только одна обойма⁵³, – забеспокоился Андрей.

– Ерунда, глянь-ка сюда! – Толик Веселовский раскрыл противогазную сумку, которую до сего момента молча нёс на плече: в глубине её как бы нехотя блеснул тусклый металл – сумка до половины была заполнена пистолетными патронами.

– Откуда? – поинтересовался Чудилин.

– От верблюда! – просиял Толик, и деловито пояснил: – у пехоты выменял, на «Казбек». Так что хоть обстреляйся!

– Ну-с, начнём, господа гусары! – Илья нетерпеливо вертел «вальтер» на пальце, как ковбой.

– Смотри, глаз себе не выбей! – шутливо предупредил его Коля Никишин.

– Учи учёного, поешь говна печёного! – авторитетно изрёк счастливый обладатель трофея, – Ой! – он спохватился и обернулся к девушке: – извините пошляка, мадемуазель! Отвык-с! У нас тут дамы обычно отсутствуют!

– Давай уже стреляй, балабон! – легонько пихнул его в спину Коля.

– Стреляю! – торжественно изрёк Илья и дослал патрон в патронник, – и учитесь! Нервных просим удалиться!

⁵³ С точки зрения оружейника, правильнее писать не «обойма», а «магазин». А посему в тексте чаще встречается именно этот термин. Но персонажи могут этих правил и не знать, поэтому говорят, как им удобнее...

Он прищурил глаз, выцеливая первую банку. Бах! «Вальтер» подпрыгнув в его руке. Банка, кувыркаясь, слетела с пенька.

– О! Видали! В точку! – веселился Илья.

– Ха, с перепугу попал... – Коля Никишин был явно не прочь подколоть старшего лейтенанта.

– Ага, с перепугу! Щас я тебе покажу! – он выбрал банку поменьше и плавно спустил курок. Бах! Банка осталась стоять на месте.

– Банка уж слишком маленькая! – оправдывался Илья, – щас вот эту! Он выбрал банку из-под американской тушёнки, Бах! И... банка снова осталась стоять на месте.

– Вот чёрт!

Он уже начинал злиться. Бах! Четвёртый выстрел был с тем же результатом.

– Бляха-муха! – уже вовсю ругался незадачливый стрелок, – мушка сбита! – он стал осматривать свой «вальтер».

– Ну, точно! Вот же, Колян, смотри! – он сунул пистолет Коле под нос.

Тот внимательно осмотрел мушку, и авторитетно изрёк:

– Да-а-а... нагрела тебя пехота! Думаешь, чего это они тебе его почти задарма отдали? И нахрена он тебе нужен? И патроны к нему искать надо...

– Да, ладно, фигня, щас поправочку возьму! – он тщательно прицелился. И не дыша спустил курок. Бах! И банка, кувыркаясь, слетела с пенька.

– Во! Я ж говорил! Так, у меня ещё три выстрела!

– Какие три выстрела?! – подал голос молчавший до этого Миша Никитенко, – ты уже пять сделал!

– А три не считаются! Это были пристрелочные! – не сдавался Илья.

– Так, ваше место в буфэте! Сейчас моя очередь, – Михаил дослал патрон в патронник своего ТТ, – иди, ставь банки!

Бурча себе под нос что-то насчёт сбитой мушки, и крутя свой трофей в руках, Илья пошёл ставить слетевшие две банки.

Старший лейтенант Михаил Никитенко отстрелялся не в пример лучше: 4 из 5 банок слетели с пеньков.

За ним отстрелялись сержанты Веселовский и Никишин. Наилучший результат показал Коля Никишин: 5 из 5.

– Ну, Андрюха, а ты, что стоишь, как в гости пришёл? – Илье, чтобы загладить свои три промаха, требовался кто-то, у кого результат будет ещё хуже.

– Так это.... На мастеров смотрю, учусь помаленьку... – скромно ответил Чудилин.

Коля пошёл подбирать и ставить сбитые им 5 банок. Поставил только три, две забраковал, выбросил подальше в кусты со словами:

– Всё, решето!

И добавил ещё две свежие, из заготовленной рядом кучки.

Андрей дослал патрон в патронник, прицелился и первым же выстрелом снял с пенька первую банку. Позади раздалась

одобрительные хмыки. Второй выстрел – вторая банка. Хмыки за спиной стали громче. Третий выстрел – третья банка.

– Молоток! – послышалось из-за спины.

Четвёртый и пятый выстрелы ушли в молоко. Скрывая досаду, Андрей пошёл ставить слетевшие банки.

– Зря похвалил, – послышался голос Веселовского, – прицел человеку сбил.

– Сбил, сбил! Чё сбил-то? У меня вообще мушка кривая! – Илья явно был намерен взять реванш за неудачу в первом туре, – Так, – он отошёл к следующему колышку, вбитому в землю в пятнадцати шагах от пеньков, – Теперь с пятнадцати!

– Э! Э! Э! Ты куда? А дамы? – Коля повернулся к Агнии – ваш выход, примадонна!

Агния покраснела, вопросительно посмотрела на Андрея. Он, конечно, понимал, что им всем хочется покрасоваться своим умением стрелять перед дамой, а учитывая её нулевой опыт в этом деле, и, как они предполагали, никудышные результаты её стрельбы, даже скромные результаты их стрельбы смотрелись бы немного весомее. Илья, видимо, эту идею понял, и с готовностью согласился – его результат был пока наихудшим.

– Прошу прощения! Конечно, пусть стреляет! – он, дурачась, галантно раскланялся.

Агния неуверенно огляделась.

– Ну, чего ты, Огонёк, смелее! – подбодрил её Николай.

– Мужчины, я же ещё не умею... – она растерянно и с мольбой посмотрела на Андрея.

«Вот паразиты!» – подумал он, – «ведь она же действительно не умеет».

– Андрюш, ты меня научишь? – тихо спросила она, глядя ему в глаза.

Он решительно вложил в её руку пистолет (магазин он уже пополнил, вщёлкнув туда ещё пять патронов взамен израсходованных).

– А чего не со своего? – подал голос Илья. У Агнии, действительно, на ремне висела кобура с ТТ, который ей выдали в оружейке как личное оружие, и Андрей позавчера даже пояснял ей, что-куда надо нажимать, чтобы произвести выстрел, но этим дело тогда и закончилось.

– Какая разница? – хмыкнул Коля, – так хоть чистить меньше....

– Вот и научится чистить! – не унимался Илья.

– Да угомонись ты! – одёрнул его Миша Никитенко.

– Андрюш, правда, давай я из своего?

– Да не вопрос, – Андрей убрал свой ТТ в кобуру, кивнул Агнии ободряюще: – вынимай!

Большой чёрный пистолет смотрелся этаким внушительным страшилищем в её маленькой руке.

Она с трудом дослала патрон в ствол.

– Так?

– Да, – он встал позади неё.

– Теперь смотри, – негромко говорил он ей на ухо, – руку держишь прямо, задержи дыхание, и плавно спускаешь курок. Поняла?

– Ага.

– Давай.

Бах! Отдача дёрнула в её руке пистолет так, что он чуть не дал ей в лоб. Пуля, взывнув, улетела вверх, срезав несколько веточек с дерева.

– Бля-я-я!!! – вырвался коллективный вздох, – твою же ж мать....

– Ты, это, Огонёк, осторожнее! Крепче надо держать!

Агния испуганно обернулась к Андрею.

– Ничего, ничего, – пробормотал он смущённо, – просто крепче надо держать. Поняла?

– Да, – ответила она не очень уверенно.

– Давай!

Бах! Ствол снова подбросило вверх, и пуля опять улетела в небо.

– Э, нет, так не пойдёт, – Коля Никишин решительно подошёл к ней: – давай-ка, я тебе покажу, как надо.

Он подошёл к ней сзади, приобнял её, правой рукой взял её за правое запястье:

– Вот эту ручку держим вот так. Теперь, – он схватил своей левой волосатой лапищей её за левое запястье и приложил его на её правое предплечье – а левой ручкой держим правую вот здесь. Так будет лучше. Поняла?

– Ага.

Андрей сбоку хмуро наблюдал за Колиными манипуляциями.

– Стреляйте, барышня, – Коля так и остался стоять сзади неё, приобняв, и глядя из-за её плеча за траекторией стрельбы: процесс обучения девушки доставлял ему большое удовольствие.

Бах! Опять мимо. Но уже пуля пошла в сторону банок.

Ещё раз. Бах! Опять с тем же эффектом.

– Держи крепче! – мягко и вкрадчиво уже почти в самое ухо.

Бах! Банка, кувыркаясь, улетела с пенька.

– Вот, я же говорил! – восторжествовал Коля Никишин, – просто ей нужен был опытный тренер!

– Слушай, тренер! Ты давно в рыло не получал? – Андрей решительно направился к ним, – а то смотри, выхватишь ненароком, – Андрей крепко взял его за плечо.

– Да я что? Товарищ лейтенант! – Коля, дурашливо улыбаясь, явно ловил кайф от ситуации, – я же просто тренер! – Он стряхнул с плеча руку Андрея, и серьёзно и веско добавил: – на правах лучшего стрелка нашей эскадрильи.

– Слушай, трэнэр! – Веселовский явно подражал Жорику Горидзе, – агайди! Пасматри на Чудилина – зарэжет!

Все весело заржали. Только Андрею было не очень весело. Выходка старшего сержанта с обниманием Агнии за плечики его задела. Видимо почувствовав это, Коля посчитал за

лучшее отойти в сторонку.

Кусая с досады губы, Андрей приблизился к девушке. Она, прекрасно чувствуя его состояние, и слыша все его мысли, потянулась губами к его уху:

– Не расстраивайся, я люблю тебя! У меня всё получится, ведь правда?

Внутри захолонуло от её слов, негатив мгновенно улетучился. За спиной как будто выросли крылья, он быстро воспрял духом.

– Знаешь что, а давай-ка... – он вынул свой ТТ из кобуры: – попробуй-ка держать вот так! – он взялся за пистолет обоими руками, – у тебя просто кисть слабая: тебе трудно стрелять с одной руки, даже если второй ты себя держишь за запястье. Держи пистолет сразу обеими руками – так точно получится!⁵⁴

– Так! Предыдущие пять выстрелов не считаются! Это была тренировка! – заорал сержант Веселовский. – Давай, перестреливай! Ещё пять!

Агния сжала рукоятку ТТ обеими руками, выдохнула, прицелилась, и мягко нажала спуск. Бах! Банка слетела с пенька. Бах! Слетела вторая. Бах! Третья, кувыряясь, последовала туда же. Затвор остался в заднем положении.

Девушка растерянно обернулась к Андрею:

⁵⁴ Автору довелось стрелять только из автомата АК-74, поэтому особенности стрельбы из пистолета, а также дистанции стрельбы по банкам ему приходилось угадывать по наитию, руководствуясь здравым смыслом. Так что могут быть расхождения с реальностью.

– Патроны кончились...

– На мой! – сунул ей в руки свой ТТ.

Она обернулась к зрителям:

– Можно?

– Давай, давай!!! – положительные эмоции у зрителей уже перехлёстывали через край, – ещё два выстрела!

Бах! Мимо. Бах! Банка слетела.

– Ну, не всё коту масленица! – подытожил Илья, – но молодец! Это надо же, а?! Девчонка, а как стреляет! А теперь с пятнадцати шагов!

Андрей, пряча счастливую улыбку, пошёл ставить банки.

– Я с тобой! – девушка побежала за ним, – я помогу!

Ставя банки, она поймала счастливый взгляд Андрея.

Стали стрелять со второй позиции, с пятнадцати шагов.

Результаты, понятное дело, из-за увеличившейся дистанции, были хуже. Но Илья умудрился со своего «вальтера» сбить 3 банки с пяти выстрелов.

– Я ж говорил! – радовался он, как ребёнок, – хороший пистолет-то! Зря ругали!

У остальных было примерно то же самое: 2-3 банки из пяти. Андрей сбил две.

– Две банки и дырка от баранки! – весело прокомментировал Илья за спиной.

И только Коля, как и полагается лучшему стрелку эскадрильи, сбил все пять.

Но к таким его результатам все уже давно привыкли.

– Ну, Огонёк, давай, покажи себя!

Агния взяла пистолет двумя руками. Андрей стоял рядом.

– Ноги пошире расставь, – подсказал он ей, – так будешь устойчивее стоять.

– Не подсказывай! – раздался сзади весёлый возглас Миши.

Бах! Бах! Бах! Бах! Бах! – с пеньков слетели все пять банок.

Позади раздались восторженные голоса.

– Вот это да! Ты гляди! Колян, да она тебе баки сейчас подобьёт!

Агния восторженно посмотрела на Андрея. Он приобнял её за плечи:

– Умница! Так их!

Отошли на двадцать шагов. У большинства результаты оказались совсем скромными: одна-две банки. И то, две банки выбил только Веселовский.

Коля показал свой стабильный результат: четыре банки.

Агния вышла на позицию. Взяли пистолет обоими руками, оглянулась на Андрея. Он ей кивнул: «давай, милая!»

Пять выстрелов – пять банок одна за одной слетели с пеньков!

Дружный, восторженный, рёв пяти мужских глоток возвестил о том, как они все восхищены её победой.

Не сговариваясь, все подбежали к ней, схватили. И бросились качать.

– Ой, мужчины, ой, отпустите!

Наконец, вняв её мольбам, и вдоволь набросавшись, отпустили, сунули её в руки Андрею со словами:

– Держи, лейтенант! Такого стрелка надо на руках носить!

Она растерянно смотрела ему в глаза, а он наклонился к её лицу и поцеловал её в губы.

– О-о-о!! А-а-а!! – радостно заорали все. – Правильно, лейтенант! Вот так! Береги как зеницу, О как!

А Андрей был на небесах от счастья. Его ангел-хранитель, его любимая, была лучшим стрелком эскадрильи.

– Ну, теперь мы фрицам дадим прикурить, да Андрюха? – Николаю явно хотелось загладить перед ним свою выходку с обниманием Агнии.

Андрей под впечатлением её успеха был расположен благодушно, и был готов простить Колю:

– Это точно! Правильно я говорю? – он приобнял девушку за плечо, и улыбнувшись, посмотрел её в глаза. Она ответила ему тем же. Он смотрел в её глаза, и совершенно утонул в них, как в море: казалось, смотреть в них можно вечно, не отрываясь...

С небес на землю его немного опустил Толик Веселовский:

– Вот когда она фрицев также, как банки с пеньков, начнёт с неба сшибать, вот тогда и посмотрим....

Наконец, когда они остались одни, Андрей решился за-

дать ей мучивший его всё это время один вопрос. Но она его опередила. Только он успел раскрыть рот, как она, улыбнувшись, пожала плечами, и ответила:

– Андрюш, я сама не знаю, как у меня это получается!

– Но ведь ты же никогда до этого не стреляла. И тебя никто этому не обучал!

– Понимаешь, – она опять смущённо пожала плечиками, – наверное, дело в том, что я всё-таки не совсем человек. То есть, я в человеческом теле, но я – ангел, а значит, и могу я гораздо больше. Я об этом до сего момента как-то не думала. Но видимо, и вижу я гораздо дальше, чем полагается человеку. И телом своим могу управлять не в пример лучше. Отсюда и выше точность стрельбы.

– Но ты так быстро научилась! – воскликнул он.

– Ну, а что там уметь-то – пожала она плечами, – просто надо было показать, как правильно надо делать, и всё, – но увидев, как нахмурился его лоб, и уловив в его мыслях воспоминание про Колю-«тренера», она поспешно добавила: – вот ты мне и показал. Как надо.

Андрей улыбнулся.

Глава 22. Тяжело в учении – легко в бою.

Задетый за живое словами Толика Веселовского, Андрей решил серьёзно заняться её тренировками. То, что она доказала, что у неё хороший глазомер и твёрдая рука – это было ещё полдела. Дураку было понятно, что уметь стрелять из пистолета – это ещё пока не значит, что ты хороший воздушный стрелок. Пистолет и мощный крупнокалиберный пулемёт – немного разные вещи.

Предстояло научить её многим тонкостям её новой профессии: как правильно целиться из пулемёта, как брать правильное упреждение, как определять момент открытия стрельбы, как правильно определять дистанцию открытия огня, устранение неполадок в работе пулемёта, вопросы взаимодействия с лётчиком. Этим они и занялись, когда пришли к своему самолёту.

– Так, теперь слушай, – обратился он к девушке, когда они подходили к стоянке, – я... – он посмотрел ей в лицо и остановился, запнувшись. Она смотрела на него совершенно озорными глазами, улыбаясь, и прикусив краешек губы.

– Ты... – он опять запнулся, сглотнул, – ты, вот что.... – вздохнул, смутился вконец, – слушай, ну зачем ты так на меня смотришь, а?!

– Как смотрю? – а озорная улыбка не сходит с лица.

– Ну, так... я на тебя посмотрел, и забыл, что хотел тебе сказать! Понимаешь?!

– Хорошо, – она согнала улыбку с лица, и с серьёзным выражением лица спросила:

– Так лучше?

– Не знаю.... Прямо наваждение какое-то: как на тебя посмотрю, так обо всё забываю.

– Ладно, пойдём уж, забывчивый ты мой! Про пулемёт ты мне хотел рассказывать...

И она широким шагом пошла к самолёту.

Маслорадиатор уже стоял на месте, и Шурка с одним из техников их звена возилась, налаживая работу его бронезащиты.

– Ого! Уже пришли! А я думала, вы надолго! – она выпрямилась, вытирая руки тряпкой. – Ну, как успехи?

– Ты не поверишь, – радостно выпалил Андрей, – она Коляна перестреляла, представляешь?!

– Да ладно! Лучше его в полку никто не стреляет! Разыгрываешь?!

– Да какое там! Все видели. Никто и не ожидал. Она же пистолет до того в руках ни разу не держала!

Александра недоверчиво переводила взгляд с командира на девушку, потом всё же спросила:

– Агнюш, что, так и было, что ли?

Она в ответ пожала плечами:

– Да я сама не поняла, как это у меня получается.

Она смущённо улыбнулась. Потом поспешно поправи-
лась:

– Сначала-то у меня как-то не очень получалось. Но Анд-
рюша показал, как надо пистолет правильно держать, – она
обернулась и опять подарила ему свою озорную улыбку, – и
всё наладилось!

Последующие полтора часа они плотно занялись учёбой.

Андрей сразу взял быка за рога: найдя подходящую полу-
метровую дощечку от снарядного ящика, прибил к ней парой
гроздей крест-накрест обломок черенка от лопаты, покру-
тил в руках сей загадочный предмет, критически осмотрел
его, пробормотав под нос: «хвоста не хватает», пошёл даль-
ше дербанить снарядный ящик на дощечки. Через 10 минут
работы в руках у него был грубый и корявый макет, отдалён-
но напоминающий модель самолёта. Тем не менее, в этом
наглядном пособии был фюзеляж, было крыло, и было хво-
стовое оперение.

– Было бы время, сделал бы покрасившее, ну да для наших
задач и так сойдёт, – подытожил он, вертя в руках сделанный
макет. Последние несколько минут Агния, сидя на пустых
ящиках, с интересом наблюдала за его действиями.

– Так, садись к пулемёту!

Она тут же вскочила, залезла на крыло, затем ловко забра-
лась в кабину стрелка. Лейтенант встал на крыло, заглянул к
ней в кабину, самолично убедился в отсутствии патронов в

рукаве подачи, передёрнул ручку перезарядки, и спрыгнул с крыла. На удивлённый взгляд девушки ответил:

– Это чтобы ты мне в лоб не стрельнула случайно, пока я тебе буду показывать.

– Вот смотри, – начал он, держа в руке свой примитивный макетик самолёта, – это – фриц. Я сейчас буду ходить вокруг тебя, имитируя атаки истребителя, а ты в меня целишься, поняла?

Девушка кивнула. Он отошёл за хвост штурмовика, встал за ним метрах в трёх.

– Поехали. Смотри – самый простой способ атаковать нас у немца такой: зайти нам в хвост. В этом случае ему не надо брать никаких поправок, подошёл метров на 200, и жахнул. Двести метров – дистанция открытия огня, с большего расстояния стреляют редко – не попадёшь. Двести метров это примерно вот так самолёт выглядит, – он, прищурив глаз, прикинул линейный размеры макетика, и отошёл метров на пять за хвост. Вот! Вот таким ты будешь видеть атакующий истребитель, когда он подойдёт к нам на 200 метров. Запомнила?

Девушка понятиливо кивнула.

– А ещё лучше ему метров на сто подойти, вот так будет выглядеть на этой дистанции – он подошёл вплотную к килю самолёта, выставив вперёд руку с макетиком, тогда нам с тобой точно кирдык. Но немец, не дурак, он так делать не будет – потому, что ты в этой ситуации его постоянно дер-

жишь под прицелом.

– А как он будет делать? – девушка пытливо глядела на него через прицел пулемёта.

– А так: он будет стараться выйти в мёртвую зону, к примеру, под хвост. Смотри, примерно так! – Андрей, стоя за хвостом, плавно опустил модельку самолёта за стабилизатор, который находился в полуметре над землёй. Ты его видишь?

– Уже нет!

– Вот! А он тебя видит, и подбирается к нам под брюхо, а стрелять ты по нему не можешь, и через несколько секунд, когда сблизится, он откроет огонь.

– И что делать в таком случае?

– А на этот случай у нас есть связь. Как только немец нырнул под хвост, сразу кричи мне: фриц под хвостом! Поняла?

– Поняла. А что дальше?

– Как что? Я сманеврирую, и постараюсь сделать так, чтобы ты его снова увидела.

– А как ты сманеврируешь?

– Ну, если запас скорости есть, то задеру нос, и фриц снова окажется над стабилизатором. Тут ты не зевай – лупи в него! У тебя на это не более 2-х секунд. Он же тоже не дурак – если видит, что опять оказался в зоне обстрела, то тут же попытается шарaxнуться в сторону, да и я, задрав нос, не могу так долго лететь – скорость то падает! 3...4 секунды, и нос снова опускать придётся. Такая фигура горкой называется.

– Поня-я-ятно... – протянула девушка задумчиво.

Потом встрепенулась:

– А если запаса скорости у тебя нет, что тогда?

– А вот тут интереснее. Если скорости нет, но есть высота, то услышав про то, что немец под хвостом, я стану в вираж, то есть накрёнусь, и начну разворачиваться вправо или влево, и фриц при этом неизбежно опять попадёт в зону твоего обстрела: он окажется или здесь, – Андрей плавно вынес модельку над правой половиной стабилизатора, или здесь, – он переместился с моделькой в руках на несколько шагов влево, – в зависимости от того, в какую сторону я буду виражить. И у тебя опять только пара секунд, не более, чтобы его достать. Поняла?

– Ага. А если... – она наморщила лоб, – а если нет ни высоты, ни скорости, тогда как ты будешь поступать?

– А тогда... тогда я буду к земле прижиматься, чтобы он снизу никак не подлез.

– Так это поэтому вся наша эскадрилья на отходе к земле прижималась?

– Именно. На бреющем и уходим. И из зоны зениток быстрее выходишь, и вражеским истребителям не даёшь снизу зайти.

– Ну, хорошо, это я поняла. Так значит, если мы летим низко, то они нас и атаковать не будут?

– Ещё как будут! У них на эти наши хитрожопости другие методы имеются. К примеру, смотри! – Андрей встал строго за килем с самолётиком в руках. Ты его вроде бы видишь, но

только кончики крыльев, и то стрелять не будешь – ты опасаешься прострелить себе свой собственный киль. А такое, кстати, в пылу боя случается!

– И что тогда?

– Тоже самое: кричишь мне – фриц за килем! Я вильну рулём направления и самолёт мотнёт вправо или влево, и немец окажется вот здесь, или вот здесь, – он переместил модельку немного вправо, а потом немного влево от киля. И опять же. Не зевай, – мочи его, гада, как только он тебе открылся! Понятно?

– Более-менее.

– Теперь далее. Среди немчуры попадаются и особо ода-рённые, я таких встречал. Эти прямо в лоб не прут. Они по дуге заходят, иногда со скольжением. Смотри, вот так, лейтенант отошёл за хвост метров на 10, и пошёл обратно, имитируя моделькой полёт змейкой, – он остановился, и крикнул: – А ты чего на меня смотришь? Ты целись давай!

Девушка встрепенулась, и прильнула к прицелу пулемёта, ворочая его на турели:

– Так? Правильно?

– А вот и нет. Я же вижу, как ты целишься. Ты целишься прямо в него, он постучал ногтем в модельку самолёта. А надо не в него!

– А куда же надо?! – удивлению девушки не было предела.

– Прямо в него надо целиться, если он заходит сзади, прямо на тебя. А тут он летит по дуге, сбоку, и целиться надо

немного перед ним – это называется брать упреждение. Примерно вот сюда, – он показал пальцем точку перед носом модельки. Потому, что он двигается, и пока пуля долетит до него, он из этой точки уже тю-тю! И пули твои просвистят у него за хвостом, поняла?

– Ну, примерно.

– Хм.. примерно.... Хорошо, будем уточнять.

Следующие пять минут он рассказывал ей про величину упреждения, про зависимость этой величины от дистанции стрельбы, от скорости цели, и от угла встречи пули с целью.

– Ну, схватываешь?

Девушка аж вспотела от усердия.

– Да. Более-менее. Давай, потренируй меня ещё!

– Добро!

Он десятки раз имитировал на неё заходы, перемещаясь за хвостом самолёта. И зорко следил за тем, куда она направляла ствол пулемёта.

Сзади слышались шаги...

– Ого! Гляди-ка съ цирк шапито! – услышал он за спиной Колин голос. Обернулся – к ним подходил комэск со своим стрелком.

– Товарищ командир эскадрильи! Отрабатываем взаимодействие стрелка и пилота в бою! – отрапортовал Чудилин.

Взял модельку в руки, Слава Миронов похвалил Андрея:

– Молоток! Правильно делаешь! Понял, Колян, как надо опыт передавать? А то ты молодым всё на руках объясня-

ешь! А лейтенант видишь, самолётик хоть и примитивный, да сделал! Всё показательнее, чем ты своими корявками показываешь!

– Да ей, командир, это и не требуется! Вон, меня сегодня перестреляла с пистолета! А божится, что до этого пистолета ни разу в руках не держала! Способная, аж жуть! Тебе, Огонёк, в цирке фокусником выступать надо. Вот у меня есть знакомый директор цирка... – начал он, – когда война кончится, я тебя....

– Ладно, пойдём, директор цирка! – не мешай людям заниматься боевой учёбой, – Слава Миронов увлек за собой не в меру разговорчивого старшего сержанта.

Андрей присел на крыло:

– Может, отдохнём, а то ты умаялась, я смотрю?

– Ничего я и не умаялась! Давай дальше! Мне интересно!

– Ладно, продолжим, – Андрей утёр пот со лба. – значит, так, следующее: момент открытия стрельбы. Может так получиться, что ты почти всё расстреляла, и патронов совсем мало осталось. В этом случае надо бить наверняка. Ловить в этом случае немца на подходе, пока он виражит – только зря расстрелять остатки боезапаса. Как ни крути, а вероятность подстрелить его в этот момент не очень высокая. Надо дожидаться момента, когда уж точно не промахнёшься, тогда и лупить.

– А как этот момент определить?

– А так: вот он виражит, по дуге к тебе идёт, ты ждёшь,

он сближается, ты ждёшь – пока он вихляется, ему стрелять неудобно, мы у него в прицеле тоже туда-сюда мотаемся. А вот как только он вихляться перестал, замер – это он выцеливает. Вот тут ты ему прямо в лобешник врезать и должна! Ни секунды не медли! Как только замер – сразу ему очередь в лоб!

При этих словах Андрей рубанул рукой, и продолжил:

– Но это если уж совсем боезапас на исходе. А пока его много, старайся ещё на подходе, когда до него ещё метров 300...400, короткими очередями в его сторону посыпочки посылать – глядишь, и собьёшь ему настрой. Они фрицы, расчётливые, риск не любят, – Андрей усмехнулся, – а когда трасса рядом с тобой проходит – оно на нервы ой, как влияет! А нервы они свои берегут, стараются только так воевать, чтобы наверняка сбить, и чтобы себе проблем поменьше. Понятно?

– Ага, – она внимательно слушала, мотая на ус, ловя каждое его слово...

– Фу-у, устал... – он снова вытер пот со лба. Несмотря на довольно промозглую погоду, он весь употел, бегая вокруг хвоста своего самолёта. Агния же, наоборот, сидя в кабине почти без движения, изрядно замёрзла, что и заметил Андрей:

– Слушай, да ты совсем задубела! А ну-ка, иди сюда! – он вытащил её из кабины и на руках спустил на землю. Зажал её ладошки между своих и стал их греть теплом своего тела.

– Так как, урок закончен? Или как? – она выжидающе смотрела на него снизу вверх.

– Ну, как сказать... Много чего ещё можно об этом говорить.

– Так говори!

– Ты же совсем замёрзла уже! Ладно, в двух словах: в первую очередь ты должна быть моими глазами сзади. Я назад ничего не вижу, да и вбок тоже не очень. Ты же верти головой на 360 градусов. И обо всём мне докладывай, не молчи. И особенно, в опасных ситуациях. От того, насколько ты мне точно и вовремя об этом сообщишь, от этого зависит, успею ли я правильно среагировать на опасность, или нет.

– Так что же, я – только твои глаза, и всё? – с упрёком спросил Ангел, – А всё то, что ты мне сейчас говорил, обучал стрелять, целиться, это что, не так важно? – она обиженно хлопала глазами.

Он взял её ладонями за холодные щёки, наклонился к ней, увидев её лицо близко-близко, и произнёс:

– Всё важно. Я на тебя надеюсь, как на самого себя. Даже больше.

И поцеловал её в губы. Она не сопротивлялась.

– Эй, голуби, хватит ворковать! – весело, но с явными завистливыми нотками в голосе прокричала Шурка, выглянув из передней кабины, где она возилась уже добрых полчаса, – уже в рельсу брямкнули, на обед пора, что, не слышали, небось?

– Ладно, пошли, – счастливо засмеялась Агния, – а то я действительно замёрзла!

– Идите, идите, я сейчас! – Александра сидела в кабине пилота и согнувшись, что-то там прикручивала.

– Нет, мы без тебя не пойдём! – Агния настырно полезла на крыло, – давай помогу!

– Да чем ты мне поможешь?

– Ну, подержать там, или ещё чего!

– Ну, держи, вот здесь гаечку... так, а вот теперь эту.... Вот... держи, держи! Сейчас я болтик завинчу...

– А что это ты тут ставишь-то?

– Сюрприз. Но Андрею понравится.

– Девки, вы чего там химичите-то? – заинтригованный их перешёптыванием Андрей потерял терпение и тоже полез на крыло. Перегнулся через Агнию, пытаясь заглянуть в кабину, она тут же оттолкнула его попой:

– Подожди! Сюрприз!

– Э, э! Фокусницы, вы это дело кончайте! – забеспокоился лейтенант, – вы щас там накрутите, чего не положено! А ну-ка...

Но в этот момент Шурка, наконец, разогнулась, и с довольным видом посмотрела на командира:

– Та-ра-ра-рам! Сюрприз! Приходи кума любоваться!

Агния, тоже улыбаясь, сдвинулась в сторону...

Андрей заглянул в кабину и поначалу ничего не заметил.

– Ну и чего? Где ваш сюрприз?

– Как чего? Вот здесь! Смотри! – Шурка потянулась рукой и щёлкнула туда-обратно только что прикрученным нештатным тумблером. Тумблер был прихвачен двумя хомутами к рукоятке нормального газа, чуть повыше рукоятки высотного корректора.

– Это чтобы тебе по рации гутарить легче было, понял, нет? – Александра пытливо смотрела ему в глаза, – это я просто запараллелила вот с этим тумблером, что на микротелефонном щитке, смотри! Удобственно!

– Хм, а и правда... удобнее, – хмыкнул Андрей, оценивая Шуркину рационализацию.

– Ещё бы! Вот смотри! Как было-то? – Она уселась в чашку сиденья пилота, – летишь ты такой, летишь, левая рука на газе, правой рулишь, а если надо что-то по рации сказать, то газ приходится бросать, чтобы левой рукой ручку управления перехватить, а правой ты начинаешь здесь шуровать: то приём, то передача... Усекаешь? – Шурку прямо распирало от желания доказать командиру важность внесённых ею изменений.

– Да усекаю, усекаю! – рассмеялся Андрей.

– Так вот! Это в спокойной обстановке легко делать, а в бою? Газом-то работать как будешь? Третьей руки у тебя нету!

– Да понял я, понял! Молодец! Но вот инженер полка эту твою закаряку как увидит, или электрики, такой шум может подняться!

– Да не подымет! – с самодовольным видом отпарировала Шурка, – эту штуку у нас уже месяц, как на всех самолётах поставили. Почти. Это Сашка Синицын, техник Жорика придумал, а Кондратич, как увидел, так сразу его поддержал, мол, стоящее дело. Доложили Никанорычу, показали. Ну он и распорядился, чтоб на всех машинах так сделали. Вот. А на этой не успели... – Александра вздохнула, перевела дух, – а потом, когда её нам отдали, то тоже времени-то в первый день не было, возились мы все вместе с этими... дырками, – она посмотрела на командира, – а вот теперь, пока вы тут с деревянным самолётиком тренировались, я и успела. Вот.

– Спасибо тебе, родная, – Андрей обнял Шурку и поцеловал её в чумазый лоб, и обернувшись, бросил смущённый взгляд на Агнию.

Она, весело смеясь, замахала руками:

– Да можно, можно! Целуй! Я ничуть не ревную! Целуй, заслужила!

На Александру было приятно смотреть: она радостно улыбалась, вся раскраснелась, глаза её блестели: её всю прямо-таки распирало от похвалы командира.

Глава 23. Летающая крепость.

За обедом Коля весь извертелся, нахваливая Агнию. Поворачиваясь то туда, то сюда, он спешил поведать всем сидящим за соседними столами, про то, как его перестреляла сидящая напротив него девушка-стрелок. Не забывая при этом вворачивать то тут, то там про свою роль в этом деле.

– Моя школа! – гордо пояснял он.

В конце концов, его командир, сидящий рядом, прервав этот поток, хлопнул его по спине, и сказал:

– Колян, хорош трещать, у тебя борщ уже простыл!

– А, да! – спохватился балагур Коля, и принялся стучать ложкой по тарелке, прихлёбывая борщ и нахваливая: – от это я понимаю! Вот это борщ! Не то, что в пехоте, правильно я говорю, товарищ сержант? – это уже обращаясь к сидящей напротив него девушке.

– А что в пехоте? – вежливо спросила Агния.

– Ха! Там супчик не чета нашему! – принялся объяснять словоохотливый старший сержант, – нет, оно конечно, иногда, ежели повар хороший, то и борщ наваристый, а иногда и совсем наоборот!

– Это как?

– А так: глянешь в котелок, а там крупинка за крупинкой бегают с дубинкой! – и увидев удивлённо расширенные глаза девушки, Коля весело заржал над своей шуткой.

– Вроде как погода улучшается, – как бы между делом, вытирая губы, сказал командир эскадрильи, – может, и дадут добро. Тогда полетим.

– И то хорошо, – обрадовался Андрей, который рвался в бой, чтобы загладить свой вчерашний конфуз с эффектным плюхом в болото.

– Тебе-то что волноваться? – отозвался с соседнего столика Илья, – тебя же Филлипыч вроде отстранил от полётов? У тебя же вроде контузия была?

– Так временно же отстранил! И контузия уже всё: тю-тю! Да и вообще...

– Ты вот что, друг ситный, – рассудительно прервал его сидящий рядом комэск, – не кипишуй. На твой век хватит. Филлипыч даст добро, тогда и полетишь. Завтра. А сегодня – отдыхай. Да и самолёт у тебя вроде ещё в ремонте. Так, нет?

Андрей ответить не успел – послышался низкий, медленно нарастающий гул. Завыла сирена воздушной тревоги, твякнула зенитка. Все рванулись из столовой на улицу.

Картина, которую увидели выскочившие из столовой, была необычной и впечатляющей: перемахнул кромку леса, и чуть не задев верхушки сосен своими огромными, распластанными крыльями, на посадку величественно и солидно заходил огромный четырёхмоторный самолёт. Из четырёх моторов работали только три, один из винтов не вращался, и из-под капота этого мотора тянулась струя жирного дыма. Здоровенный бомбардировщик грузно плюхнулся на поло-

су, скозлил, подпрыгнув на пару метров, снова скозлил, отрывка немного помахивая крыльями, и пробежав несколько сот метров, остановился метрах в двухстах от КП. На грязно-буро-зелёном боку красовалась огромная белая звезда в синем круге.

– Союзники! – сказал кто-то в толпе, и все рванули к неожиданному гостю. Первые, самые быстрые бегуны ещё не успели добежать до американского бомбардировщика, а сзади, от леса, уже рванула в его сторону пожарная машина.

Когда народ рванулся из столовой, Андрей невольно притормозил, опасаясь за своего стрелка: при её хрупкой ком-

плекции Агнию могли просто задавить в толпе. А так как толпа почти исключительно состояла из здоровых, плечистых парней, то он бережно обхватил её за плечи, и подождал, пока основная масса схлынет и можно будет спокойно выйти. И поэтому, когда они, наконец, выбрались не улицу, и добрались до самолёта союзников, они пропустили некоторые детали.

Подъехавшая пожарная машина уже всю тушила коптящий двигатель, американцы уже вылезли из своей машины, и с ними уже общалось оперативно подъехавшее на виллисе начальство в лице командира полка, начальника штаба, политработника и особиста. Быть переводчиком вызвался старший лейтенант Орлов, командир звена из первой эскадрильи, как оказалось, неплохо знавший английский.

Вытащили двух раненых американцев, тут же повезли их на виллисе в медчасть. Переговоры были быстро закончены, и союзники в сопровождении начальства устало проследовали в направлении столовой.

– Жрать повели, – авторитетно заявил Коля, вывинтившись из толпы, – оголодали сердешные, не шибко, видать, их там капиталисты кормят.

– Ладно, трепаться-то! Нормально их там кормят. Тебе лишь бы языком почесать! – Миша Никитенко был не прочь подколоть Колю-егозу, как его иногда называли за его неугомонный характер.

– Я треплюсь? Я? Да я прям рядом с ними сейчас сто-

ял, пока начальство и ними через Ваську переговоры вело. Жрать, спрашивают, нам здесь дадут? – кипятился сержант Никишин, в речи которого причудливо перемешивались правда и вымысел, – а то, говорят, кишка кишке бьёт по башке, третьи сутки, грит, летим, всё никак до Америки своей обратно долететь не можем!

– Да ты думай, когда пули-то отливаешь! – Миша скептически скривился, – третьи сутки! Ну ты и загнул! Это сколько ж бензина надо! Да и летают они не с Америки, а с Англии! Газеты читать надо, грамотей!

– Ха, а Англия твоя, что, близко, что ли? – не сдавался Коля, – чай, тоже неблизкий свет!

– Глобус купи, географ! – старший лейтенант Никитенко нахлобучил ему на нос шлемофон.

– Ладно, профессор, тебя не переспоришь! – Коля ничуть не обиделся, – пойдём технику союзников смотреть! Чего они там ещё напридумывали?

Но посмотреть толком самолёт им не дали – у самолёта уже стояла вооружённая охрана, и внутрь никого не пускала. Правда, к наружному осмотру это не относилось – здесь можно было ходить и трогать всё, что угодно.

– Да-а-а-а! Это чего же только не напридумывают эти капиталисты, лишь бы второй фронт не открывать! – изумлённо воскликнул Коля, подобравшись под брюхо самолёта и заглядывая в щель между створками бомболюка.

– А чего там? – с любопытством спросил Андрей, подходя

к нему.

– А ты загляни, загляни! – Коля, как смог, оттянул в сторону створку, немного раздвинув щель для удобства осмотра – видал, какой бомбоотсек! Да тут слона можно запихнуть!

Стоящие рядом Толик Веселовский и Миша Никитенко тоже заглянули в нутро бомбоотсека.

– Ну, большой, понятное дело, – пожал плечами Толик, – а причём здесь второй фронт?

– А при том! – со знанием дела отвечивал Коля-егоза, – вот нагрузят они сюда тонн десять, и летят на Берлин. Сыпанули, и обратно! Потом снова! И так по кругу – каждый день. Пока фрицы пощады не запросят!

– Да не запросят они пощады, – Толик стоял, засунув руки в карманы, и скептически ухмылялся.

– То-то и оно, что не запросят! – горячился Коля, – но зато какая отмазка хорошая! Мол, что вы от нас хотите? Мы и так воюем! Вон сколько бомб фрицам на башку сыпем? Что вам ещё от нас надо?

– Ну, может, и так, – согласился Веселовский, – а вот насчёт 10 тонн это ты маханул – не подымет.

– Чё не подымет-то? Почему не подымет? Да ты на него посмотри! Такая махина! – не сдавался Николай.

– 1800 кило у него нормальная нагрузка. Четыре тыщи фунтов по-ихнему, или четыре 1000-фунтовые бомбы, это по нашему 454 кило, ну, почти полутонна, или восемь 500-фунтовок, – спокойно сказал Илья, стоявший чуть поотдаль

от их компании, но услышав бурное обсуждение, решил присоединиться к разговору.

– Тю-ю-ю-! – присвиснул Коля, – а чего так мало-то? Что, совсем каши не едят? Мы то вон, на одном моторе, да с бронёй, и то по 600 кило таскаем, а тут...

– Нормально. Зато у него дальность не чета нашей. Несколько тысяч километров. Вот так, – охотно пояснил подкованный в данной тематике Илья, и добавил: – а если на короткое расстояние, то, понятное дело, можно сюда и побольше подвесить, тонны три-четыре, а то и побольше.

– Хе... – почесал в затылке Коля, – всё-то ты знаешь... ну, а вот как, к примеру, э...э...О!!! – он радостно хлопнул по дюралевому борту бомбардировщика, – а ну ка, скажи нам, как этот бомбёр американский называется!

– Б-17, «Летающая крепость», – пожал плечами старший лейтенант Кутеев, – тоже мне, авиатор! Стыдно не знать.

– Да знаю я! Я тебя проверял... – Коля не обиделся, а просто переключил своё внимание на другую деталь бомбардировщика: подошёл к пузырю нижней шарообразной турели и пнул её ногой.

– Глянь-ка! Сюда что, карликов сажают? Точно, карликов! – он заглянул в откинутый лючок в задней части турели. Попробовал влезть: засунул ноги, весь скрючился, не смог, и матерясь, выпал обратно. Встал, отряхивая с задницы и рукавов снег.

– Издеваются капиталисты над пролетариатом!

– А причём здесь пролетариат? – спросил Андрей.

– А что, думаешь, капиталисты сами сюда полезут? Не-е-ет! Они ж все, как один, толстые! Вот поэтому они стрелков из пролетариата ихнего и набирают! А так как кормёжка-то у них скудная, то и пролетарии у них худые, у росточком не вышли, – он подумал, и добавил: – не все, конечно, а некоторые. Вот этих сюда и сажают! – победно завершил он.

С убийственной логикой Коли спорить было трудно. У него на всё находилась своя, мужицкая правда.

– А вот у нашего Пе-8 защита нижней полусферы грамотнее организована, – изрёк Илья, у которого внезапно обнаружили довольно обширные познания в тяжёлой бомбардировочной авиации, – помнишь, Миш, мы в июле новую магчасть перегоняли с завода?

– Ну, помню. Две недели ещё тогда на заводском аэродроме сидели – ждали, пока они бронекорпуса у своих Илов размагнитят. Они заготовки вроде как краном с электромагнитным захватом перегружали. Вот и сталь и намагнитили. У них ещё из-за этого магнитный компас на всех Илах с этой партии чёрте куда показывал.

– Во-во! Потом дядька-инженер откуда-то приехал, намотали по его совету какую-то хрень типа трансформатора, и им, как утюгом, корпуса гладили, размагничивали.⁵⁵

– И пока вы всей толпой на дядьку этого многомудрого с

⁵⁵ реальная ситуация, случившаяся в годы войны на одном из авиазаводов, выпускавшего Ил-2.

утюгом пялились, я по аэродрому гулял. Так вот, стоял там Пе-8 наш, ну, который дальний и высотный. Кстати, он и побольше этой крепости буржуйской будет, ага, – Илья критически окинул взором американский бомбардировщик, – так вот, эту байду, – он пнул сапогом круглый нижний блистер, – ему лепить не стали, а сделали грамотно: продлили вот эти внутренние мотогондолы, куда шасси убираются, – он хлопнул рукой по американскому металлу, – аж досюда, до посадочных щитков. И сделали нормальные две кабинки для стрелков. Обтекаемые и удобные – не надо скрючившись сидеть! Они так и называются – шассийные огневые установки. И в каждой – по одному УБТ. Сила!

– Вот это по-пролетарски! Знай наших! – ввернул Коля.

Но Илью Кутеева понесло: ему надо было выговориться:

– А наш УБТ – не чета этому огрызку американскому, – он пнул кончиком сапога по одному из стволов, торчащих из нижней турели, – он хоть, этот браунинг американский, и крупнокалиберный, те же 12,7мм, но супротив нашего УБТ хиловат будет.

– Так само-собой, капиталисты-то, они о чём в первую очередь думают? – поддакнул Коля, – о деньгах они думают, о капиталах своих. Главное – подороже продать! А уж как там получилось: хорошо ли, плохо ли, дело десятое!

– Ладно, айда в столовую, там буржуи наши уже отобедали, может, что интересное рассказывают, а мы здесь прохлаждаемся! – вся компания согласилась с Колей и потянулась

в столовую.

В столовой было интересно: американцы, подзаправившись русским борщом на первое, и жареной рыбой с овощами на второе, немного воспряли духом, и через переводчика в лице ст. лейтенанта Василия Орлова общались со всеми желающими. Со всех сторон слышалось: «Вась, Вась. А спроси-ка у них вот чего...» и далее следовал очередной вопрос. Старший лейтенант Орлов, уже довольно сильно устал, но ещё пока держался. Основной вопрос, который вертелся у большинства на языке, был таким: «когда вы, американцы, откроете второй фронт?»

Командир летающей крепости, молчаливый, хмурый здоровяк, больше отмалчивался, налегая на жареную рыбу, но штурман, шустрый, чернявый балаболка, оказался не в пример разговорчивым, но даже он, услышав вопрос про второй фронт, недоумённо пожал плечами, и что-то виновато пробурлил в ответ.

– Вась, ну, чё, чё он сказал-то? – понеслось со всех сторон.

– Да не в курсе он! – перевёл Орлов, – не знаю, говорит. Мы, говорит, пилоты, наше дело летать, а открывать второй фронт – это дело политиков.

– А ты им переведи, что гнилые у них политики! Переведи, переведи!

– Мужики, да не буду я им этого говорить, обидятся ещё!

– А вот пусть ответят!

– Да не буду я это у них спрашивать!

Разгорелся нешуточный спор, наконец, ситуация несколько разрядилась с новым поступившим предложением, исходящим от командира второй эскадрильи.

– Э! хорош орать! – перекрыл гул в столовой Слава Миронов, – хрен с ним, со вторым фронтом. Чего к ним пристали? Они в этих делах всё равно не бум-бум! Они ж летуны, такие, как мы. Им надо чего попроще, чтоб понятнее было. Вот ты скажи, – он повернулся к командиру крепости, – как тебя, Билл, вроде?

– О, йес! – расплылся в улыбке хмурый до сего момента американец, – Билл! Коммандер Джонсон!

– Вот скажи, коммандер Билл, сколько у тебя боевых вылетов?

Старший лейтенант быстро перевёл.

– О! – радостно включился в диалог американец. Потом выпустил довольно длинную и радостную тираду. Все сосредоточенно прослушали его ответ, и когда он закончил, все синхронно повернулись к Василию Орлову:

– Ну, чего он ответил-то?

– Говорит, этот вылет у него был последний, радуется, что жив остался! Говорит, этот вылет у него двадцать пятый. У них, говорит, так положено – двадцать пять боевых вылетов, и – домой, в Америку. Радуется короче, теперь, говорит, в отпуск поеду, жену увижу, детей у него, говорит, двое.

Американец полез куда-то во внутренний карман, извлёк оттуда бумажник, развернул его и вытащил две фотокарточ-

ки и со словами:

– Май вайф, энд май чайлд! – стал совать карточки Миронову.

– Жена, говорит, детишки, – исправно перевёл Орлов.

– Да уж это-то мы поняли, – комэск посмотрел карточки, – красивая!

– Бьютифул! – перевёл американцу старший лейтенант.

– О, йес, йес, май вайф! – радостно закивал Билл Джонсон.

Американцы, сначала чувствовали себя немного скованно, но после принятия «на грудь» 100 грамм, им видимо, похорошело, они попросили добавки, и им налили ещё.

– Рашн уодка! Йес! – они радостно опрокинули ещё по пол-стакана.

Радостные улыбки уже не сходили с лиц союзников, они расстегнулись, им стало жарко, было хорошо видно, что они уже неплохо захмелели.

Коммандер поманил пальцем переводчика, и указывая пальцем на комэска, что-то спросил.

Миронов, не мигая смотрел на захмелевшего и улыбающегося американца.

– Слышь, Вась, а чего это он в меня пальцем-то тычет?

– Да вот, говорит, хочу узнать, сколько у тебя боевых вылетов?

– Так ты ему и переведи: 126 вылетов. Боевых.

– Уан хандрид твенти сикс, – перевёл Василий.

Улыбка сползла с лиц американцев. Густые чёрные брови командера Джонсона поползли вверх:

– Уан хандрид твенти сикс? Риали? Риали?

– Чего он бухтит-то?

– Да поверить не может.

Комэск ответить не успел – американец опять что-то спросил, ткнув уже палец в сторону переводчика. Тот быстро ему ответил.

– И чего он?

– Да, спросил, сколько у меня боевых, ну, я ответил, как есть – 48.

Американцы перекинулись между собой несколькими фразами, и Билл Джонсон опять что-то спросил.

– Ну, и чего он на этот раз хочет? – криво ухмыльнувшись, спросил комэск.

Старший лейтенант хохотнул:

– Да он спрашивает: почему вы так много воюете, когда же в отпуск поедете? Когда же вы, говорит, отдыхать будете?

Лётчики и стрелки, собравшиеся вокруг американцев, дружно грохнули, и когда смех, наконец-то стих, Миронов, утирая слёзы, махнул переводчику рукой:

– Вась, слышь, скажи этим воякам: вот когда фашистов разобьём, тогда по домам и поедем. К бабам и детишкам. Вот тогда и отдохнём! Как следует.

Глава 24. Американский бронезилет.

Через полчаса определилась судьба американского экипажа: начальство доложило наверх о происшествии и получило однозначный приказ – союзников отправить транспортом с сопровождающим и с охраной в штаб дивизии, а бомбардировщик отбуксировать на край поля, замаскировать, и ждать дальнейших распоряжений.

Американцы же, перед тем как попрощаться, подарили лётному составу полка ставшие им уже ненужными вещи: четыре бронезилета бортстрелков и три десятка комплектов НЗ, хранившихся у них в бомбардировщике.

Бронезилеты оценили по достоинству: то, что вещь для стрелка полезная, признали все без исключения, пожалели лишь о том, что 4 бронезилета – это явно мало для полка трёхэскадрильного состава. Решили так: если летит одна эскадрилья, то все четыре бронезилета одевают стрелки самолётов, замыкающих строй – на них при отражении атак истребителей ложится максимальная нагрузка, и они же – наиболее уязвимые при этих атаках. В случае вылета двух эскадрилий – бронезилеты делятся поровну, и опять же, достаются стрелкам замыкающих самолётов.

– Эх, жалко, у нас таких не делают! – сокрушался коман-

дир звена Илья Кутеев, – штука-то, в целом, не настолько сложная, чтобы не наладить производство. А ведь сколько жизней может спасти!

– А вот и неправда твоя! – запальчиво встряла в разговор Агния, – делают подобные вещи у нас, правда, мало, на всех не хватает!

И посмотрела при этом на Андрея. У него же в этот момент, вернее, секунд за пять до этого, страшно защекотало в голове. Было такое ощущение, что толпа тараканов разом рванула кто-куда, вдоль извилин, нестерпимо щекоча их своими маленькими лапками.

– Да где?! – лицо старшего лейтенанта Кутеева выражало собой крайнюю степень изумления. Уж он то, признанный знаток авиации, уж никак не мог пропустить сей значимый факт, что в Стране Советов где-то делаются бронежилеты подобные тем американским, что они сейчас держали в руках.

– Да у нас, в Ленинграде! – Андрей потряс головой – зуд и щекотание враз схлынули, бросил быстрый взгляд на Агнию, прячущую озорную улыбку (это ж надо уметь – влезть к нему в голову, пошуровать там пяток секунд, и вытащить из его памяти необходимую информацию), и пояснил: – я, когда в 39-том на завод пришёл, на Кировский, аккуратно Финская война началась. Вот тогда и поступил нам запрос: возможно ли изготовить панцири для лётчиков. У нас покумекали, покумекали, решили – можно попробовать. Сталь-то броневая

у нас в листах подходящей толщины в наличии была...

– Ну, и? – нетерпеливо толкнул его под локоть Колька Нишкин.

– Что ну? Не получилось! Там штамп особый надо было изготавливать... Людей отвлекать. А завод тогда только-только танк СМК на испытания выкатил. И с КВ по полной программе увязли...

– Что за СМК? – Колька степенно, как и полагается старшему сержанту, раскурил папиросу.

– Да тот самый, Сергей Миронович Киров сокращённо. Двухбашенный, тяжёлый. Их на пару с КВ на Карельский перешеек с финнами воевать и отправили, – Андрею было приятно, что все внимательно его слушают – из всех присутствующих только он работал на Кировском заводе, и был посвящён в некоторые подробности по этому делу.

– А дальше? Ну, не тяни, рассказывай, что там с вашими броне-панцирями дальше-то было?

– Чего-чего... Передали заказ Ижорскому заводу. Вместе с запасом броневой стали. Вот там-то они и изготовили опытную партию этих самых панцирей. И шлемы к ним специальные делали в комплект – с налобниками, с броневыми наушниками. Специально для стрелков. Передали в войска. Там попробовали – вроде ничего, стоящая вещь.

– А дальше что? Где эти ваши панцири-то?! – Колька уже начал терять терпение.

– Где-где, в Караганде! – с досадой отвечивал Андрей

Чудилин, – а дальше началась какая-то мутная история: лётчики говорят – давай, и побольше! Начальство – да зачем? Ведь и так всё хорошо! В общем, несколько раз начинали делать, потом прекращали, а потом... а потом я уж на фронте оказался. Чем окончилось всё это – не знаю.

– Хреново закончилось! – подытожил старший сержант, махнув рукой, – в ином случае мы бы все тут в этих твоих панцирях летали!

– А чего они мои-то? – вскипишнулся Андрей, – моя бы воля, так я бы их делал десятками тысяч! Раз их нет, значит – не получилось, стало быть, поважнее дела нашлись! – и, остывая, досадливо добавил: – чего тут перетирать? Дело давнее... Давайте, хоть примеряем, что ли?

Стали мерять.

Загвоздка вышла с одним из бронежилетов. Коля-егоза, как самый шевбутной, первый стал их примерять, причём все по очереди. И обнаружил, что три из них одного размера, а один – совсем маленький.

– Бля! Ну что за херня! – ругался он, пытаясь застегнуть его на себе, – вот точно говорю: все эти капиталисты жмот на жмоте – три жилета сладили по уму, а на последний материала пожалели, что ли? Жульё!

– Да не тарахти ты, балаболка! – засмеялся Толик, – просто у них они, видать, как вся одежа – по размерам. Ну там, кому поменьше, кому побольше. Этот же, видать, тот самый клоп мелкий носил, что в пузыре под брюхом враскорячку

сидел. Ну, который в жопу-то раненый был, его ещё Лизка перевязывала. Он ещё орал, рашн водку требовал!

– Ага-ага! Точно! На него пиджачок шили! Вот только беда – никому из наших не лезет! – сокрушался Коля. Он держал перед собой союзнический бронезилет и задумчиво скользил взглядом по окружающим его улыбающимся лицам. Народ явно развлекался, глядя на полкового балагура. Взгляд его остановился на Агнии.

– О!!! Огонёк! А ты чего там стоишь! Как в гостях, а ну-ка! Андрюха, волоки её сюда, сейчас будем ей сарафан примерять!

Агния замахала руками:

– Да не, мужчины, вы что, не надо! Мне не надо! Да я стесняюсь! – она попыталась спрятаться за Андрея. Андрей её крепко держал, и подтолкнул вперёд со словами:

– Не робей. Сказано надо – значит надо. Вещь то хорошая, не отказывайся.

– Слушай, дэвушка! – подал голос горячий горец Жорик Горидзе, – чиво истисняться? Это же нэ раздэваться надо, а адэваться! Красивый будэш! Э!

Под громкий смех и подбадривания жилет был передан Андрею в руки, и он торжественно надел его на хрупкие девичьи плечи. Куча заботливых рук потянулась к ней, помочь подогнать жилет по её фигуре и застегнуть его на ней.

– Ты пасматри! Как красыво! Дэвушка-пэрсик! Э! – не унимался Георгий.

– А ну, поворачи-ка её, Андрюха! – весело хлопотал вокруг девушки Николай, – гляди-кась – подошло! Прямо, как в нём и родилась! Как будто с неё мерку снимали!

– Девушка-краса! – размахивал своими волосатыми ручищами Георгий, – спэрэди – красивый! Сзады – снова красивый!

– Носи, Огонёк! Это твой личный будет! – подытожил Коля Никишин, – никому не отдавай! Потому что никому и не належет! – тут же скаламбурил он.

А со стороны стоявшего в отдалении американского бомбардировщика, перекрывая тарыхтенье трактора, привлечённого для его буксировки, слышался затейливый мат старшего инженера полка, изредка перемежавшегося с приличными словами:

– Твою мать!! Три троса уже порвали!! Да он, один весь наш аэродром демаскирует! Твою! Да и где я найду столько маскировочных сетей, чтобы этого Бегемота прикрыть!!!

Глава 25. НЗ по-американски.

– Слушайте, мужики, а с какого рожна они сели к нам на аэродром-то? Кто-нибудь знает? – раскуривая папиросу, задумчиво спросил сержант Коля Никишин.

– Так горел мотор-то, – хмыкнул Толик Веселовский.

– Да это-то понятно, что горел, я спрашиваю, какого чёрта они к нам-то попёрлись, а не в свою Америку, тьфу ты, в Англию, язви её в корень! Три-то мотора у них ещё осталось, неужто не дотянули бы?

– Так видать, сюда ближе было...

– Эва, ближе! Они ж Германию бомбить летели, а где Германия эта, и где мы?! К нам-то тоже путь не близкий!

– Да сбились они с курса, – вступил в разговор молчавший до сего момента младший лейтенант Костя Соловейчик. – Они ж говорили об этом в столовой.

– Это когда же? – поднял брови Коля.

– Да когда вы с Ильёй и Толяном вокруг ихнего самолёта круги нарезали. Вы ж только к концу разговора и подтянулись, вот всё и пропустили.

– А-а-а... жалко... – разочарованно протянул Коля, вдруг он вскинулся: – а мы зато, вот что! Мы эту ихнюю нижнюю турель всю облазили, я даже в неё залезть пробовал!

– И чё, залез?

– Не-а! Не смог! Дюже маленькая! – заразительно захохо-

тал Николай, – стоп! Мужики! – Мгновенно переключился сержант с одной идеи на другую: – мы НЗ-то ихний пробовать будем, или как?

– Может, потом, обед же только что был?

– Ну и что?– не унимался Коля Никишин, – чего тянуть-то? А вдруг убьют, чего добру-то пропадать? Ну-ка, сбегай-ка за ложками в столовую!

– Не нукай, не запряг ещё! Тебе надо, ты и сбегай! Да и не дадут мне, – Костик не прослужил в полку и месяца, но офицерское звание позволяло послать подальше старшего сержанта, который при всяком удобном случае пытался «ветеранить».

– Салага ты, Костик! Молодой ишшо, вот и не дадут! Не знаешь ты подход к женскому полу! – Коля нашёл новый повод для шуток, – ладно, я схожу, не переломлюсь. Мне любая женщина даст! Всё, что ни попрошу! Ложки – пожалуйста! Что-нибудь ещё – тоже пожалуйста! И так всегда! – эти слова он произнёс, глубоко засунув руки в карманы галифе, и уже удаляясь раскачивающейся походкой в сторону столовой.

Те, что помоложе, весело загыгыкали, те, кто поумнее, сплюнули в сторону. Агния смущённо улыбнувшись, посмотрела на Андрея.

Веселовский сбежал за заныканной ранее коробкой с американским НЗ, и торжественно поставил её на грубо сколоченный стол, стоящий на улице.

Пока Коля бегал в столовую за ложками, совместными

усилиями вскрыли коробку. В ней оказалось шесть одинаковых банок⁵⁶.

– И чё за хрень? – взяв в руку одну из них, озадаченно спросил Илья, – тушёнка, что ли?

– Ну-ка! Дай-ка сюда! – Толик потянулся к коробке, взял серебристую банку и стал читать, нахмутив брови: – так, тут по американски... Э... у эс арму фиелд рацион типу эс.

– Слюшай, э! Ты здэс самый граматный, э? – только что подошедший «на огонёк» старший лейтенант Горидзе отнял у него банку, – нэ умеешь, нэ читай! Лучше кушай!

– Чё не умею-то? Я всё уже прочитал!

– Так, молодцы! Без меня не открывать! – Коля примчался, стуча ложками друг об друга, – на держи! Держи! Это тебе! Это тебе! Огонёк, держи ложку!

Раздав ложки, он, радостно потирая руки, окинул взором шесть банок:

– Ну, как, все сразу, или по одной? У кого нож? Давайте сюда!

Илья молча взял банку, отколупнул ногтем на боку банки жестяной лепесток, вставил в него ключик, который выпал из коробки вместе с банками, и потихоньку вращая его, стал аккуратно открывать первую банку.

– Дикарь ты, Колька! У них тут всё уже предусмотрено, – Толик стоял, засунув руки в карманы, и внимательно наблюдал за процессом открывания, – так-так, тихохонько, – он

⁵⁶ Друзья дербанят так называемый «рацион СИ».

наклонился к столу.— гля, уже потекло! О-па!

Илья отложил снятую крышку в сторонку, поставил банку на стол:

– Шамайте!

Несколько ложек потянулись к банке, полминуты слышалось только сопение дегустаторов. Наконец, ложки заскребли по доньшку, и Коля, облизывая свою ложку, изрёк:

– Чёт я не распробовал.... Мясо, что ли? Давай, ещё открывай!

– В общем, всё понятно: вроде тушёнки, но только с картошкой,— подтвердил Толик, – Илья, давай вторую!

Точно таким же макарон был открыта вторая, а за ней и третья банки. Их содержимое если и отличалось от первой, то не сильно: во второй было мясо с фасолью, в третьей – с овощами.

– Ну, ничего так, – подытожил Коля-егоза, облизывая ложку, – ну что, теперь эти? – он схватил одну из оставшихся трёх банок, и шустро отвинтил ключиком полоску жести по её окружности. Из неё он вытряхнул на стол пять круглых, маленьких бисквитов, похожих на галеты, плоскую жестяную коробочку, квадратный тёмный пакетик неприглядного вида и три белых маленьких кирпичика, завёрнутых в белые бумажки с надписями по-английски.

Бисквитиков было всего три, поэтому, чтобы всем хватило, Андрей по-хозяйски разломил каждый из них на несколько небольших кусочков. Попробовали. Колян взял в руки

один из белых кирпичиков.

– До-ми-но, – хмуря брови, прочитал он на обёртке, – Ишь ты! Домино, – Коля развернул бумажку, куснул, – Ха, братцы! Так это ж сахар! Рафинад! А причём здесь домино? Они что, рафинадом в домино играют? Во, зажрались, буржуи!

В тёмном пакетике оказался шоколад, а из плоской коробочки при её открытии посыпался мелкий тёмно-коричневый порошок.

Неугомонный Николай потянулся рукой к содержимому коробочки:

– О! Ну-ка, дай-ка! Какава, что ли? – захватил щепотку порошка, лизнул. – Тьфу, гадость! Ё-моё! Горькая-то какая!

– Дурень ты! Кофе это, вот что! – от души загоготал Костик, – тут даже на борту банки написано, во, читай! – он сунул банку Кольке под нос.

– Да убери ты гадость эту! – стал отворачиваться Коля, – как её жрать-то?

– Да не жрут это, а заваривают! Деревня! – потешались уже и Толик с Ильёй, – в чашку порошок засыпал, кипятком залил, сахар, вон этот, бросил, и сиди себе, кофе потягивай!

– Хм, кофий! Я ж говорю – зажрались! Буржуи! Открывай остальные!

Пятая и шестая банки оказались такими же, как и четвёртая – в них был тот же набор круглых галет, сахара, кофе и шоколада.

– Лоосе... вилес...бискуит...компани... чикаго, – прочи-

тал по слогам Коля, вертя банку, – короче, бисквитная компания из Чикаго, вот. Вроде как десерт, – он сгреб в кучу шоколадки, остальные шесть бисквитиков и кусочки рафинада, и придвинул к Агнии, – это тебе, Огонёк. Презент от нашей эскадрильи.

– Да зачем? Куда мне столько? – девушка стала отпихиваться от презента.

– Бери-бери! – Коля был настойчив, – у нас от сладкого зубы заболят. А тебе полезно.

Илья похлопал себя по животу:

– Ну, и? Какие будут мнения?

Со всех сторон слышалось:

– Вкусно!

– Ничего!

– Побольше бы такого!

– Андрюха. Ты-то чего молчишь?

– Да-а, это конечно-же, не наш борщ с мясом, или там рассольник, – сказал Андрей, – но для НЗ очень даже ничего! Я бы даже сказал – лучшего и не пожелаешь!

– Ещё бы! – подтвердил Толик, – смотри-ка: тут на три раза поесть. Три банки: завтрак, обед и ужин. Да ещё и три банки десерта. И это, заметь! – сух.пай на один день. Для одного человека! Нам такое и не снилось! Кучеряво живут!

– Слушай! Будешь смеяться, они гаварят – мы эта не кушаем! Нэ вкуса, гаварят! – возмущённо воскликнул Жорик Горидзе, – Канстантин гаварыт, сам слышал, как они там в

столовой так гаварылы!

– Почему не кушают? – удивилась Агния, – вроде же вкусно...

– Что серьёзно, так и говорят? – взоры Андрея, Ильи, Толика и Агнии уставились на Костю, – ты же там тоже был? Ну, в столовой, когда этих американцев кормили?

– Так и есть, – кивнул Константин, – ругались, мол, не нравится им эта дрянь, её у них даже пехота не особо жалует. Забирайте, мол, себе все эти коробки, нам, пилотам, говорит, эти армейские пайки не положены, это говорит, для наземных частей пайки, у нас в авиации, говорит, особый рацион, но интендант на аэродроме ворюга, вот нам в самолёт эту гадость и напихали.

– Хорошенькие дела! Я же говорю – зажрались капиталисты! Ладно мы – летуны, нас по высшей норме кормят, – Коля распаялся всё больше и больше, – а пехота наша? Как её кормят? Да нашей пехоте такую жрачку – чего ж так не воевать-то? С тушёночкой, бисквитиками, да шоколадом? Уже б, небось, в Берлине были бы!

– Да ладно, в Берлине! Не заливай!

– Я заливаю? – Коля даже обиделся, – да тебе, Толян, похоже, мозги вообще отшибло! Ты здесь на фронтовых лётных харчах вон какую ряшку уже за четыре месяца-то наел! А вспомни, как мы с тобой в школе воздушных стрелков на одной каше да капусте сидели? Забыл? А как потом в запасном полку? Всё время жрать хотелось! А как в вагоне трое

суток ехали, вообще не жрамши? Помнишь, как мы вчетвером мороженную поросячью ногу украли и сырой её, там же, на морозе, и сгрызли! Подзабыл?! Ты там тоже был, между прочим!

– Ну, был... – Веселовский неохотно подтвердил неприглядный факт из своей биографии, – хорошо, что не сцапали нас тогда, а то бы не сюда, а в штрафбат попали бы...

– Во-во! Я и говорю! И так везде, – Никишин никак не мог успокоиться, – и в тылу особенно – всё для фронта, всё для победы! Да и на фронте не очень разгуляешься насчёт жратвы. А эти, вон, – он в сердцах пнул одну из пустых банок ногой, – не нравится им, понимаешь ли! Невкусно им, мля! Жалко, что союзнички эти сраные уже уехали, я бы им сказал пару ласковых! А мы ещё удивляемся – чегой-то они второй фронт всё никак не открывают, а?

– Ну и пачиму? – поднял густые брови Георгий.

– Да и потому! Чего не понятно-то? – Коля обвёл всех глазами, – нутро у них гнилое – вот почему!

– Ну, ничего, небось и сами, без таких союзничков, справимся! Вобъём эту мразь фашистскую в землю по самые уши! – уверенно, как само собой разумеющееся, сказал Андрей.

– Ладно, раздухарились, чудо-богатыри! – Илья посмотрел в сторону КП, – вон, вроде что-то сдвинулось.... Пошли-ка узнаем.

– Да и погода вроде как налаживается, – Толик посмотрел

вверх.

Небо, действительно, стало понемногу очищаться от низкой облачности, в редких пока ещё разрывах облачности стали появляться кусочки ясного, голубого неба. А на западе появилась уже целая полоска чистого, освещённого солнцем небосклона.

– Через два часа закат, – глядя на тусклое, ноябрьское солнышко, сказал Андрей, – может, сегодня ещё и слетаем, как думаете?

– Твоё дело – телячье. Иди к Филлипычу и моли его, чтобы он тебе на завтра индульгенцию выписал. Даст добро – завтра и полетишь. А сегодня и без тебя справимся как-нибудь. Отдыхай пока! – Илья Кутеев ободряюще хлопнул Чудилина по плечу рукой.

Что-либо вразумительное сказать в ответ Андрей так и не успел – Толик, глянув в сторону КП, воскликнул:

– О! А вон и начальство к нам идёт. Щас чего-нибудь скажет.

Судя по тому, какой походкой к ним шёл командир эскадрильи, было понятно, что ничего срочного в его новостях не будет. Пока он неспешно приближался к их группке, Коля успел свернуть умный, как ему казалось, вопрос:

– А индульгенция – это как, справка такая, что ли?

– А... это... ну да, вроде того, – Илья рассеянно оглянулся на сержанта, – это в средние века было, в Европе. Отпущение грехов. За деньги, кажется...

– Это как же за деньги? – начал было Колька, – это значит, набезобразничал, нашкодил, а потом....

Договорить он не успел: Слава Миронов подошёл к ним вплотную, и все взгляды вперились в него.

– Значит так: сейчас летит первая эскадрилья, – начал он, – мы сидим, отдыхаем. Думаю, что и без нас справятся.

– А мы? – хором спросили несколько голосов.

– А мы... – он посмотрел направо, потом налево, и недоумённо спросил: – так, я не понял – где все остальные?

– А чёрт их знает! – ответил за всех Илья, – мы слышали, они там, – он кивнул головой в сторону землянки, которую называли «зал ожидания» – в домино резались. Да вон, они и сейчас там – слышишь, как орут!

– А вы-то здесь, чего на ветру толчётесь? И чем это от вас пахнет? Что-то жрали, что ли?

– Так мы, это, НЗ американский пробовали! – Коля сделал невинное лицо, потом, узрев, как сдвинулись командирские брови, он поспешно сказал: – командир, да ты плохого про нас не подумай! Мы ж только одну коробку уработали! Там же ещё пять коробок осталось, это то, что нашей эскадрилье досталось при делёжке. На всех хватит! Мы же просто вроде как продегустировали! Чутьочку! Ежели хочешь попробовать, щас вторую коробку расколушаем!

– Так и что насчёт нас? – вернул разговор в нужное русло старший лейтенант Илья Кутеев.

– А! Мы... – вспомнил комэск утерянную был нить раз-

говора, – для нас особое задание, – он сделал паузу, – Так, Колян, ты ещё здесь? Бегом в землянку, всех наших сюда!

Коля сорвался, побежал к землянке.

Меньше чем через минуту весь лётный состав эскадрильи собрался кружком вокруг комэска.

– На завтра, с утра, метео даёт погоду. Идём бомбить переправу – задача номер один, – он обвёл взглядом два десятка серьёзных лиц, – там дальше посмотрим. Может, ещё что-то подкинут. Сейчас, пока есть время, ещё раз проверить матчасть. Относится ко всем, – он посмотрел на младшего лейтенанта Константина Соловейчика: – если у тебя ещё раз мотор после взлёта забарахлит – пеняй на себя!

– Да я, товарищ командир... у меня там прокладка на топливном шланге двигателя встала косо, и частично перекрыла подачу топлива! Сначала вроде бензин шёл, потом её давлением затянуло...

– Вот и разберитесь с механиком! Сам лично проконтролируй, понял?! Помнишь, что было с Сергеем Берестовским?! А-а-а, да! – он махнул рукой, – ты не можешь помнить, это ещё до твоего прихода в полк было, летом... Короче: неплохой пилот из-за такой же херни в бензопроводе под трибунал угодил, понял?! А виноват был техник.

– Ра.....здяй – это не ругательство. Это – армейский термин, – тихонько сказал на ухо Андрею Коля.

– Вот я и говорю ещё раз: проверь всё лично! – сверля молодого пилота глазами, отчеканил капитан.

Он ещё раз обвёл всех взглядом и подытожил:
– Кто полетит, решу позже. Всё, все свободны.

Глава 26. Шахматы.

– И где Шурка? – недоумённо спросил сам себя Андрей, когда они подошли к стоянке своего самолёта, – ничего себе! Хорошенькие дела. Самолёт есть – техника нет.

– Александра! – рявкнул он так, что стоявшая рядом Агния аж вздрогнула.

– Я здесь, командир, – на самом верху, над капотом самолёта поднялась голова Шурки. Из-под ушанки в разные стороны торчали непокорные выющиеся завитки волос, глаза были сонные.

Сбоку к носу Ила была приставлена стремянка. Андрей легко вспрыгнул на её ступени, поднялся до уровня капота и заглянул поверх него. В вогнутой ложбинке верхнего воздухозаборника, как в ванне, поджав колени, и упёршись ногами в тёплое нутро двигателя, уютно устроилась девушка-техник.

– Знатно обустроилась, – констатировал лейтенант, – и чего спим? Всё, что надо, уже сделано?

– Да, товарищ командир, всё, что надо, я сделала! – она неловко со сна перевернулась, чуть не вывалилась из своей импровизированной лежанки, потёрла сонные глаза, – всю ночь-то и до обеда здесь ковырялись, вот и сморило... – она шмыгнула носом, сглотнула, – и кушать хочется!

Андрею стало немного стыдно за свои пустые слова.

– Ладно, вылезай уж! Давай, покажи, что сделали.

Александра сладко потянулась, перевалилась через борт, и нащупав ногами ступеньки стремянки, стала спускаться на землю, стреляя в него через плечо своими глазами, и виляя аппетитной попой, обтянутой промасленными штанами.

Андрей смущённо отвернулся, Агния взяла его за руку своей прохладной ладошкой, он виновато посмотрел на неё, она же молча улыбнулась ему в ответ.

Последующие десять минут Андрей ходил за Александрой вокруг самолёта, и принимал у неё доклад о его техническом состоянии. Действительно, было сделано всё: заменён винт, заново поставлен на своё место маслорадиатор, отрихтованы вмятины на обтекателях шасси, заделаны и закрашены пробоины. Осталось только несколько мелочей.

– Ой, я же забыла! – вскрикнула Агния. – Шурочка, это же тебе! – она полезла в карманы, и принялась из них вытряхивать презентованные ей американские сладости: шоколадки, кубики рафинада, и круглые бисквиты.

– Это что? – округлила глаза Шурка, – откуда? – и тут же набила рот двумя бисквитами.

– Это эти, американцы, нам отдали! Там ещё консервы были, но мужчины... – она обернулась на Андрея, – и я тоже, мы их попробовали, – она сокрушённо вздохнула, – и всё съели! Вот... – она печально поникла плечами, – но мы тебе их потом принесём! Верно? – она повернулась к лейтенанту, – ведь там ещё много осталось, да?

– Принесём! Обязательно, – подтвердил Андрей.

– Вот... а они говорят, сладкое, ешь, говорят, и всё мне отдали! Вот, – подытожила Агния, – ну, как, вкусно хоть?

– Ох, вкусно-то как! Хоть от души наемся сладкого! – с набитым ртом закивала Александра.

– Смотри, не лопни! – в шутку предупредил лейтенант.

– Не лопну! Душа меру знает! – засмеявшись, замахала рукой Александра.

На соседней стоянке уже минут десять прогревала моторы ударная шестёрка первой эскадрильи. Взмах флажка, и командир первой эскадрильи со своим ведомым, мягко покачивая крыльями на кочках, стали выруливать на старт.

Через пару минут в небо взвилась зелёная ракета, и первая пара пошла на взлёт, через полминуты – вторая, ещё через полминуты – последняя, третья. Собравшись на кругу над аэродромом, шестёрка пошла, набирая высоту, на запад, прямо на заходящее за край земли солнце.

Спустя минуту группа штурмовиков превратилась в шесть маленьких тёмных точек на фоне вечернего неба. На западе облака почти совсем растянуло, и они разбежались по небу множеством отдельных пёрышек, подсвеченных снизу розовым, от садящегося на горизонте светила.

– Красиво пошли, – глядя из-под руки, приложенной козырьком ко лбу, сказал один из техников.

– Да-а-а... – неопределённо протянул в ответ второй, и немного подумав, добавил: – хорошо бы, чтобы и вернулись

тоже все.

– Типун тебе на язык, с лошадиную голову, Сашок, чего болтаешь-то? – осадил его сосед из мотористов, которого все уважительно звали дядя Юра.

– А что я сказал-то? – обиделся Саша Синицын, техник из экипажа Жорика Горидзе, – просто беспокоюсь!

– Охламон ты малахольный, Сашок, вот что я тебе скажу! Беспокоиться – беспокойся. Но молча, понял? А то накаркаешь...

Потолкавшись ещё немного на свежем воздухе, и слегка замёрзнув на свежем, вечернем морозце, лётный состав опять потянулся в свою общую аэродромную землянку – поближе к печке и к домино.

Тех.состав опять принялся за свою привычную, повседневную работу: пока ещё было светло, старались успеть сделать всё по-максимуму, все самые важные дела, чтобы потом не ковыряться при свете тусклых электрических лампочек.

Андрей с Агнией, изрядно замёрзнув, тоже спустились вместе со всеми в «зал ожидания», Андрей хотел было включиться в игру доминошников, но немного опоздал: там уже все места распределились, и игра началась. Вокруг собралась куча болельщиков и сочувствующих.

Огромная волосатая лапища тяжело опустилась на плечо Андрея.

– Слющай! Давай в шахматы играть! – Андрей обернулся: сзади стоял Георгий с шахматной доской под мышкой и

улыбался.

– А давай! – легко согласился Андрей. Сели, расставили фигуры.

Андрей не считал себя особо успешным шахматистом, но в шахматы время от времени играл, и получал от этого удовольствие.

Сели, расставили фигуры. В качестве зрителей сразу же подтянулись старший лейтенант Алексей Авдеев, командир первого звена второй эскадрильи, и его стрелок, казах Асланбек Атынбаев

Началась игра. Сразу стало понятно, что Георгий – не самый слабый шахматист. Играл он расчётливо и напористо, как и полагается лётчику штурмовой авиации. Андрей же, наоборот, в самом начале по своей же глупости, сделал пару грубых ошибок, и вскоре был вынужден согласиться на неравноценный обмен: своих коня и ладью на двух пешек Георгия. Алексей и Асланбек, стоя за спиной Жорика, живо обсуждали его игру и время от времени давали советы, от которых он, в большинстве случаев отмахивался, действуя на своё усмотрение. Положение Андрея становилось всё хуже и хуже: Георгий умело и безжалостно давил его по всем фронтам. Андрей стал больше внимания уделять обдумыванию своих ходов, но и это не особенно помогло: чаша весов уже уверенно перевесила в сторону его противника, и грядущий проигрыш Андрея был только вопросом времени. Мозг лихорадочно искал выхода из сложившейся ситуации и ни-

как не находил... Зрители (а их стало уже вдвое больше) активно спорили о том, через сколько ходов будет поставлен мат.

– Нет, так не пойдёт! – подала голос до сих пор сидевшая тихо Агния, – вы чего ополчились? Почему вы только за Георгия болеете? Почему только ему помогаете?

– Слушай! Красавыца! Нэ сиди сиднем! Бaley! Памагай! Вэсэлее будет!

– Ну, смотри! Ты сам предложил, – и Агния, пристроившись рядом с Андреем, прямо за его левым плечом, стала внимательно наблюдать за игрой.

После каждого хода Георгия она наклонялась к уху Андрея, и что-то тихонько ему говорила. Понимая, что хуже уже точно не будет, Андрей стал ходить так, как советовала ему девушка. И, – о, чудо! Игра как-то незаметно преобразилась – любые ходы Жорика, до сих пор убийственные для фигур Андрея, вдруг стали наталкиваться каждый раз на простую, но непреодолимую защиту. И вроде ничего особенного не происходило – ответные ходы Андрея были просты и понятны, без всякой многоходовой подковыки, но его куца и дырявая оборона постепенно окрепла, а после того, как конь Андрея взял на убийственную вилку ферзя и короля Георгия, и Жорик потерял своего ферзя, чаша весов стала медленно, но верно склоняться в его сторону. Жорик стал нервничать, ругаться на своих болельщиков, и делать ошибку за ошибкой.

В конце концов, с большим трудом, но Андрей всё-таки поставил мат Георгию.

– Нэчестно! – возопил Жорик, – она тэбэ памагала!

– Ха-ха-ха! – спокойно отпарировала девушка, – не смеши людей! Тебе, вон, четверо помогали, и что?

– Ани проста памагали, а ты за нэго играла! Ты чито, грас-смэйстер, что ли?

– Я его жена, – с достоинством ответила Агния, – и имею полное право, вот так!

– Слющай! – это уже в сторону Андрея, – Да такую жэну надо на руках насыть! Нэ жэна, а жэмчужына!

– Вам бы к доктору идти, товАрищ командир, – вежливо напомнила Андрею Агния, сделав ударение на слове товарищ.

– А, да, точно! – Андрей засобирался, встал, поблагодарил Георгия за партию, и стал пробираться к выходу. Агния пошла за ним по пятам.

– На руках, на руках, свою жэмчужыну нэси! – неслоьсь ему вслед. Под смех присутствующих Андрей подхватил девушку на руки, и понёс её к выходу из землянки.

– Не, ну ви видэли, а? – под низким сводом землянки продолжал грохотать голос Георгия, – она все маи хады как буд-та напэрэд видэла! Всё, чито я вот здэс, – он постучал указательным пальцем себе по высокому лбу, – ещё только па-думаю, а она ему ужэ гаварыт! Ах, вэдьма! Ах, красывий! А умный какой, а?!

Как только они выбрались из землянки, Андрей поставил девушку на ноги и спросил:

– Ты что, действительно так хорошо играешь в шахматы? Я же уже почти проиграл! А тут...

Она, весело глядя ему в глаза, просто молча пожала плечиками. Но Андрей никак не мог успокоиться:

– Точно, я понял: ты в своей прошлой жизни очень хорошо играла в шахматы, и поэтому....

– Да нет, Андрюша, не поэтому. Я просто.... Я просто.... Ну, в общем, я же просто могу слышать мысли любого человека. Понимаешь? – она заглянула в его глаза снизу вверх, – я просто видела все его будущие ходы.

Андрей хотел что-то ей сказать в ответ, но промолчал.

– А-а, понимаю! – она отвернулась в сторону, – ты считаешь, что это нечестно, так ведь?

Он молча кивнул. Не зная, что сказать ему, она продолжала идти рядом с ним.

– Нет, постой! Постой, я тебе говорю! – она остановилась, – ты пойми, я не могла поступить иначе! Ты бы просто позорно проиграл! У всех на глазах! А они все болели за Георгия, а за тебя никто не болел, понимаешь? Никто-никто!

Андрей по-прежнему упорно молчал. Агния сердито смотрела на него:

– Да ты пойми: я – твой ангел хранитель, и я обязана тебе помогать в любой ситуации, а уж как я это сделаю, те-

бя волновать не должно! Понятно? И если завтра в бою мне придётся спасти твою жизнь, то уж поверь мне – я сделаю это любым доступным мне способом: смогу застрелить этого фашиста – застрелю, не смогу, – значит, закрою тебя своим телом.

Андрей вздохнул:

– Так то – фашист, а тут – товарищ.

Она бессильно опустила руки:

– Ладно, уговорил. Признаю – я не должна была так поступать. Да, я его обманула, и твой выигрыш нечестный, – она глубоко вздохнула, и вскинула голову: – но я это сделала из лучших побуждений! Ну хватит уже дуться! Посмотри на меня!

Она топнула ногой, набрала воздуха и почти крикнула:

– Дурак ты, и не понимаешь! Я это сделала потому, что я люблю тебя! – она схватила его за голову, притянула к себе и горячо поцеловала в губы...

До медчасти они дошли спустя 10 минут, счастливые и смеющиеся, хотя ходу туда было всего-то пару минут...

Глава 27. Два литра крови.

Они уже подходили к лазарету, когда послышался гул возвращавшихся с задания штурмовиков первой эскадрильи. У дверей медчасти Андрей обернулся, и посмотрел сквозь кроны деревьев в сторону приближавшихся самолётов. Листва давно уже облетела, лишь только отдельные дубовые листики чудом держались на своих веточках. Андрей насчитал шесть точек.

– Все шесть, – констатировал он довольно, – это хорошо, – и взялся за ручку двери.

– Разрешите войти, товарищ военврач! – лейтенант бросил руку к виску.

– Ну, орёл, проходи! – Николай Филлипович сурово посмотрел на него поверх очков.

– Здравствуйте.

– Здоровей видали, – хмуро буркнул доктор, – здоровались же уже, утром.

– Так точно, утром! – весело и бодро отрапортовал Андрей, – явился, как вы и приказывали, для подтверждения моего выздоровления и для получения разрешения на полёты.

– Это мы ещё посмотрим, какое такое у вас наступило выздоровление.... – проворчал недоверчивый доктор.

Несколько минут спустя он был вынужден признать, что

здоровье лейтенанта Чудилина действительно, вернулось в норму, и он может с завтрашнего дня приступить к полётам.

Счастливый Андрей надел гимнастёрку, подпоясался ремнём, и весело спросил:

– Разрешите идти?

– Идите, летайте. Если что – сразу ко мне, понятно?

– Так точно! – Андрей развернулся на каблуках и уже выходя из дома, услышал, как подъехала машина, и засуетились, зашумели люди на улице. Выйдя на улицу, он чуть не столкнулся с двумя солдатами, которые бегом тащили носилки. На носилках лежал кто-то, весь окровавленный, и его рука безжизненно свешивалась вниз. Голова безвольно болталась вправо-влево в такт шагам несущих носилки.

– Посторонись!

Андрей отскочил в сторону, пропуская солдат, которые несли носилки, и вглядываясь в лицо раненого, никак не мог его узнать – всё его лицо было залито кровью. И вся одежда раненого была буквально пропитана ею.

– Кто? – спросил Андрей подбежавших лётчиков из первой эскадрильи.

– Витька Бегунков, – сказал один мрачно, – осколком в шею... наверное, артерию перебило. Когда из самолёта вынимали, он уже и не дышал вроде... вся кабина в крови.

Андрей бросил взгляд на Агнию. Пока он ходил к доктору, она ждала его на улице, а сейчас стояла рядом, на крыльце, стиснув кулачки и прижав руки к груди, и смотрела на

Андрея широко раскрытыми глазами. Он бросился к ней:

– Солнышко! Родная моя! Сделай что-нибудь! А?! – он умоляюще смотрел на неё, – ты же сможешь!

– Я не знаю.... Я, наверное, только тебе могу помочь. Про других я не знаю.... Скорее всего, ничего не получится.

– А ты попробуй! Вдруг получится, а?!

Она пару секунд как будто прислушивалась к чему-то, потом кивнула, и сказала еле слышно:

– Да, он умрёт. Его сердце уже остановилось. Осталось полминуты...

В этот момент военврач спокойно и хладнокровно делал всё от него зависящее. Но многолетний опыт хирурга ему однозначно говорил, что пациент обречён – слишком большая кровопотеря, слишком поздно пришла помощь... Шансов выжить у Витьки Бегункова увы, уже не было никаких.

– Витенька, Витенька! – с надсадным криком подбежала девушка из парашютотрядчиц, Катерина. Все знали, что она и Витька любили друг друга, и собирались пожениться. Узнав, что его ранило, она, не помня себя, со всех ног помчалась к медчасти, боясь подумать о самом страшном.

Один из лётчиков, стоявших на крыльце, поймал ее на лету, и молча сгрёб в охапку, не давая ей прорваться в лазарет. Она, осознав, что видимо, самое страшное уже случилось, вдруг тихонечко завывала и стала бессильно оседать на землю.

Агния выдохнула, молча взялась за ручку двери и решительно шагнула в дом.

Доктор умывал руки, одна из медсестёр, Ольга, капая крупными слёзами в таз с водой, сливала ему на руки из кувшина, вторая, Елизавета уже закрывала Витьке лицо простыней. Агния молча подошла к изголовью, мягким движением отстранила Лизу и откинула простыню с лица Витьки. Он лежал с закрытыми глазами, с мертвенно бледным лицом. Ольга обернулась, кувшин в её руке дрогнул:

– Ты что? Ты куда? Зачем?– возмутилась она. – Николай Филиппович, что же это такое делается? А ну-ка, кто вас сюда пустил?! Здесь операционная! – не на шутку всполошилась она.

– Подожди-ка, – остановил её военврач, придерживая рукой, – обожди малость, не трогай её. Она, похоже, знает, что делает.

Агния, не обращая ни на кого внимания, глубоко вздохнула, и положила свои ладони на лоб умершего парня. Закрыла глаза. И присутствующим вдруг показалось, что кожа на её лице и руках вдруг стала полупрозрачной, обозначился тонкий рисунок кровеносных сосудов. Все, замерев, смотрели на то, что разворачивалось перед их взорами. На несколько секунд кожа на её руках засветилась призрачным мягким светом, потом опять приобрела свой прежний вид, исчез рисунок капилляров под её кожей.

Простынь на груди парня стала равномерно вздыматься и опадать – он задышал, кожа на лице порозовела, он вдруг закашлялся, и открыл глаза. Комсомолка Ольга Камышина

вдруг истово перекрестилась, а Лизка бросилась к раненому, доктор, механически вытирая уже сухие руки полотенцем, медленно подошёл к столу, на котором лежал Витька. Агния уже отняла руки от его головы, и стояла рядом, сглатывая, истекая липким потом, и тяжело дыша. Она выглядела как человек, только что через силу поднявший неподъёмную тяжесть... Черты лица её заострились, под глазами моментально образовались тёмные круги, руки заметно дрожали...

Доктор подошёл к ней вплотную, посмотрел на неё поверх очков и изрёк:

– М-да..... верю. Значит, барышня, вы и это тоже можете делать...

Агния кивнула, опустила руки, и пошатываясь, молча пошла к двери.

– Это что же такое было, а? Николай Филлипович? – ошалело спросила Ольга.

– Ангел, – коротко ответил доктор. И тут же пояснил: – ангел во плоти. Человека с того света вытащил. Уже мёртвого. Лицезреть такое могут только единицы. Никому не говорите об увиденном. Молчок, понятно?!

Медсёстры испуганно закивали.

Пошатываясь, Агния вышла из двери и буквально упала в руки Андрея.

– Что с тобой? – всполошился он.

– Ничего, просто устала, – она обвела глазами присутствующих. Все, кроме Андрея, недоумённо смотрели на неё.

Андрей беспокойно и вопросительно смотрел на неё, пугаясь переменам в её внешнем облике. Она ему слабо улыбнулась, и молча кивнула.

– Жив?! – не в силах поверить, переспросил он. Она, не в силах говорить, в ответ ещё раз кивнула.

– Мужики! – заорал он, – мужики! Катька! Живой твой Витька! Живо-о-ой!!!

Он подхватил Агнию на руки и закружил её от избытка чувств. Все, кто был на крыльце, грохоча сапогами, и увлекая за собой одуревшую от счастья Катерину, ринулись в медчасть.

– Ох, отпусти ты меня, Андрюшенька! – взмолилась девушка. – Сил нет, как устала.

– Нет, я тебя на руках понесу! – он, не спуская её с рук, широко зашагал по направлению к их дому. А за их спиной через пять секунд раздался отборный и виртуозный мат доктора, изгоняющего из медчасти ворвавшихся туда нежданных посетителей.

Уже вечером, Андрей тихонько спросил у ангела, неподвижно лежащего рядом с ним:

– Агнюш, скажи, как ты смогла это сделать?

– Кровь, Андрюшенька, кровь. Он потерял два литра крови...

– И что ты сделала?

– Я дала ему кровь, те недостающие два литра, – она тя-

жело вздохнула.

– Как же ты это сделала?

– Как сделала... – она снова тяжело-тяжело вздохнула, – сотворила, прямо в нём. И перезапустила сердце.

– А как ты это делаешь?! И, кроме того, ты же говорила... что бумажку, пуговицу, конфету можешь сотворить, и ничего тяжёлого, а тут... два литра крови!

– Его сердцу я просто приказала: бейся! А два литра крови... Андрюша, я ведь не из воздуха творю. Это же всё материальные вещи – я их из себя творю, из своего собственного тела. Моё тело – это донор.

– До... ккак... как... из... тела?! – он аж поперхнулся.

– А так. Просто перекачиваю материю. Закон сохранения энергии в школе на уроках физики учил? До этого ещё в 1748 году Михайло Ломоносов додумался, и она процитировала: – «сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому, так ежели где убудет несколько материи, то умножится в другом месте».

– Так выходит... выходит... ты дала ему два литра крови, и эти два килограмма ты отобрала у своего тела?! – жуткая догадка осенила Андрея.

Она молча кивнула ему в темноте, с трудом справляясь со слабостью.

– Получается, что ты... ты... саму себя отдаёшь!! Так вот почему только лёгкие вещи!!

– Слушайте, голуби, хватит уже там шептаться! – слы-

шался из-за печки сердитый и сонный Шуркин голос, – дайте поспать уже! Никакого покою от вас нет, ни днём, ни ночью! Хватит! Спите уже!

В другой ситуации со стороны Андрея и Агнии слышался бы взрыв хохота, но сейчас ангелу было не до смеха, а Андрею – тем более.

– Ты вот что, – он вплотную приблизил своё лицо к лицу ангела, попутно отметив про себя, что сегодня ночью оно почти не светится, – завтра утром во время завтрака ешь за двоих, понятно?! Тебе растраченную силу надо восстанавливать. А то клюёшь, как цыплёнок, вечно за тебя доедать приходится... Договорились?!

– Ладно, я поняла. Буду пихать в себя через силу.

Через полминуты вымотавшийся маленький ангел забылся в тяжёлом сне, а Андрей никак не мог уснуть. Из-за печки уже давно раздавался храп Шурки с простуженным носом, а он всё думал и думал про то, что насколько же надо быть самоотверженной и отчаянной натурой, какое чистое и отважное сердце надо иметь, чтобы вот так, взять и отдать часть себя, чтобы спасти совершенно чужого ей человека... И на что она готова пойти ради него?

Эх, если бы он знал, на ЧТО она действительно была готова пойти ради него!

И случиться это должно было очень скоро, всего через несколько дней...

Глава 28. Ангел открывает счёт.

День предвещал быть жарким: небо на востоке стремительно светлело, солнышко ещё пока не выглянуло из-за края земли, но было понятно – будет хорошая погода. А значит, и боевые вылеты с самого утра. Тем более, что ещё вчера командир эскадрильи упомянул про переправу, которую им предстояло штурмовать. Так оно и вышло – сразу после завтрака, прибыв в общую землянку рядом с КП, лётный состав получил приказ готовиться к вылету.

Мотор у их «семёрки» был уже прогрет, в четырёх крыльевых бомбоотсеках лежали четыре пузатых ФАБ-100, на балках под плоскостями угрюмо насупились четыре ЭРЭСа. Приняв доклад техника и вооруженцев, Андрей с Агнией пошагали к месту сбора пилотов.

– По данным разведки, вот здесь, в квадрате Б-15, – комэск ткнул пальцем в точку на карте, – фашисты организовали переправу. Наша задача: эту переправу уничтожить. Идём тремя эскадрильями, первая, вторая и третья. Там два моста, наш – левый, третья эскадрилья работает по правому.

– А пэрвая? – подал голос Георгий.

Комэск исподлобья неодобрительно сверкнул глазом:

– Не перебивай, сейчас всё поймёшь. Всё по порядку. Задача на самом деле непростая, – командир эскадрильи обвёл взглядом сгрудившихся вокруг него лётчиков второй эс-

кадрилья, – расстояние между мостами метров пятьсот, и переправа хорошо прикрыта зенитной артиллерией, поэтому летим полным составом: тремя шестёрками. Первая эскадрилья и атакует первой, её задача: максимально подавить ПВО, поэтому они работают только по зениткам. Наша задача, второй и третьей эскадрильей – разрушить переправу, причём долбить надо одновременно оба моста. Таким образом, оставшийся зенитный огонь будет распределён по двум атакующим группам. Понятно изъясняюсь? – он исподлобья зыркнул глазами по хмурым, озабоченным лицам, – до цели идём гуртом, тремя шестёрками, в прямой видимости друг друга. По пути подхватываем истребителей прикрытия. При приближении у цели первая шестёрка, как шла, так и продолжает идти прямо на переправу, отвлекая на себя всю зенитную артиллерию, и сходку работает только по ней. Мы же, вторая и третья шестёрки, за пару километров от цели расходимся: они отваливают вправо, мы отваливаем влево, – он образно показал руками, – потом разворачиваемся, и сходимся под углом в 90 градусов, как на ножницах⁵⁷, в данном случае как бы берём их в клещи, – руки комэска опять вживую показали предстоящий манёвр.

– Атаку начинаем одновременно, с разных направлений, мы – левый мост, они – правый. Мы идём правым пеленгом,

⁵⁷ Ножницы – в данном случае: оборонительный приём пары штурмовиков, заключающийся в перекладывании самолётов с правого виража в левый, с пересечением траекторий движения самолётов.

и атакуем с левого круга, третья эскадрилья наоборот – идут левым пеленгом, и атакуют с правого круга, – командир эскадрильи на руках показал синхронную работу двух эскадрилий, работающих каждая со своего круга, по своему месту, – из круга не вываливаться, над целью с самолётами третьей эскадрильи не смешиваться, иначе будет каша. Вопросы есть?

– Зачем такие сложности-то? Не запутаться бы... – озабоченно буркнул Миша Никитенко, – атаквали бы, как обычно. С минимальным интервалом, сначала мы, потом они, и делов-то! Раз-два и мы в дамках!

– Да не получится вот так сходу в дамки! Я ж вам о чём толкую?! У них там зенитных стволов вокруг переправы понатыкано столько, что если будем атаковать по очереди, то все оставшиеся стволы – на нас, они нам свинца напихают по самые гланды – половина там останется. А потом тоже самое проделают и с третьей эскадрильей. Думаешь, первая шестёрка сможет всю ПВО подавить?! Так, причешут слегка, да страху нагонят...

– Да... незадача... – почесал голову под шлемом Миша.

Поэтому в первом заходе бросаю ФАБы на переправу, во втором первая и вторая пары занимается подавлением зениток, оставшаяся пара – добивает ЭРЭСами то, что осталось от переправы. Третий заход – причёсываем пушечно-пулемётным огнём то, что уже успело переправиться. Идём шестёркой, – Миронов прищурил глаз и внимательно осмотрел

обступивших его пилотов. Стрелки, чтобы не мешать процессу, отошли немного с сторонку, курили, но молча, внимательно прислушиваясь к тому, что говорил комэск.

– Работаем со свободного круга, дистанция между машинами 500...600 метров. Я веду первое звено, летят: Авдеев, Никитенко, Кутеев и Горидзе, – он сделал паузу.

Андрей Чудилин вздёрнулся:

– Товарищ командир! А я?

– И ты тоже, куда же мне без ведомого? – усмехнулся комэск, – так, всё понятно?

Дружное молчание было ему ответом.

– А мы? – жалобно спросил за всех остальных младший лейтенант Юрчик Сизов.

– А вы на подхвате. Ныне без вас обойдёмся, идут только старики.

– А Чудилин что, – старик?

– Разговорчики! – нахмурился Миронов, – ты без году неделя, как стал летать, а Чудилин с 41-го летает, и сбитые у него есть. Так что отставить! На ваш век хватит! – и, подытоживая, громко: – всё, хлопцы, по коням!

Не теряя времени, лётчики рванули к своим самолётам. Стрелки, стараясь не отстать, устремились вслед за ними.

Ил-2 под номером «7» стоял в двух сотнях метров. Пробежав первую сотню, Агния запыхалась.

– Ой, Андрюшенька, ой, подожди, родненький! – задыхаясь на бегу, взмолилась она.

– Давай, милая, давай, в самолёте отдохнёшь! – подгонял её Андрей.

Когда добежали, её в кабину пришлось запихивать буквально на руках.

Андрей бухнулся задницей на уже уложенный в чашку сидения парашют, с помощью Шурки одел на плечи его лямки, пристегнулся поясными и плечевыми ремнями.

– От винта!

– Есть от винта! – весело крикнула ему Александра.

Прогретый двигатель завёлся с полтолчка, перданул из выхлопных патрубков чёрной бензиновой гарью и утробно зарокотал на малых оборотах.

– Агнию пристегнула? – он обернулся к Александре.

– Ага, сидит на обезьянке! – крикнула она ему в ухо, пытаясь перекрыть рокот 1720-сильного двигателя.

Шурка спрыгнула на землю, Андрей руками дал ей команду убрать колодки. Она метнулась под левое крыло, и выскочив оттуда через 3 секунды, отбежала в сторону, таща левую колодку за верёвку. Одновременно с ней, но справа, то же самое проделала оружейница их звена Лушка, выдернув правую колодку.

Не снимая левой руки с рычага газа, большим пальцем этой же руки перещёлкнул рычажок на смонтированном на нём переключателе (отметив про себя, насколько удобнее стало: молодец Шурка, запараллелила этот тумблер с таким же на микротелефонном щитке!).

Включился на передачу:

– Седьмой к вылету готов!

Андрей, поднатужась, потянул вперёд подвижную часть фонаря, выполненную из 6-мм бронеплит, защёлкнул его на стопор, и, внимательно следя за самолётом ведомого, потихоньку стал выруливать за ним на старт.

Щёлкнул кнопкой СПУ:

– Агния, ты как?

– Нормально.

Самолёт ведущего, вздымая снежный вихрь за хвостом, начал разбег.

Андрей плавно газанул, и удерживая направление педалями, пошёл на взлёт.

Собрались на круге, над аэродромом, разделились на три эскадрильи, и выстроив три пеленга – два правых и один левый, пошли с набором высоты навстречу светлеющему на востоке небу.

Через 10 минут, проходя на высоте 1000 метров над аэродромом истребителей, они увидели, как с него стартовали две шестёрки Яков. Три шестёрки штурмовиков, сделав круг над их аэродромом, дали Якам набрать высоту. Яки разделились: две пары оттянулись назад, и остались позади ударной группы, и поднялись выше метров на 200, четыре оставшиеся пары заняли позиции слева и справа от штурмовиков.

– Смотри, как нас пасут-то, – Андрей по СПУ связался с Агнией, – мышь не проскочит.

Недолгое молчание, потом щелчок СПУ:

– Андрюш, а я вот думаю: а они снизу, из темноты, не подберутся, а? Ведь ничего не видно!

Андрей посмотрел вниз направо, потом налево, нажал кнопку:

– А ведь точно. Ни зги не видать. Ну, будем надеяться, что

фрицы ещё спят.

– Андрюш, а если не спят? Может, ты по радио командиру скажешь об этом, а? Предупредишь его?

Андрей вспомнил предупреждение комэска насчёт радиомолчания, и лишней болтовни в эфире, посмотрел на самолёт ведущего, чётко различимый слева впереди в виде тёмного силуэта на светлеющем небе.

– Да не.... Не буду, нельзя. Приказано сохранять радиомолчание. Да он и сам не дурнее паровоза, я так думаю. Вон, смотри, как его Колька под хвост вниз смотрит, аж голову высовывает из-под козырька.

– Ну ладно.... Только что-то беспокойно мне, Андрюшенька.

– Сиди ровно, и смотри в оба.

Четвёрка «Густавов»⁵⁸ уже 10 минут патрулировала в предполагаемой точке пересечения с курсом группы русских штурмовиков.

«Всё-таки полезная эта штука, – подумал лейтенант Ганс Грауптнер, ведущий звена, – эти новые, с повышенной чувствительностью, станции радиоперехвата. Теперь мы имеем возможность перехватывать переговоры русских ещё на земле, когда они стартуют со своих аэродромов. Место распо-

⁵⁸ В 1943 году немцы эксплуатировали две модификации Мессершмитта: Vf.109F («Фридрих») и Vf.109G («Густав»). Нашим пилотам было не до таких тонкостей, поэтому любой Vf.109 они называли просто мессером.

ложение точки базирования русских штурмовиков известно, предполагаемая цель удара – тоже. Скорее всего, это – переправа. Вчера были замечены крутившиеся в том районе два самолёта русских, воздушная разведка, что же ещё? Провести на карте прямую линию между этими двумя точками – проще некуда. Всё это было сделано ещё вчера вечером, а сегодня рано утром, ещё до рассвета, у восьми самолётов из их штаффеля⁵⁹ были заправлены баки, в патронные ящики был уложен боекомплект, и прогреты моторы. И как только со службы радиоперехвата прошла информация о взлёте русских штурмовиков, им сразу была дана команда на взлёт.

И теперь два звена Густавов нарезали плавные длинные восьмёрки на высоте в 500 метров, перпендикулярно предполагаемому курсу русских. Да, сегодня маневренность наших птичек немного ограничена – подумал Ганс, – у каждого истребителя под консолями дополнительно подвешены пушечные контейнеры. Но, ах, как хороши эти R-6, дополнительные наборы вооружения в виде двух подвесных контейнеров с 20-мм пушками! Море огня!

Хоть и взамен этого мы и получаем чуть меньшую маневренность. Так она нам сегодня и не понадобится! Не будет никакой собачьей свалки с истребителями сопровождения штурмовиков – просто подойти снизу, благо внизу вокруг сплошная темень. Подобраться в этой липкой, тёмной мгле

⁵⁹ Штаффель – эскадрилья (в штаффеле три шварма), шварм – звено (2 пары), ротте – пара.

прямо под брюхо русских штурмовиков, там, где их не увидят даже сидящие лицом назад бортстрелки. И уж тем более, их не увидят пилоты истребителей прикрытия, идущие выше на пару сотен метров. Им же русские же штурмовики, напротив, будут прекрасно видны в виде чёрных силуэтов на светлеющем небе. Подойти вплотную, и с кинжальной дистанции, – прямо в пузо! В упор – с пяти стволов! Не выдержит даже бронекорпус, а уж всё остальное – точно в мелкую щепу! На четырёх истребителях его звена – двадцать стволов. Один заход – четыре сбитых штурмовика (а, может, и больше!). Потом – на скорости резко вниз, с переворотом, и ищи-свищи! Гениальный в своей простоте план!

Впереди, под капотом, утробно мурлыкал 1475-сильный 37-литровый Даймлер-Бенц-605, на приборной доске чуть подрагивали стрелки на подсвеченных шкалах приборов.

Ганс бросил взгляд на приборную панель, туда, где в верхнем правом углу были часы. Прошло уже 10 минут с момента взлёта его штаффеля и около пятнадцати минут с момента взлёта русских штурмовиков. Пора бы им уже и появиться. И точно: на светлой части неба, с востока, приближались тёмные точки. Они росли, быстро приближаясь. Теперь уже можно было их сосчитать. Так, три шестёрки покрупнее – это штурмовики; и шесть пар точек поменьше и повыше – это истребители.

Идут с превышением в 500 метров, нас на фоне тёмной земли не видят – подумал Ганс Грауптнер. Убедившись, что

это то, что они ищут, Ганс махнул крыльями своему ведомому, – для скрытности атаки был строжайший приказ не пользоваться радио, и стал строить маневр для атаки, закладывая широкий вираж, чтобы пропустить русских вперёд и на скорости зайти снизу им в хвост.

Прошло две минуты. Ровный гул двигателя убаюкивал и успокаивал, самолёты, слегка покачивая крыльями, целеустремлённо шли к цели, каждый нёс по 400 килограммов смерти.

Щелчок в наушниках:

– Не знаю... у меня какое-то чувство, что на нас кто-то смотрит... злобно так.... Я что-то чувствую, Андрюша!

Андрей бросил взгляд на самолёт ведомого, идущий впереди, справа в полусотне метров. Коля Никишин сидел ровно, время от времени поглядывая вниз, на землю. «Хм, Колька спокоен, а Агния как будто что-то почуяла» мелькнула мысль.

Опять щелчок в наушниках:

– Я не как будто, я по-настоящему что-то чувствую. Страшное, чёрное... снизу подползает. Как будто щупальца тёмные к нам протягивает. Как кракен из бездны...

Андрей сглотнул. Помолчал немного, ощущая, как зашевелились волосы под шлемофоном. Стало очень неудобно, он повёл плечами:

– Ладно. Если что подозрительное увидишь – сразу опо-

вести меня. Хорошо? И будь готова открыть огонь.

– Хорошо. И я готова. – Агния, держа пальцы на гашетке пулемёта, широко раскрытыми глазами продолжала всматриваться в темноту под хвостом самолёта.

Подходя снизу к русским самолётам, Ганс хорошо видел русские штурмовики, выделявшиеся чёрными силуэтами на светлеющем небе. Главное: сбить первую пару – там идёт ведущий группу командир эскадрильи и его ведомый. Подбираясь снизу всё ближе и ближе к строю русских штурмовиков, Ганс хладнокровно просчитывал последние нюансы манёвра. Так, подойти на полсотни метров, ручку на себя, нос вверх – ведомый первой пары вползает в прицел, залп из всех пяти стволов, резкий отворот вправо – теперь в прицеле сам ведущий, снова залп, ручку от себя, поворот через правое крыло, полупетля вниз, уход на контркурсе. Если всё получится, и в одном заходе ему удастся сбить обоих, то на киле его Густава к 64 отметкам его побед можно будет пририсовать ещё парочку.

Ведущая пара русских уже была почти прямо над головой. «Так...так... вот! Пора!» Ганс Грауптнер плавно потянул ручку на себя.

Неожиданно уши в шлемофоне резанул звенящий от напряжения голос девушки:

– Снизу! Под хвостом! Два немца! Почти под нами!

Андрей, уже готовый к маневру, среагировал мгновенно, резко и до упора выбрав ручку на себя, и одновременно левой рукой двинул вперёд до упора ручку газа. 1720-сильный мотор, проглотив увеличенную порцию топливо-воздушной смеси, взревел, и напористо потащил самолёт вверх. Перегрузка, чуть не расплющив, с силой вдавила Андрея в кресло.

Стрелок Коля Никишин и все пилоты остальной четвёрки Илов, идущих в пеленге сзади и левее, с удивлением увидели, как самолёт Чудилина резко вздёрнул свой нос и как ужаленный, свечкой пошёл вверх. И тут же темноту раскололи вспышки выстрелов крупнокалиберного пулемёта заднего стрелка. Длинная, очень длинная очередь бесконечным огненным снопом ушла вниз, в темноту, мотнувшись из стороны в сторону, как бы ища во что упереться, и наконец, через секунду, воткнулась в смутный, почти невидимый в темноте, худой силуэт, подкрадывающийся к шестёрке Илов снизу.

Русский штурмовик, увеличиваясь, уже почти вполз в прицел, до открытия огня осталось какая-то пара секунд, как вдруг произошло нечто, чего немецкий ас никак не ожидал: Ил-2, идя в общем, плотном пеленге, резко задрал нос, и свечой пошёл вверх, а из задней огневой точки в его сторону рванулся плотный пучок трассирующих пуль. Ганс судорожно бросил свой истребитель в сторону, но поздно – огненная струя из трассеров, шарахнувшись из стороны в сторону, че-

рез какие-то мгновения упёрлась в его самолёт...

Ведущий мессершмитт взорвался, раскидывая в разные стороны горящие обломки, а трасса пулемёта метнулась к следующей смутной тени, и несмотря на то, что пилот ведомого мессершмитта мгновенно среагировав, бросил машину вниз, она зацепила и его.

Почувствовав всем телом потерю скорости (задница оторвалась от чашки сиденья), Андрей отдал ручку от себя, и его Ил-2, оказавшийся выше и сзади метров на 200 от основного строя, тяжело перевалившись в верхней точке горки, опустил нос и вошёл в пикирование. Андрей хорошо видел, как все стрелки ушедших вперёд Илов стали отчаянно высаживать вниз, в темноту, очередь за очередью, отгоняя остальные истребители противника. Два Яка сорвались с высоты вниз, преследуя нападавших. Сбитый Агнией мессершмитт отдельными, пылающими обломками, валился вниз.

Андрей, разогнав скорость в пикировании, плавно догнал свою эскадрилью и аккуратно занял своё место в строю. Пролетая мимо самолёта Ильи Кутеева, он увидел, как тот, глядя на него, покрутил пальцем у виска, комэск же, открыв форточку и обернувшись назад, погрозил ему кулаком, а Коля Никишин в восхищении показал большой палец.

Выдохнул, чуть пришёл в себя, и с трудом уняв дрожание кончиков пальцев, щелкнул кнопкой СПУ:

– Агнюша, ты как?

Пауза, ответный щелчок:

– Вроде нормально.... Только тошнит немного....

– Ничего, это пройдёт.

– Андрюш, я ведь попала?

– Ого! Ещё как! Она ещё спрашивает! Да его в лоскуты разорвало! Ты же видела, как он горящий падал! И как ты его почувствовала?!

– Не знаю.... Это как.... Как... Вроде какого-то злого взгляда, что ли. Страшный, жуткий, прилипчивый. Как будто огромная, мерзкая тварь липким, вонючим языком ощупывает тебя, перед тем, как сожрать! У меня до сих пор дрожь по всему телу... За тебя сильно испугалась. Что не успею...

– Ну и ну! Чудеса, да и только, – только и мог вымолвить Андрей.

Пересекли линию фронта, углубились на вражескую территорию и через три минуты всё группой плавно повернули на 90 градусов влево. Через минуту полёта сделали ещё один разворот влево на 45 градусов. Теперь светлая часть небосклона с готовым вот-вот показаться из-за горизонта солнцем оказалась прямо по курсу. Впереди, отражая своей поверхностью небо, блеснула извилистая лента реки.

Щёлкнуло в наушниках, и с шумами эфира в голову ворвался голос командира эскадрильи:

– Внимание, цель перед нами, вторая эскадрилья – заходим слева, работаем с левого круга.

Андрей увидел, как самолёт комэска стал закладывать пологий левый вираж, и последовал за ним. Остальные четыре самолёта их шестёрки повторили этот манёвр, сохраняя строй правого пеленга. Третья же эскадрилья, напротив, стала пологим виражом плавно уходить вправо. Первая эскадрилья продолжала идти по прямой. Шесть пар Яков разделились на четыре звена: по две пары разошлись вправо и влево, прикрывая вторую и третью эскадрильи, последние две пары остались с шестёркой штурмовиков, идущих прямым курсом.

Край оранжевого солнца показался над кромкой земли, сразу стало светлее. Две ударные шестёрки Илов, каждая сохраняя строй пеленга, гигантскими клещами обхватывали район нахождения немецкой переправы, которая уже была отчётливо видна: два наведённых моста, по которым шли вереницы машин, танков, и прочей техники. Самолёт комэска стал совершать правый пологий вираж, выходя почти в лоб второй шестёрке илов.

А первая эскадрилья уже начала своё пологое пикирование на враз заговорившие зенитки фашистов. Андрей видел, как тоненькие дымные трассы, увенчанные маленькими огненными шариками, потянулись в веренице из шести тёмных чёрточек, к которым угадывались самолёты первой эскадрильи. Было хорошо видно, как самолёты первой эскадрильи отработали по позициям обнаруживших себя зениток ЭРЭСами, а потом засыпали их мелкими осколочными бом-

бами. Четвёрка Яков, оттянувшись выше, тёмными мухами шустрили на высоте, выполняя противозенитный маневр, но не теряя при этом из виду своих подопечных.

– Увеличиваем дистанцию! – ворвался в наушники голос комэска, когда левый мост оказался у них по левую руку. Ведущий Ил заложил крутой вираж влево, вываливаясь из строя. Выдержав 3-х секундную паузу, Андрей сделал тоже самое, оказавшись за хвостом ведущего уже на дистанции 300 метров. Оставшиеся четыре самолёта в точности повторили манёвр, растянувшись в длинную вереницу.

Войдя в пологое пике вслед за командиром, Андрей перехватил ручку левой рукой, а правую положил на рычаг ручного сброса бомб. «Ну же.... Ну же...» пульсировала в голове мысль – «почему он не бросает?» Наконец, от ведущего самолёта отделились четыре жирные, толстые капли, и разгоняясь в свободном падении, устремились вниз. Андрей дёрнул рычаг сброса, самолёт, вмиг полегчавший на четыре центнера, ощутимо тряхнуло. Через пару секунд внизу рвануло так, что самолёт Андрея подбросило, как на ухабе. Рвануло, уже сзади, второй раз. «Это мои!» Мелькнула мысль. Самолёт комэска пошёл с набором высоты в левый вираж, замыкая круг.

Круг замкнулся, ведущий пошёл на второй круг, снижаясь над переправой, чтобы атаковать ЭРЭСами. К атакующим самолётам уже потянулись трассы малокалиберных зениток. Много, очень много. Значит, не всех заткнули... А

может, какая-то часть при атаке первой эскадрильи просто молчала, не обнаруживая себя. Андрей, вслед за самолётом командира эскадрильи спикировал на ближайшую к нему зенитку и накрыл её залпом ЭРЭСов, пролетая над рухнувшим мостом, ухитрился дать прицельную очередь по ещё одной зенитке за мостом.

На третьем круге прошлись, как и было решено заранее, по технике, успевшей переправиться на этот берег. Патронов и снарядов не жалели, перемешали всё в кашу. Сделав третий заход, командир разорвал круг, и со снижением пошёл в сторону леса

– Ребята, кончай работу, уходим! – послышался в наушниках его голос.

Шестёрка Илов, отработав по целям, снижаясь до бреющего полёта, на максимальной скорости уходила в сторону от переправы. Отлетев на пару километров, и дождавшись, пока прекратится огонь зенитной артиллерии немцев, группа собралась на змейке, и, сохраняя высокую скорость, прижимаясь к земле, пошла на восток.

– Агнюша, ну, как ты?

Через долгую паузу – щелчок в наушниках:

– Да вроде ничего так... Укачало меня опять. Тошнит...

Ой, плохо мне... бе-е-э-э.

– Ну, держись! Скоро прилетим. Ты сегодня – молодец!

– Ага...

Глава 29. Качай её!

Сели, зарулили. Заглушив мотор, и выпроставшись из своей кабины, Андрей прошёл по крылу до фонаря стрелка, открыл замки, откинул вбок фонарь. Девушка с бледно-зелёным лицом сидела на ремне, нахохлившись, как маленький воробей на жёрдочке, пристёгнутая стальным тросиком с карабином к борту самолёта. Широко расставленными ногами она упиралась в задние бронедверки, а руками крепко держалась за пулемёт. Подбежавшая Шурка с разбегу взлетела сзади на крыло.

– Слава Богу! С возвращением, командир! – от избытка чувств она обняла Андрея, и уже обращаясь к Агнии:

– Агнюша, ну ты чего? Вылезай! Отцепляйся, давай!

– Не могу... – та чуть не плача, – всё кружится, и тошнит... И я тут опять... – она горестно всхлипнула.

– Ну, хоть не вырвало в этот-то раз? Что, опять вырвало? – Александра заглянула в кабину: – Ох, ё-ё-ё! Матушки мои! Ну и ладно, я всё уберу, не переживай, давай-ка, милая, выкарабкивайся! – Шурка стала отстёгивать ей тросик.

Вдвоём с Андреем они буквально волоком вытащили её из кабины, поставили на землю. Её здорово качало из стороны в сторону.

– Она у нас сегодня герой! – снимая шлем, и вытирая пот со лба, сказал Андрей.

– Да ну?! А что было? – Александра широко распахнула глаза.

– Фрица сбила. Да так сбила, что только ошмётки полете-

ли. В лоскуты! И самое интересное: никто кроме неё этого фрица не увидел – он, гад, в темноте, снизу подобрался. И она его сняла, представляешь?!

– Вот это да! – восхитилась Шурка, и уже к Агнии: – вот ты же молодчина! С почином тебя!

– Ладно, пойдём, доложимся.

– Ой, Андрюш, пойди без меня. Я...я... – она смущённо скосила глаза вниз, – я тут... мне и на комбез... тоже попало немного... в общем, я... вся испачканная...

На её комбезе под подбородком выделялось большое влажное пятно.

– Да успокойся ты! – стала успокаивать её Шурка, – с кем не бывает! Правда, товарищ командир?

Она вынула из кармана промасленную тряпку, и принялась размазывать то, что было у Агнии на груди, по всему комбинезону.

– Конечно! Подумаешь, ерунда! Никто и не увидит! – кивая, подтвердил Андрей, – просто вспотела немного, и все дела! Я тоже весь мокрый от пота.

– А ну-ка, дайте посмотреть на главного снайпера!!! – заорал Коля-егоза, выскочив из-за борта их самолёта. Как он подбегал, они не заметили – борт их самолёта закрывал от них самолёт комэска.

Он облапил её и стал тискать со словами:

– Ну ты, Огонёк, даёшь! Ну, ты молодец! Ай, да умница! И как ты их углядела-то, а?! А как срезала!

Увидев мокрое пятно у неё на груди, бросил взгляд на Андрея, потом на Шурку, втянул ноздрями воздух, принюхиваясь, кашлянул в кулак и изрёк:

– Фигня! Не считается! При такой болтанке травят все! Обоссись, обосрись, но боевую задачу выполни! Задача выполнена?! – он посмотрел на девушку, смущённо прячущую взгляд, – выполнена!! Какие могут быть вопросы? Вон, Веселовский в первом вылете вообще полные штаны навалил! Аж до коленок отвисли! И до сих пор, кстати, ни одного фрица так и не сбил!

– Всё равно никуда не пойду.... Пока не отмоюсь, – она сокрушённо вздохнула.

– Поздно, – философски изрёк Коля Никишин, – они уже здесь, сейчас будут поздравлять.

И точно – к ним бежала нестройная толпа лётчиков и стрелков. И напрасно Агния, ойкнув, пыталась спрятаться за спину Андрея: два десятка сильных мужских рук с воплями:

– Качай её!!!

подхватили, подбросили в небо, потом поймали, и снова подбросили, и так много раз, несмотря на её мольбы. Наконец, набросавшись вдоволь, поставили ногами на землю.

– Ой, мужчины.... Я ж упаду.... – она действительно стала падать – ноги её уже не держали.

– Зачем на зэмлию ставыть? – Жорик подхватил оседающую на землю девушку, и отдавая её Андрею на руки, продолжил: – вот так нада! Нада прямо на руки атдавать! Ват

так и насы тэпэр! На руках!

Мотористы, техники, вооруженцы, как муравьи облепили вернувшиеся самолёты и стали готовить их к повторному вылету.

– Нет, ну вы посмотрите, а! весь ствол синий! Это ж как надо стрелять-то?! – это Лушка, добравшись до турельного Березина, начала возмущаться. Ствол крупнокалиберного УБТ действительно, был в цветах побежалости, что свидетельствовало о его явном перегреве в процессе стрельбы.

Заглянула в нутро патронного ящика:

– Ну да, почти полкоробки нету. Ты что, треть боекомплекта одной очередью высадила, так что ли? – уперев руки в бока, она грозно посмотрела на стоявшую рядом Агнию. Та в ответ только захлопала глазами, не понимая, в чём её вина, и за что её так распекают.

– Я стреляла... да, – она оглянулась по сторонам, ища поддержки. Никого из близких ей людей рядом не было, и ей стало неуютно.

– Стреляла она! Вот ствол-то и расстреляла! Что с ним таким теперя делать, а? Тока менять!

Она стала дёргать ручку перезарядки пулемёта:

– Ё-моё! Ну конечно, ещё и это! Заклинило нахрен! Дульце гильзы оборвало!!

– Лушка, ты чего разоралась? – попробовал её укоротить усатый пожилой моторист их звена, которого все звали дядя

Юра.

– А кому возиться-то, а? Мне и возиться! Я ещё и не так разорусь!

Андрей, в этот момент получал наставления от Славы Миронова, стоя рядом с ним у его самолёта, здесь же был и стрелок Коля. Услышав вопли Лушки, и увидев стоящую внизу с поникшей головой Агнию, сорвался с места и помчался к своему самолёту. Коля бросился за ним. Комэск постоял пару секунд, раздумывая – вмешиваться или нет. И тоже решительно зашагал к самолёту Чудилина.

– А ну-ка, молчать! – грозно рявкнул Андрей, подбегая. Агния тут же спряталась за его широкую спину.

– Ты чего тут... бл... моего стрелка обижаешь, а? Что за херня?! – сорвался он цепным кобелём на Лушку.

– А вот такая херня! – не унималась Лушка, – тут работы на пару часов, и где я вам ствол новый возьму?

– Эта девчушка, между прочим, сегодня всю эскадрилью спасла! – сказал сразу врубившийся в создавшуюся ситуацию Коля. – Она такого фрица сняла, которого даже я не смог бы, вот так! И поэтому ты сейчас не только новый ствол, ты ей новый пулемёт поставишь, понятно?! И на всё тебе четверть часа!

– Ишь, какой камандир нашёлси! – ехидно сжимая губы и прищурившись, Лушка упёрлась кулаками себе в бока, – новый пулемёт! Да игде я его вам возьму-то? Сергей Макарыч ещё третьего дня сказал, что ничего не даст.

– С Макарычем я договорюсь, – спокойно сказал подошедший комэск, – Лушка, уймись. Она действительно не виновата. В тот момент по-иному было нельзя. Иначе половина эскадрильи не вернулась бы.

Лукерья фыркнула, и недовольно засопела, отсоединяя патронную коробку с остатком ленты.

Слава Миронов, хмыкнул, поправил ремень.

– Снимай пулемёт, – это Лукерье, потом, повернувшись к Андрею: – Андрюха, пойдём к Макарычу. Сейчас всё решим.

Коля остался контролировать процесс снятия пулемёта, Агния от греха подальше, заторопилась вслед за Андреем и Славой.

– Наделала я вам хлопот, – виновато оправдывалась она, – я же не знала... что такую длинную очередь давать нельзя...

– Да всё ты правильно сделала! Так было надо! Ты не только нас с тобой, ты пол эскадрильи спасла. И плевать на этот посиневший ствол! – ободрил её Андрей, и решительно рубанул воздух рукой: – главное, что фрица того в землю закопала! Так и надо их! В лоб! И без выходного пособия!

Проблема, действительно, решилась быстро: через полчаса на штурмовике под номером 7 стоял хоть и не новый, но совершенно исправный УБТ.

– Ты вот что, Огонёк, – давал наставления Агнии Колька, – ты длинными очередями не сади, ты короткими бей – оно и точнее, и ствол не раскаляется. Да и боекомплект экономится. Длина очереди – не более 10 выстрелов за раз. А

лучше – короче. Усекла?

– Ага, – она кивнула в ответ.

– А вообще. . . Ты знаешь, Огонёк, тебе бы ещё и Папашу в кабину. Да пару дисков запасных.

– Кого, кого? Чего? – округлила глаза девушка.

– Ну, папашу. . . . – Колька испытующе посмотрел на хлопавшую глазами девушку, и поняв, что она не врубается, пояснил: – ну автомат, ППШ.

Агния продолжала хлопать глазами, потом, сделав жалобное лицо, умоляюще попросила:

– Ну не мучай меня, объясни мне, про что ты говоришь. . .

– Так, пойдём, – он решительно взял её за руку, и повел к своему самолёту.

– Вот ей богу, ты как лунатик! Ты что, с луны свалилась? Хотя нет – ты с марса! Я помнится, году в 38-м, на лекцию ходил, в клубе у нас была. Так вот, лекция называлась так: «есть ли жизнь на марсе?» Уж не помню, о чём там речь шла, но суть вроде такая: жизнь то ли есть, то ли нет её, но пока это точно никто не знает.

Он подсадил её на крыло:

– А я вот думаю, что всё-таки жизнь там есть, там такие, как ты живут! – он откинул вбок фонарь, ткнул пальцем в притороченный ремнями к борту пистолет-пулемёт ППШ: – вот, это и есть ППШ. Поняла?

– А, поняла! У нас с такими солдаты аэродром охраняют! – просияла она.

– Ну, наконец-то! – выдохнул с облегчением Коля.

– Коль, ну зачем мне это, а? У меня же пулемёт есть? Да и не умею я стрелять с этой штуки-то! Она и тяжёлая, поди...

– Тяжела-а-ая! Стреля-я-ять она не умеет! Пулемёт у ней есть.... А вот сядете вы на вынужденную, да ещё на немецкой территории, чем от немцев отстреливаться-то будете? Пукалками вот этими? – он ткнул пальцем в кобуру висящего у неё на поясе ТТ, – много не настроляешь. А автомат – это сила! И гранат ещё штуки три-четыре в запасе иметь неплохо. Оч-ч-чень полезная штука! Иногда.

– У нас есть одна.... – робко сказала девушка.

– Одна? Это хорошо. Но мало. И ППШ надо обязательно. Я вам помогу – просто так не получится. В БАО не дадут – там всё по счёту.

– А как тогда?

– Этот-то я у... – он на секунду замолк, не желая выдавать какую-то свою тайну, – не скажу где... выменял. На шило.

– На что?

– На шило, ну, то есть, на спирт. Там интер-р-р-ресная история с этим спиртом тогда получилась! – Коля пригоршней зачесал волосы назад и мечтательно улыбнулся, вспоминая что-то очень приятное, – но думаю, можно и на сгущёнку, шоколад, на курево там.... Но это, если «Казбек» только. На самом-то деле всё не так просто: оружие за каждым бойцом записано, на каждом автомате номер выбит. Но есть варианты... – он заговорчески подмигнул, – короче, подумаем, как

это сделать. Ладно, пойдём, а то вон, гляди – лётчики наши идут, похоже, что-то намечается.

Глава 30. Добить переправу!

Ещё до обеда поставили очередную боевую задачу: у разбитой утром переправы скопилась куча так и не переправленной на тот берег техники. Вот её-то, пользуясь моментом, и надо было добить.

Было принято решение лететь не откладывая, тем более, что самолёты стояли уже заправленные и с загруженным боекомплектом. На этот раз в бомбоотсеки половины штурмовиков загрузили по 96 ПТАБов⁶⁰, а вторая половина несла в своих крыльевых бомбоотсеках по три десятка 10-килограммовых осколочных АО-10. Точно так же, как и в первый вылет, всем подвесили по четыре ЭРЭСа. И точно так же, как и тогда, для облегчения взлёта баки залили не «по самую пробку», а на 2/3 – лететь было недалеко, как говорится, «за забор».

Погода, похоже, вознамерилась быть отменной до самого заката, поэтому стали готовить к вылету и первую эскадрилью, чтобы она была на подхвате на случай, если после обеда поступит ещё какая-либо боевая задача.

– Слушайте сюда, хлопцы, – командир эскадрильи капитан Вячеслав Мионов держал планшет с картой, – на этот

⁶⁰ ПТАБ, противотанковая авиабомба – небольшая бомбочка, весом 1,5кг, и размером с полуторалитровую бутылку. Имела кумулятивную боевую часть, пробивавшую верхнюю броню любого немецкого танка.

раз никаких финтов с заходом с запада не делаем, атакуем с ходу – солнце уже высоко. Далее: никаких хитрых маневров, как в первом вылете – тут не до жиру. Летим прямо в лоб – мы в то место, где был левый мост, шестёрка с третьей эскадрильи – правее, где был правый. И там, и там полно техники. В районе цели нас наверняка уже ждут, – он обвёл взглядом хмурые лица, – с оркестром. Думаю, что и истребители подтянут. Да и зенитки все, что были, уже наверняка успели восстановить. Хорошо, если новых не успели подкинуть для нашего полного счастья. Поэтому тактика такая: идём правым пеленгом, за 15 км до цели переходим на бреющий, за три километра до цели делаем горку, на планировании увеличиваем дистанцию до 100 метров между самолётами. Делаем один, повторяю – один заход! В скопление техники бьём ЭР-ЭСами, причёсываем пушечно-пулемётным огнём, и на выходе бросаем бомбы. Там не промахнёшься! Никаких вторых и третьих заходов! Всю нагрузку сбрасываем за один заход! Всем понятно?

И опять, как перед первым вылетом, общее молчание было ответом. А что было говорить? Все они были битые и опытные бойцы, и каждый понимал, что иного способа выполнить боевую задачу нет – лишняя минута нахождения над целью в таких условиях может привести к невосполнимым потерям.

– Все хлопцы, по коням. Вылет через 5 минут.

Взлетели на этот раз в уменьшенном составе – двумя ше-

стёрками. Точно также, проходя над аэродромом истребителей, подхватили свой эскорт в составе двенадцати Як-7Б.

Через пять минут после подхвата Яков вся группа из двух шестёрок Илов стала плавно уменьшать высоту, пока не перешли на бреющий полёт. Тяжёлые машины почти стригли верхушки сосен, и приходилось уделять повышенное внимание пилотированию. Идти плотным строем и без того достаточно трудно: надо не только активно шуровать ручкой и педалями, но и постоянно работать газом, пытаясь удержаться на необходимой дистанции за ведущим. А тут ещё и земля рядом...

Агния, сидя на широком ремне в своей кабине, с любопытством оглядывалась по сторонам: при полёте на высоте считанных десятков метров картины зимних пейзажей так стремительно проносились мимо, что захватывало дух. Хотелось поделиться своими ощущениями с Андреем, но лоя его мысли, которые были заняты исключительно пилотированием самолёта, она понимала, что любым разговором она может ему сильно помешать, поэтому сидела и помалкивала. Полчаса назад, присутствуя вместе со всеми стрелками при постановке боевой задачи, она хоть и не поняла до конца всех тонкостей предстоящего вылета, но легко улавливая мыслеобразы присутствовавших пилотов, девушка со всей чёткостью осознала, что дело им предстоит крайне трудное и рискованное. И ещё неизвестно, что лично ей предстоит сегодня сделать для того, чтобы защитить Андрея от смерти.

Пытаясь отогнать от себя тяжёлые мысли, она поправила на себе неуклюже-громоздкий американский бронежилет, поудобнее устроилась на ремне, и с удвоенным вниманием стала осматривать заднюю полусферу. Правее и немного сзади шла четвёрка штурмовиков их эскадрильи.

На этот раз к району разбитой переправы подходили по кратчайшему пути – солнце уже было достаточно высоко, и хитрость с заходом с тёмной стороны неба было уже не применить, да и любому дураку было понятно, что их там уже ждали. Вот только никто не ожидал, что будут ждать ТАК.

Над целью вился целый рой вражеских истребителей – явно больше двух десятков. Видимо, не в силах оперативно подтянуть к месту предполагаемой атаки дополнительные батареи зенитной артиллерии, немцы решили задачу другим, доступным им способом.

Завидев приближающуюся группу Яков (а первоначально они увидели именно их, так как Яки шли с превышением над Илами на 200 метров) немцы явно зашевелились: какая-то часть их истребителей направилась в их сторону, какая-то осталась барражировать на месте, а остальные пошли в набор высоты.

– Внимание! Истребители противника! – раздался в наушниках голос командира эскадрильи. Андрей посмотрел по сторонам, на самолёты их шестёрки. Было видно, как на ближайших к нему самолётах стрелки подобрались, прильнули к пулемётам.

– Внимание! – опять раздался голос комэска, – делаем горку!

И самолёт командира полез вверх. Андрей вслед за ним плавно потянул ручку на себя, следя за самолётом ведущего. Вот он перевалился через верхнюю точку и заскользил вниз, как на санках с горки. Андрей сделал горку чуть выше, чтобы увеличить дистанцию, и вошёл в пологое пике.

Смотреть по сторонам ему было уже некогда. А там уже закручивалась собачья свалка между нашими и немецкими истребителями. Четыре пары мессеров (это те, что сразу полезли в набор высоты), свалились сверху, как снег на голову, на истребители сопровождения, пытаясь связать их боем. Но те наши Яки, что сопровождали Илы, вёл в бой командир эскадрильи капитан Сергачёв, боевого опыта которому было не занимать, и уловка не прошла: в бой с мессерами ввязались только две пары Яков, остальные же пошли в набор высоты, не теряя из виду своих подопечных.

Четыре пары немецких истребителей, наращивая скорость, а это было видно по усиленному выхлопу их двигателей, пошли прямо в лоб на шестёрку Илов второй эскадрильи (в составе которой и летел Андрей), сопровождаемых четвёркой Яков. Когда дистанция сократилась до полутора километров, уже легко можно было узнать в них Фокке-Вульф-190. Только у них были такие характерные, широкие и лобастые носы.

Чем руководствовались немецкие пилоты Фоккеро́в, идя

в лобовую атаку на бронированные Илы? Побудительными мотивами могло быть и приличное преимущество в залпе⁶¹, и надежда на то, что штурмовики будут слишком заняты атакой по наземным целям. А может, выиграла в крови тевтонская гордыня, или же они получили однозначный приказ не позволить Илам отработать по переправе. Одним из решающих факторов могла быть и неплохая защищённость лётчика Фокке-Вульфа в лобовых атаках – широкий, звездообразный мотор защищал пилота лучше всякой брони. Да и бронирован Фоккер тоже был неплохо, в том числе и с фронтальной проекции тоже.

Как бы там ни было, но восьмёрка Фоккеров пошла в лобовую...

– Внимание! Истребители противника прямо по курсу! – все услышали в наушниках звенящий от боевого азарта голос командира эскадрильи, – приказываю – атаковать!

Все шесть Илов, только что сделавшие горку, и уже было начавшие свое пологое пикирование для атаки немецкой техники на земле, все, как один, подняли носы, и прибавив газу, пошли в лоб на восьмёрку Фоккеров...

Двинув ручку газа вперёд до упора, и немного взяв ручку управления самолётом на себя, стиснув зубы, лёгкими, чёткими движениями ручки Андрей вогнал одного из Фокке-

⁶¹ На восьми Фокке-Вульфах больше стволов, чем на шести Ил-2 и четырёх Як-7Б.

ров в центр прицела, взял чуть повыше (дистанция была метров 800...900) и нажал гашетки. Ил-2 содрогнулся от залпа, дымные трассы понеслись в сторону противника. На носгах и крыльях Фоккеров появились трепещущие, яркие вспышки, и точно такие же трассы устремились навстречу. Время растянулось. Широко раскрыв глаза, Андрей замороженно смотрел, как несутся навстречу плотные пучки трасс. Руки как будто свело судорогой, где-то в ставшей вдруг пустой, как котёл, голове билась единственная мысль: «главное – не сворачивать, главное – не сворачивать». Гулко бабахнуло по плоскостям, шваркнуло, рикошета и высекая искры, по бронекорпусу, хлестануло по лобовому бронестеклу. От этого удара Андрей на мгновение инстинктивно зажмурился, а когда открыл глаза снова, он увидел сквозь паутину трещин на лобовом стекле, как прямо в него летит, разваливаясь на горящие куски, расстрелянный им в упор Фокке-Вульф.

«Всё, амба» – стрельнуло в голове.

Но его руки и ноги сами, помимо его воли, вдруг стали работать, как будто кто-то жёстко и принудительно перехватил управление на себя. Левая нога толкнула педаль до упора, обе руки резко бросили ручку управления влево и тут же выбрали её до упора на себя. Самолёт мотнуло так, что от перегрузки потемнело в глазах, и было ощущение, что его буквально как студень размазало по спинке сиденья.

Разбрасывая в разные стороны горящие куски немецкого дюрала, в десяти метрах от него мелькнуло то, что ещё три

секунды назад было фашистским истребителем. Но он этого уже не видел – руки почему-то продолжали удерживать ручку управления в прежнем положении – влево до упора и на себя, до самых яиц, и самолёт, заносся хвост, перевернулся на спину.

Вывалившись из строя, и продолжая по инерции выписывать в небе свою кривую кадушку⁶², Андрей находясь во вращающемся самолёте вниз головой, запрокинув голову, через верхнее остекление кабины замороженно смотрел на то, как ещё пара сбитых Фоккеров пошла в свой последний путь к земле, как самолёт комэска, окутался облачками разрывов, мгновение спустя выскочил из них, и опустив нос, опять вошёл в пикирование. Справа и слева кометами промелькнула пятёрка оставшихся Фоккеров. Летел вниз, кувыркаясь без половинки консоли попавший под раздачу Як. Ещё один Як, с остановившимся винтом и с дымившим двигателем развернулся, и начал своё пологое пикирование на восток.

– Андрей, ну ты чего? Соберись! Вниз лети! Все уже вперёд ушли! Давай уже, бери управление! – зазвенел в наушниках возбуждённый голос Агнии.

Почувствовав, что непонятный столбняк его отпустил, он, спохватившись, отдал ручку от себя, выправил крен, подработал педалями и устремился вниз, вслед за ушедшей впе-

⁶² Вариация фигуры «бочка», но самолёт при этом не просто вращается вокруг своей оси, а выполняет эту фигуру размазано, одновременно перемещаясь по окружности.

рѣд эскадрильей. Самолѣт комэска, летевший первым, уже выскочил из атаки, второй и третий самолѣты били ЭРЭСами по куче сгрудившейся техники, четвёртый и пятый в пологом пике шли в атаку.

Получается, что вся пятёрка атакующих штурмовиков уже проскочила вперѣд, и Андрей пристроился за замыкающим строй самолѣтом, положив большие пальцы рук на обе гашетки на «баранке». Было хорошо видно, как по атакующим самолѣтам его эскадрильи бьют несколько зениток, но пятёрка Илов, имея приказ делать всего один заход, и не обращая внимания на их огонь, упорно шла вперѣд. Один за другим, заходя на цель, и выдерживая дистанцию в сотню метров, самолѣты били в кучу немецкой техники ЭРЭСами, проходились по грязно-белым кирпичикам танков, бронетранспортѣров и грузовиков из пушек и пулемѣтов, и в этом же заходе освобождались от бомбовой нагрузки.

Сотни ПТАБов сыпались вниз мелким горохом, накрывая технику сплошной пеленой мелких разрывов. Десятки осколочных десятикилограммовых АО-10 довершали погром, разрываясь среди техники и наспиговывая осколками всё, что не относилось к тяжѣлой бронетехнике: грузовики, мотоциклы, бронетранспортѣры. Получалось не очень точно, но учитывая большую площадь цели (остановившаяся колонна, расплзлась в стороны и походила теперь не на змею, а на толстую, кривую колбасу), получилось очень даже неплохо.

Сквозь сетку трещин на лобовом стекле теперь было плохо видно то, что происходило по курсу, но хоть как-то целиться было можно. Вот проскочила внизу река с разбитыми утром мостом, вот облака разрывов от ЭРЭСов и бомб от идущих впереди него штурмовиков. Добавив в эту кашу свои четыре ЭРЭСа, и прострочив пулемётно-пушечным огнём чудом уцелевшую цепочку грузовиков, стоявших чуть в сторонке, и выходя на ста метрах из пологого пикирования, рванул на себя рычаг ручного сброса бомб. Открылись створки крыльевых бомболюков, и 96 ПТАБов ринулись в свой последний полёт, довершая то, что уже сделала только что завершившая штурмовку пятёрка штурмовиков.

В наушники ворвался голос комэска:

– Чудилин! Твою мать! Почему оставил ведущего?!

– Фоккеры! Выбился из строя на лобовой! Догоняю!

Уже совершая отворот влево, и уходя от цели, Андрей увидел, что один из штурмовиков их шестёрки уже выйдя из зоны обстрела зениток, был стремительно атакован подскочившей парой мессеров, вывалился из строя, и теряя высоту, пошёл на снижение. Зенитки продолжали бить вслед уходящему от цели самолёту Андрея. Дважды гулко бабахнуло по левому крылу.

– Иду на вынужденную! Мотор! Мотор! – по интонациям Андрей узнал голос Мишки Никитенко.

Было видно, что он старается дотянуть до большой поляны, расположенной за небольшим перелеском, километрах в

полутора от горячей немецкой колонны у переправы.

Дав газ на максимум, Андрей, сопровождаемый трассами эрликонов, наконец-то догнал самолёт комэска и пристроился ему в хвост.

Едва перемахнув верхушки деревьев, самолёт Никитенко неловко плюхнулся на брюхо метрах в трёхстах от кромки леса.

Глава 31. Снайпер.

Пятёрка Илов встала в круг над поляной, а два Яка, как привязанные, крутились чуть повыше и в стороне. От немецкой колонны в их сторону, взметая снег, сначала рванули несколько мотоциклов с колясками, потом, переваливаясь на ухабах, и загребая снег гусеницами, начали движение «Ганомаг» с десятком пехотинцев, быстро набившихся в его чрево, и что-то ещё, похожее на «Ганомаг», такое же колёсно-гусеничное, открытое сверху и с длинным тонким стволом зенитки.

Пятёрка Илов, кружащая на высоте 200 метров, в полутора километрах от колонны, была прекрасно видна расчётам зениток, и они отводили душу, методично высаживая в их сторону обойму за обоймой. Из-за большой дистанции их огонь хоть и не был особо точным, но, тем не менее, был опасен – приходилось постоянно маневрировать по высоте, стараясь сбить прицел зенитчикам.

Встав вместе со всеми в левый вираж, Андрей Чудилин, бросив быстрый взгляд в левую форточку, увидел, как Миша Никитенко вывалился из кабины, встал на крыло и замаhal руками, мол, жив-здоров. Потом открыл фонарь стрелка, вытащил его, и сгибаясь под его весом, стал оттаскивать его от чадящего самолёта. Четыре мотоциклиста, БТР «Ганомаг» с пехотой и транспортёр с зениткой уже преодолели

половину расстояния до севшего на вынужденную штурмовика. Видать, фашисты серьёзно вознамерились отыгаться за разгром их колонны. Хотя бы на этом одном, сбитом и севшем на вынужденную русском штурмовике.

Надо было что-то решать, и очень быстро.

– Иду на посадку, – сквозь помехи все услышали голос командира эскадрильи, – Чудилин и Кутеев отсекайте немцев. Горидзе и Авдеев – заткните зенитки. Хотя бы пару заходов.

Два Ила – Авдеева и Горидзе сразу отвалили вправо и развернувшись, пошли в сторону ведущих по ним огонь зениток. По крутой глиссаде, с левого разворота, выпустив шасси и щитки, капитан Миронов стал заходить на посадку с таким расчётом, чтобы сесть рядом с подбитым самолётом Никитенко. Андрей и Илья, продолжая ходить кругами над поляной, остались прикрывать эвакуацию подбитого экипажа. Самолёт комэска, заходя на посадку в сторону лесочка, из которого вот-вот должны были вынырнуть преследователи, сел точнёхонько к подбитому самолёту. Коля откинул колпак фонаря, спрыгнул на снег и побежал навстречу Мише, тащившего раненого стрелка.

– Андрюха! Бей фрицев, не выпускай из леса! – услышал Андрей в наушниках голос Ильи.

Бить по немцам в пологом пикировании сквозь лес было не очень эффективно – очень большая часть пуль и снарядов просто не долетала до немцев, попадая в деревья и выбивая из них кучу щепы, и срубая тонкие стволы и ветки при

прямом попадании. Но выбора не было – нельзя было допустить, чтобы немцы вырвались из леса на поляну к севшему самолёту комэска. Заход, короткое пикирование под углом в 30 градусов, короткая очередь из всех стволов, выход над верхушками деревьев, вираж, набор высоты, разворот, снова заход. Не обращая внимания на атаки пары штурмовиков, немцы упорно пробивались к поляне. Андрей, заходя на бреющем в атаку на немцев, хорошо видел, что в кузове колёсно-гусеничного транспортёра с зениткой стоит немецкий офицер, активно машущий руками и отдающий какие-то команды солдатам. Именно он с бешеным упорством гнал их к поляне, с неукротимым желанием захватить экипаж сбитого русского штурмовика.

– Андрюха! Скажи стрелку, чтобы тоже бил на отходе! – и точно, услышав от командира звена этот приказ, Андрей видит, как после выхода Ильи из атаки, его стрелок, Толик Веселовский, высаживает длинные очереди по удаляющимся за хвост фашистам.

Нажатие кнопки СПУ на ручке управления, щелчок в наушниках:

– Агния....

В ответ звонко и возбуждённо:

– Я поняла! Выполняю!

Вираж, заход, атака. Когда потянул ручку на себя, сзади короткими, злыми очередями часто застучал УБТ Агнии. Похоже, мимо... Нет, зацепила! – два мотоциклиста с разма-

ху ткнулись в снег мордами. Ещё один заход Ильи Кутеева, и «Ганомаг» с пехотой съехал в сторону и уткнулся в поваленный ствол дерева. Но транспортёр с зениткой и два оставшихся мотоциклиста, подгоняемые железной волей немецкого офицера, на предельной скорости, виляя между деревьями, уже почти подъехали к краю леса. До поляны им оставалось метров 50.

Коля с Мишей наконец-то перевалили потерявшего сознание стрелка в заднюю кабину, пропихнули его за распахнутые бронедверки, с матюками завалились сами, и захлопнули фонарь. Слава Миронов, наблюдавший за их действиями, высунувшись в форточку, тут же дал по газам и пошёл на взлёт...

Два Ила, ушедшие назад, в сторону зениток, сделали на них два захода, пушечно-пулемётным огнём подавили из семи штук четыре, и развернулись обратно. Зенитный огонь заметно ослаб.

Андрей, занятый прикрытием командира, севшего, чтобы подобрать сбитых товарищей, не видел очень многого, что происходило вокруг. А вокруг разворачивалась поистине грандиозная картина: третья эскадрилья, точно так же как и вторая, была атакована Фоккерами в лоб. Но там решающую роль в отбитии атаки сыграли истребители прикрытия – успев вырваться вперёд, они свалились на них сверху, и сорвали атаку Фокке-Вульффов, и те, несолоно хлебавши,

ушли в набор высоты. Шестёрка штурмовиков третьей эскадрильи точно также, в одном заходе, успешно отработала по колонне в своём секторе атаки. Но уходя от цели, она была атакована четырьмя парами мессершмиттов, теми самыми, которые остались барражировать в районе цели. Правда, с началом зенитного огня они чуть-чуть оттянулись в сторону, чтобы не попасть под огонь своих же зенитчиков, но расчёт их был верный: шестёрка штурмовиков при выходе из атаки выскочила именно в их сторону. Яки сопровождения этой шестёрки, две пары, с началом атаки по колонне оттянувшись вверх, снова нырнули пониже, к Илам, и яростными, резкими клевками в стороны выходивших на дистанцию открытия огня мессеров, срывали им атаки.

А в стороне от этого, на высоте около двух километров, крутился клубок собачьей свалки: там две пары Яков на смерть рубились с восьмёркой мессеров. В эфире стоял гвалт и мат.

Ил-2 комэска, неся в своём нутре два экипажа, вздымая снежный вихрь, и оставляя далеко позади вырвавшихся -таки на опушку леса фашистов, оторвался от заснеженной поляны и, убрав шасси и щитки, пошёл с прижимчиком⁶³ низко над поляной, быстро набирая скорость. Транспортёр с 37-мм зениткой всё-таки настырно выполз из перелеска, и её расчёт сноровисто и довольно точно открыл огонь вдогонку

⁶³ После отрыва самолёт, убрав шасси, не идёт в набор высоты, а продолжает лететь на высоте в несколько метров, прижимаясь к земле и наращивая скорость.

уходящему от них самолёту русских.

В сторону взлетающего самолёта со скоростью 800 метров в секунду устремились шесть огненных мячиков первой очереди⁶⁴... Промах! С двухсекундным интервалом вслед рванулась следующая шестёрка. Потом ещё одна... Трассы цветным веником полощутся всё ближе и ближе к уходящему самолёту. В кузове транспортёра с зениткой трое подносчиков, как кочегары с лопатами перед топкой, работают, как черти, в бешеном темпе втыкая в окно приёмника клыкастые б-и снарядные обоймы один за другим. Заходясь в истерике, «Эрликон» жадно пожирает снаряды, и лупит всё точнее и точнее вслед удаляющемуся от него русскому штурмовику.

– Андрюха, бей зенитку! Я пустой! – слышит Андрей голос командира звена, но всё и так понятно без слов: зенитку надо подавить, иначе взлетающему Илу хана. Разворот, заход... неудачно... («бля... не попаду!») Пытаясь загнать стреляющую зенитку в перекрестие прицела («чёрт, ещё ни-фига не видно через эти трещины!!») Андрей усиленно работает ручкой и педалями, и его Ил, заложив фантастически крутой вираж на маленькой скорости, чуть не срывается в штопор. Лихорадочно шуруя ручкой и педалями, Андрей у самой земли подхватывает тяжёлую, неповоротливую машину. И даже успевает стрельнуть в сторону немцев. Естественно, не попал.

Но попала Агния.

⁶⁴ У немецких 37-мм зениток были шести-снарядные обоймы.

Упёршись ногами в бронедверки, и крепко держась за пулемёт, вывернутый ею влево-вниз, она чётко секла ситуацию, и как только зенитная самоходка буквально на секунду выскочила из-под правого крыла самолёта, мгновенно повернула ствол пулемёта в ту сторону и дала убийственно-точную односекундную очередь.

Дистанция была кинжальной, около 100 метров – всех, кто был в кузове у зенитки, в полсекунды просто перемололо в кровавую кашу. Оторванная крупнокалиберной пулей рука фашистского офицера, кувыряясь, отлетела метров на двадцать в сторону. Расширенными от ужаса глазами девушка провожала взглядом уходящую за хвост зенитку со страшными результатами её работы.

Андрей, слыша стрельбу из заднего пулемёта, не придавал этому особого значения, и стал разворачиваться для ещё одного захода на зенитку.

В наушниках послышалось:

– Андрюша, не надо, летим домой. Я их... я их убила.

Всех...

Андрей обернулся: зенитка, действительно, молчала.

– Что, попала?

– Да.

Он молча развернулся и, сопровождаемый Ильёй Кутеевым, прибавив газу, пошёл догонять самолёт комэска, к которому уже успели пристроиться Горидзе и Авдеев. За ними, держась с превышением в 200 метров, и оттянувшись впра-

во и немного назад, чтобы не потерять из виду немного отставшие самолёты Чудилина и Кутеева, неотрывно следовали два Яка.

Всю обратную дорогу домой Агния молчала, на вопросы Андрея (как самочувствие, всё ли хорошо?), отвечала неохотно и односложно.

Через двадцать минут полёта показался свой аэродром. Сели, зарулили на свою стоянку. Шурка, отметив про себя несколько пробоин на крыле и зарубин на бронекорпусе, вспрыгнув на крыло, дёрнула назад подвижную часть фонаря. Андрей отстегнул парашют и с трудом выпростался из кабины.

– Не ранен, командир? – Александра тревожно смотрела на него.

– Не... жив-здоров. Нормально.

Шурка полезла в кабину за его парашютом.

– Агнюша, вылазь! – Шурка помогла и ей вылезти из кабины, – давай сюда и твой парашют! Как машина? Я смотрю, вас пометило?

– Хы! Пометило! На лобовой с Фоккерами схлестнулись. А так – да, в норме. Всё стреляет, всё летает. Спасибо.

– Почему вас пятеро? Кого сбили?

– Мишку с Серёгой.

– Ой! – она схватилась за щёки.

– Да не пугайся. Их комэск с Колькой подобрали, вон вытаскивают уже. Пошли-ка, поможем!

Из задней кабины командирского Ила уже действительно, совместными усилиями вынимали раненого стрелка Сергея Чекмирёва, молодого белобрысого парня, которому едва исполнилось 19. Раненый был без сознания, его сразу уложили на носилки и солдаты с носилками рысцой посеменили к стоящей недалеко машине. Мишка с залитым кровью лбом бежал рядом и жалобно просил:

– Ребятки, потише, потише – не растрясите его! Быстрее тащите!

– Так тебе быстрее или потише? – запыхиваясь от бега, прохрипел один из носильщиков.

– Давай я тебе памагу! – Жорик схватился сзади сбоку за носилки, – хароший челавек умирает!

Андрей молча схватился спереди, помогая переднему солдатику.

Вчетвером аккуратно и быстро погрузили раненого сержанта в кузов полуторки. Солдатики полезли в кузов.

Агния распахнула на Андрея свои большие карие глаза и тихонько сказала:

– Я наверно, нужна там буду, да?

– Да, конечно, конечно, давай! – он подхватил её под попу и одним сильным движением забросил в кузов. Стрелки Толик Веселовский и Асланбек Атынбаев заскочили в кузов, чтобы помочь выгрузить раненого товарища у медсанчасти.

Пилоты остались на разбор полёта.

Глава 32. Исцеление.

На стрелка было страшно смотреть – вся голова у него была залита кровью. Но рана на голове не была смертельной – там пуля прошла по касательной, содрав кожу и вырвав клочок волос. Гораздо опаснее было ранение в живот. Выпущенная почти в упор, бронебойно-трассирующая пуля от 7,92 мм пулемёта MG17 на скорости около 800 м/с проткнула, как картон, 6 миллиметров гомогенной брони, прошла, даже не заметив, сквозь тело стрелка и со страшной силой ударила в 12-мм бронеплиту за спиной пилота. Не сумев преодолеть броню, пуля, выбив из брони несколько мелких осколков и оставив на ней глубокую отметину, потеряла всю свою энергию, и бессильно упала к ногам борт.стрелка.

Когда вытаскивали носилки из машины, Сергей пришёл в сознание, и теперь, прижав руки к животу, безумными глазами смотрел на окружающих. Медсёстры принялись сноровисто стаскивать с него зимний комбез. Стрелки Толик и Асланбек смущённо топтались в коридоре. Агния стояла у стенки, и закусив губу, смотрела на раненого.

– Ну а вы чего здесь столпились? Что, цирк тут вам? – заорал на стрелков доктор Запольский. Те поспешно развернулись, и толкаясь у двери, выскочили на улицу.

– А ты, деточка, не уходи, – обратился он к Агнии, – боюсь, что ты можешь понадобиться....

– Ну-с, – он посмотрел на раненого....

Миша Никитенко без шлема сидел на пеньке, матерился, плевался и плакал.

– Да успокойся ты! – Андрей платком вытирал ему кровь со лба: осколок прошёл по касательной, сделав над бровью глубокий порез. Отвалившийся лоскут кожи висел, закрывая бровь. Кровь, никак не хотела останавливаться и постоянно сочилась из раны.

Комэск принял доклады от пилотов, приказал Андрею сопровождать Мишу до санчасти. А сам усталой походкой пошёл докладывать на КП о результатах вылета.

– Это я виноват! Я! – Мишка, спотыкаясь и загребая унтами снег, шёл, сопровождаемый Андреем, – он мне: «Мишка, уходи вправо – мессер сзади!» А я.... А я прямо иду, как заторможенный – откуда эта пара выскочила? Чёрт её разберёт! А фриц как даст! У меня сразу движок встал, так я ни об чём другом уже и думать не мог – лишь бы сесть. Хоть как-то! А потом сел, вам машу, что живой, Серёге кричу – вылезай! А он молчок! Я к нему в кабину – а он там лежит. Весь в крови, понимаешь?! И молчит!! – Миша опять заплакал.

– Всё, всё, хватит. Успокойся. Выживет он – я тебе говорю.

– Да какое выживет?! У него ранение в живот! Это же как-юк, непонятно, что ли?

– Агния там, поможет Филлипычу.

– Да как она ему поможет-то?

– Вчера же Витька выжил. А все тоже думали – каюк. Забыл?

Они подошли к крыльцу дома, в котором располагалась полковая медсанчасть, или как её иногда называли те, что постарше – околоток. Мишка сплюнул в сторону.

– Ну, выжил. А Агния при чём?

– При том. Дар у неё есть. На ноги поднимать. Я вон позавчера весь контуженный-переконтуженный был, а на следующее утро – как огурчик. Что думаешь, само получилось?

Мишка открыл рот:

– А и правда! А как так?

– А вот так. Я же говорю – дар у неё есть. Природный феномен. Если совсем человеку худо, или там ранение смертельное – руками поводит, пошепчет, и всё. Уж как это у неё получается, я не знаю.

– Дела... а вот у нас в деревне бабка была... – Миша договорить не успел: на крыльцо вышла Агния, поддерживаемая под руку Лизой.

Андрей и Мишка бросились к ним с неммым вопросом в глазах.

– Да жив, жив ваш Серёнька, – Лиза передала Агнию Андрею, – держите её товарищ лейтенант, устала она, – повернулась опять к Мише: – спит, спит ваш товарищ – морфий вкололи, доктор сказал: жить будет. Сейчас будем отправлять в тыл. Пойдёмте, я вас перевяжу. Если хотите, можете

поехать вместе с ним, сопроводить чтобы.

Андрей обнял Агнию.

– Ну?

– Всё хорошо, Андрюша. Помогла немножко, пойдём.

– Ну, пойдём, – они потихоньку побреди в сторону стоянки.

– Устала?

– Немножко. Сегодня ещё полетим?

– Не знаю.... Может быть.

Помолчали немного.

– Ты знаешь, ты такая молодец! Ты уже двух человек от смерти спасла! Витьку вчера и Серёгу сегодня. Если бы не ты, то...

Она вздохнула.

– Когда спасаешь – душа радуется, – она опять вздохнула – а вот сегодня.... Я.... Я... ты знаешь, Андрюша, я этих немцев сегодня с пулемёта, одной очередью... всех, понимаешь. Всех! Одним нажатием пальца. Только, – она сглотнула, – брызги кровавые полетели в разные стороны.

Андрей сумрачно посопел носом, и спустя несколько секунд выдал:

– Они фашисты, Агниюша. Тебе их жалко?

– Не знаю. Я тебя спасала. Всех спасала. Но всё равно. Я не должна вот так людей убивать. Понимаешь, – она подняла на него карие глаза, в которых плескалась боль, – ангел-хранитель не должен так делать. Он должен хранить своего под-

опечного, не убивая других людей! – она сокрушённо вздохнула, – мой срок подходит к концу, Андрюша. И скоро мне придётся держать ТАМ ответ за мои дела здесь. С меня там спросят за всё. Топорно я свою работу делаю.

Она пригорюнилась.

Андрей гладил её по голове, пытаюсь успокоить.

– Ты вот что. Не переживай. Всё ты делаешь правильно. Тебя сюда послали? Послали. Ты меня здесь хранишь? Хранишь. Чем можешь, тем и хранишь. Пулемёт – твой инструмент. Немцы – враги. Нечего их жалеть, они пришли топтать нашу землю. В конце концов, у них есть свои ангелы-хранители, вот пусть они о них и заботятся. Вот так!

Он поцеловал её в губы.

– Пойдём скорее, и не думай ни о чём. Я тебя люблю!

– А он, гад, по нам всё садит и садит! – сверкая глазами и размахивая руками, возбуждённо рассказывал Коля собравшимся вокруг него, – главное, метко так, сволочуга, хреначит, пристрелялся значит, трассы всё ближе и ближе: у нас уже щепка с крыльев летит!

– Ну а ты чего ж? Чё, обратку-то никак фрицам не послать? У тебя ж полный боекомплект был!

– Да какая там, на хрен, обратка?! У меня Мишка на коленях, как младенец, сидит, скрючился, башкой в фонарь упирается, какой, к чёрту, пулемёт?! Он меня своей задницей так прижал, что не то, что из пулемёта стрелять, а почесаться

не могу! Во теснота какая! – Коля попробовал натурно показать, как он сидел в кабине с Мишкой на коленях: сидя на скамейке, он оторвал ноги от земли и подтянул к животу. Левую руку он завёл за спину, а правую, неестественно согнув, ткнул себе в подбородок, – да и чем стрелять-то?! Мне же, чтоб бронедверки в фюзеляж открыть, пришлось патронный ящик отстегнуть, и к едреням собачим за борт выкинуть!⁶⁵

Взрывы смеха разносились далеко по аэродрому.

– Ну вот, Колян, с тебя ещё и спросят за утрату военного имущества!

Андрей с Агнией подошли к собравшимся. Пилоты и стрелки, только что вернувшиеся с задания и пережившие стресс, с удовольствием слушали рассказ балагура Коли про то, как они с комэском подобрали экипаж Мишки Никитенко, севшего на вынужденную. После пережитых треволнений лихость и наглость проведённой акции под носом у немцем здорово развеселила присутствующих, и они с хохотом обсуждали подробности.

– Так знаете, кто зенитку-то эту грёбаную заткнул? А? – Колька обвёл шалыми глазами слушателей.

⁶⁵ Автор в точности не знает, действительно ли нужно было снимать патронный ящик к пулемёту, чтобы открылся доступ в хвостовую часть фюзеляжа. Но учитывая довольно тесную кабину стрелка, и внушительные габариты патронного ящика, скорее всего, так и было. Боекомплект УБТ был 150 патронов калибра 12,7мм. Кому интересно, посмотрите на габариты патронной коробки к любому крупнокалиберному пулемёту, к примеру, ДШК, КОРД, и т.п. И умножьте увиденное втрое. Это и будет патронный ящик к УБТ.

– Думаєте, Андрюха с Ильёй? Чёрта с два! Они только вокруг летали, да в белый свет, как в копеечку пуляли! Ну, так кто? А?

Илья открыл было рот – он то всё прекрасно видел.

– Илья, молчи, молчи, молчи! Дай досказать! – замахал на него руками Колька. И выдержав паузу, медленно, делая ударение на каждом слове, выдал: – Зенитку. Заткнула. Огонёк.

Откинулся, и, улыбаясь во весь рот, следил за реакцией собравшихся.

– Илья! Подтверди! – старший сержант Никишин подбоченился, – по невнятной реакции публики я чувствую, что люди мне не верят!

Илья кивнул:

– Она. Сам видел. Я уже пустой был, Андрей неудачно зашёл, в вираже чуть не посыпался⁶⁶, а она не сплеховала – резанула очередь, как надо. Только ошмётки в разные стороны полетели.

– Ха, не сплеховала! Да я не знаю, попал бы я в такой ситуёвине! С виража, да с перегрузкой – я видел, как Андрюха самолёт чуть ли не у земли выхватил, такой кульбит, как в цирке! Да зенитка на полсекунды всего-то из-под крыла у неё показалась! Ну, максимум – на секунду! А она – короткой очередью! Хер-р-рак! И хана гансикам!

⁶⁶ посыпался – неуправляемое падение самолёта вследствие срыва потока на крыле, которое происходит при резких маневрах на небольшой скорости. Крайне опасно на малой высоте, как правило, имеет фатальные результаты.

Потом посерьёзней, и вздохнув, сказал:

– А ведь там бы и остались, все четверо.... Если бы не она.

Короче, был бы полный пи....

Он обернулся, и наконец, увидел подошедших Агнию с Андреем, и тут же заорал, как оглашенный:

– О-о-о! Вот он, вот он, наш стрелок-молоток! Качай её!

– Да ребята, не надо! Качали уже сегодня! – она испуганно шарахнулась в сторону, прячась за спину Андрея. Но несколько пар сильных мужских рук схватили её и стали лихо подбрасывать её вверх.

Вдоволь набросавшись, они её, вконец растрёпанную, наконец-то бережно опустили на землю.

– Ты вот что, Огонёк! Не обижайся, – после последнего броска и мягкого приземления Коля подхватил девушку под мышки и бережно передал её в руки Андрею, – мы тебя не за просто так качаем, не за красивые глаза. Мы тебя качаем за то, что ты сегодня четверых человек спасла. Если бы ты ту зенитку выскочившую из леса не укантропупила, то не стоял бы я сейчас здесь, и не рассказывал бы всем эту историю! Там бы все четверо и остались бы: и мы со Славой, и Мишка с Серёгой. Кстати, – он спохватился, стукнул себя по лбу, – балда я! Серёга!!! Как там Серёга-то?!

Агния смущённо посмотрела на присутствующих, потом на Андрея. Все, затаив дыхание, напряжённо ждали ответа.

– Живой, – улыбнулась она, – будет жить. Сейчас его в госпиталь повезли, Миша с ним, сопровождает. Всё хорошо.

– Ну, вот! И хорошо! А я-то как увидел, как Миша-то его тащит, всё, думаю, – не жилец.

– Вот что мужики, – озабоченно сказал Коля Никишин – я так полагаю, что надо бы на девчонку представление писать. За такое награждать положено. И мессер тот, утром сбитый, кстати! Надо бы командиру полка....

– Так, командир полка! Пойдём уже жрать! – Илья хлопнул его по плечу, – а то мы тут с твоим балаганом ужин пропустим.

Все дружно заржали, и обмениваясь шуточками, потопали в сторону столовой.

Уже ночью, когда легли спать, обнимая и глядя по волосам своего милого ангела, Андрей шёпотом задал ей вопрос, который мучал его весь вечер.

– Слушай, я вот о чём хотел тебя спросить... – начал было он, – даже не знаю, как и начать. Мне сегодня днём, во втором полёте показалось... – он замолчал, обдумывая свой вопрос, и как бы не обидеть им того, кем он дорожил больше всего на свете.

– Да знаю я, о чём ты меня хочешь спросить! – её лицо слабо светилось в темноте, – да, я сегодня сделала не очень хорошее дело, которое нам, ангелам, делать запрещается.

Андрей молчал, теряясь в очень неприятных догадках.

– Да, в том бою, когда мы всей шестёркой вышли в лобовую атаку на Фоккеров, я преднамеренно выключила тебя из

процесса и сама управляла твоим телом, – она виновато помолчала, и добавила с извинительными нотками в голосе: – прости если можешь, но в тот момент иначе было нельзя: если бы я этого не сделала, то ты бы неизбежно врезался в летящего навстречу нам Фокке-Вульфа.

Андрей некоторое время молчал, а ангел с тревогой прислушивался к его эмоциям, которые она видела в виде неяркой, но чётко различимой ауры вокруг его головы. К её радости, никаких тёмных мыслей не наблюдалось, а преобладали в основном недоумение, лёгкое недоверие, удивление, восхищение и совсем немного досады.

Наконец, он собрался с мыслями, и проговорил, слегка запинаясь:

– А к-как... как... это вообще возможно? Ответь.

– Как, как... не знаю я! – она погладила кончиками пальцев его щёку, – я сама не знаю, что со мною происходит. Вот идёт обычная жизнь, в смысле, на земле. И никаких особых возможностей я за собой не чувствую. Ну, не считая того, что и так со мной с первого дня нашего знакомства.

Она замолчала на пару секунд, изучая его реакцию. Андрей лежал молча, и внимательно её слушал. Она продолжила:

– И вот, в какой-то момент, особо напряжённый, во мне что-то просыпается, – она замолчала, подбирая слова, – как будто внутри щёлкает какой-то рычажок: щёлк! И мир вокруг меня как будто скачком расширяется, и я начинаю ощу-

щать себя совершенно другой: у меня как будто сил в разы прибавляется, все реакции убыстряются, у меня появляются недоступные мне в обычном состоянии возможности, я начинаю видеть всё совершенно иначе, я начинаю видеть бой как бы... как бы... – она никак не могла подобрать нужный образ для сравнения.

Помедлила немного, Андрей в этот момент ощутил в голове знакомое щекотание мягкой кошачьей лапкой: она нежно и очень осторожно перебирала у него в голове образы, воспоминания, что бы использовать их для сравнения. Андрей не стал возмущаться, просто терпеливо ждал... Наконец, она, найдя подходящее сравнение, продолжила:

– Ну, вот ты до войны иногда почитывал в читальном зале библиотеки журнал «шахматы в СССР». Верно?

Андрей, улыбнувшись («как быстро в голове шурует, и главное, как качественно»), молча кивнул.

– Да, да шурую, прости, – как бы между делом извинилась она, – так вот, помнишь, там печатались уже сыгранные партии, с разбором ходов игроков? Ведь так просто, да? Когда тебе уже всё по полочкам разложили? А вот когда начинаешь сам играть, то всё сложно! Так?

Андрей опять кивнул.

– Так вот! В момент наивысшего напряжения, когда кажется, что вот-вот и конец, у меня ЭТО самое, – она покрутила пальчиком вокруг своего лба, – внезапно и включается. И я начинаю видеть как бы всю партию, как будто она уже

сыграна, понимаешь? Одновременно и со всех сторон! И я точно знаю, ЧТО надо делать! Это...это... какое-то всезнание что ли... Не знаю, как тебе объяснить!

А потом.... Потом... после боя, это проходит. Как будто бы мир опять сжимается, схлопывается в небольшую сферу, в которой мы и живём, и дальше стенок этой сферы не видим. Вот как-то так...

Она уткнулась лицом ему в грудь, и надолго замолчала.

Глава 33. Мыслесвязь

– Бля! Ну где справедливость-то, а? – Илья Кутеев бросил окурок в ведро с водой и смачно сплюнул в сторону. Вдвоём с Андреем Чудилиным они стояли и с завистью смотрели, как шестёрка Илов с рёвом вгрызалась в хмурое зимнее небо. Агния стояла чуть в стороне от них, и рассеяно слушала какую-то историю, которую ей увлечённо рассказывал бортстрелок Кутеева Толик Веселовский. Она в пол уха слушала, вежливо улыбаясь, а сама косила взглядом на Андрея, ни на минуту не выпуская его из-под своего контроля.

– И главное! Отдай, говорит, мне свой самолёт! – продолжал шуметь старший лейтенант Кутеев, – мы, мол, без вас управимся... тьфу! – он ещё раз со смаком плюнул под ноги.

– Не кипятись, – пытался его урезонить Андрей, – ну сказано же: вы на подхвате. Как самолёты отремонтируют, так и полетите. А обещали, что к обеду точно сделают.

– Ага, – Илья стоял, засунув руки в карманы, и весь вид

его выражал скепсис, – а вчера обещали, что к утру справятся... Справились! Уже...

– Слушай, ну чего ты орёшь? – повернулся к нему Чудилин, – самолёт у него, видишь ли, комэск забрал! Для дела и забрал, не потехи ради. Ты – командир звена, а он – командир эскадрильи. Кому, как не ему, эскадрилью вести?

– Да я...

– Да что ты? Тебе что, хуже всех? Мы-то с тобой спали, как убитые, а у меня Шурка всю ночь под самолётом провела! Да и твой техник вдвоём с Макарычем всю ночь самолёт комэска штопали! Имей совесть! Пошли, посмотрим, что там и как. Может, помочь чем надо?

На стоянке они столкнулись нос к носу с невыспавшейся и раздражённой Александрой. Она постоянно моргала красными, воспалёнными глазами, и поминутно вытирала бегущие из простуженного носа сопли. От этого весь рукав у неё засалился и блестел как лакированный, под носом было большое, красное и натёртое пятно. Волосы её были всклокочены, щёки – в разводах отработанного масла. Она ещё нашла в себе силы грустно пошутить.

– Что, командир, не узнал? – голос её был сильный и простуженный, – баба Яга в тылу врага!

Андрей сглотнул – ему стало очень жалко Шурку, и безумно стыдно за себя, выспавшегося и бодрого. Он отвёл глаза, приобнял её за плечи, потрепал немного по голове, и молча подошёл к самолёту. Осмотрел места вчерашних пробо-

ин на деревянных консолях – все были аккуратно заделаны перкалем и покрашены краской. Завёрнутые разрывами 30-мм снарядов рваные листы обшивки на центроплане были аккуратно подрезаны и приклёпаны на место. На самих пробоинах были приклёпаны аккуратные заплатки из дюралю. На самой верхотуре сидели двое техников из их звена и возились, тихо матерясь сквозь зубы, с лобовым стеклом фонаря. У одного из них, Алексея Мигунова, верхняя губа от чего-то распухла и посинела.

Андрей повернулся к переминающейся с ноги на ногу Шурке. Она вскинула чумазую руку к замасленной шапке:

– Товарищ командир! Ремонт самолёта закончен. Почти, – она виновато обернулась на техников, – осталось только таблетку⁶⁷ в лобовом стекле заменить, и всё... – она снова обернулась к техникам: – мальчики, я могу вам чем-то помочь?

Сверху послышалось раздражённое:

– Бля... помогла уже! Два зуба Лёхе выбила! Слышь, лейтенант, она на ходу спит! Отведи ты её, положи на койку, пусть дрыхнет! Пользы больше будет! – и техник замахал на Шурку руками: – иди, иди! Без тебя доделаем!

– А... Ну я пойду... можно?

– Нужно! – уже хором остервенело заорали на неё оба техника.

Бережно подхваченная с боков Андреем и Агнией, она,

⁶⁷ таблетка – лобовое бронестекло на Ил-2 собиралось из отдельных сегментов, так называемых «таблеток». В данном случае повреждён один из этих сегментов.

еле-еле переставляя ноги, поплелась к дому.

– Ой, мамочки мои, укатали сивку крутые горки... – она вымученно улыбалась, – да ладно, пустите, я сама дойду...

– Нет уж, доведём, – решительно помотала головой Агния.

– Ты лучше расскажи, за что ты Лёху покалечила? Неужто руки распускал? – поинтересовался лейтенант.

– Не-е... он просто что-то у меня спросил, а что – не помню... – Шурка, ведомая под руки, героически боролась со сном, – а я как раз наверху сидела, верхом на капоте, и вот так вот, сидя, и заснула, на фонарь облокотясь... а он внизу стоял, вот... – глаза её закрылись, голова упала на плечо. Ноги при этом продолжали кое-как идти.

– Ну, и? – подбадривал её Андрей.

– И спрашивает у меня... а, вот, вспомнила: «ты что, говорит, спишь там?», а я-то попервой, спросонья-то, не слышала, и такая наклоняюсь, переспрашиваю «что?»... – она опять надолго замолчала, уронив голову набок и закрыв глаза.

– И что? – Андрею пришлось её немного встряхнуть со своего боку.

Она открыла глаза, и продолжила:

– А... ну да... и вот я наклоняюсь, а у меня из кармана плоскогубцы вываливаются. А Лёша внизу стоит, и вверх смотрит.

– И что?

– Ну, и всё...

– Чё, прямо по зубам прилетело?

– По им самым... Кровищи было, ой, мамочки! Уж как он матюкался! Такого мне наговорил! Вспомнить стыдно. И за себя стыдно. Дура я дурацкая. Соня-засоня...

– Ладно, спи уже, соня-засоня! – они вдвоём с Агнией завалили её на койку, и уже со спящей, снимали мокрую, грязную одежду и стягивали разбухшие валенки...

– Ну, где вы шорохаетесь?! – накинулся на Андрея с Агнией бегущий им навстречу и запыхавшийся Илья Кутеев, как только они вышли из дома и пошли обратно на стоянку.

– Да что случилось то?

– Вылет! Нам с тобой! Парой!

– Куда? – Андрей схватил Илью за рукав, – ты толком то объясни! Почему парой?

– Только что с КП, – немного успокоившись, и переведя дух, продолжил Кутеев, – первая и вторая эскадрилья – на вылете. Третья – в резерве. А тут запрос от пехоты пришёл – никак не могут высоту взять: там фрицы пару танков по башню вкопали, ну, вроде, как ДОТы. Ну, и тормознули наших – прижали к земле, головы не поднять. Ком.полка вызвал и спрашивает: «машины готовы?», «да» отвечаю, «бери, говорит, Чудилина ведомым и гоните туда. С истребителями, я, говорит, сейчас договарюсь!»

– Так таблетку же у меня в фонаре меняют!

– Да заменили уже! Пошли быстрее! Там уже нам ПТАБы в кассеты загружают! Бегом!

И рванул к стоянкам. Андрей с Агнией припустили за ним следом.

– Смотри сюда! – Илья сунул под нос Андрею свой планшет с картой: – вот линия боевого соприкосновения, вот высота. Здесь наши, здесь фрицы. Где-то вот здесь, правее этого села, – палец его ткнул в точку на карте, – и закопаны эти танки. При подлёте пехота обещала обозначить их двумя красными ракетами. Короче, на месте разберёмся. Тут совсем рядом – минут десять лёту. За полчаса туда-обратно смотаемся, одна нога здесь, остальные там! Всё, по машинам!

Взлетели парой, круг над аэродромом делать не стали, пошли сразу по маршруту, потихоньку набирая высоту. Через несколько минут в наушниках щёлкнуло, и Андрей услышал через помехи голос ведущего:

– Делаем четыре захода. Один заход – одна кассета, усёк?

– Усёк, одна кассета за один заход.

– Молоток, уже подходим.

Уже на подлёте к линии соприкосновения к ним слева пристроилась припозднившаяся пара наших истребителей. Через минуту впереди слева по курсу взлетели в небо две зелёные ракеты, и с небольшим промежутком – ещё две, теперь уже красные, пущенные не вверх, а наклонно, в сторону

закопанных немецких танков.

– Внимание! Цель перед нами! Первый заход – холостой! Потом четыре боевых! Дистанция – 500 метров, – услышал Андрей в наушниках голос командира звена и сбросил газ. Самолёт начал медленно отставать от ведущего. Самолёт ведущего лёг на левое крыло, доворачивая в вираже на цель.

Андрей напряжённо всматривался в то место, куда нацелился своим носом самолёт ведущего «чёрт, где цель?! Ни хрена ж не видно!». Выждав положенное время, он тоже свалил свою машину в левый вираж, пристраиваясь в хвост командиру, но уже на дистанции около 500 метров.

Самолёт Кутеева нырнул почти к самой земле, сделал холостой заход, и задрал нос, полез в высоту. Андрей до боли в глазах всматривался в стремительно набегающую навстречу землю, силясь обнаружить эти треклятые вкопанные танки.

– Левее, смотри левее! – звонко прорвался в уши голос бортстрелка, – слепая тетеря!

И точно! Уже выводя самолёт из пикирования, Андрей увидел чуть левее по курсу квадратную коробку башни с тонкой хворостинкой ствола и маленькой шишечкой дульного тормоза на конце. Глаз привычно отметил расположение цели и близлежащие ориентиры – извилистый овраг позади башни и пару больших воронок в полусотне метров от вкопанного танка.

А самолёт ведущего уже закладывал широкий левый вираж, разворачиваясь для атаки.

Палец прижал кнопку СПУ на ручке управления самолётом:

– Агнюша, спасибо! Как ты её увидела?

– Как, как! Попой об косяк! Балбес! Не отвлекайся!

Большим пальцем левой руки Андрей отщёлкнул предохранительную крышечку с кнопки сброса бомб. Ещё раньше, перед самым вылетом, он установил порядок сбрасывания бомб на электросбрасывателе ЭСБР-3П – теперь на каждое нажатие кнопки должны были сбрасываться ПТАБы только из одной из четырёх кассет, установленных в крыльевых бомбоотсеках.

Самолёт ведущего уже сорвался в пологое пике к цели. «Пора и мне» – Андрей заложил плавный левый вираж, выходя на боевой курс. Разрывы бомб ведущего облегчили прицеливание – свой лейтенант положил точнёхонько туда же, накрыв башню вкопанного танка ещё одной серией плотных разрывов.

– Вроде накрыли, пошли ко второй! – самолёт ведущего устремился к следующей цели...

Истребители, крутившиеся над ними, как привязанные, вдруг куда-то исчезли, и буквально через 10...15 секунд Андрей и Илья слышали по рации:

– «Горбатые», уходите, тут истребители противника, много, уходите быстрее!

И тут же, в следующее мгновение, уже напряжённо-сосредоточенный голос Агнии по СПУ:

– Андрей, сзади! Двое! Идут на нас!

Далее события разворачивались с непостижимой быстротой: Андрей увидел, как самолёт ведущего сорвался в крутой левый вираж, разворачиваясь в сторону цели: второго танка, вкопанного фашистами в землю. Андрей перещёлкнул тумблер на ручке управления газом (Шурка, спасибо, за удобство в бою!), переключаясь на радиоканал:

– Командир! Истребители! Сзади!

– Атаковать цель! Один заход и уходим! Высыпай, всё, что осталось!

Ручка управления влево и плавно на себя – перегрузка привычно вдавила в спинку кресла, положив самолёт в крутой вираж, Андрей повернул его на цель. От самолёта ведущего как крупа, посыпались ПТАБы, накрывая и вторую цель. Андрей положил левый палец на кнопку сброса бомб, потом спохватился, вспомнив, что на электросбрасывателе установлен сброс четырьмя сериями, и оставив на баранке только левую руку, схватился правой за «сидор»⁶⁸. Сердце стучало как молот, колотясь в грудной клетке. Он спинным мозгом чувствовал, как сейчас, заложив широкую дугу, к ним в хвост пристраивается пара мессеров, уже готовых открыть огонь... Секунда, вторая, третья... Квадратная башня танка растёт в сетке прицела... сейчас... сейчас...

– Андрей, сброс! Быстрее, выводи! – пронзительно закричала по СПУ Агния. И тут же сзади длинной и злой очере-

⁶⁸ «сидор» – рычаг ручного сброса бомбовой нагрузки в режиме «всё и сразу».

дью зашёлся её УБТ.

Правая рука рванула рычаг аварийного сброса бомб. Самолёт заметно трянуло. Сразу после этого – ручку на себя, и... шарах-х-х по фюзеляжу! Замолчал УБТ. Уже не оглядываясь – нет времени, Андрей тянет обеими руками баранку на себя, и тут же до упора влево – вираж у Ил-2 на небольшой скорости гораздо круче, чем у разогнавшегося Мессера, сейчас они должны проскочить мимо... Так и есть! Сквозь тёмно-красное марево перегрузки боковое зрение отмечает справа пару худых силуэтов, стремительно скользнувших дальше. Голова набухла кровью, звон в ушах, невольно сглотнул, выровнял машину, оглянулся по сторонам, палец – на кнопку СПУ:

– Агния!

Молчок.

– Агния!

Опять тишина. «Чёрт, чёрт!» – Андрей крутит головой, пытаясь одновременно осмотреться по сторонам и при этом заглянуть то в одно маленькое окошко сбоку от подголовника, то в другое, чтобы убедиться, что его борт.стрелок жив и здоров. Но ни в правое, ни в левое окошко, он не увидел её головы и плеч. И небо чистое! Никого не видно: ни немцев, ни ведущего! Не может такого быть! Их же было много! Он их просто не видит!

В бессильном исступлении он снова и снова жмёт кнопку СПУ:

– Агния! Агния, отзовись!

– ДА ЗДЕСЬ Я! – вдруг гулко, как в огромном зале, загрохотал прямо в голове Её голос. От неожиданности Андрей даже вздрогнул: было ощущение, будто бы его голова мгновенно расширилась до огромного размера, и эхо многократно отразилось от её стенок.

– Здесь Я! – оглушительно, как камнепад в горах, продолжал грохотать в голове её голос, – два фрица прямо над нами! Вались вниз, дай сектор обстрела!⁶⁹

Руки работают сами, гораздо быстрее головы – они с силой отжимают от себя баранку до самой приборной доски, и самолёт послушно опустив нос, устремляется к земле. Ствол заднего пулемёта, упёршийся в верх остекления фонаря, задирается всё выше и выше, и наконец... Есть!! Два мессера, уже сорвавшиеся в пике сверху на беззащитный Ил, напарываются на встречную очередь крупнокалиберного пулемёта, задранного почти вертикально. Тяжёлые пули от УБТ вспарывают капот и лобовое стекло ведущего мессершмитта.

– Вывод! – опять гулко и с эхом грохочет во вконец очумевшей башке. Андрей на автомате обеими руками тянет баранку на себя, выводя самолёт у самой земли. Перед носом, впереди, метрах в ста, огненным болидом, разбрасывая яркие брызги горящего бензина, в землю врезается сбитый

⁶⁹ на Ил-2 ствол пулемёта УБТ было невозможно задрать вертикально вверх – зная это, этим активно пользовались немецкие пилоты-истребители, иногда атакуя Ил-2 с крутого пикирования.

бортстрелком мессер. Второй же, не солоно хлебавши, уходит свечой в небо, и надолго зависает там, оценивая обстановку.

Бешено колотится сердце в груди, дрожат от нервного напряжения руки, но разум чист и спокоен – Андрей чувствует прилив сил и боевой азарт. И полное отсутствие страха. Но голова гудит, как котёл.

– Молодец Андрияша, отлично мне подмахнул! – голос хоть и заполняет всю голову, но уже не грохочет молотом по наковальне, он озабоченно-сосредоточен: – сзади справа заходят ещё двое, прижимаются к земле. Разворачивайся в лоб. Ты успеешь.

Быстрый взгляд в правую форточку: точно, так и есть, двое, идут на бредущем, маскируясь фоном земли. Дистанция километра два. Успею! Правый вираж, оп! Перегрузка привычно вдавливают тело в спинку сиденья. В левом окне – небо, в правом – крутится, проворачиваясь, земля. Пара стремительно приближающихся фрицев перемещается с правого окна в сторону носа и вползает в сетку прицела. Видя такой расклад, пара немцев пытается сманеврировать влево-вправо, сбивая прицел, но поздно: четыре трассы пошли плотным пучком в идущего первым немца и смахнули его с неба: разбрасывая крылья и чадя дымным шлейфом, он устремился в свой последний полёт к земле. Второй мессершмитт, пролетев сквозь паутину трасс, огрызнулся короткой очередью из всех стволов и бешеной пчелой вжикнул мимо.

Ожила рация:

– Чудилин! Отбился? Теперь так и лети! Я у тебя прямо по курсу, чуть выше, иду на тебя, пристраивайся! – совсем не гулко, а как обычно, напополам с шумами эфира в наушниках звучит голос Ильи Кутеева.

И точно! Прямо по курсу, с превышением в две сотни метров, в разрывах низкой облачности Андрей видит идущий навстречу самолёт ведущего.

Боевым разворотом Андрей пристраивается к нему.

– Все живы?

– Да... – отвечает Андрей, крутя головой, – а где истребители?

– А ты не видел, что ли? Фрицев отгоняли. Знаешь, сколько их навалилось?

– Да хрен их знает, я так и не понял... На меня три захода сделали. Отбились.

– Я видел, на меня тоже заход сделали. Ч-чёрт, чуть не вляпались! Их четыре пары было. Истребители две пары боем связали, в сторону утащили. Две оставшиеся – на нас накинулись. Да обломались. Ладно, идём домой.

Андрей обернулся назад, и, почувствовав его взгляд, девушка повернула к нему голову, и в ответ махнула рукой: мол, всё в порядке!

Андрей прижал кнопку СПУ:

– Всё хорошо?

– Да, норма!

«Хм... странно... что же это было? Или это ему показалось? Почему голова была, как огромный колодец? Почему по нему эхо металось? Сейчас-то он её слышит, как обычно, ну, может, чуть лучше, чем обычно. А тогда её голос грохотал, как обвал на горном склоне. Что это было-то? И чего только в пылу боя не почудится?!»

Рассуждая так сам с собою, Андрей не заметил, как они подошли к аэродрому. Сели, зарулили. Шестёрка их эскадрильи четверть часа назад завершила посадку – самолёты уже закатили под маскировочные сети, и уже загружали новый боекомплект. Шурку уже растолкали, и она, поджидая их самолёт на стоянке, яростно растирала себе лицо снегом, пытаясь хоть немного взбодриться: поспать ей удалось только полчаса.

Андрей заглушив мотор, отстегнул привязные ремни и парашют, выкарабкался из кабины, помог вылезти Агнии. И только сейчас, стоя рядом с ней на покатам металле центроплана, заметил, что у неё вся нижняя половинка лица перемазана кровью.

Андрей не на шутку испугался:

– Что с тобой, ранило? Об пулемёт ударилась?

– Да ерунда! Осколочек похоже, посмотри, вот где-то здесь, – она подняла лицо вверх и ткнула пальчиком в перемазанный кровью подбородок, – слушай, давай слезем, а? А то здесь скользко!

Андрей споро спрыгнул на землю, схватил её за талию,

и легко, как куколку, снял и поставил на землю. Подбежала Шурка:

– Ой, мамочки мои! Тебя что, ранило? Тебе ж к дохтуру надо!

– Да не надо, из-за такой ерунды! – поморщилась Агния, – Андрей сейчас выковырит ножичком и всё!

– Да где? – он наклонился к ней поближе.

– Я ж тебе уже показала! – она снова ткнула пальчиком, – ну! Видишь?

– Ёлки-палки... – Андрей, действительно, увидел торчащий из-под кожи маленький железный осколок, и раскрыл перочинный нож. У него слегка тряслись руки.

– Слушай, может... это... ну, нестерильно там... ножик-то...

– Дай сюда! Нестерильно... Мне это не грозит.

Она отобрала у него нож, нащупала левой рукой осколок, зажала это место пальцами и поморщившись, хладнокровно подцепила ножом край осколка. Шурка, тихо ойкнула, и закрыв глаза ладошками, поспешно отвернулась.

– Агнюш... давай лучше я... – хрипло предложил Андрей. Короткое и точное движение лезвием...

– Всё! Ничего не надо! Держи свой нож! Шурка, дай снега – утереться.

Шурка зачерпнула снега, сунула снежок ей в руку:

– Ой, Агнюша, ну ты даёшь! Вот это да! Я бы так не смогла! – Александра восхищённо смотрела на вытиравшую с

подбородка кровь Агнию.

– Слышь, Шур, там у меня в кабине посмотри: там, похоже, 20-мм снаряд в лафет пулемёта попал. Разнесло прицел, снесло кнопку СПУ, провода вырвало.

Только тут Шурка, наконец, увидела пробоины на фюзеляже, схватилась за голову:

– Ох, ёлки-моталки! Ну, паразиты! Опять всё порушили!! – она повернулась к командиру и сокрушённо всплеснула руками: – да тут снова на полдня работы!

Шурка вскарабкалась на центроплан, заглянула в кабину стрелка:

– Ох, ё-ё-ё! Вот сволочи, а? Точно, в лафет снарядом прилетело! Пол рамы разнесло и искорёжило! Как ты вообще стреляла-то после этого? Ой, да тут в бортах ещё куча мелких осколков застряла! Смотри-ка съ! – она выковыряла из фанерного борта осколок, да тут их десятка два, не меньше! А в тебя-то всего один и попал! Повезло тебе!

Агния в этот момент сосредоточенно выковыривала один за другим несколько мелких осколков из американского бронежилета: они пробили верхнюю ткань, но застряли в бронепластинах. При этом она вполголоса бурчала себе под нос:

– Ага, повезло... Повезло, что на мне эта хреновина напялена. Тяжёлая, зараза, и неудобная – страсть! Но иногда полезная.

Из-под крыла чёртиком вынырнул сержант Веселовский и заорал как оглашённый:

– Ну что, Шурка, бежать тебе опять к Макарычу!

Держась за борт кабины, она настороженно обернулась:

– Это ещё зачем?

– А они, – он кивнул головой на Андрея с Агнией, – тебе ещё не сказали?

– Не-е-е-т...

– За краской беги, дурёха! Звёздочки рисовать!

Она повернулась к Андрею:

– Командир! Так вы что, сбили, что ли, того гада, что этот дуршлаг вам сделал?

– Да сбили, сбили, – добродушно ответил лейтенант, – отлетался гадёныш!

– А кто сбил-то?! Ты, командир, или Агния?

– Да оба они по фрицу завалили, – рассмеялся Толик, – мы с Ильёй всё видели, подтвердим. Первого – Огонёк, второго – Андрюха, – и для лучшего пояснения своих слов он смачно треснул правым кулаком себя по раскрытой левой ладони, – В лоб ему такую дулю закатал! И пошёл тот крылышки по соснам разбрасывать!

А Шурка уже стремглав бежала к Алексею Макарычу, старшему технику звена, вопя на пол аэродрома:

– Дядя Лёша, дядя Лёша! Краску давай! Звёздочки рисовать!

Оттуда послышалось раздражённое:

– Свою надо иметь!

Толик дёрнул Андрея за рукав:

– Слышь, Андрюх, Илья меня послал за тобой – чего не идёшь докладываться-то?

Андрей спохватился:

– Ох, ёлки! Мы тут... – он обернулся на Агнию, – замешкались маленько. Иду, иду!

Обогнув свой самолёт со стороны хвоста, он быстрым шагом подошёл к командиру звена, вскинул правую руку к виску:

– Товарищ командир! Задание выполнено. При выполнении штурмовки был трижды атакован истребителями противника. Двоих сбили. Кажется...

Илья хлопнул его по спине:

– Да не кажется! Всё мы с Толяном видели! Обоих вы за-
валили! Одна-то пара сначала к нам пристроилась, Толик их
шуганул, так они на тебя переключились.

– Слушай, а сколько их всё-таки было-то? А то я заку-
тился, вираж туда, вираж сюда! Ориентировку потерял: ни
тебя, ни истребителей не вижу, ни фрицев...

– Понятное дело: ты как уж на сковородке вертелся! – и
словоохотливый Илья стал эмоционально пояснять воздуш-
ную обстановку минувшего боя, активно помогая себе рука-
ми, двумя ладонями изображая самолёты, – две пары их бы-
ло: сначала они к тебе в хвост зашли, обстреляли, ты – в ви-
раж, они – ко мне. Толян им пару посылочек послал – им
расхотелось, они опять к тебе. А в это время вторая пара на
тебя сверху свалилась. Уж как вы там со своим стрелком сго-
ворились, я не знаю, но такого кульбита я даже в исполнении
Славы Миронова и Кольки Никишина не видел. Ты нос вниз,
она ствол вверх – и херррак! Как этот гад вниз шёл, так в
землю он и воткнулся! Ну, а потом ты в лоб ту, первую па-
ру и встретил. Эта, которая сначала тебя обстреляла, потом
её Толян отогнал, так они опять к тебе ломанулись, счастья
попытать. Ну, ты их и принял... – Илья радостно захохотал.

Он похлопал Андрея по спине:

– Ну, пойдём, пойдём, к пацанам, я ещё разок им всё это
расскажу! Уж больно ты красиво срезал этого гада! Да и Ого-
нёк твой тоже не промах! – он потащил Андрея и Агнию по

направлению к лётчикам и стрелкам их второй эскадрильи, только что вернувшихся с задания.

– Да подожди ты, Ильюха! Тебе на КП надо топать, доложиться! – осадил его Андрей.

Илья хлопнул себя по лбу:

– Мля! Точно! Я мигом, слышь? Парням ничего не говори, я сам им всё расскажу! – и он помчался на КП.

Андрей посмотрел ему вслед и глубокомысленно изрёк:

– Хороший парень Илья, но комэском его вряд ли поставят: слишком шепутной.

– Поставят, – спокойно сказала Агния.

– Почему ты так думаешь? – удивился Андрей, и тут же с подозрением посмотрел на собеседницу: – ты что-то знаешь? Выкладывай!

– Он будет комэском. Скоро. После Миронова Славы, – тихо ответила девушка.

– А... а что со Славой будет? Что... – он заглянул ей в глаза, – что... он погибнет?

– Да, – коротко произнесла она, – она подняла к нему своё лицо, – не спрашивай меня, откуда я знаю. Знаю, и всё.

– Так может... как-то... как-то повлиять можно на это?! Предупредить, спасти?!

Девушка в ответ лишь грустно покачала головой. Но поймав горящий требовательно-вопросительный взгляд Андрея, нехотя пояснила:

– Предупредить можно. Спасти – нет.

– А Колька? Что, вместе с ним?! Погибнет?!

– Коля... он останется жив. И спасёшь его ты.

– Я?! Как? Они же вдвоём летают! Я-то тут при чём?!

– Я сказала: ты спасёшь, значит, так и будет, – последовал лаконичный ответ.

Андрей о чём-то глубоко задумался и надолго замолчал. Вдруг в голове толкнулась мысль, которую он так и не додумал, а сейчас боялся её упустить. Он схватил девушку за плечи. Повернул к себе, и вперившись взглядом в её глаза, спросил:

– Так! Говори, что ЭТО было! Там, в полёте!

Она, улыбаясь, молча смотрела на него, потом провела пальчиком по его губам, и в её глазах появились смешинки:

– Я наконец-то смогла это сделать.

– Да что ты смогла-то? Не мучай меня, поясни, что такое ты ещё смогла отчебучить?!

– Отчебучить... скажешь тоже... – она фыркнула, – ну, а что мне оставалось делать?!. Первой же очередью фриц разнёс все провода СПУ, и я уже ничего тебе не могла сказать по связи! Я твои мысли вот здесь, – она постучала себя по лбу пальчиком, – слышу, а ты меня нет! Вот мне и пришлось...

– Да что пришлось-то?!

– Барьер потенциальный пробивать.

– К-какой... чего... барьер? – опешил Андрей.

– Мне пришлось в авральном порядке пробивать потенциальный барьер твоей мыслесферы, – терпеливо, как учитель

ученику, Ангел принялся объяснять свои действия, – у любого человека эта функция заблокирована, понимаешь? Любый человек, думая, излучает свои мысли, но слышать мысли других людей он не может – мешает специальный блок. Он не имеет физической основы, он... как бы тебе сказать... он на уровне приказа... Некий барьер, который сам человек преодолеть не в силах. Но если долбануть хорошенечко, усилив мысль, да ещё в стрессовой ситуации, то, как видишь, это возможно. Я и попробовала, и у меня получилось: ты меня услышал.

– Етит твою мать! Это, значит, ты меня так своей мыслью долбанула, что я чуть не рехнулся?! Да я чуть в штаны не наложил с перепугу!

Агнел захохотал:

– Ну извини, тут некогда было о сантиментах думать! Я, как увидела, что пара мессеров на нас сверху валятся, а ты их нихренашечки не видишь, поднатужилась, всё, что во мне было, собрала, и дунула! Тебе в твою бестолковку. Извини ещё раз за неприятные ощущения.

– Неприятные ощущения... Мягко сказано, – лейтенант покрутил головою, – до сих пор отойти не могу! Аж всё звенит!

– Да ладно! – Ангел небрежно махнул ладошкой, – зато живы остались. Да и потом: я же ведь после этого отрегулировала уровень, уменьшила его, ты меня слышал, как обычно, ведь слышал?

– Да слышал... – Андрей помолчал, и вдруг внезапно предложил: – слушай, а давай ещё раз попробуй, подумай что-нибудь, чтобы я вот как тогда в голове услышал, а?

Она задорно засмеялась:

– А давай!

Закусила губку и хитро посмотрела на Андрея. Он чутко прислушивался к себе, пытаясь уловить её мысль. Прошло секунд десять, он недоумённо мотнул головой:

– Ничего не слышу...

Она перестала улыбаться, сосредоточилась. Он подождал ещё несколько секунд, и сокрушённо помотал головой:

– Не... чёт не получается. Ни-че-го не слышу.

– Так, понятно, – она поправила ремень, расправила плечи, – видимо, в момент стресса твой барьер стал более проходимым, и энергии импульса хватило... Сейчас, сейчас, я сконцентрируюсь... Немножечко усилю импульс, и пробую.

– Так!!! Стоп!!! – он отчаянно замахал руками, останавливая её, – ничего не надо усиливать, никакого импульса. Нафиг!!! – он сел на стоявший рядом ящик, выставил в её сторону руку, ладонью к ней: – Так, всё, нафиг эти эксперименты. И так мозги после того раза набекрень, как вспомню, так вздрогну.

Она вздохнула, села рядом с ним на ящик, привалилась к нему и положила голову на плечо:

– Прости меня! Так получилось. Но это было надо. Мы потом поэкспериментируем, в спокойной обстановке, ладно?

Я впредь буду осторожна с твоей головой. Но нам всё равно надо отработать эту связь – ты должен иметь возможность слышать мои мысли без всяких проводов. Ведь они иногда и обрываются, верно?

Она оторвала щеку от его плеча и подняла на него свои глаза. Он погладил её по щеке, поцеловал в губы:

– Да, верно, это было бы очень полезно, – он помолчал, и спросил: – слушай, а вот тогда, когда эти... сверху которые свалились, ты ещё кричишь: «вались вниз!», а потом: «вывод!», я понял так, что ты опять меня за руки дёргала? Или это я сам?

– Само собой, дёргала! А куда мне было деваться? Я ж тебе как гаркнула в голову, так ты замер, как соляной столб, вот и пришлось... дёргать.

– Хм... а зачем тогда было орать мне в голову?! Ну дёргала бы моими руками и всё...

– А затем и орала. Дублировала команду голосом. Чтобы ты замысел понял, и не мешал бы мне.

– А-а... вроде как гипноз, внушение, расслабление воли?

– Ну вроде того... Слушай, а научи меня летать, а? Так, чтобы нормально, как лётчик! А то же я только дёргать тебя за руки могу! Самолёт-то я не чувствую, так, как ты.

– Да как же я тебя научу-то? У нас в полку спарки⁷⁰ нету! Да и не позволили бы стрелка учить!

⁷⁰ спарка – самолёт с двойным управлением, предназначенный для обучения пилотированию.

– Да зачем нам спарка? Просто, когда летим, ты мне мягко так, управление давай, и я потихоньку буду учиться. А ты в этот момент думай о своих действиях, а я буду на ус мотать... так и научусь! Давай, а?

– Давай.

Он повернулся к ней, взял её лицо в руки и горячо и долго поцеловал.

Глава 34

. Валькирия.

Ранним утром, в предрассветных сумерках, с лётного поля поднялись 22 штурмовика. Небо едва –едва светлело на востоке, и чтобы обеспечить безопасный взлёт такого количества самолётов, полоса была хоть скудно, но обозначена: к её конце горели два аккумуляторных фонаря, прикрытых сверху светомаскировочными кожухами. Взлетали попарно, и взлетев, тут же, на кругу, выстраивались поэскадрильно. Пошли тремя группами: две восьмерки (первая и вторая эскадрильи), плюс шестёрка (третья эскадрилья).

Проходя над аэродромом истребителей, Андрей увидел, что их уже ждут: четыре звена уже нарезали широкие круги вокруг аэродрома, одно звено шустро карабкалось на высоту, и ещё одно, последнее, шестое, только-только попарно начало разбег.

– Ничего себе, это сколько же их сегодня будет нас сопровождать? – наушники донесли изумлённый голосок его личного ангела-стрелка.

– Двадцать четыре, – коротко ответил лейтенант, – серьёзная прогулочка у нас сегодня, ты вчера была права...

– Делай что должен, и будь что будет, – спокойно ответила она ему, – ты справишься.

А про себя подумала: «главное, чтобы справилась я». И

поправила на себе американский бронезилет – подарок союзников.

Как только подхватили эскорт из 24-х Яков, две восьмёрки штурмовиков сбросили газ, и стали снижаться, потихоньку отставая от ведущей шестёрки, которая наоборот, добавив газу, полезла вверх, на полторы тысячи метров. Вся свора истребителей полезла туда же, но грамотно распределившись на три группы: одна летела на тех же 1500 метров, и плотно пасла ударную шестёрку, а две другие, оттянувшись немного назад, старались не терять из виду идущих на бреющем две восьмёрки.

Андрей, идя в правом пеленге за своим ведущим, всё внимание уделял полёту на малой высоте: изрядно болтало, восьмёрка шла, колыхаясь, но сохраняя строй. В бомболюках у каждого самолёта из этих двух восьмёрок лежало по тридцать десятикилограммовых осколочно-фугасных подарков (АО-10), а в добавок, под крыльями у каждого самолёта напряглись, как гончие перед броском, по четыре ЭРЭСа.

Задача была не из лёгких – атака аэродрома. По данным разведки, в данный момент на нём было сконцентрировано несколько десятков немецких самолётов, но ситуацию осложняло то, что аэродром был очень хорошо прикрыт зенитной артиллерией: аэродром прикрывало, как минимум, 5 батарей среднего калибра и десяток батарей 20-мм эрликонов.

Эту атаку планировали уже несколько дней, прорабатывая

и репетируя действия всех трёх эскадрилий. Добиваясь максимальной слаженности действий ударных групп, даже выделили полдня для тренировки «вживую» над своим собственным аэродромом. И вот теперь, три эскадрильи, жадно пожирая километры, шли к цели...

Впереди на два корпуса, и левее на два размаха крыла, шёл самолёт командира эскадрильи, мелькали под крылом верхушки деревьев, рядом, крыло в крыло, чуть сзади и правее, выстроившись в правый пеленг, шли ещё шесть самолётов. Стрелка указателя скорости мелко подрагивала у отметки «320 км/ч». Впереди, на фоне стремительно светлеющего неба, на расстоянии 6...7 километров, чётко выделялась шестёрка, шедшая на полтора тысячах метров: ей-то как раз и предстояло выйдя первой на аэродром противника, вызвать огонь зениток на себя. Задача для этой шестёрки была обозначена так: вывести на аэродром две ударные восьмёрки, идущие на бреющем, и совершая отвлекающий маневр, перепахать крупнокалиберными бомбами всю взлётку. Для этого в каждый из четырёх крыльевых бомбоотсеков им были уложены четыре «сотки» (ФАБ-100), и ещё до кучи, по паре таких же «соток» висело под бомбодержателями. Восьмёрки, идя, на бреющем, и не имея возможности хорошо ориентироваться, должны были выйти на аэродром с минутным интервалом после шестёрки, и пройдясь вдоль самолётных стоянок, сначала засеять их мелкими осколочными бомбами, затем, после разворота на 180 градусов, пройти ещё

раз, но уже эРСами, затем, развернувшись ещё раз, пройтись по второму ряду стоянок, причесав их пушечно-пулемётным огнём.

Где-то впереди, перед ведущей шестёркой, идущей на полутора тысячах, стали вспухать чёрные кляксы зенитных разрывов, маленькие точки истребителей, как вспугнутые стрижи, стремительно шарахнулись в сторону, уходя от зенитного огня, но оставаясь в районе цели, готовые по первому же сигналу ринуться вниз на истребители противника, если те попытаются взлететь. Или же отразить атаку с воздуха, если кто-то из них уже находится в воздухе. Ударная шестёрка, собрав на себя весь зенитный огонь, отбомбилась по полосе, и снизившись, взялась за штурмовку аэродромных построек.

– Внимание, цель перед нами! Увеличиваем дистанцию до 150 метров! – услышали все в наушниках голос командира эскадрильи, и Андрей, покрутив штурвальчик регулировки шага винта⁷¹, стал заметно отставать, увеличивая дистанцию. Через 15 секунд ведущий сделал горку, и довернув немного вправо, сорвался в пологое пике. Андрей последовал за ним. Перед глазами открылось широкое поле немецкого аэродрома: перед ним рядами стояли Юнкеры-88, во-

⁷¹ регулировка шага винта – изменение угла установки лопастей воздушного винта (пропеллера). Применяется для подбора наиболее выгодного режима работы двигателя, как переключение скоростей на автомобиле. При взлёте и во время боя шаг винта ставится на «минимум», а во время крейсерского полёта, для экономии топлива, – увеличивается.

круг них с немецкой педантичностью, ровными рядами, стояла масса всяких штабелей, около некоторых стояли бочки бензовозов – было видно, что шла активная подготовка к вылету. Масса народа, как муравьи, толпой ломилась к ближайшим щелям и окопам: тридцать шесть «соток» уже разорвались по центру аэродрома, перепахав взлётку, а теперь, с воём и рёвом из-за кромки леса выхлестнулась вторая волна атакующих и принялась за самолётные стоянки...

Немецкие зенитчики, узрев, наконец, главную угрозу, быстро перебросили огонь на две другие группы штурмовиком, атакующих с бреющего полёта, но было уже поздно: две восьмёрки, растянувшиеся в две вереницы, уже разошлись вдоль самолётных стоянок, и засеяв их несколькими сотнями мелких осколочных бомб, и развернувшись на 180 градусов, пошли обратным курсом, и теперь нещадно догрызали реактивными снарядами оставшиеся цели.

Держась, как привязанный за хвостом ведущего, Андрей выпустил залпом все четыре эРСа, и прострочив из пушек и пулемётов по ряду Юнкерсов, начал строить пологий правый разворот, и в этот момент боковым зрением зафиксировал очередь 37-мм эрликона: шесть бледных огненных мячиков метнулись в его сторону от ближайшей зенитки...

Удар! Как железной плетью хряснуло по борту, высекая искры: снаряд эрликона влетел в капот мотора сбоку, под прямым углом, с лёгкостью проткнув 6 мм гомогенной стали, и разорвавшись в подкапотном пространстве, разнёс в

куски всё, до чего смог дотянуться своими осколками и взрывной волной. Движок сразу встал, из-под капота выбилась струя дыма вместе с горячими потоками масла. Лобовое стекло буквально за секунды почернело до полной непроглядности. Самолёт клюнул носом, скорость стала катастрофически быстро падать.

Щелчок СПУ в наушниках, и тревожный голос Агнии:

– Андрюша, что случилось?

Ослеплённый вспышкой взрыва, и не видя ничего под потоками масла, заливавшими передние стёкла фонаря, Андрей лихорадочно соображал, что же делать дальше. Счёт шёл на секунды – надо было что-то решать.

Опять щелчок:

– Что-то с мотором? Нас подбили?

– Да.

– Будем садиться?

– Да.

Дать более развёрнутый ответ у него уже не было времени: снаряд в мотор им прилетел во время выхода из атаки, на высоте не более 50 метров, а сейчас её оставалось уже совсем ничего – метров 25...30, и Андрей отчаянно работал ручкой и педалями, пытаясь хоть как-то притереть самолёт на оставшемся кусочке поля, который через три сотни метров уже упирался в лес. Чтобы погасить скорость, ударил ручкой по рычагу выпуска посадочных щитков – щитки с шипением медленно полезли вниз. Пролетев по инерции ещё пару

сотен метров, самолёт коснулся земли гондолами шасси. За пару секунд до этого Андрей, вытягивая ручку до самых яиц, нажал на ней кнопку СПУ и успел крикнуть бортстрелку:

– Прижмись к броне! – и упёрся ногами в приборную доску.

Удар! Самолёт подняв фонтаны из грязи и мокрого снега, проехался ещё метров 30, зацепившись левым крылом за какой-то холмик, развернулся влево на 90 градусов, и замер, чадя развороченным мотором.

Агния не сразу поняла смысл фразы «прижмись к броне», а когда поняла, было уже поздно: в тот же момент страшный толчок бросил её вперёд, и она с силой ударилась головой о бронеспинку, потеряла сознание, и уже в бессознательном состоянии, когда самолёт мотнуло влево, её ударило казёнником пулемёта в правый висок. Маленьким, безвольным кульком она свалилась с ремня, на котором сидела, и упала на дно фюзеляжа.

Андрей, тоже оглушённый ударом, медленно приходил в себя – ему показалось, что с момента посадки прошло, как минимум, минут 15. А прошло всего-то около десятка секунд. Потянулся обеими руками вверх, дёрнул фонарь – он с трудом поддался. Поднатужившись, он сдвинул его ещё – образовалась щель сантиметров в 20. «Бля, заклинило! Наверное, направляющие погнуло...» – толкнулась в голове логичная мысль.

– Агния!

Нет ответа.

– Агния!

Молчок.

– Чёрт!

Собрался с силами, рванул сдвижную бронированную часть фонаря ещё раз: отыграл ещё десяток сантиметров – уже можно вылезать. Отстегнул привязные ремни, встал ногами на лежащий в чашке сидения парашют, и примериваясь протиснуться в образовавшуюся щель, оглянулся по сторонам – благо сдвинутый назад заляпанный маслом бронеколпак давал такую возможность.

И... обмер!

– Чёрт бы вас побрал!

На опушке леса, в полусотне метров от них, под маскировочными сетями, густо сдобренными поверху белыми тряпками, стояли четыре мессершмитта. Они стояли компактно, почти утыкаясь своими хвостами в близлежащие деревья, два из них с уже работающими двигателями, вокруг которых копошился тех.персонал, в количестве около дюжины фашистских рыл. Вернее, копошилось их около половины. А вторая половина смотрела в их сторону, видимо, ожидая продолжения неожиданного спектакля.

Основная масса самолётов, которую атаковали две ударные восьмёрки, была сгруппирована в восточной, более широкой, части поля, но какая-то часть самолётов, видимо, была рассредоточена и хорошо замаскирована и на других

участках довольно большой площадки. Одна из таких, не замеченных ранее с воздуха стоянок и оказалась всего в полу-сотне метров от места их аварийной посадки, где в авральном порядке готовили к взлёту четвёрку уцелевших мессершмиттов. Судорожно пытаюсь протиснуться в зимнем комбезе через образовавшуюся щель, Андрей видел, как к раззявившим рты двум техникам подбежал немецкий пилот, и принялся яростно облаивать их, размахивая пистолетом.

В нескольких сотнях метров от севшего аварийно подбитого Ила, над основной частью немецкого аэродрома, стоял грохот от разрывов боекомплекта горящих юнкерсов, гул от горящих цистерн с авиационным бензином. И над всем этим безобразием, завершая величественную картину погрома, километрах в трёх, едва виднеясь над кромкой леса, быстро уходили на бреющем в сторону востока три потрёпанные эскадрильи штурмовиков. Под аккомпанемент уже бессильно стрекотавших вослед им эрликонов, рассыпающих по небу ворох тусклых огненных шариков, и гулко бахающих зениток калибром покрупнее, оставляющих в небе чёрные кляксы разрывов.

– Ёб вашу мать! – выдравшись из кабины, Андрей скатился на крыло. Скользя по мокрому и грязному крылу, цепляясь за направляющую рельсу бронированной сдвижной части фонаря, поднялся на ноги, и откинул вбок фонарь стрелка. Агнии на месте не было. Ёкнуло сердце, остановилось, но снова бешено застучало, когда, заглянув в тёмное нутро, он

увидел, как там внизу, на дне кабины, завозила и застонала маленькая, сжавшаяся в комочек, фигурка.

– Милая, ну, что ты? Что с тобой? – он, перегнувшись, бережно ухватил её за плечи и потащил вверх.

– Ударилась, да?! Больно? – он растерянно вглядывался в её лицо: глаза были полузакрыты, правая бровь, вся правая щека, ухо и висок были залиты кровью, губы подрагивали. Лётные очки были искорёжены, сбились на сторону. Он бросил быстрый взгляд в сторону стоянки четвёрки немецких истребителей: техники, почти не оглядываясь на их зарывшийся в снег Ил-2, в спокойном деловитом темпе заканчивали предполётную подготовку своих самолётов. Два пилота люфтваффе стояли чуть поотдаль, быстро и нервно курили, и бросали свои взгляды то на копошение русского пилота у своего севшего аварийно самолёта, то на силуэты быстро удалявшихся русских штурмовиков, разгромивших их аэродром.

Девушка опять застонала с закрытыми глазами.

– Очнись же! – он легонько её встряхнул. Как будто включившись, она распахнула глаза и посмотрела ему за плечо.

– Андрюша, сзади....

Он обернулся – совершенно неслышимые на фоне гудящего пламени от горящих бензоцистерн, в их сторону, прыгая и переваливаясь на кочках, мчались два мотоцикла и грузовик. Фонтаны снега и мёрзлой земли взметались из-под их колёс. Немцы явно спешили, чтобы рассчитаться с экипа-

жем так кстати плюхнувшегося к ним на аэродром русского штурмовика.

– Т-твою мать! – Андрей одним рывком выдернул её из кабины, сграбастал в охапку, положил на крыло, толкнул вперёд так, что она соскользнула с передней кромки крыла и тут же, как мешок с картошкой, свалился вслед за ней, с крыла в снег, перемешанный с грязью. Схватил девушку за шиворот и, удивляясь её легкости, одним движением затолкнул её под нависающий над снегом нос самолёта. Под капотом мотора образовалась приличная проталина – из пробитой системы охлаждения через щели бронекорпуса, образуя облако пара, стекали струйки кипятка. Погнутая при посадке лопасть винта металлическим широким веслом маячила прямо перед носом. Выглянул из-за неё – машине оставалось ехать до них каких-нибудь метров 150... Оглянулся назад: в полусотне метров позади них, четверо немцев, вооружённых карабинами (по всему виду, из подразделения охраны аэродрома), увидев копошение выжившего при посадке экипажа русского штурмовика, двинулись было в их сторону. Но гневный окрик офицера, показывавшего рукой на приближающийся грузовик, заставил их вернуться обратно.

– Что будем делать? – на Андрея в упор, обжигая огнём, смотрели её почти круглые глаза. В них не было страха, не было смятения, было только ожидание приказа к действию. Её глаза говорили: «только скажи, ЧТО надо сделать, а уж я сама разберусь, как ЭТО надо сделать. Только скажи!».

В голове вспышкой мелькнул безумный план: «подпустить поближе, перестрелять этих, на машине, и на мотоциклах, а потом...» – он обернулся через плечо, – «а потом... Почему бы и нет? Разве я не смогу взлететь на мессере?!» Рука потянулась к кобуре, вытягивая из неё пистолет. Агния, легко поймав его мыслеобразы, схватила его за руку, уже было вытащившую пистолет, и приблизив свои глаза близко-близко, выдохнула ему в лицо:

– Я поняла!!! Не стреляй – я сама! Главное – не стреляй, слышишь?! Стрелять буду только я! Иначе на всех патронов не хватит.

Она вытащила из кобуры свой ТТ, быстро поднялась с колен, и согнувшись, выглянула из-за кока винта. Первыми подъехали два мотоцикла, в первом сидели двое, во втором – трое немцев. Они слезли с мотоциклов, но видимо, не горели желанием идти впятером брать в плен двоих русских – решили подождать тех, кто ехал на грузовике. Грузовик, не доезжая до самолёта метров тридцати, остановился, и из его кузова стали выпрыгивать немцы (не меньше дюжины) – большинство были вооружены карабинами, кто-то нет. Но все решительно двинулись в их сторону.

Лёжа под бронированным носом Ила, Андрей смотрел в образовавшуюся щель на приближавшихся немцев. Сердце бешено колотилось в груди, горячая волна адреналина хлестала через край. Бросил быстрый взгляд на своего ангела-хранителя: она, припав на колено, осторожно выгляды-

вала из-за носового кока. Её тело напряглось, вытянулось в струну, её всю била мелкая дрожь – это было видно даже через тёплый, меховой комбинезон, поверх которого был надет тяжёлый американский бронежилет.

– Русс, здавайс! Кухон, каша ест! Каша кушать много, кучно, ам-ам! Карашо! Не надо пиф-паф! Здавайс! – подбадривая себя, ещё и явно дурачась, орали немцы, не спеша приближаясь к безмолвному русскому штурмовику. Они были уверены в своём численном превосходстве и не допускали даже мысли о какой-либо попытке сопротивления со стороны русских. Тем более, что русским и бежать-то было некуда – позади них, в полусотне метров, находились восемь техников и четверо пилотов люфтваффе. Плюс четверо солдат из команды охраны аэродрома с карабинами.

Кровь заливала Агнии правый глаз, разбитые при ударе об пулемёт лётные очки сползли на лоб – она быстрым движением смахнула очки, сдёрнула с головы шлемофон, одним движением стёрла им кровь с лица, взяла ТТ обеими руками, и когда до первых немцев осталось полтора десятка метров, решительно шагнула из-за носа самолёта.

– Агния! – Андрей дёрнулся к ней.

Но не успел – широко расставил ноги, подняв пистолет на уровень глаз, и опершись левым локтем на кок винта, она открыла беглую стрельбу по немцам, мгновенно перенося огонь с одной цели на другую. Бах-бах-бах-бах-бах-бах-бах-бах! Три секунды – восемь выстрелов! Восемь немцев,

как подкошенные, один за другим попадали на снег. С такой дистанции было хорошо видно – все попадания были смертельными: немцы или спотыкались, получив пулю в середину груди, или прямое попадание в голову откидывало её назад, а если в шею, то с выбросом красного фонтанчика сзади. Расширенными глазами Андрей смотрел на эту фантазмагорию. Такого он ещё не видел...

Отстрелявшись за три секунды, ловкая и гибкая, как пантера, она быстро прыгнула назад, за бронекорпус.

– Перезаряди! И дай свой! – она бросила ему в руки пистолет с оставшимся в заднем положении затвором. Он молча схватил его, и сунул ей в руку свой ТТ. И тут же вогнал один из двух запасных магазинов в пистолет Агнии. Остался ещё один, плюс горсть патронов в кармане комбеза...

Немцы, те, кто был вооружён, открыли беспорядочную стрельбу – пули защёлкали по бронекорпусу. Одна винтовочная пуля, чиркнув по броне, отрекошетила вниз, пробила Андрею штанину комбеза, сделала аккуратную сквозную дырочку в его бедре, выскочила с другой стороны и с шипением чмокнула в грязь. Андрей задохнулся от боли в ноге. Полсекунды спустя снова часто-часто захлопал ТТ – теперь она, припав на колени, стреляла из-под кока винта, прячась за открывшимся при посадке нижним бронелюком в передней части капота.

Она успела сделать четыре выстрела, завалив ещё четверых, как её отбросило назад: сразу две немецкие пули уда-

рили в верхнюю пластину бронежилета: от страшного удара она упала навзничь, и скривившись от боли, из лежачего положения всадила в немцев оставшиеся четыре пули. Ещё четыре фашиста, осели на землю... Андрей, рыча от боли в бедре, рванулся к ней, с намерением втощить её обратно под прикрытия брони, но она оказалась проворнее: крутнувшись в снегу, мгновенно перекатилась обратно. Молниеносный взгляд на кровавое пятно, расползающееся на его бедре. В глазах – тревога, поддержка:

– Яйца целы?!

– Д... Да!

– Давай сюда!

Андрей сунул заряженный пистолет в требовательно протянутую ему маленькую ладошку ангела. Бах-бах! Оставшиеся в живых два фашиста, не отходившие далеко от своего мотоцикла, попытались на нём уехать, но отъехать успели только на десяток метров: оба получили по пуле в затылок.

Она повернула к нему своё лицо – он мог бы поклясться, что в тот момент её глаза были не карими, они натурально горели огнём:

– Идти сможешь?

Андрей кивнул.

– Сейчас пойдём... – она бросила быстрый взгляд на расползающееся по штанине его комбеза кровавое пятно, на секунду прикрыла глаза, сосредоточилась... и в её руке прямо из воздуха появился какой-то резиновый ремешок розо-

вого цвета. Агния присела рядом с Андреем, сильным толчком руки опрокинула его на спину, схватила его за раненую ногу (он зарычал от боли) и перекинула её себе на коленку. Схватила жгут обеими руками ближе к середине, растянула и ловко, в три оборота с сильным натягом обернула его вокруг верхней части бедра Андрея. Завязала концы жгута двойным узлом.

– Всё, теперь кровью не изойдёшь!

– Эт что? – скосив глаза вниз, просипел Андрей, задыхаясь от боли.

– Жгут. Кровоостанавливающий, жгут Эсмарха.

– Фрицевский, что ли?

– Ну да.

– Откуда? Сотворила, что ли?

– Да.

Она вскочила на ноги, протянула руку:

– Пошли! И дай сюда второй пистолет!

Неожиданно сильным рывком она помогла встать ему на ноги, а Андрей сунул ей в руку второй ТТ.

Агния развернулась и широким шагом, держа в каждой руке по пистолету, решительно двинулась по неглубокому снегу в сторону стоянки мессершмиттов. Там возникла форменная паника – с момента начала операции по «захвату русских в плен» все, кто там был – и техники, и пилоты, и несколько солдат охраны, имели возможность наблюдать весь процесс, так сказать, в подробностях. И когда эта ма-

ленькая русская валькирия за полминуты укокошив из пистолета почти два десятка солдат, вооружённых винтовками и автоматами, двинулась с двумя пистолетами в руках в их сторону, все ломанулись кто куда, пытаясь спрятаться: кто за штабелями ящиков, кто за машинами и прицепами, кто за фюзеляжами самолётов.

Не помогло ничего – быстро идущая к ним русская беспощадная фурия с окровавленной головой, стремительно сократив дистанцию до 20 метров, и подняв на уровень глаз обе руки с пистолетами, снова открыла огонь, на этот раз прямо на ходу, и уже по ним. Вся эта срочная эвакуация и игра в прятки за импровизированными укрытиями почти никому из них не помогла: каким-то невероятным и сверхъестественным образом она безошибочно определяла их местонахождение за укрытиями и методично дырявила бочки, ящики и фюзеляжи мессершмиттов именно в тех местах, где за ними находились фашисты. Маленькие, злые ТТ-шные пули, с лёгкостью прошивали тонкое железо, доски, фанеру и листовой дюраль, находя за ними свою добычу – тела фашистов.

Андрей, стиснув зубы от жгучей, рвущей боли, хромая, и сильно припадая на раненую ногу, поспешал за Агнией, проваливаясь в грязь и отчаянно матерясь. И несмотря на боль, пытался на ходу набить в пустой магазин патроны, горсть которых была у него в кармане. А на его глазах разворачивалась фантастическая картина, такого он даже в кино не ви-

дел: Агния шла широким шагом, и держа обе вытянутые руки, в каждой из которых было по пистолету. Выстрел! Перевос брос ствола на следующую цель – выстрел! Бах! Бах! Бах, бах! И это с обеих рук и по разным целям. Андрей мог поклясться, что она даже не смотрела, куда стреляла – она просто шла вперёд, а руки жили своей жизнью, двигаясь независимо друг от друга, и каждая пуля попадала, куда надо. В первые же секунды она разобралась с теми, кто представлял наибольшую опасность – с солдатами роты охраны, вооружёнными карабинами.

Андрей догнал её, когда она подошла уже почти вплотную к готовым к вылету истребителям, и немного задержалась, достреливая оставшихся. Андрей вбивал последние патроны во второй магазин. Агния выщелкнула два пустых магазина и подняв стволы вверх, развернула оба пистолета рукоятками к Андрею. Мгновенно поймав её мысленный посыл, он тут же воткнул оба магазина, каждый в своё приёмное окно. Щелкнули оба рычага сброса затворной задержки – два затвора вогнали по патрону, каждый в свой ствол.

Глаза в глаза:

– Патроны ещё есть?

– Да, на один магазин должно хватить!

– Набивай! – и она, держа наготове пистолеты в обеих руках, решительно вышагнула из-за высокого штабеля ящиков, за которым они прятались. Андрей припал на колени, и шарил в снегу, пытаясь нащупать упавший туда пустой магазин,

когда опять часто-часто захлопали пистолетные выстрелы.

Четверо немецких лётчиков, которые оказались сообразительнее, чем тех.персонал, успели добежать до открытых щелей, и укрывшись за брустверами, открыли ответный огонь из четырёх пистолетов. Нашарив, наконец-то, в снегу пустой магазин, Андрей стал набивать его патронами, жменька которых ещё сиротливо култыхалась в его кармане. Поднял глаза и обомлел от потрясающей картины: Агния, продолжая всё также прицельно стрелять с обоих стволов, уже не просто шагала, а буквально пританцовывала, стремительно перемещаясь в сторону окопчика, из которого время от времени, то тут, то там, высывались головы немецких пилотов, паливших по ней из четырёх стволов. Энергично двигаясь, она как будто упреждала выстрелы противника, и за долю секунды до того, как со стороны окопчика следовал очередной выстрел, Агния стремительно передвигалась, совершая обманные движения. Она фактически размазывалась в воздухе, настолько быстрыми были её рывки вправо-влево! И при этом прицельно била с обоих стволов!

Расстреляв почти целиком оба магазина, она за 5 секунд ополовинила лётный состав звена: двое пилотов упали на дно окопа с простреленными головами. Оставшиеся двое благоразумно остались сидеть на дне окопа и, сжимая в потных руках свои «Вальтеры», смотрели друг на друга безумными глазами.

– Этот пойдёт? – Агния мотнула головой в сторону бли-

жайшего мессершмитта с работающим на самых малых оборотах двигателем.

– Да какая разница! – Андрей протянул ей набитый остатками патронов магазин, она выщелкнула у одного из ТТ почти пустой магазин, и воткнула в него свежий, последний. Сбросила затворную задержку, затвор встал на место, загнал патрон в ствол. Сунула в кобуру второй, ненужный уже пистолет, и крикнула Андрею:

– Ну чего ты ждёшь?! Залезай!

Стискивая зубы от сильной боли в бедре, и оставляя левой ногой кровавые мазки на борту, он полез в тесную кабину немецкого истребителя. Кое-как залез, обернулся:

– Давай, залазь быстрее!

– Сейчас, – она, держа обеими руками ТТ, готовая мгновенно отреагировать на любое угрожающее движение со стороны окопчика, в котором остались сидеть двое «экспертов» люфтваффе, пятясь задом, подошла к задней кромке крыла истребителя. Развернулась чуть боком, подняла ногу, поставила её на крыло.

– Андрюша, помоги! Держи меня!

– Как держать?

– Нежно!

Андрей, перегнувшись из кабины, ухватил Ангела покрепче за шиворот, и, поднатужась, энергичным рывком поставил её обеими ногами на крыло. Шагая спиной вперёд по крылу, и держа окопчик на прицеле, она тоже залезла в ка-

бину, развернулась, и села к нему на колени, лицом к лицу, глядя через его плечо, цепким взглядом фиксируя каждое движение в зоне хвоста самолёта. Большой, объёмистый бронезилет топорщился на её плечах, значительно увеличивая её габариты. Нижняя бронепластина завернулась вверх, и упёрлась Андрею в подбородок, поднявшиеся плечи бронезилета закрывали ему обзор. Она мгновенно ухватила его мысль, сунула ему в руку ТТ, молниеносно отстегнула удерживающие ремешки и стянув его через голову, бросила мешающий теперь бронезилет на крыло мессера:

– Так лучше?

– Лучше, на! – Андрей сунул ей в руку пистолет, и положил левую руку на ручку газа.

Она схватила пистолет в левую руку, а правой захлопнула фонарь.

Глаза в глаза:

– Тебе удобно?

– Уж как-нибудь.... – обняв её, правой рукой он дотянулся до ручки управления, левой плавно дал газу. Сзади раздались выстрелы – пули дробно застучали по фюзеляжу.

– Сейчас я их заткну! – она приподняла вверх и вбок фонарь, высунула в образовавшуюся 10-сантиметровую щель ствол пистолета и дала серию из трёх выстрелов в сторону хвоста. Самолёт, покачиваясь на кочках, плавно выкатился из-под маскировочной сети.

– Всади всё, что осталось, в мотор того, что слева! – крик-

нул ей Андрей. Она поняла с полуслова, и выпустила пять оставшихся патронов в мотор уплывающего назад мессера на соседней стоянке. Работавший на холостых оборотах мотор соседнего мессершмитта тут же зачихал, и выбросил из под капота густую струю сизого дыма. Сзади снова раздались выстрелы...

Поддав ещё газу, и аккуратно работая педалями, и уже не обращая внимания на щелчки пуль по планеру самолёта, Андрей стал разгоняться.

Плавно двинув ручку газа вперёд почти до упора, и принаравливаясь к новому, норовистому зверю, Андрей начал разбег. Маленький Ангел, даже находясь в зимнем комбезе, не занимал слишком много места в кабине – да, было очень тесно, но самолёт вести было можно.⁷² Чтобы Андрею было удобнее, она положила руки ему на плечи, согнула локти и прижалась к его груди, поджала, как могла, колени. Через несколько секунд, набрав полторы сотни километров в час, самолёт сам оторвался от земли.

В первые же секунды разбега Андрея поразила мощь движка – самолёт, как дикий зверь, утробно рыча, рванулся вперёд с бешеным ускорением. Ускорение с силой вдавило в кресло. «Ни хрена себе машинка!» была первая мысль, кото-

⁷² при всей тесноте кабины Me-109 (он же Vf.109) в неё возможно было поместиться вдвоём. Существует фотография, где ас люфтваффе Эрих Хартманн и его техник Гейнц Мертенс сидят вдвоём, улыбаясь и прижавшись друг к другу, в кабине Мессершмитта. Правда, непонятно: на кой ляд два молодых парня втиснулись в узкую кабину? Чего они там вдвоём делали-то?

рая пришла в голову. И «где подголовник?!» – была вторая. Действительно, голова, отжатая назад мощным ускорением, почему-то не нашла затылком этот самый подголовник, Андрей обернулся – его действительно не было. Странно... там же, прямо за головой должна быть загнутая бронепластина, на ней и подголовник. Он точно это помнил – год назад, в декабре сорок второго, когда он сбил на своём Р-5 «Мессера», и тот плюхнулся на лёд Ладожского озера, Андрей имел возможность внимательно осмотреть его кабину. Там бронезаголовник точно был, и крепился он на открывающейся части фонаря. И здесь он тоже должен быть, да вот же, и крепления для него на переплёте фонаря имеются. Хм... наверное, техники сняли за какой-то надобностью⁷³, да и фиг с ним, нам главное – до своего аэродрома долететь. Подумав так, Андрей выбросил из головы весь мусор, сосредоточившись на полёте.

Когда набрал высоту, и немного убрал обороты мотора, переведя его из взлётного режима на максимальный, ухо уловило едва слышимый посторонний дребезг, явно не относившийся к работе мотора, и доносившийся откуда-то сзади. Обернулся: сзади за креслом была скошенная поверхность, начинавшаяся на уровне его лопаток, и уходящая вверх, к

⁷³ Автору доподлинно не известно, снимался ли на Me-109 бронезаголовник, но это необходимо по сюжету. Но с технической точки зрения такая возможность должна была присутствовать (к примеру, для замены повреждённого в ходе боя бронезаголовника).

верхней точке гаргрота⁷⁴. Посередине этой наклонной поверхности был небольшой люк. Люк был слегка приоткрыт, и мелко дребезжал, чутко ловя вибрацию работающего на максимуме двигателя. Андрей похолодел от внезапно пришедшей ему в голову мысли. Люк-то приоткрыт не просто так, а явно для того, чтобы получить доступ в закабинный отсек, где у мессершмитта (как и у любого другого истребителя) было размещено различное оборудование, чтобы провести в нём какие-то регламентные работы.⁷⁵ А что если там...

Агния, до сих пор никак не реагирующая на его мысли про разгонные характеристики немецкого истребителя и отсутствие бронезаголовника (а она чутко слышала всё, о чём он думал), на этот раз заметно встрепенулась и вопросительно посмотрела на него расширенными глазами:

– Ты думаешь, там кто-то может быть? – она перевела взгляд на лючок за его спиной, потом снова на него, и решительно кивнула:

– А ведь я что-то чувствую, но понять не могу! Сейчас посмотрю!

– Только осторожно, слышишь?! Если там кто-то есть, он может быть вооружён.

⁷⁴ Гаргрот – верхняя часть («спина») фюзеляжа за кабиной пилота.

⁷⁵ Автору, опять же, в точности неизвестно, как фиксировался этот люк, и мог ли он дребезжать, и мог ли в закабинный отсек «Густава» (Bf.109G) протиснуться человек. Одни источники утверждают, что нет, ибо добавившееся оборудование модификации G не позволяло это сделать, с другой стороны, Эрих Хартманн утверждает, что ЭТО было возможно, и на практике делалось неоднократно.

Она ещё раз кивнула, чуть-чуть привстала с его колен, заставив его поморщиться от боли, перегнулась через его левое плечо, и приставив ствол пистолета к самому краю люка, осторожно приоткрыла крышку...

Из глубины приборного отсека на неё в упор уставилась пара совершенно безумных глаз. Через пару секунд она разглядела и самого владельца: в закабинном отсеке, между блоками радиоаппаратуры и кислородными баллонами, сидел, скрючившись в три погибели, техник люфтваффе. Находился он в совершенно невменяемом состоянии, его била крупная дрожь. Из тёмного нутра закабинного отсека заметно тянуло удушливой вонью страха.

Агния сунула ствол в горловину люка:

– Хенде хох!

– Чёрт! – Андрея аж подкинуло, – неужели немец?!

– Он самый, – Агния не мигая, смотрела в глубину отсека, – Вафн хинлэгн!

– Найн, найн, ниht шиссн, ихь бин электрика! – задушливо и гундосо послышалось из отсека.

– Что ты ему сказала?

– Бросай оружие.

– А он чего?

– Нет, говорит, оружия, не стреляйте, я, говорит, электрик.

– Ну, это я и так понял. Вот гад... – Андрей лихорадочно соображал над новой проблемой. С одной стороны плен-

ный немец – ценный язык, спец по электрооборудованию, из него, как из авиационного специалиста, по любому можно много чего вытянуть. Знает он, наверняка, немало.

С другой стороны – он свидетель того погрома, который учинил его ангел-хранитель на немецком аэродроме, а то, что в результате его допроса эти факты всплывут – это 100% (а они всплывут, как пить дать – немчура, что бы свою задницу спасти, выложит всё: что знает, что видел, что слышал, и о чём догадывается, лишь бы от него особист отвязался). Да.... Проблема... От него-то особист может, и отвяжется, а в нас с Агнией клещом вцепится.... Ещё в шпионы запишет. «Где ты так стрелять научилась? Какая разведка тебя завербовала?». За ним не заржавеет.

Память тут же услужливо подсунула воспоминания о событиях почти двухлетней давности, весны 42-го года, когда после тяжелого, изматывающего боя он еле-еле дотянул на израненном «Ишачке» до своего аэродрома. Шасси выпустить он так и не смог – что-то заклинило в лебёдке, пришлось садиться на пузо. Не прошло и двух минут после аварийной посадки, как к нему подскочил замполит. Уж чего только младший лейтенант Чудилин тогда от него не услышал! И то, что он специально угробил боевую технику, чтобы уберечь свою паршивую шкуру, сидя на земле, пока его товарищи, не жалея жизни, сражаются с фашистами, и то, что он трус, который прячется за спины товарищей, и прочее, и прочее...

Минут через пять подтянулся и начальник особого отдела. Этот ругаться и кричать не стал, а глядя на Чудилина белёсыми, рыбьими глазами, спокойно и негромко промолвил: «Ничего, ничего, сейчас техники разберутся с причиной, и если вы, младший лейтенант виноваты, то сегодня же отправим ваше дело в трибунал». Не прошло и получаса, как техники разобрались. Причина поломки лебёдки, конечно же, выяснилась: её действительно заклинил осколок снаряда, сделав выпуск шасси невозможным. Все обвинения с Андрея были тут же сняты, но поганый осадок от того случая в душе остался. И выводы соответствующие он для себя тогда сделал...

Андрей очнулся от нахлынувших воспоминаний.

– Чёрт, может его лучше... того?!

Агния, держа немца на мушке, тут же отреагировала :

– Даже не думай! Привезём его живого.

– Солнце моё, да я понимаю, но он же... – Андрей запнулся, – всё, как было, расскажет. Особисту. Ты же знаешь нашего особиста, Шелестова? Въедливый до мозга костей! Огребём по полной. Ты даже не представляешь себе, как это всё может для нас обернуться! К тому же это – фашист.

– Знаю. Как-нибудь выкрутимся. Убивать его я не буду. Я уже и так их без счёта положила. Хватит.

Андрей сердито засопел, замолчал и сосредоточился на управлении самолётом – боль в бедре, адреналин в крови всё ещё держали организм в напряжении – самолёт летел неровно, его всё время валяло в крыла на крыло, он то и дело то

задирал нос вверх, то пытался клюнуть им к земле. И к тому же Андрей никак не мог привыкнуть к норову нового коня. Тем не менее, пытаясь как можно скорее скрыться из виду, он шёл на бредущем, прижимаясь к верхушкам деревьев. Шасси он так до сих пор и не убрал – он просто не знал, как это сделать на немецком истребителе, да и не того ему было.

– Спокойно, спокойно, – прямо перед его лицом опять были добрые, такие родные, карие глаза. – успокойся! – её голос успокаивал, убаюкивал. В нём теперь не было тех жёстких, железных ноток, которыми он звенел во время недавней схватки с фашистами на аэродроме. Она каким-то образом умудрялась делать сразу два дела: успокаивать его и держать фашиста на прицеле.

Она неловко двинулась, задев своим унтом его раненое бедро, он болезненно поморщился.

– Потерпи, пожалуйста! Прилетим – я тебя полечу. А сейчас убери шасси – иначе нас догонят очень быстро.

– А что, уже догоняют?

Она посмотрела через его плечо в заднюю полусферу: немецкий аэродром, с которого они три минуты назад стартовали, остался далеко позади, но сзади, километрах в шести-семи, появились две маленькие точки.

– Да, уже. Убирай скорее шасси.

Он попытался обернуться, посмотреть на преследователей. Но не смог – боль опять ужалила в ногу.

– Как убрать-то? Это ж немецкий самолёт, – его глаза ли-

хорадочно зашарили по приборной доске.

– Не знаешь, как убираются у него шасси?

– Да откуда? Здесь же всё по-другому! Слушай! – его осенило, – спроси у этого, у фрица этого грёбанного!

Она замялась:

– Э-э... я не знаю, как по-немецки шасси....

– Да руками ему покажи, он же техник, небось сообразит!

– Эй, херр! – она обратилась к немцу – зи мюсн эс висн! – и не выпуская из правой руки пистолета, она в створе люка, так, чтобы ему было видно, изобразила руками убирающиеся стойки шасси. Сопроводив это пантомиму соответствующими звуками: ш-ш-ш-ш-ш-ш! И добавила:

– Цайгн зи!

Немец понял, мелко закивал, что-то сипло буркнул из тёмного нутра отсека, и для верности показал пальцем.

– Слева внизу на приборной доске две кнопки – перевела девушка – красная и синяя. Жми красную – это уборка.

Андрей нажал крупную красную кнопку с надписью «Ein». Она с щелчком утопилась в панель, а находящаяся под ней такая же синяя кнопка с надписью «Auf», наоборот, в противофазе резво отщёлкнулась вверх. Что-то в нутре самолёта пришло в движение и через несколько секунд с заметным хлопком шасси уложились в крыло. Две красных лампочки над кнопками потухли, а вместо них зажглись два зелёные, подтверждая, что шасси легли в свои ниши. Самолёт стал заметно прибавлять в скорости. Стрелка указателя

скорости быстро и уверенно поползла к отметке «400 км/ч».

– Ты где так по-немецки шпрехать научилась, радость моя?

– Так в гимназии у нас немецкий преподавали. У меня пятёрка была. Вот только слова шасси в немецком языке тогда не было, – рассмеялась она. Посмотрела направо:

– Ой, смотри-смотри! Это же наши летят! Мы их уже обогнали!

Андрей повернул голову: и правда – на параллельном курсе, правда, километрах в трёх от них, летели три группы штурмовиков под прикрытием истребителей. Сверху и сзади их строя вились несколько пар мессеров, преследующих группу, как стая волков. Особой активности они не проявляли, видать, ждали подкрепления, чтобы навалиться всей массой. Время от времени какая-либо пара пыталась прорваться к строю штурмовиков, но резкие, злые броски в их сторону Яков прикрытия раз за разом вынуждали их отваливать в сторону, не солоно хлебавши.

– Как там сзади? Гонят нас?

– Да, гонят. Одна пара.

– Дистанция?

– Километра три... уже...

Он бросил взгляд на указатель скорости: стрелка медленно подползала к цифре «500 км/ч».

– Чёрт, что за хрень? Вроде газ на максимуме, шасси убрал, а всё равно догоняют... – он обернулся. – А может?

Нет, не пойдёт!

Ангел сидящий у него на коленях, поймал его мысль:

– Андрюш, а может, и вправду – развернуться и к нашим под защиту пристроиться, а? Ведь догонят же! Эти, которые сзади!

– Догонят, как пить дать догонят! Да только к нашим уже не прорваться – начнём разворачиваться, эти, – он махнул головой назад, – по малому радиусу срежут. Да и прорвались бы, и что с того? От своих же и огребём по самое не балуйся – все вместе так врежут, что костей не соберём, мы же на мессере, забыла?

– И правда... они же не знают... – она замолчала, напряжённо вглядываясь в преследующую их пару немцев, – слушай, а может они, эти, которые нас догоняют, на штурмовиков отвлекутся?

– Ага, держи карман шире! Отвлекутся! Они что – идиоты? Там два десятка пулемётов тебе в рыло стрекочут, да плюс к тому ещё и Яки, злые как собаки, – Андрей нашёл в себе силы скаламбурить.

– А те, что наших атакуют? Они, по-твоему, идиоты?

– У этих приказ, вот и атакуют. Да и не атакуют, а так, дурака больше валяют – жить-то хочется!

– А эти, значит, отомстить лично нам хотят?

– Так и есть – показательную порку устроить нам хотят, чтоб неповадно было! – он крутнул головой по сторонам : до аэродрома оставалось уже не более 10 километров, – да вот

только ошибочка у них вышла.

– Какая?

– А такая, – они-то думают, что в кабине лётчик-штурмовик сидит. Ничего такого они от нас не ждут. А я-то раньше истребителем был, на «Ишаке» воевал! – он опять обернулся, оценивая оставшуюся дистанцию – сейчас мы с вами, господа эксперты, в переводного дурака сыграем... щас мы вам козью рожу покажем.

– Андрюша, а ты сможешь? У тебя же нога ранена! И на тебе ещё и я сижу! Тебя как придавит перегрузками-то, а?

– Вот и держись крепче. Дистанция?

– Два километра или чуть больше.

Андрей откинул предохранительный колпачок с гашетки и дал короткую очередь, чтобы проверить оружие. Грохотнуло, трягнуло самолёт, вспышки окутали нос, вперёд ушёл десяток дымно-трассирующих трасс.

Превозмогая боль в бедре, обернулся: два преследующих их мессера шли, дымя форсированным выхлопом. Выждал еще секунд пять.

– Ну, теперь держись! – и он потянул ручку на себя...

Глава 35. Бой над аэродромом.

Инженер полка шёл вдоль пустых стоянок размашистым шагом, сбоку от него семенила Александра, едва поспевая за ним:

– Сергей Никанорыч! Мне нужен комплект свечей, а кладовщик не даёт! Распорядитесь, пожалуйста!

– Вы их с Чудилиным жрёте, что ли? Согласно регламенту свечи подлежат замене через 15...20 часов наработки. А ты их чуть ли не после каждого полёта меняешь! Так весь полк без запчастей оставите!

– Движок же не тянет! Командир жалуется! Я и меняю...

– Двигатель надо эксплуатировать в нормальном режиме! Тогда и ресурс свой он будет нормально вырабатывать, и свечи в таком количестве не понадобятся!

У Шурки задрожал голос:

– ТовАрищ инженер! Да как же двигатель в нормальном режиме эксплуатировать-то? Если чуть ли не в каждом вылете им с истребителями драться приходится? И, между прочим, – добавила она, повышая голос, – мой экипаж в один день двух фрицев завалил в воздушном бою! – Она стала загибать на правой руке маленькие чумазые пальцы: – одного командир в лобовой атаке, а второго стрелок! А она, к тому же, девушка! Вот! – и тут же укоризненно: – А вам свечей жалко.... Ну, Сергей Никано-о-орыч! Ну о-о-очень надо!–

занудила она.

– Ладно, иди! Скажи, что я распорядился!

На аэродроме ждали возвращения ударной группы. Пожилой техник командира эскадрильи Алексей Макарыч сидел, и в который уже раз протирал тряпкой какую-то железяку. Рядом сидела Александра, и обхватив руками колени, смотрела в землю. В кармане её замусоленного ватника лежал, завёрнутый в чистую тряпочку, комплект новеньких свечей.

– Знаешь, девонька, что самое трудное в нашей работе – обернулся к ней Макарыч, и посмотрел на небо.

– Копаться при минус 30 в моторе? – вскинулась Шурка.

– Тьфу-ты! – сплюнул Макарыч. – Дура! Самое трудное в нашей работе ждать....

– Летят! Летят! Закричал кто-то из самых глазастых. И вправду – далеко на горизонте появились несколько маленьких точек, постепенно они росли, увеличивались в количестве. В них уже стали угадываться характерные силуэты Илов. Техники стали считать: пять...восемь....двенадцать... двадцать! Двух не хватает! Шурка тревожно посмотрела на Макарыча:

– Дядя Лёша! Не все...

– Да сиди ты! – он махнул на неё промасленной тряпкой, и в свою очередь тоже стал с нарастающей тревогой всматриваться в растущие силуэты возвращавшихся штурмовиков.

Илы приближались – их действительно было на два меньше, чем вылетали. Шурка закусила губу и судорожно вздох-

нула.

– Летят! Летят! Ещё летят! – опять кто-то заорал, указывая куда-то в сторону от основной группы штурмовиков, приближающихся к аэродрому. И действительно, уже и все остальные увидели быстро приближающийся самолёт. Через несколько секунд все увидели, что за ним тем же курсом летят ещё двое, явно преследуя первого. Ещё через несколько секунд все опознали в первом самолёте характерный худой силуэт мессера. Но вот казус – те, что его гнали, тоже были мессершмиттами. Закрутился маховик воздушной тревоги: с КП тут же передали на находившиеся на подходе возвращавшиеся самолёты, что над аэродромом истребители противника, за считанные секунды изготовились к стрельбе расчёты зенитных батарей, прикрывавших аэродром, аэродромный люд – техники, вооруженцы, мотористы разбежались по щелям.

И тут на глазах у всех тот, первый мессер, которого преследовали, вдруг заложил широкую, размашистую полупетлю назад, разворачиваясь в лоб своим преследователям. Преследователи тут же синхронно задрали носы и пошли вверх – ничего другого делать им уже не оставалось. Развернувшись носом к преследователям, и перевалившись через верхнюю точку полупетли, преследуемый мессер, из дичи превратившийся в охотника, быстро перевернувшись через левое крыло, и сократив дистанцию метров до пятиста, от души врезал в лоб ведущему пары.

До того, как превратиться в огненный факел, ведущий всё же успел дать очередь, да, видать, неудачно – атакующий с полупетли мессер, проскочив сквозь сноп огненно-дымных трасс, тут же снова полез в набор высоты, пытаясь достать проскочившего мимо него и ушедшего свечой вверх ведомого пары. И достал таки! Заметно теряя скорость, он прочертил в небе вторую, гораздо более крутую полупетлю в сторону стремительно удалявшегося противника, и прямо из перевёрнутого положения, не тратя драгоценные секунды на переворот через крыло, вмазал ему вдогон длинную очередь, стеганув ею, как плетью, быстро удалявшегося от него немца. Карабкавший в вышину мессер ведомого пары как будто обо что-то споткнулся, замер – видно было, что у него враз обрезало движок, постоял на хвосте какую-то долю секунды, а потом как-то неловко кувырнулся, и наращивая скорость, устремился к земле.

Все, кто был на земле, и наблюдал эту скоротечную схватку, разом выдохнули. Первый сбитый на лобовой атаке мессер огненным болидом ушёл за кромку леса, и через несколько секунд оттуда донёсся звук взрыва. Второй, как-то неуверенно переваливаясь с крыла на крыло (видно было, что пилот, по всей видимости, раненый, пытается взять машину под свой контроль), сделал кривой заход на посадку, зачем-то выпустил шасси... На посадке дал здоровенного «козла», накренился на одно крыло, зацепил им землю, и задрал хвост, скапотировал на дальнем конце поля.

А сбивший своих преследователей мессершмитт, сбросив газ до минимума, по крутой нисходящей спирали пошёл на посадку. Выпустив шасси, но не выпуская закрылки, он на повышенной скорости, немного скозлив, всё же притёрся к полосе и успешно сел. Не выключая двигателя, съехал с полосы и подрулил к стоянкам. Лётчик заглушил двигатель, откинул вбок фонарь....

Глава 36. Не бойся, я с тобой!

Толпа побежала к севшему мессеру: кто с пистолетом, кто с гаечным ключом, а кто и просто с кулаками. Но быстрее всех на месте оказался виллис командира полка, в котором сидел особист капитан Шелестов с ППШ в руках и ещё один автоматчик в качестве поддержки – как только стало ясно, что мессершмитт идёт на посадку, он, находясь в тот момент на КП, бросился в виллису и со всем рвением приступил к выполнению своих служебных обязанностей. Ещё бы – такая возможность – первым захватить в плен гитлеровского выкормыша, лётчика-перебежчика..

Откинулся фонарь, и пилот вылез на крыло, но почему-то задом наперёд – лицом к хвосту.

– Хенде хох!

Агния обернулась – на неё в упор смотрели рыла двух автоматов.

– Ты...ты... Чудилина, ты как здесь оказалась? – капитан едва признал Агнию: половина лица её была измазана кровью, всклокоченные, слипшиеся от крови же волосы, вся по уши в грязи.

– Товарищ капитан, помогите – Андрей ранен!

– Да ладно, я сам, – просипел Андрей, пытаясь выпростаться из узкой кабины мессершмитта.

– Ерошенко! – капитан повёл стволом опущенного было

ППШ в сторону кабины мессера. Автоматчик резво вскочил на крыло самолёта и стал помогать девушке вытащить Андрея из кабины. Подбежали остальные, самые быстроногие. Андрею помогли вылезти, встать на крыло. Много рук потянулись к нему – сняли с крыла и весело галдя, поставили на землю.

– Ну, ты молоток, лейтенант! – улыбался капитан Шелестов, – выходит, ты мессер у фрицев угнал?

– Так точно, товарищ капитан. Только не я, а мы, – он легонько хлопнул девушку по спине.

– Жалко, что истребитель вы угнали, а не бомбардировщик!

– Что было, то и угнали, – улыбнулся Андрей, – а зачем вам бомбардировщик?

– Да мне то он ни к чему, – рассмеялся капитан (он был явно в хорошем настроении) а вот парочку фрицев могли бы и прихватить с собой – в бомбёре места много!

Все, кто был вокруг, радостно заржали.

– Так привезли же одного, – улыбнулся Андрей, – вон там, – он махнул снятым шлемом в сторону кабины, – вон там сидит. Обосрамшись. За кабиной.

– Это в каком смысле? – сразу посерьёзnel Шелестов.

– В прямом, – встряла в разговор Агния, – там вот, в отсеке, за спинкой сиденья сидит ваш немец. Забирайте.

Шелестов среагировал мгновенно:

– Ерошенко! А ну-ка!

Солдат снова вскочил на крыло, и сунул рыло ППШ в тёмный проём люка. Добровольные помощники полезли ему помогать.

– Ой, бля! Точно обосрался! Пареной репой тянет, не продохнуть! – заглянувшие в люк разом отшатнулись назад. – А ну, вылазь, гнида! Шнеля, шнеля!

Капитан, наблюдая снизу за тем, как из нутра фюзеляжа выковыривали немца, обернулся к Андрею, сощурил глаза:

– Слушай, лейтенант, а как он там оказался?

– Техник, – пояснил Андрей, – он, похоже, в оборудовании копался. Мы взлетели, а он там.... В полёте и обнаружили.

Матеря в душе особиста, умыкнувшего без спроса у него из-под носа виллис, командир полка быстрым шагом приблизился к толпе, окружившей трофей.

Слабея от потери крови, и чувствуя нарастающую боль в ноге, Андрей нашёл в себе силы для доклада. Повернулся к командиру полка, вскинул руку к виску:

– Разрешите доложить!

– Докладывайте.

– При выполнении задания были сбиты, плюхнулись. Недалеко была стоянка истребителей. Пришлось нам угнать мессер, – он посмотрел на стоящую рядом девушку, – Фрицы нас пытались догнать, да не вышло....

– Везучий чёрт! – ком.полка обнял Андрея, – не вышло! Скромняга! Обоих же завалил! У всех на глазах! Вот что

значит истребитель! Сегодня же оформим представление к награде!

– На Агнию оформляйте – если б не она, мы бы оттуда не вырвались. . . . – Андрей чувствовал, что слабеет всё сильнее и сильнее: стало темнеть в глазах, звуки стали куда-то уходить, он слышал всё, как сквозь вату. Агния, чувствуя его состояние, держала его за руку, не давая провалиться в небытие. Наконец-то сквозь толпу прорвались двое солдатиков с носилками и медсестра Лиза. Андрей упал на носилки и. . . . поплыл, как на плоту. Всё вокруг качалось и крутилось. Агния быстро шагала рядом, держа его за запястье.

Вся запыхавшаяся, ракетой подлетела Шурка:

– Това-ри-щ-коман-дир! – еле выговорила, задыхаясь от бега. Переводила безумные зарёванные глаза с Агнии на Андрея и обратно.

– Шурка, принимай аппарат – махнул не глядя. . . . – плывя на носилках, Андрей нашёл в себе силы пошутить.

– А я-то для нашей «семёрки» свечи вы-ы-била. . . . – улыбаясь сквозь слёзы, шутила она в ответ.

– А семёрка-то: тю-тю. . . . – сказал Андрей, борясь с тошнотой.

А тем временем несколько человек вытащили раненого фрица из второго, аварийно севшего и скапотировавшего на посадке мессершмитта. На его задранный в небо хвост накинули трос, и поставив его в нормальное положение, оттолкали его на край лётного поля. И только после этого два десятка

вернувшихся Илов стали по очереди заходить на посадку...

Носилки, на которых лежал Андрей, бережно положили в кузов машины. Туда же, помимо двух солдатиков, и медсестры Лизы, запрыгнули и Шурка с Агнией. Тошнота подкатывала волнами, шумело в ушах, кружилась голова, крутилось и качалось всё вокруг, нестерпимо хотелось закрыть глаза, и плыть, плыть, по этим волнам. Где-то в голове свербила занозой страшная, пугающая мысль: «Который раз она меня спасла? Шестой? Седьмой? Восьмой? Не помню... Она говорила про то, что она должна спасти меня 8 раз, а потом... А если это был восьмой раз?! Агния, моя Агнюша исчезнет! Я закрою глаза, потеряю сознание, а когда открою, её не будет рядом со мной?! Нет! Нет!! Нет!!!»

Андрей крепко стиснул её ладонь, и борясь с тошнотой и слабостью, смотрел и смотрел в её глаза, боясь отвести их в сторону. Она, почувствовав смятение его мыслей, ужас и страх, наклонилась к нему, нежно поцеловала его в покрытый испариной лоб и сказала тихо-тихо, так, чтобы её никто, кроме него не услышал:

– Не бойся, я с тобой. Это не восьмой раз, ещё повоюем.

Андрей с облегчением закрыл глаза, и с улыбкой на устах провалился в небытие...

Конец первой части.